

825574

П. А. КОЛЕСНИКОВ

Северная
деревня
в XV —
первой половине
XIX века

ВОЛОГДА · 1976

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

П. А. КОЛЕСНИКОВ

Северная деревня в XV— первой половине XIX века

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. П. В. Вабушкина

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1976

В монографии исследована история северной деревни, производственная деятельность крестьянства Европейского Севера России с XV в. до отмены крепостного права. Автор обрисовал процессы заселения и земледельческого освоения края, земельную обеспеченность, развитие агрокультуры и уровня земледельческого производства, имущественное и социальное положение различных категорий государственных, а также дворцово-удельных и помещичьих крестьян, их вклад в заселение и освоение Урала и Сибири. Анализ общностей и особенностей аграрных отношений позволил выявить время, условия и обстоятельства зарождения и развития в недрах феодализма тех их компонентов, которые, по выражению В. И. Ленина, составили «истинно-русскую» сущность «аграрного вопроса» в России капиталистического периода. В приложении впервые публикуются результаты камеральных описаний северных губерний, поездные итоги ревизского учета, материалы об урожайности и другие документы.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал.
И выходишь нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.

А. Романов

Северная Русь! Русское Поморье! Русский Север! Европейский Север России!.. Так в разные времена назывались огромные территории нашей страны, простиравшиеся от границ с Финляндией до Уральских гор, от Вологды до берегов Ледовитого океана. Обширная земля, по площади равная десятку европейских государств, много веков играла большую роль в истории России.

Русские, коми, карелы, ненцы и другие народы в трудных условиях не только освоили этот край лесов и болот, озер и рек, но также активно содействовали заселению и освоению Урала и Сибири, оказав свое влияние на историческое развитие восточных областей государства — от Печоры до Тихого океана.

Однако слава и величие Европейского Севера не только в прошлом, трудно переоценить его значение в настоящем и будущем. Октябрьская социалистическая революция открыла новые, невиданные возможности этого края Советской России. В планах советского строительства и их осуществлении — залог нового подъема экономики и культуры Европейского Севера.

Предлагаемая читателю книга посвящена истории северной деревни, северного крестьянства на протяжении многих столетий, предшествовавших отмене крепостного права в России. Методологической основой исследования явились ленинские положения, относящиеся к аграрной истории России.

К числу проблем, важность которых неоднократно подчеркивалась В. И. Лениным, относится вопрос об условиях и обстоятельствах зарождения и развития в недрах феодализма тех компонентов аграрных отношений, которые составили «истинно русскую» сущность «аграрного вопроса».

В. И. Ленин считал, что аграрный вопрос как социальная проблема в России возник задолго до реформы. Он писал: «На Западе *такой* «вопрос» существовал во время оно повсеместно, но он давно уже там решен. В России с его решением запоздали, аграрная «реформа» 61-го года не решила его, столыпинская аграрная политика *не может* при данных условиях решить его»¹.

¹ В. И. Ленин. Сущность «аграрного вопроса в России». — Полн. собр. соч., т. 21, стр. 307.

Руководствуясь разработанной В. И. Лениным методологией и методикой исследования, советские историки внесли большой вклад в изучение своеобразия аграрных отношений пореформенного времени, в годы трех русских революций, а также в период становления новых аграрных отношений в первые годы Советской власти².

Принцип историзма требует от нас не только осмысления четко определившихся после 1861 г. исторических предпосылок аграрного переворота, осуществленного Октябрем, но и глубокого изучения объективных закономерностей аграрных отношений до реформы. Аграрной истории феодальной России посвящены обстоятельные монографии, статьи, публикации источников. Однако степень изученности многих вопросов этой проблемы все еще диктует необходимость новых исследований и усовершенствования их методики³.

Настоятельно необходимы комплексные исследования, имеющие широкие хронологические рамки. Такие исследования более всего будут способствовать выяснению ряда спорных вопросов, связанных с переходом России от феодальной формации к капиталистической. Проводимые дискуссии о генезисе капитализма в России с полной очевидностью показали, сколь нужны новые работы, основанные на фактическом материале истории различных районов России. И вполне закономерно, что в исторической литературе давно определилась точка зрения необходимости более пристального внимания к порайонному изучению прошлого, в том числе к истории Русского Севера, социально-экономические процессы развития которого активно взаимодействовали с аналогичными процессами в центре и в других районах страны, а аграрная история имела свои яркие региональные особенности. Однако до сих пор многовековая история крестьянства Европейского Севера периода феодализма, заключающая в себе многие черты общего и особенного, не была предметом специального монографического исследования, равно как мало изучен и вопрос о времени, условиях и обстоятельствах зарождения и развития в недрах феодализма тех сторон аграрных отношений, которые столь ярко проявляли себя в

---

² П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966; кн. 2. Аграрные преобразования. М., 1966; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1967. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1967; В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970 и др.

³ Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. — История СССР. М., 1962; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 4, М., 1966; Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. 1, Л., 1967; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, стр. 3—4; А. Л. Шапиро. Библиография истории СССР, М., 1968.

«истинно-русской» сущности аграрного вопроса при капитализме.

Исследователя привлекают и особенности жизни населения Европейского Севера, где преобладало черносошное крестьянство и господствовали отношения «государственного феодализма». В. И. Ленин, раскрывая сущность аграрного вопроса в России, имел в виду прежде всего центральные и другие районы с господствующим там помещичьим землевладением. Однако необходимо напомнить и то, что В. И. Ленин признавал наличие в крепостной ее структуре «государственного феодализма», то есть системы феодальных отношений, сложившейся на землях, занятых государственными крестьянами. Эта категория крестьянства в XVIII — первой половине XIX в. составляла около 40% от числа всех крестьян России, а в северных губерниях — от 60 до 99%. Безусловно, что и в этих районах страны шла острая классовая борьба, возникали и получали дальнейшее развитие такие отношения, которые не могли не воздействовать на весь аграрный строй пореформенной России.

Начальной гранью исследования определен конец XV столетия — время вхождения всей изучаемой территории в состав формировавшегося Российского государства, конечной — реформа 1861 г., когда уже четко определились особенности аграрного вопроса последующего времени — периода капитализма. Ряд проблем освещается в более ранний период, некоторые аспекты истории северной деревни прослеживаются до конца XIX в.

В поле зрения автора находились, прежде всего, малоизученные проблемы, а также впервые рассматриваемые в специальной литературе вопросы. Круг изучаемых аспектов достаточно широк и разнообразен, и, тем не менее, предлагаемая читателю книга имеет очерковый характер, из чего вытекает, что она не претендует на завершенность исследования всего комплекса истории северной деревни.

Многие социальные аспекты аграрной истории лишь частично рассматриваются или остаются за рамками данной книги, как требующие дополнительных исследований, к тому же усилиями многих историков (этапы и формы классовой борьбы, крестьянская община, генезис буржуазных отношений, складывание и развитие системы «государственного феодализма» и другие).

Автор приносит сердечную благодарность рецензентам монографии Е. И. Индовой, А. И. Комиссаренко и А. И. Копаневу, а также за помощь и полезные советы Я. Е. Водарскому, С. М. Троицкому, А. Г. Манькову, Ф. И. Резникову, К. Н. Сербинной, М. Ф. Сычеву.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

1. К вопросу о северной региональной историографии

Л. И. Брежнев в докладе о пятидесятилетии СССР отметил особую историческую роль Российской Федерации в строительстве социализма, указал на значение освоения таких ее регионов, как Сибирь, Дальний Восток и Север¹. Из этого вытекает, что изучение исторической роли РСФСР, всех ее историко-экономических районов, включающих как автономные республики, так и области и края, является важной научной задачей.

Известно, что В. И. Ленин в своих трудах по истории России дал блестящие образцы как обобщающего исследования кардинальных проблем на основе всероссийских материалов, так и в порайонном разрезе, с учетом специфики регионов, их исторических, экономических и иных особенностей (порайонное изучение разложения крестьянства, специализации сельского хозяйства и т. д.). Причем на нынешней территории РСФСР В. И. Ленин выделил несколько районов, находившихся «в совершенно отличных условиях», и неукоснительно проводил свои исследования с учетом этого важного обстоятельства².

Изучение истории отдельных советских республик, развитие в них исторической науки достигло больших успехов, однако этого еще нельзя сказать о крупных регионах РСФСР, в прошлом и сейчас играющих огромную роль в социально-экономической жизни страны. Развитие исторических знаний, определяемое потребностями все более глубокого и вместе с тем разностороннего изучения прошлого, привело к выделению сибиреведения — исследования истории Сибири, историографические традиции которого восходят к летописным повестям XVII в., к трудам многих дореволюционных историков Сибири³. В наши дни сибиреведение достигло значительных результатов. Написа-

---

¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском дворце съездов 21 декабря 1972 г. М., 1973, стр. 35—36.

² В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 61—180, 247—327 и др.

³ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972, стр. 6.

ны специальные монографии по историографии Сибири. Итоги этого изучения подведены в коллективном труде «История Сибири», удостоенном Государственной премии СССР за 1973 год⁴.

Сибиреведение — наиболее ярко выраженное доказательство важной роли регионального изучения истории. Необходимо целенаправленное и планомерное изучение истории и других районов РСФСР, а следовательно, составить соответствующие историографические обобщения. Не случайно, что в 1950—70-х гг. по инициативе научной общественности в Российской Федерации стали создаваться региональные проблемные объединения и координирующие научные центры. Примечательно, что именно такие организации, работающие на общественных началах, сумели привлечь к комплексному изучению истории краев более широкие круги исследователей—историков, экономистов и инженеров, работников архивов и краеведов, преподавателей вузов, техникумов и учителей школ.

Изучение истории и создание историографии Европейского Севера РСФСР представляет не только историко-познавательный, но и практический интерес.

Проследим кратко, как шло накопление исторических знаний, как оформлялась и развивалась здесь историческая наука.

Первыми произведениями, содержащими фрагментарные исторические сведения о крае, были общерусские и особенно северные летописи XV—XVIII вв. (Вологодско-Пермская, Холмогорская, Коми-Вымская летописи, Устюжский летописный свод, «Вятский временник» и вятский «Летописец старых лет» и др.)⁵. В северных летописях дается начертание преимущественно политической истории. Для северного летописания, как и для общерусского, характерен провиденциализм, когда все исторические события объясняются результатом вмешательства небесных сил в жизнь людей, а ход истории предопределяется божественной волей, провидением.

В местном летописании значительно чаще, чем в общерусском, встречаются сведения о жизни народов Севера, о торгово-промышленной деятельности, о торговых контактах с Западной Европой.

Фрагментарные данные о Севере Ричарда Чанслера, Антония Дженкинсона, Стефана Берроу и других англичан, побывавших в России XVI в., расширяются в записках шведского резидента Родеса, голландского художника Корнилия де Бруина и многих

---

⁴ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963; *Его же*. Историография Сибири (1-я пол. XIX в.). Кемерово, 1965; *Его же*. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; История Сибири, т. 2, Л., 1968.

⁵ Полное собрание русских летописей, т. 26, М.—Л., 1959; Устюжский летописный свод, М., 1950; А. А. Титов. Летопись Двинская, М., 1889; *Его же*. Летопись Великоустюжская, М., 1889; Летопись Коми-Вымская. — В сб.: Документы по истории Коми. Сыктывкар, 1958. Тексты Вятских летописей см.: «Труды Вятской ученой архивной комиссии». Вятка, 1905.

других иноземцев, посещавших нашу страну в XVII—XVIII вв.⁶ Все они в той или иной мере отмечают щедрые природные богатства Европейского Севера, трудолюбие крестьян и ремесленников и заманчивые условия набить здесь капиталы.

На реальные и потенциальные возможности развития производительных сил на Севере указывали, конечно, не только иноземцы, но прежде всего отечественные современники. В конце XVII — начале XVIII в. правительство Петра I проявляет особый интерес к Северу как к близкому от новой столицы району месторождений железных руд, нефти, каменного угля, слюды, мрамора, а также солеваренных и других промыслов, району крупных резервов рабочей силы. Позже Российской Академией наук предпринимается попытка дать комплексное описание истории, природы, хозяйства и населения страны, в том числе и Севера⁷.

История края и перспективы его развития изучались великим Ломоносовым. В его работе «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» дается экскурс по истории освоения северных морей. Вместе с этим М. В. Ломоносов рисует широкую картину движения промышленников из Поморья за Урал после похода Ермака. Изображает перспективы экономического подъема Севера России и Сибири после освоения Северного морского пути⁸. Много внимания он уделял характеристике природных богатств этого великого края, высказав прозорливое, сейчас оправдавшееся предположение, что берега Белого моря «должны быть не скудны минералами».

На формирование северной историографической традиции оказывали влияние как экономические, так и социально-политические факторы. Здесь весьма отчетливо начинают проявляться острые классовые и сословные антагонизмы уже в XVI в., в ходе земской реформы Ивана IV и после нее, особенно в XVII—XVIII вв., когда Россия вступила в «новый период» своей истории.

⁶ См. Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915; *Его же*. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915; Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905; Путешествие Корнилия де Бруина через Московию (при Петре Великом). Перевод с фр. Н. П. Барсова. — «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских», 1872, № 1—4; 1873, № 1; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925; *Балгазар Койег*. Посольство Кунрада фон Кленки к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Перевод с англ. Ю. В. Готье. Л., 1938, и др. В 1968 г. АН СССР изданы «Записки о русском посольстве в Китае» Избрата Идеса и Адама Брандта — членов русского посольства в Китае в 1692—1695 гг.

⁷ Путешествие академика И. И. Лепехина в 1772 г. Дневные записки, т. 3, СПб., 1805; А. П. Рычков. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. СПб., 1772.

⁸ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 420—498.

Талантливый земляк М. В. Ломоносова архангелогородец Василий Васильевич Крестинин (1729—1795) занялся историей края для того, чтобы в борьбе с привилегированной верхушкой Архангельска обосновать права демократических элементов посада. Затем круг его исторических интересов все больше расширялся. Он стал не только автором многих монографий по истории Двинской земли, но и организатором в 1759 г. первого в России (третьего в мире) исторического общества. С именем Василия Крестинина связаны первые шаги в научном изучении Севера, выявлением и публикацией подлинных источников. Так, для написания книг «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» и «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере» он привлек посадские и частные архивы, ввел в научный оборот данные северных писцовых и переписных книг, материалы ревизий, окладных книг, мирских приговоров, посадских челобитных, различные частные акты. Хотя Крестинин и не ставил специальной цели изучить историю крестьянства, но судьба отдельных категорий северных крестьян не прошла мимо его внимания. В приложении к «Историческим начаткам двинского народа...» есть рассуждения «О древнем праве половников в областях российских», в которых он становится на сторону полузависимых крестьян-половников, борющихся против богатых землевладельцев. Особенно автора интересовали судьбы северной торгово-промышленной деревни, интенсионных крестьян приуральских заводов. С горечью писал он о темноте и забитости ненцев-оленеводов⁹.

У В. В. Крестинина было много последователей, чья деятельность по изучению истории края заслуживает глубокого уважения. Среди них прежде всего имя кропотливого собирателя поморских и сибирских древностей, автора первых работ по истории Важской земли М. Н. Мясникова (1761—1831). Он собрал богатейшую коллекцию, в которой были списки северных летописей, сотницы и выписи из писцовых и переписных книг,

⁹ В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784; *Его же*. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785; *Его же*. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790; *Его же*. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792; *Его же*. Краткое географическое известие о земле самоедской и о состоянии самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве.— «Новые ежемесячные сочинения», ч. 2, 1786; *Его же*. Исторические примечания о коммерческом кредите внешней торговли по делам прошедшего века российских купцов вообще и по действиям нынешнего столетия архангелогородских купцов особливо.— «Новые ежемесячные сочинения». LXXVI, 1792; *Его же*. Исторический опыт о внешней торговле государя-императора Петра Великого, 1693—1712.— «Месяцесловы, издаваемые Академией наук», I—III, 1795. Кроме этого, в архиве ЛОИИ (собрание Воронцова) хранится несколько его рукописей. См. также: У. М. Полякова. В. В. Крестинин и общественная борьба в Архангельском посаде в 60—90-х гг. XVIII в.— «История СССР». 1958, № 2, стр. 78—102.

царские, патриаршие, митрополичьи и прочие грамоты и различные акты XVI—XVIII вв. Публикацией в 1827 г. работы «Нечто о пятинах новгородских и в особенности о старине, известной издревле под именем Ваги», была начата реализация задуманного большого исследования по истории края от времен славянского поселения до конца XVIII в. Не все задуманное было осуществлено, а архив М. Н. Мясникова после его смерти постигла печальная участь. Богатейшая коллекция долго находилась без присмотра, затем по частям была приобретена разными организациями и лицами, но значительная часть собрания затерялась, до сих пор не найдена¹⁰.

Во второй половине XVIII столетия в трудах Вольного экономического общества начали печататься материалы о земледелии в северных губерниях. Первым корреспондентом на эти темы был вологодский помещик Алексей Васильевич Олешев. Рассматривая все вопросы с позиций помещика-крепостника, он пытался в условиях Севера найти способы повышения рентабельности помещичьего хозяйства путем применения новых сельскохозяйственных машин, удобрений, новых пород скота и путем применения более передовой агротехники. Особый интерес представляет его статья «Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде». В 1773 г. были напечатаны «Ответы Алексея Засецкого на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде». В 1790 г. Вольное экономическое общество напечатало статью современника В. В. Крестинина — архангельца А. Фомина «Описание изобретенного поселянами Архангельской губ. уважения торфом, называемым тундрю»¹¹.

В связи с созывом Уложенной комиссии, Екатерина II написала собрать указы от различных категорий населения. Были представлены сотни наказов государственных черносошных и приписных к заводам крестьян Архангельской, Вологодской, Устюжской, Олонецкой, Вятской и других северных провинций того времени. Эти указы, составлявшиеся на местах, отражали как юридически правовое положение крестьян, так и состояние земледелия, ремесел и торговли северной деревни. Этим наказам дворянско-буржуазная историография фактически не уделяла должного внимания. Историк С. М. Соловьев и другие

---

¹⁰ М. Н. Мясников. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о старине, известной издревле под именем Ваги. — «Северный архив, журнал древностей и повестей по части истории, статистики, правоведения и нравов». СПб., 1827, ч. 27; № IX, стр. 3—34; № X, стр. 89—120; № XI, стр. 189—209; № XII, стр. 273—289 и др. работы. См. также Ю. С. Васильев. Важские писцовые книги и сотни XVI—XVII вв. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 537—564; *Его же*. Историк-краевед М. Н. Мясников, его труды и коллекция. — «Аспирантский сборник Вологодского государственного педагогического института, вып. I (гуманитарные науки). Вологда, 1972, стр. 61—68.

¹¹ Статьи Олешева: «Труды Вольного экономического общества», 1766, т. 2, 5; Засецкого — там же, 1773, ч. XXIII. Фомина — там же, 1790, ч. X.

исследователи, анализируя наказания, стремились приглушить их антикрепостническую направленность. При этом они исходили из неправильного толкования черносошных крестьян Поморья, неправоммерно считая эту категорию крестьян свободными людьми, в то время как они были крепостными самого государства. Только советские исследователи стали широко использовать наказания для изучения истории крестьянства, но и до сих пор эти материалы являются ценными источниками, требующими дальнейшего изучения¹².

Значительный след в историографии края оставил первый вятский историк А. И. Вештомов (1768—1825), автор самого раннего обобщающего труда по истории Вятской земли¹³.

Дальнейшему складыванию местной историографии способствовал общий подъем культуры и просвещения. Основание в 30-х гг. XIX в. газеты «Вологодские губернские ведомости», таких же газет в остальных северных губерниях представило возможность публиковать исторические статьи и заметки в местной прессе. Эти возможности расширялись в связи с выходом «Памятных книжек» и «Календарей», а также различных сборников, издаваемых губернскими статистическими комитетами. Исторические материалы публиковались и в газете «Епархиальные ведомости», которые начали выходить в конце 1860-х гг. СобираТЕЛЬСКАЯ и публикаторская работа велась вологжанами — членами Русского географического общества и Общества истории и любителей древностей. Деятельность Н. И. Суворова (1815—1895), А. Е. Мерцалова (1847—1911) может служить образцом таких краеведческих работ, источниковедческая база и методика исследования которых по аграрной истории находилась на уровне исторической науки того времени. Особого внимания заслуживает работа А. Е. Мерцалова «Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине», в которой эволюция земельных угодий и земельная обеспеченность крестьян прослеживается с 1628 по 1883 г., т. е. за 250 лет. Такого рода исследование, вероятно, явилось первым и единственным во всей дореволюционной историографии¹⁴.

А. Я. Ефименко, родившаяся в с. Варзуга Архангельской гу-

¹² Подробнее о наказаниях черносошных и приписных крестьян, оценку дореволюционной историографии по этому вопросу см.: М. Т. Белаяевский. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. Изд. МГУ, 1965, стр. 113—144.

¹³ А. И. Вештомов. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год, через 600 лет. Казань, 1908.

¹⁴ А. Е. Мерцалов. Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от составления писцовой книги (1628 г. письма и меры Федора Вельяминова-Воронцова да дьяка Савина Завесина) до настоящего времени (1628—1883).— «Вологодские губернские ведомости», 1884. № 17, 18 и «Вологодский сборник», т. 4, Вологда, 1885, стр. 271—289. Литературу вологжан-краеведов см. в библиографическом сборнике: П. А. Диллаторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 г. Вологда, 1921.

бернии, учительница, а затем исследовательница северной деревни, представитель народнического направления в русской историографии, внесла неоценимый вклад в изучение землепользования черносошных крестьян XVI—XVII вв. Открытие ею складнически-долевой формы землевладения в то время позволило по-новому подойти к изучению северной крестьянской общины. А. Я. Ефименко сделала новый шаг к преодолению представлений не только народников о неизменности форм общины, но и «государственников», проповедовавших искусственное насаждение общины верховной властью. Вопросам «складничества» и артельно-профессиональным формам деятельности северных крестьян и ремесленников были посвящены труды М. А. Островской¹⁵.

Разносторонней разработке подвергалась история восточных приуральских уездов Поморья XVI—XVIII вв. в трудах учителя истории и географии пермской гимназии, а затем инспектора народных училищ в Соликамске и Перми А. А. Дмитриева. Автор восьмитомной «Пермской старины» впервые ввел в научный оборот огромный источниковедческий материал по общей и аграрной истории своего края, многие его наблюдения и собранные материалы (главным образом, историко-географического плана) сохраняют свое значение и поныне¹⁶. Весьма плодотворными были усилия по обобщению накопленного материала историками-краеоведами Вятского края. В 1880—1881 гг. Вятским статистическим комитетом были выпущены юбилейные издания: «Столетие Вятской губернии» и «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края». В первом из них, двухтомном сборнике, — материал по истории, экономике, административному управлению, материальной и духовной культуре края, во втором — богатые по содержанию исторические источники, относящиеся к XV—XVII вв. Виднейшее место среди вятских историков принадлежит А. А. Спицыну (1858—1931), положившему начало вятской археологии, а также исследователям А. С. Верещагину (1835—1908), П. А. Спасскому (1846—1920) и другим¹⁷.

Почти до 80-х гг. XIX в. в местной исторической литературе

¹⁵ А. Я. Ефименко. Исследование народной жизни, вып. 1, М., 1884. В этом сборнике ее работы: «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере», «Трудовое начало в обычном народном праве», «Артель в Архангельской губернии» и др.; М. А. Островская. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913.

¹⁶ А. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. I—VIII, Пермь, 1889—1900.

¹⁷ А. А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. Вятка, 1888; *Его же*. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, 1892; *Его же*. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889; А. С. Верещагин. Из истории древнерусской Вятки. Вятка, 1905; *Его же*. Сказание русских летописцев о Вятке — «Труды Вятской ученой архивной комиссии», Вятка, 1905; Н. А. Спасский. Статистическое описание Вятской губернии. Вятка, 1875. Много интересных работ других вятских историков опубликовано Вятской архивной комиссией, издавшей в 1905—1917 гг. более 40 томов своих трудов.

преобладала идеология официально-консервативного направления, большинство работ было проникнуто монархическими и религиозными идеями. Позже многие местные историки переходят на позицию либерально-буржуазного, отчасти народнического направления. Предметом исследований все чаще становится социально-экономическая проблематика. Все заметнее стремление связать местную историю с общерусской, что в немалой мере определялось влиянием политических ссыльных, среди которых, как известно, было много членов РСДРП(б). Знакомство с местной исторической литературой показывает, что в ней отсутствовало стремление отстаивать по примеру сибирских «областников» тезис об исключительности исторических судеб края и их несовместимости с историей остальной России.

После революции 1905 года в северных губерниях начали организовываться научные общества. Архангельское и Вологодское общества назывались обществами «изучения Русского Севера». Издаваемые обществами журналы и сборники трудов Вятской ученой архивной комиссии представляют ценность и сейчас. В период с 1909 по 1917 г. издавался журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», справедливо считавшегося одним из лучших областных журналов тогдашней России. В «Известиях» Архангельского, Вологодского, Олонецкого и других обществ преобладали работы представителей либерально-буржуазного направления. Но печатались и представители народнического направления, в том числе А. Я. Ефименко — в архангельских «Известиях» и П. А. Голубев — в трудах Вятской архивной комиссии и т. д. В фондах архивов хранится немало заслуживающих внимания рукописей местных историков¹⁸.

Региональная историография развивалась не только трудами местных историков-краеведов. История Европейского Севера как региона, имеющего определенные общности, привлекла внимание представителей самых различных направлений общерусской исторической науки. Совершивший в 1791 г. путешествие по Северу один из друзей и сторонников Радищева — П. И. Челищев оставил интересные сведения о состоянии сельского хозяйства в конце XVIII в. в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях¹⁹.

Н. М. Карамзин, обобщая понятие Север России, включил и приуральские уезды. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский не

¹⁸ К сожалению, не только рукописи, но и публикации северных научных обществ, а также деятельность историков-краеведов все еще ожидает специальных историографических и источниковедческих исследований. В этом плане можно назвать всего несколько статей, в том числе: В. А. Оборина об археографической деятельности А. А. Дмитриева («Уральский археографический ежегодник за 1970 г.» Пермь, 1971), Ю. С. Васильева о важном краеведе М. Н. Мясникове («Аспирантский сборник», Вологда, 1972), ряд статей о В. В. Крестинине, А. Я. Ефименко и о других.

¹⁹ П. И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 г.; Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. Н. Майкова, СПб., 1886.

только выделяют в составе Северо-Восточной Руси богатый Поморский Север с его землями и городами, но и видят известное единство этой части России, отмечают особенности политической и экономической истории. Конкретный материал, который мы находим в трудах С. М. Соловьева, а позже в известной монографии С. Ф. Платонова по истории «смуты» начала XVII в., дает представление о том, как оформлялся союз, как крепло «одиначество» северных поморских уездов против иноземных захватчиков. Утверждалось представление о единстве с остальной Россией и ответственности за судьбу родины²⁰.

Когда в середине XIX в. обострилась общественно-политическая борьба вокруг крестьянской реформы, проблема истории крестьянства и северной крестьянской общины вызвала большой интерес. В пореформенные годы этому способствовало то, что многие видные народники 60—70-х гг. были в ссылке на Севере. В Вологодской и Архангельской губерниях находился в ссылке автор известной работы «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровский, который для написания своей книги собрал разнообразный материал о положении крестьянства Вологодской губернии. Пожалуй, никто до него не нарисовал такой яркой картины пауперизации северной деревни в середине XIX века²¹.

В. И. Семевскому заслуженно принадлежит первое место среди историков-профессионалов народнического направления, занимавшихся по широкой программе изучением крестьянства XVIII — первой половины XIX в. Он впервые использовал Экономические примечания к Генеральному межеванию для выяснения соотношения барщины и оброка, определения земельной обеспеченности черносошных и экономических крестьян. Однако, пользуясь при отборе цифрового материала принципом средних показателей, он вывел завышенные нормы надела пашней и сенокосами, не обнаружил тенденции наступления феодального государства во время межевания на крестьянское землевладение, в том числе и на земли всех категорий северного крестьянства²².

Фундаментальные труды по истории кадастра и посошного обложения, опубликованные С. Б. Веселовским еще до революции, преимущественно опирались на источники по северным уездам. Вышедшие в свет почти накануне Октябрьской револю-

---

²⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1889, т. 6, стр. 198; т. 7, стр. 198—199; т. 12, стр. 121; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1960; В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2, М., 1957, стр. 46—55, 363—365 и др.; т. 4, М., 1958, стр. 151, 184, 233 и др.; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899 (последнее издание — М., 1937).

²¹ В. В. Берви-Флеровский. Положение рабочего класса в России. 1869.

²² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888; *Его же*. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, СПб., 1881; т. 2, СПб., 1901.

ции работы этого ученого представляют огромную ценность, дают в распоряжение исследователя богатый фактический материал не только по истории и технике описаний и обложения, но и для типологической классификации земельных угодий и сельских поселений²³. Указанные историки, а также И. Д. Белляев, Н. А. Рожков, П. Н. Милуков, М. А. Дьяконов и др., в общих работах по истории России хотя и широко привлекали источники по истории Европейского Севера, но не писали специальных исследований, целиком относящихся к данному региону²⁴.

Первым из русских историков, посвятившим специальную работу о Русском Поморье XVII столетия, был М. М. Богословский. Значение его двухтомного исследования о самоуправлении на Русском Севере в XVII в. трудно переоценить²⁵. Невозможно изучать историю обширного Севера XVII в., не пользуясь фактическим материалом этой книги. Главное внимание исследователь уделит изучению самоуправления крестьянских и городских миров Севера, пытаясь показать процесс разложения посадского и уездного самоуправления под влиянием фискальной политики правительства. Его работа явилась первым историко-географическим очерком, первой попыткой сопоставить землепользование различных категорий населения на основании количественных показателей писцовых книг XVII в. о дворовом числе. Являясь представителем либерально-буржуазного направления в историографии, М. М. Богословский акцентировал главное внимание на выяснении юридически-правовой стороны самоуправления и землевладения. Но вряд ли будет справедливой наша оценка, если мы ограничимся лишь этими критическими замечаниями. Внимательный советский исследователь найдет в книге конкретный материал о северной крестьянской общине, о соотношении подворного и общинного землепользования, о влиянии внутреннего развития экономической и общественной жизни края на самоуправление и формы классовой борьбы. Правда, хронологические рамки ограничены одним столетием, но это было то время, когда происходили крупные перемены в социально-экономической жизни не только Поморья, но и всей страны.

Первая попытка дать общерегиональный исторический очерк Европейского Севера как особой «окраины» с древнейших времен до начала XX в. принадлежит перу А. А. Кизеветтера²⁶.

²³ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, тт. 1—2, 1913, 1917; *Его же*. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства, тт. 1—2, М., 1905, 1916.

²⁴ И. Д. Белляев. Крестьяне на Руси, изд. 4-е, М., 1903; Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; П. Н. Милуков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898.

²⁵ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., тт. 1—2, М., 1909, 1912.

²⁶ А. А. Кизеветтер. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919.

Основное внимание он уделил выяснению роли Северного края в истории Русского государства. Автор аргументирует экономическое и политическое значение Севера в жизни страны до XVIII столетия и пытается осветить последующие судьбы края. Заслуживает внимания вывод о причинах «захирения» Севера в XVIII—XIX вв., заключающихся, по мнению автора, «не в самом Севере», а в том, что «под влиянием временного стечения исторических обстоятельств внимание общественных кругов и государственной власти было отвлечено в другую сторону». Если это положение в основе своей верно и требует дальнейшего раскрытия, то многие выводы буржуазного историка по конкретным проблемам истории края совершенно неприемлемы. Уже примечательно то обстоятельство, что книга, написанная накануне Октябрьской революции и опубликованная сразу после нее, не содержит ни одного слова о классовой борьбе, о положении народных масс. Мы не можем согласиться с категорическим утверждением А. А. Кизеветтера, что якобы «Земледелие играло самую второстепенную роль» на всей территории Поморья. Это вступает в противоречие с фактом огромных закупок поморского хлеба, собираемого в Кокшеньеге, присухонских уездах, в Вятской земле, не говоря уже о собственно вологодской округе. Как все буржуазные историки, А. А. Кизеветтер преувеличивает роль государственной и монастырской колонизации в деле заселения и освоения края, а саму народную колонизацию в его интерпретации можно понять прежде всего как движение военно-промышленных ватаг новгородских «ушкуйников», организуемых и направляемых на Север по «частному почину» новгородских промышленных людей. Таким образом, из данной концепции выпадает совсем или принижается роль народных масс; основные проблемы истории края рассматриваются односторонне, лишь как проявление государственной политики.

В целом ведущий интерес дворянско-буржуазной общероссийской и местной историографии шел прежде всего по линии изучения государственного начала истории Европейского Севера.

В данном историографическом очерке главное внимание нами уделено работам, имеющим отношение к аграрному развитию Севера. Особого разговора заслуживает историография северных городов, классовой борьбы и других проблем прошлого.

* * *

Материалами по экономике северных губерний и о положении здешнего крестьянства пользовался Карл Маркс. Например, выписи, сделанные им из источников по Вятскому краю, легли в основу глубокой характеристики тяжелого состояния сельского хозяйства и бедственного положения крестьян²⁷. Широко использовал материалы по Северу В. И. Ленин в своем капиталь-

²⁷ См.: Архив Маркса и Энгельса, т. 13. М., 1955.

ном труде «Развитие капитализма в России», о чем подробнее будем говорить далее.

На рубеже XX в. марксистское направление зародилось и в северной историографии, главным образом под влиянием политических ссыльных, революционеров-ленинцев.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила новые задачи перед исторической наукой, в том числе и перед историками Европейского Севера СССР.

Необходимо было прежде всего преодолеть влияние дворянско-буржуазной историографии и особенно большое влияние на Севере эсеровско-меньшевистской мелкобуржуазной историографии. До революции и в первые годы после нее во главе кооперативного движения в северных губерниях было немало людей с воззрениями, враждебными марксизму, противников аграрной политики Коммунистической партии. Так, в местных журналах помещались статьи, авторы которых пытались доказать «устойчивость мелкого крестьянского производства» и его мнимые преимущества перед коллективным хозяйством. Тогда в северных губерниях издавалось немало разных газет, листовок и бюллетеней эсеровско-меньшевистского толка.

В борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией по вопросам местной истории принимали активное участие организаторы Советской власти, видные большевики. В 1920-е гг. было положено начало марксистскому изучению истории революционной борьбы трудящихся до 1917 г. и истории социалистической революции. Большую роль сыграли в этом историко-партийные комиссии при губкомах РКП(б) — Истпарты, собиравшие материалы, публиковавшие воспоминания активных участников борьбы за власть Советов на Севере, статьи и сборники на революционные темы²⁸.

После революции стали по-новому всматриваться в историю края, стремясь найти в его прошлом опыт производительной деятельности народных масс, который можно поставить на службу начавшегося социалистического преобразования Советской России.

В Петрограде при Русском географическом обществе был учрежден Комитет Севера по изучению истории и хозяйства. В комиссии земледелия были разработаны основные положения

²⁸ М. И. Шумилов. Борьба за Советскую власть на Севере России. 1917—1922 гг. Указатель литературы. Петрозаводск, 1967; История, археология, этнография Карелии. Библиографический указатель советской литературы за 1917—1965 гг. Петрозаводск, 1967; Вологодская область. Аннотированный указатель литературы за 1946—1960 гг. Северо-Западное кн. изд., 1967. Сейчас издаются ежегодные указатели; библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963; Кольский полуостров. Библиографический указатель советской литературы (издается за каждый год); Н. М. Дмитриев. 40 лет Советской власти на Мурмане. Рекомендательный указатель литературы. Мурманск, 1958; А. Н. Попов. Указатель литературы по Архангельскому краю. Архангельск, 1924 (около 300 названий книг и статей, изданных в конце XVIII в. по 1923); Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. Библиография на стр. 436—445) и др.

для исследования проблемы экономического развития этого края. В нем указывалось, что «промышленная колонизация Севера и его возрождение даст надлежащие результаты, если это промышленное завоевание будет протекать параллельно с завоеванием земледельческим, вернее сказать, с реставрацией земледельческого хозяйства в этом крае». Этот тезис обосновывался тем, что «вообще историческое прошлое Севера позволяет смотреть оптимистически на сельское хозяйство будущего». Этим Комитетом в 1922 г. было издано два выпуска книги «Очерки по истории колонизации Севера»²⁹.

Заметным явлением была работа Л. Андреевского о хозяйстве самых крупных северных помещиков — Межаковых. На основе вотчинного архива автор прослеживает за три столетия историю помещичьего хозяйства, историю крепостных крестьян и их классовую борьбу. А. А. Савич в монографии о хозяйстве в вотчине Соловецкого монастыря, этого богатейшего на Севере феодала, на основе мало еще изученного тогда архивного материала нарисовал яркую картину организации солеварения, положения рабочих людей этой отрасли хозяйства и земледелия³⁰.

Октябрьская революция положила начало массовому краеведческому движению в стране, особенно на Севере. Почти во всех северных губерниях стали возрождаться или вновь создаваться научные общества. Вологодское общество изучения Северного края первоначально издавало свои «Известия», а затем журнал «Северный край». В 1923—1928 гг. в Вологде выходил в свет журнал «Север», который был своеобразным теоретическим органом краеведения и археографической деятельности для всего Европейского Севера. Отмечая его деятельность, московский рецензент писал: «Север России, давно уже приобщенный исследователями русской истории, экономики, сельского хозяйства, как один из решающих факторов и общерусской истории, таит в себе такие материалы для научной работы, что их достанет на несколько десятилетий... Это общерусский журнал, научно выдержанный, строгий и серьезный, целая энциклопедия знаний захватывающего интереса»³¹.

И действительно, проблемы разрабатываемых и публикуемых работ, как и деятельность научных обществ, не замыкались географическими рамками одной губернии. В самом названии обществ закладывалась задача изучения всего края. Во вступлении к первому номеру «Севера» редакция писала: «Пробудившийся в последние годы в центре и на местах интерес к научному исследованию Севера России действительно говорит

---

²⁹ Очерки по истории колонизации Севера, вып. 1, Пб., 1922; Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. 2, Пб., 1922.

³⁰ Л. А. Андреевский. Очерки крупного крепостного хозяйства на Севере, Вологда, 1922; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927.

³¹ «Печать и революция», 1923, кн. 7, стр. 243.

о том, что реальное значение Северной окраины во всех отношениях громадно, а перспективы его будущего экономического расцвета прямо-таки сказочны». Обращаясь к авторам и читателям, редакция просила представлять материалы не по одной какой-либо губернии, «ибо нельзя делить неделимое»³². В отделе «Хроника» публиковались материалы о научной жизни в Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Северодвинской, Пермской, Череповецкой и Ярославской губерниях.

В 1918 г. под руководством проф. П. С. Богословского в Пермском университете был организован и начал свою плодотворную деятельность кружок по изучению Северного края. Совместно с Истпартком Пермского губкома члены кружка, в который входили не только студенты, но и преподаватели, начали изучать историю революционного движения на Урале. Уделяя большое внимание местной истории, научные общества и краеведческие организации сохраняли традиционные связи с такими же организациями других губерний. Если в журнале «Север» печатались статьи П. С. Богословского и многих ученых Перми, Вятки и других городов, то в издававшемся в 1923—1926 гг. пермском журнале «Экономика» печатались статьи вологодских и архангельских историков. В архивах сохранились материалы проведенных в те же годы этнографических, археографических и фольклорных экспедиций.

В середине 30-х гг. все научные общества и краеведческие организации прекратили свою деятельность. Конечно, историко-краеведческой работе 20—30-х гг. были присущи серьезные недостатки. Нередко история революционного движения, рабочего класса и крестьянства, деятельность большевистской партии освещались с немарксистских позиций. И все же деятельность краеведов того времени имела большое значение для советской исторической науки. Не без влияния краеведческого движения стало больше публиковаться специальных работ по истории северной деревни.

В 40—50-е гг. краеведение получило вновь широкое развитие, нуждавшееся в координации, в определении наиболее важных и актуальных проблем. Насущные задачи изучения истории региона потребовали уже на иной основе, с учетом современного уровня науки, образования специальных исследовательских объединений.

После длительной подготовки и предварительной разработки положения и программы, обсужденных и одобренных в Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, в 1967 г. была проведена в Вологде зональная научная конференция, оформившая образование Вологодского регионального проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР. Учредителями явились ученые Вологодского, Архангельского, Кировского и Коми пединститутов, Коми филиала АН

³² «Север», Вологда, кн. 1, стр. VII; кн. 2—3, стр. 315.

СССР, Вологодского молочного и других северных сельскохозяйственных вузов. Избранный совет проблемного объединения и созданные при нем секции объединили более 150 человек, в том числе и многих ученых страны, занимающихся аграрной историей Европейского Севера. Все это создает возможности для изучения как конкретных вопросов аграрных отношений, так и обобщающих работ по истории крестьянства Европейского Севера СССР, выдвигается задача историографического анализа состояния изученности различных аспектов и проблем³³.

В 1969 г. отделение истории АН СССР утвердило предложение участников научной конференции учредить в Вологде на общественных началах Северное отделение археографической комиссии АН СССР.

Дискуссии по многим проблемам истории нашей Родины, особенно по проблеме генезиса капитализма, усилили интерес к истории региона, на территории которого советские исследователи отметили зарождение буржуазных отношений еще до XVIII столетия. В последнее время появились интересные монографии, освещающие место и роль различных районов Русского Севера в социально-экономической истории России XVI—XVIII вв.³⁴

В девяти томах трудов Вологодского проблемного объединения и Северного отделения археографической комиссии, в публикациях Уральской археографической комиссии, в трудах ученых Карельской и Коми АССР, вышедших в свет с 1968 по 1975 г., убедительно отражена интенсивная деятельность исследователей по изучению истории края. Проведение в Вологде осенью 1974 г. XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, на которой было обсуждено более 20 докладов по аграрной истории Европейского Севера, служит подтверждением признания сложившихся региональных историографических традиций, подчеркивает необходимость и плодотворность порайонного изучения истории РСФСР³⁵.

³³ Заметим, что единственной историографической работой по Северу была статья С. Ф. Платонова (по материалам его доклада на Берлинском конгрессе историков в 1928 г.) — «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 105—114.

³⁴ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; И. Ф. Ушаков. Кольская земля. Мурманск, 1972; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Руководитель авторского коллектива А. Л. Шалиро. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятинны, Л., 1974.

³⁵ См. сб.: Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968; Социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1970; Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III, Вологда, 1970; Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 1, Вологда, 1970; Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 2, Вологда, 1972;

2. Современное состояние разработки аграрной истории Европейского Севера конца XV — первой половины XIX века

Каждое столетие, а иногда даже десятилетие, выдвигало свои проблемы и задачи, доставлявшие немало хлопот современникам, вызывавшие острый интерес последующих поколений. Так, советские историки проявили пристальное внимание к социально-экономическим явлениям и процессам, протекавшим в XVI и XVII столетиях. Таковую же тягу к событиям этих двух столетий мы обнаруживаем и в литературе, посвященной истории Европейского Севера России. Это объясняется, как уже было сказано, тем, что особенности социально-экономических процессов здесь имели не только местное, но и глобальное общероссийское значение. Вряд ли только благоприятным стечением обстоятельств в развитии исторической науки объясняется тот факт, что северные материалы дали основание выдвинуть на обсуждение ряд вопросов, вызывающих неослабеваемый интерес, в том числе в известной мере носящих альтернативный, нередко дискуссионный характер.

Примером оригинальной интерпретации развития социально-экономического строя России в XV—XVI вв., привлечшей внимание отечественной и зарубежной исторической науки, служат высказывания Н. Е. Носова, во многом опирающиеся на источники Северной Руси. В вышедшей в 1969 г. монографии о становлении сословно-представительных учреждений в России и в ряде своих статей он не считает возможным безоговорочно присоединиться к господствующему в новейшей историографии мнению, заключающемуся в том, что процесс зарождения новых буржуазных связей не затронул аграрного строя России XV—XVI вв. Н. Е. Носов говорит о наличии в указанный период борьбы двух тенденций в развитии социально-экономического строя страны, а именно: «феодално-крепостнической (по преимуществу дворянской) и буржуазной (крестьянско-посадской)». По его мнению, общее знакомство со структурой феодальной землевладения, сложившегося к началу XV в., «дает основание говорить о двух основных путях его развития — московском,

---

Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни, вып. 4, Вологда, 1973; Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 3, Вологда, 1973; Уральский археографический ежегодник. Свердловск—Пермь, 1970, 1971, 1972, 1974 гг.; Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; Вопросы аграрной истории северной деревни (некоторые проблемы истории русской общины). Вологда, 1975. В Петрозаводске в 1974 году вышел вып. I сборника «Вопросы истории Европейского Севера». Обзор публикаций по аграрной истории Европейского Севера СССР в «Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы», см. статью П. А. Колесникова и М. Н. Никольской в кн.: Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни, вып. IV, Вологда, 1973, стр. 371—384.

характерном для земель Великого Московского княжества... и Новгородском, для Северо-Запада и Севера Руси (земли Новгородской республики, ее поморских колоний и Псковщины)»³⁶. В целом в России конца XV—XVI вв., как и в ряде стран Западной Европы, по мнению Н. Е. Носова, были потенциальные возможности для развития крестьянского землевладения фермерского типа, имеющего уже буржуазные тенденции. Обращаясь к изучению земской реформы XVI в. на черносошном Севере, анализируя «новые явления» в социально-экономической жизни Поморья этого столетия, он приходит к выводу о том, что в Двинской земле наиболее рано и отчетливо, уже в XVI в., выступают те новые тенденции в экономической жизни Поморья, которые «трудно охарактеризовать иначе, как постепенное зарождение в недрах феодального хозяйства Севера, особенно среди черносошного крестьянства, новых социальных отношений, отношений в известной мере уже предбуржуазных»³⁷. Однако борьба двух тенденций — крестьянской и феодальной завершилась победой феодальной реакции. Россия стала крепостническим государством. Исходя из этой общей концепции, ее автор трактует и судьбу крестьянского землевладения и русской общины («черной» волости). Постановка вопроса дискуссионная, требующая своего дальнейшего аналитического изучения. В региональном историографическом плане затронутый вопрос приобретает особую актуальность. Привлекает новизной общий вывод Н. Е. Носова, заключающийся в признании борьбы указанных выше двух тенденций началом «великой борьбы русского крестьянства против феодального гнета за освобождение русского народа от оков самодержавия и крепостничества».

Альтернатива о двух возможных путях развития России в XV—XVI вв., проблема генезиса буржуазного развития выдвинула вновь на обсуждение вопрос о собственности на землю, который принадлежит к числу важных в истории феодализма. Так, «черное» землевладение раннефеодального и развитого феодализма стало в последнее время предметом большой дискуссии. Л. В. Черепнин, А. Д. Горский и другие историки считают «черные» крестьянские земли собственностью феодального государства, представители ленинградской школы И. И. Смирнов, Г. Е. Кочин, А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев и другие утверждают, что крестьяне владели землей на правах частной собственности, причем часть волостных земель находилась в общем владении всех крестьян волости. Компромиссную позицию занимает А. Л. Шапиро, считающий, что в «черной» волости имела место разделенная собственность феодального го-

³⁶ Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (к постановке вопроса). — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 44—71.

³⁷ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 241.

сударства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины с крестьянами — с другой. В зависимости от взгляда на характер землевладения трактуются многие вопросы социально-экономической истории, в том числе формы феодальной земельной ренты, процесс юридического оформления крестьянского закрепощения, периодизация феодализма и т. д.³⁸

Сохранившиеся более длительное время на Севере, чем в центре страны «черные» волости и земли с особой структурой землевладения, долго существовавшая у черносошных крестьян практика свободного распоряжения земельными угодьями — все это представляет широкие возможности применить ретроспективный метод для изучения процессов, слабо отраженных в источниках предыдущих периодов. Позднейшие северные источники, отложившиеся в архивах, широко используют советские ученые, в том числе участники дискуссии о феодальной собственности и «черном» землевладении.

Северные источники явились благодарной основой для изучения многих проблем, в том числе генезиса буржуазных отношений в России. Монография Н. В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVIII в.» (М., 1957) и другие его работы явили не только убедительное доказательство точки зрения целого направления в советской исторической науке, признающего XVII столетие начальной гранью генезиса капиталистических отношений в России, но и ввели в научный оборот богатый конкретный материал о положении северного крестьянства, об усилении имущественного неравенства и социального расслоения³⁹. В докладе на Киевской сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы Н. В. Устюгов, обобщив данные собственных исследований и литературы, сумел нарисовать яркую картину социального расслоения черносошного крестьянства в XVII в.⁴⁰

Продолжая намеченную Н. В. Устюговым программу исследований, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, Е. И. Индова, С. М. Троицкий и другие его ученики, а также ряд ученых северных филиалов АН СССР и вузов собрали и ввели в научный оборот новые конкретные материалы по истории черносош-

³⁸ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — «История СССР», 1962, № 2, стр. 148—152; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.—Л., 1966; Н. Н. Покровский. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начале XVI в. Новосибирск, 1973. См. также вышедшие в 1972 г. две книги, представляющие интерес в связи с указанной дискуссией: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуго, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972.

³⁹ О Н. В. Устюгове как историке Европейского Севера см. статью С. М. Троицкого в сб.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. 3, Вологда, 1970, стр. 27—47.

⁴⁰ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни в XVII в. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79.

ного крестьянства этого столетия. Так, для выяснения состояния производительных сил в сельском хозяйстве вятских и приуральских поморских уездов большой вклад вносят исследования А. А. Преображенского. В очерках о колонизации Западного Урала, о миграции населения и сыске беглых, о наемном труде в крестьянском хозяйстве, наконец, в монографии об Урале и Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII в. автор рассматривает процессы по обе стороны Урала главным образом в деревне. Показывая ведущую роль поморского черносошного крестьянства в заселении и освоении Урала и Западной Сибири, А. А. Преображенский приходит к выводу, что Урал и Западная Сибирь стали областью не частного, а государственного феодализма и приобрели социальную окраску, сходную с Поморьем, что восточные окраины Русского государства в изучаемый период были «не только резервом феодально-крепостнического режима, но также средой вызревания первичных форм буржуазных отношений в области промышленности, сельского хозяйства и рыночных связей»⁴¹. Этот вывод некоторыми своими гранями соприкасается с представлениями Н. Е. Носова, А. И. Копанева и других историков о двух возможных путях социально-экономического развития России. Обращаясь к идеологии северного и сибирского крестьянства, А. А. Преображенский рассматривает ее в тесной связи с проблемами классовой борьбы и аспектами «социальной психологии», тем самым подсвечивает собранный материал новыми оттенками.

Заселение и освоение края, состояние агрикультуры, динамика урожайности, земельная обеспеченность северного крестьянства также нашли отражение в трудах историков, посвященных аграрной истории XVI—XVII вв. Об этом подробно будет сказано в историографических разделах последующих очерков.

В XVIII — начале XIX в. уже более явно проявляли себя те особенности аграрных отношений, которые стали определять суть «аграрного вопроса» предреформенного и пореформенного времени. Однако внимание исследователей к этому периоду оказалось менее настойчивым, особенно значительные пробелы — в наших знаниях истории сельского хозяйства и крестьянства XVIII в., что затрудняет возможность определить земельную обеспеченность и уровень земледельческого производства, проследить их эволюцию с XVII века до реформы 60-х гг. XIX в.

Не предвосхищая всех наблюдений о степени изученности сельского хозяйства, напомним читателю несколько работ, являющих собою интересные глубокие исследования по аграрной истории XVIII — первой половины XIX в. Прежде всего необходимо назвать монографию Н. Л. Рубинштейна. В ней находим фрагментарные сведения о земельной обеспеченности и уровне

---

⁴¹ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972, стр. 368.

земледельческого производства за вторую половину XVIII в. и в северных губерниях⁴². Производителем сил в сельском хозяйстве Подвинья XVII—XVIII вв. посвятил свои монографии и статьи агроном, экономист и историк северного животноводства Ф. И. Резников. Примечателен его вывод о том, что высокий уровень сельского хозяйства, особенно животноводства, в этом районе страны определился уже в XVII в.⁴³

Содержательные статьи В. А. Оборина по Пермскому краю, А. И. Комиссаренко, А. В. Эммаусского — по Вятке, историков Карелии и Коми АССР, а также многих других исследователей расширяют наши представления о сельскохозяйственном производстве в отдельных районах Европейского Севера. Некоторые итоги научной разработки аграрных отношений XVIII в. подведены в коллективных трудах по истории северных областей и автономных республик (Очерки по истории Коми АССР, т. 1. Коми кн. изд.-во, 1955; История Урала, т. 1, Пермь, 1963; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972, и др.).

Удачная попытка дать обобщающие очерки по истории Урала и Европейского Севера России в конце XVIII — первой трети XIX в. принадлежит А. С. Череваню, докторская диссертация которого, к сожалению, до сих пор не опубликована⁴⁴. Его исследование является существенным звеном в цепи многих работ по истории аграрных отношений на изучаемой нами территории. Состояние и динамика уровня земледельческого производства в России первой половины XIX в. явились предметом оригинальной по методике исследования статьи И. Д. Ковальченко. В статистические показатели автором включены сведения по всем северным губерниям⁴⁵.

Наконец история аграрных отношений в государственной деревне первой половины XIX в. нашла наиболее полное и всестороннее марксистское отражение в трудах академика Н. М. Дружинина⁴⁶.

В его двухтомной монографии дана поистине широкая кар-

⁴² Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; особенно стр. 228—242, 231—245, 264—265, 272—273, 278—285, 291—292, 300—302, 312—313, 322—326 и др.

⁴³ Ф. И. Резников. История Холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957; *Его же*. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв.— «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. 4, М., 1960.

⁴⁴ А. С. Черевань. Формирование сословия государственных крестьян на Урале и Европейском Севере России. Петрозаводск, 1960; *Его же*. Эволюция земельных отношений государственных крестьян Урала и Европейского Севера России во второй половине XVIII — первой трети XIX в.— «Ученые записки Петрозаводского университета», 1958, т. VII, вып. 1 и др. статьи, а также автореферат докторской диссертации «Очерки истории социально-экономического и правового положения государственных крестьян Урала и Европейского Севера России до реформы П. Д. Киселева», Киев, 1968.

⁴⁵ И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в.— «История СССР», 1959, № 1.

⁴⁶ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, тт. 1—2, М., 1946—1958.

тина жизни государственных крестьян России и Европейского Севера, занимавших, по справедливому утверждению автора, «промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми». Аргументируя проблематику своего исследования, Н. М. Дружинин не только блестяще выяснил «взаимные отношения между государственной властью и феодально эксплуатируемой земледельческой массой», но и впервые обратил внимание на историческую связь между реформой государственных крестьян в 40-х гг. XIX в. и «великой» реформой 19 февраля 1861 г. В монографии прослежено положение северной деревни перед реформой П. Д. Киселева и после нее, борьба крестьян против установленной тогда бюрократической системы управления, их требования коренных аграрных преобразований. Н. М. Дружининым убедительно показан крах всей преобразовательной затеи царизма.

Определенную методологическую ценность представляет развитие автором указанной монографии ленинского положения о «государственном феодализме», то есть о системе феодальных отношений, сложившихся на землях, занятых государственными крестьянами. Эта проблема до сих пор остается слабо изученной. Слишком расширительное или, наоборот, чересчур узкое (хронологическое и социально-экономическое) толкование государственного феодализма, существующее в новейшей литературе, объясняется тем, что до сих пор нет единого мнения о дефиниции, определении самого понятия «государственный феодализм», как до сих пор нет единого мнения о типологической классификации общины, об основных этапах развития русской общины, в том числе и северной общины черносозного государственного крестьянства⁴⁷.

Наш историографический обзор литературы в проблемно-хронологическом плане дополним краткой характеристикой состояния изученности различных категорий северного крестьянства. Естественно, что в центре внимания советских историков оказалось преобладающее на Севере черносозное крестьянство, со времени Петра I составившее одну из наиболее многочисленных групп государственных крестьян. Но само черносозное крестьянство было неоднородно. Различные имущественно-социальные группы полнотяглового крестьянства нашли освещение, правда, далеко не полное, в работах, посвященных генезису буржуазных отношений и классовой борьбе, о чем мы уже говорили выше. Следует указать, что имущественными различиями полнотяглового крестьянства далеко не исчерпываются все группы, существовавшие внутри черносозного крестьянства. Назовем половников, систему половничества, просуществовавшую до

---

⁴⁷ См. Тезисы докладов и сообщений XIV и XV сессий Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, вып. 2, М., 1972, вып. 2, М., 1974. Также сб. «Вопросы аграрной истории», вып. VI. (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1975.

конца XIX в. Еще в дореволюционной историографии они привлекли внимание многих ученых, в том числе и краеведов. Им посвящено несколько работ и советских историков. Но и до сих пор в исторической науке нет полной ясности относительно социально-экономической сущности этой категории крестьянства, о путях его эволюции⁴⁸.

Первой специальной работой, поставившей цель изучить развитие половников как одной из групп северного крестьянства явилась монография З. А. Огризко⁴⁹. Основное внимание автор сосредоточил на вопросе об экономическом положении половников и их хозяйстве, но для решения поставленной задачи были использованы материалы, характеризующие хозяйство половников в основном только одного Троице-Гledenского монастыря.

После работы А. А. Савича о Соловецкой вотчине истории северных монастырских крестьян свои исследования посвятили А. И. Копанев, А. Х. Горфункель, Л. С. Прокофьева, З. А. Огризко, Т. И. Осьминский, А. В. Эммаусский, Г. Н. Лохтева, И. А. Булыгин⁵⁰. Но этой категории крестьян (после секуляризации —

⁴⁸ К. Попов. Половники. — «Памятная книга Вологодской губ. на 1862 и 1863 гг.», вып. 2, стр. 66—71; Половники Вологодской губ. — «Вологодский сборник», т. II, 1881, стр. 82—124; А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, М., 1884 (о половниках — стр. 257—292); П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892 (о половниках — стр. 80—81); М. Дьяконов. Половники поморских уездов в XVI—XVII вв. СПб., 1895. Работы советских историков: Т. Шагилова. Уничтожение половничества в XIX ст. — «Архив истории труда в России», кн. 5, Пг., 1922; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. 2, М., 1954; Б. И. Жучков. Вопросы экономического положения половников в 20—50-е гг. XVIII в. — «Ученые записки МПИИ им. В. П. Потемкина», т. 78, вып. 4, М., 1957; Г. Н. Лохтева. Половники Троице-Гledenского монастыря в XVII в. — «Исторические записки», кн. 72; Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половничества Устюжского уезда в середине XVII в. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, стр. 54—60; Н. Ф. Демидова. К вопросу о социальной сущности половничества в XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.», Вильнюс, 1964, стр. 305—316.

⁴⁹ З. А. Огризко. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968.

⁵⁰ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в древней Руси). Пермь, 1927; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951; Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.—Л., 1959; Г. Н. Лохтева. Наемный труд в монастырском хозяйстве. По материалам Троице-Гledenского монастыря. — «Русское государство в XVII в.» Сб. статей, М., 1961, стр. 208—230; *Ее же*. Развитие производительных сил в сельскохозяйственном хозяйстве Троице-Гledenского монастыря Поморья XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.». Минск, 1964, стр. 193—201; А. Х. Горфункель. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI—XVII вв. — «Исторические записки», т. 73, М., 1963; И. А. Булыгин. Из истории крестьян Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVII — начале XVIII в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 415—425.

экономических) фактически не посвящено ни одной специальной работы.

Истории дворцовых крестьян, в том числе и северных районов, после монографии А. И. Заозерского «Царская вотчина в XVII в.» (изд. 2, М., 1937) посвящено только два исследования. Это монография Е. И. Индовой о дворцовом хозяйстве России первой половины XVIII в. и кандидатская диссертация Ю. С. Васильева о феодальном землевладении в поморских дворцовых владениях в Важской земле XV—XVII вв.⁵¹ Е. И. Индова справедливо опровергает утверждение В. И. Семевского о том, что дворцовые крестьяне якобы не были крепостными, а являлись только «прикрепленными к земле». По ее мнению, эта категория крестьян была прикреплена не только к земле, но и к личности царя, т. е. они были частновладельческим крепостным населением, а следовательно, дворцовые крестьяне пополняли собой категорию крепостных. Но вряд ли на этом можно поставить точку. Надо учитывать, что немало было и таких факторов, которые сближали дворцовых крестьян с черносошными, особенно в Поморье.

История помещичьих крестьян Поморья эпохи позднего феодализма нашла свое отражение в работах о русском крепостном крестьянстве А. Г. Манькова, Д. И. Петрикеева, Л. В. Милова, И. Д. Ковальченко, Н. Л. Рубинштейна и других историков⁵². Но специальных исследований по истории этой категории северного крестьянства явно недостаточно⁵³. А между тем, количество помещичьих крестьян в северных уездах в XVIII в. значительно увеличилось в сравнении с предыдущим столетием. Материалы межевания отражают рост помещичьего землевладения в Тотемском, Устюжском, Сольвычегодском, Никольском, Вельском и других уездах. Недавно защищенная кандидатская диссертация Е. Н. Баклановой о хозяйстве крестьян Вологодского уезда оказалась первым удачным и обнадеживающим

---

⁵¹ Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964; Ю. С. Васильев. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1971.

⁵² А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962; Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967; Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч.; Л. В. Милова. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. Изд. МГУ, 1965; И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. Изд. МГУ, 1967.

⁵³ За последние 10 лет опубликованы статьи: Т. И. Осмицкий. Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 355—373; С. М. Троицкий. Волнения помещичьих крестьян Северо-Западного края в 1780 г. — Там же, стр. 396—406; А. В. Эммаусский. Борьба помещичьих крестьян Вятской губернии за личное освобождение в конце первой половины XIX в. — Там же, стр. 326—336; А. З. Цинман. Кризис помещичьей системы хозяйства в Вологодской губ. в первой половине XIX в. — В кн.: Материалы по истории местного края. Вологда, 1967, стр. 101—136.

опытом историко-этнографического комплексного изучения экономического состояния крестьянского двора северной помещицей вотчины⁵⁴.

3. Обзор источников

Анализ аграрных отношений на всей территории Поморья и в хронологических рамках почти четырех столетий потребовал привлечения не только огромного количества опубликованных и неизданных документов, но и обратить особое внимание на сопоставимые источники массового порядка. Среди последних первостепенное значение имеют писцовые книги. М. М. Богословский использовал их итоговые данные для составления историко-географического очерка о Поморье XVII в. Для анализа аграрных отношений северные писцовые книги лишь сравнительно недавно стали вводиться в научный оборот, да и то преимущественно по восточным уездам Поморья, Заонежским погостам и Подвинью⁵⁵. Еще меньше сделано по части публикации писцовых книг. Так, полностью археографической комиссией опубликованы только писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., куда входили и Заонежские погосты⁵⁶. Незначительные выдержки из писцовых книг Заонежских погостов 1627—1629 гг. печатались в «Олонецких губернских ведомостях»⁵⁷. Дозорная книга Кольского погоста и Лопских погостов 1608 г. опубликована Н. Харузиным⁵⁸. Из огромного фонда писцовых и переписных книг Двинского, Важского, Кеврольского, Мезенского и Каргопольского уездов в дооктябрьский период была издана, причем в кратком изложении, переписная

---

⁵⁴ Е. Н. Бакланова. Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1972.

⁵⁵ Эти источники частично использованы в «Очерках по истории Карелии» (т. 1, Петрозаводск, 1957), в «Очерках по истории Коми АССР» (т. 1, Коми кн. изд., 1955). См. также вышеуказанные работы Н. Е. Носова, А. И. Копанева, Ю. С. Васильева и других по Подвинью и Ваге, М. В. Витова по Заонежью, исследование Р. Б. Мюллер «Очерки истории Карелии XVI—XVII вв.» (Петрозаводск, 1947). По восточным уездам писцовые книги были использованы в работе А. А. Введенского о вотчинах Строгановых (Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1952), в трудах Н. В. Устюгова, А. А. Преображенского и др. исследователей. По центральным уездам Поморья больше внимания привлекли писцовые книги по Устюгу Великому (А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонова. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960 и другие работы Ю. А. Тихонова).

⁵⁶ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. — «Материалы по истории народов СССР», вып. 1, Л., 1930.

⁵⁷ Писцовые книги Н. Панина и С. Копылова 1628—1629 гг. — «Олонецкие губернские ведомости», часть неофициальная, 1849, № 1—7; писцовая книга Н. М. Долгорукова и П. Ракова — Там же. 1850, № 12—47 и 1851, № 1—2.

⁵⁸ Н. Харузин. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890.

книга 1678 г. г. Архангельска и Холмогор с уездами⁵⁹. Несколько сотниц XVI в. отдельных волостей и монастырских вотчин Подвизня опубликовано в «Сборнике грамот Коллегии Экономии», в «Архангельских губернских ведомостях» и в статьях А. И. Копанева⁶⁰. Материалы описаний и переписей Важского уезда и Чарондской округи долгое время не были известны историкам. Наиболее полный обзор сохранившихся такого рода источников по Ваге дан в статье Ю. С. Васильева «Важские писцовые книги и сотницы XVI—XVII вв.»⁶¹

По Вологодскому, Тотемскому, Устюжскому, Сольвычегодскому и Яренскому уездам архивы страны хранят наиболее полно дошедшие до нас материалы описаний и переписей, но лишь немногие опубликованы, а другие до сих пор не вводились в научный оборот⁶².

За вторую половину XVI — начало XVIII столетия известно пять общих описаний Соликамского и Чердынского уездов. Но

---

⁵⁹ Летопись занятий археографической комиссии 1878—1881, вып. 8, СПб., 1888.

⁶⁰ Сотная с писцовых книг И. П. Заболоцкого на вотчину Николаевского-Карельского монастыря 1552—1553 гг. — «Сборник грамот Коллегии Экономии» (в дальнейшем ГКЭ), т. 1, № 138; Выпись из писцовых книг В. А. Звенигородского на вотчину Архангельского монастыря 1586—1587 гг. — «Сб. ГКЭ», т. 1, № 311; Сотная с книг описей двинян Я. Романова и Н. Путятина на Варзужскую волость 1563 г. — «Сб. ГКЭ», т. 1, № 165; Сотная с писцовых книг В. Агалина и подьячего С. Федорова на Варзужскую волость 1575 г. — «Сб. материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.». Л., 1930, № 6; Сотная с писцовых книг И. П. Заболоцкого, выданная крестьянам Емецкого стана Двинского уезда (публикация А. И. Копанева). — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 453—462; Платежная книга Двинского уезда 1560 г. по результатам описаний И. Заболоцкого 1552—1553 гг. и В. Гагина, 1559 г. (публикация А. И. Копанева) — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 514—536.

⁶¹ Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 537—562. Им же в 1970 г. опубликована Сотная из писцовых книг Б. П. Засекина 1565 г. на Кодимскую волость Важского уезда («Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 1, Вологда, 1970, стр. 381—397). В «Сб. ГКЭ», т. II, № 222, 223 и 225 опубликовано три записи из описания Важского уезда 1620—1621 гг., а под № 243 — сотная с книги 1664 г. на вотчину Спасского Сестренского монастыря.

⁶² Писцовая книга 1627—1630 гг. по Заозерской половине Вологодского уезда опубликована В. Н. Сторожевым (Материалы для истории депроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Пг., 1918); Писцовые книги Яренского уезда 1608 г. — А. М. Гневушевым. («Акты времен правления царя Василия Шуйского». М., 1914); Сотные с писцовых книг 1585—1586 гг. на волости Ужгу, Сысольскую, Глотову слободку и Яренск с уездом опубликованы А. А. Зиминым и А. И. Копаневым. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 432—488); Сотницы с этих же писцовых книг на вотчины Спасопреображенского Сойгинского монастыря и на село Никольское в Усольском уезде опубликованы в 1905 г. С. А. Шумаковым — В кн.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1905, смесь, стр. 17—22.

лишь небольшая часть этих материалов издана⁶³. Такое же положение и с материалами описаний уездов Вятской земли⁶⁴.

Поэтому Северной археографической комиссией особое внимание было обращено на выявление в архивах страны и комплексное издание ранее не публиковавшихся и не обрабатывавшихся писцовых книг⁶⁵. Итоги описаний всех поморских уездов в XVII в. с анализом формуляров этих источников опубликованы автором в 1971 г.⁶⁶

Следующая группа источников — это переписные книги XVII — начала XVIII в. и так называемые ландратские переписные книги первой четверти XVIII в.⁶⁷ Известно, что эти источ-

⁶³ Сотна с писцовых книг И. И. Яхонтова 1579 г. по вотчинам Пыскорского монастыря: В. Н. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821, стр. 162—165; Список писцовых книг И. И. Яхонтова 1579 г. по Соликамску с уездом см.: А. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 3, Пермь, 1891, стр. 165—176; Писцовые книги М. Ф. Кайсарова 1623—1624 гг. по Соликамску с уездом были опубликованы В. Н. Шишонко в «Пермских губернских ведомостях» за 1872 г., № 56—65, 67—70, 76—83 и отдельным отриском в Перми в 1872 г., а также в пересказе эти писцовые книги были изданы им же в книге: Пермская летопись. Второй период с 1613 по 1645 г. Пермь, 1882, стр. 144—251.

⁶⁴ Выписи из переписной книги Кайгородского уезда 1678 г. — В сб.: Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881.

⁶⁵ Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 2, Вологда, 1972.

⁶⁶ П. А. Колесников. Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971.

⁶⁷ Ценность этих источников и в том, что они сохранились почти по всем северным уездам. Нам известны следующие переписные книги в архиве ЛОИИ: ф. 10, Архангелогородская губернская канцелярия, оп. 3, дд. 1, 26, 27 — Архангельска и Двинского у. 1710 г.; дд. 7, 26, 117 — Мезенского и Кеврольского уездов 1709—1710 гг.; д. 2, 113 — Ваги с уездом 1710 г.; д. 20 — Кольского у. 1710 г.; д. 365 — Пустозерского у. 1711 г. Там же, ф. К-115, д. 305 — Каргополя, 1710 г. Переписные и дозорные книги в ЦГАДА в фонде 1209; К-1634 — Орловского, Котельничского, Слободского и Шестаковского уездов 1710 г.; К-1060 — Орловского у. 1705—1706 гг.; К-1079 — Слободского и Шестаковского у. 1706 г.; К-1082—1083 — Сольвычегодского у. 1710 г.; К-1096—1098 — Вятского у. 1706—1710 гг. Там же ф. Сибирского приказа; д. 1511 — Дозорная книга Соликамского у. 1707—1708 гг.; д. 1521 — Переписная книга Чердынского у. 1710 г.; д. 1538 — Дозорная книга Соликамского у. 1710 г. В ЦГАДА в фонде 350 (ландратские книги и ревизские сказки) переписные книги; д. 6073 — Яренского у. 1710 г. (д. 6074 — тоже, но без начала и конца); д. 6075 — Яренского у. 1707 г. (по описи ошибочно датирована 1719 годом), дд. 1346 — Каргопольского у. 1712 г.

Ландратские книги в ЦГАДА в ф. 350: дд. 1, 2, 3 — Важского у. 1716 г., дд. 553—601 — Вологодского у. 1717 г.; д. 802 — Двинского у. 1716—1718 гг.; д. 4249 — Соликамского у. 1715 г.; (владения Строгановых); д. 4513 — Устьянских волостей (по описи в ЦГАДА числится как ландратская кн. Тотемского у.); д. 4661-А — Сведения из ландратских книг Вятских уездов; д. 4743 — Чарондской округи 1719 г.; д. 5694 — ландратская кн. нескольких станов Устюжского у.; д. 1347—1348 — Каргопольского у. 1717 г.; д. 1847 — Мезенского у. 1716 г.; дд. 4235—4236 — Сольвычегодского у. В ЦГАДА, в ф. 1209, несколько ландратских книг; К-1084—1085 — Сольвычегодского у. 1717 г. К-1099 — 1100 — Хлыновского у. 1717 г. В архиве ЛОИИ, ф. 10, одна ландратская книга (д. 744 — Подвинской чети Важского у.).

ники у историков, изучающих народонаселение страны, вызвали определенное недоверие. Этому способствовало то, что в свое время П. Н. Милюков, М. В. Ключков⁶⁸ и другие исследователи народонаселения России конца XVII — начала XVIII в. некритически использовали данные переписей петровского времени для определения количества населения в стране.

Безусловно, скептическое отношение к этим источникам имеет серьезные основания, особенно в тех случаях, когда они используются для выяснения количества всего населения Русского государства, для сопоставления их сведений о численности населения в начале XVIII в. с данными переписей населения в 70-х гг. предыдущего столетия. Для такой цели эти документы явно не пригодны из-за огромного в то время уклонения населения от переписей, из-за стихийной и сознательной утайки жилых дворов от учета.

Однако для изучения миграционных процессов в первой четверти XVIII в., в том числе для выявления размеров принудительной мобилизации северного крестьянства и определения его роли в осуществлении проводимых тогда преобразований, эти источники представляют исключительную ценность. Тем более, что есть возможность в дополнение к ландратским книгам использовать актовый материал о поставке рабочих людей на строительство в Петербург, Воронеж, Азов, Архангельск и другие места. Это указы правительства и распоряжения архангельского губернатора, справки о числе ежегодно отправляемых с каждого уезда людей, о сборе средств на их содержание и другие источники, характеризующие положение крестьян⁶⁹.

Следующее место по богатству хозяйственных сведений занимают Экономические примечания к Генеральному межеванию, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ф. 1355). В советской исторической литературе стали все чаще обращаться при изучении аграрной истории к этим выдающимся памятникам статистического описания. Но как автор известной источниковедческой работы об Экономических примечаниях Л. В. Милов⁷⁰, так и другие советские историки использовали преимущественно материалы по межеванию центральных уездов. Для изучения аграрных отношений на землях различных категорий государственных крестьян Европейского Севера эти источники до сих пор привлекались мало. А между тем, обработка Экономических примечаний позволяет

---

⁶⁸ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; М. В. Ключков. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1, СПб., 1911, гл. III—IV.

⁶⁹ Особенно много такого рода документов в архиве ЛОИИ, ф. 10, Архангелогородская губерния, оп. 3, дд. 176, 183, 229, 312 и др. См. также: П. А. Колесников. Северная Русь. Вып. 2. Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973.

⁷⁰ Л. В. Милов. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. Изд. МГУ, 1965.

не только получить сопоставимые величины для сравнения с показаниями писцовых книг, но и выяснить результаты энергичного наступления на земли казенных крестьян как самого феодального государства, так купцов и заводчиков, а также дворянства из числа уездных и губернских чиновников. Это позволяет пересмотреть явно завышенные В. И. Семевским нормы земельной обеспеченности северного крестьянства.

По большинству северных уездов сохранились как Краткие, так и Полные экономические примечания. По Архангельской губернии межевание было закончено только в Шенкурском уезде. Отсутствие по остальным уездам этой губернии источников, возникших при межевании, восполняется материалами уникальной, вероятно, единственной в своем роде по объему статистических данных подворной переписи 1785 г. По уездам, в которых было проведено межевание, ответы волостных миров на вопросы трех анкет переписи расширяют сведения Полных экономических примечаний. Материалы этой переписи хорошо сохранились. Они находятся в государственном архиве Архангельской области. Волостные миры заполняли сведения в трех ведомостях-анкетах, состоявших из сотни вопросов. Так, формуляр «Топографической ведомости» включает сведения о селениях, количестве дворов и населения в каждом, о размерах пашни по писцовым книгам и по состоянию на время переписи. Формуляр «Экономической ведомости» отражает хозяйственное состояние каждого двора (сколько мер высевается ржи, ячменя и овса, наличие скота, сбор сена в кучах-копнах), занятие мужчин и женщин. Формуляр «Запросных пунктов» включает ответы на 76 вопросов⁷¹. Много вопросов о применяемых удобрениях, урожайности, продаже хлеба и скота, вплоть до вопросов о долголетии жителей, о том «крепче ли телом, рослее или ниже крестьян соседних». Впервые некоторые статистические выборки по этим материалам были опубликованы в 1916 г.⁷² Но до 1950-х гг. никто этими материалами не пользовался. Только в 1957 г. вышла в свет в Архангельске книга Ф. И. Резникова по истории холмогорского скотоводства, автор которой использовал данные переписи по теме монографии, а несколько позже для статьи о земледелии в Подвинье⁷³.

В работе использованы материалы ревизий, хранящихся в

⁷¹ Государственный архив Архангельской области, ф. 1. Архангельское наместническое правление, оп. 2, дд. 69—197 — ведомости об экономическом состоянии волостей Кольского, Архангельского, Мезенского и Шенкурского уездов; ф. 396, Холмогорский городской магистрат, оп. 1, дд. 3—90 — результаты переписи Холмогорского уезда.

⁷² Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 г. (Итоги подворной переписи). Архангельск, 1916. См. также «Северная Русь», вып. 2, стр. 190—227, где полностью опубликованы ответы на все анкеты по одной из волостей.

⁷³ Ф. И. Резников. История холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957; *Его же*. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. IV, М., 1960.

Центральном государственном архиве древних актов (Первая ревизия), в отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (вторая и третья ревизии), в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде — материалы остальных ревизий. Сопоставление материалов Экономических примечаний с данными камеральных описаний (последние находятся в архиве Ленинградского отделения института истории, ф. 36) позволило уточнить ряд сведений о состоянии агрикультуры в конце XVIII в., а по Архангельской губернии, в которой межование не проводилось, камеральные описания дают возможность получить данные о земельной обеспеченности черносошных и дворцовых крестьян. Топографические описания северных губерний обнаружены в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве (ф. ВУА), в архиве ЛОИИ (ф. 36) и в Вологодском областном архиве. Они позволили сверить и сопоставить показания экономических примечаний, камеральных описаний и губернаторских отчетов (последние в ЦГИА СССР, в архивах Вологодской и Архангельской областей).

Широко использованы таможенные книги XVII — начала XVIII столетия, которые полностью обработаны по Тотемской таможне (более 50 томов) и частично по таможням Великого Устюга, Сольвычегодска, Каргополя, Пустозерска, Вятки и других городов. Кроме выяснения показаний о порайонной специализации сельскохозяйственного производства и о развитии товарно-денежных отношений, большой интерес представляют записи в таможенных книгах о движении рабочих людей и состоянии рынка рабочей силы. Эти сведения сопоставлены с показаниями таких источников, как Крестоприводные книги (содержащих перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя), что помогло выявить влияние социальных факторов на передвижение населения. Среди других источников данного исследования Судебники и Уложения XVI—XVII вв., судебно-следственные и различные актовые материалы сборных фондов ЦГАДА — «Приказные дела старых лет», «Приказные дела новой разборки» и другие. Частные фонды в различных архивохранилищах уточняют и дополняют материалы писцовых книг. К этому типу источников относятся окладные и оброчные книги, различные хозяйственные монастырские и помещтно-вотчинные документы и бумаги в делопроизводстве дворцового и других ведомств.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА. СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ.
РАЙОНИРОВАНИЕ

1. Северная Русь

Необозримая страна, раскинувшаяся от Белозерья, Вологды и бассейна реки Вятки до берегов Ледовитого океана, с древнейших времен представляла известное единство как с физико-географической, так и социально-экономической точки зрения. Необходимо указать и на такой аспект понимания как социально-психологический и культурно-исторический факторы. Автор этих строк уже выступал с обоснованием возможности введения в историко-научную номенклатуру применительно к изучаемой территории термина Северная Русь¹.

Возвращаясь к этому вопросу, первоначально напомним читателю основные вехи истории края, относящиеся в основном до конца XV в., до присоединения к Москве, когда уже определялось единство Северной Руси и ее общность со всей землей Русской.

Этот край начал заселяться нашими предками уже в первые века существования Древнерусского государства. Народная славянская колонизация из Новгородской земли, слившись в единый поток с «низовской» колонизацией из Ростово-Суздальской, сыграла прогрессивную роль в освоении края. В свое время К. Маркс писал, что новгородцы «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»².

В XIII в., когда на Русь двинулись орды Батыя и нависла угроза на северо-западных рубежах, обширные пространства к северу от Вологды стали особенно интенсивно заселяться и осваиваться. До падения Казанского ханства и до начала широкого освоения русскими средневожских степей, Северная Русь продолжала оставаться одним из основных районов промысловой и земледельческой крестьянской колонизации. И, конечно, она была не только районом заселения и хозяйственного освое-

¹ П. А. Колесников. Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971; *Его же*. Северная Русь. Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973.

² Архив Маркса и Энгельса, т. 8, стр. 156.

ния. Здесь, вдали от часто подвергавшихся иноземным нападениям Ростово-Суздальской и Новгородско-Псковской земель, успешно развивалось требовавшее неимоверного труда земледелие, росли промыслы и ремесла, устойчивее сохранялись исконные славяно-русские нравы и обычаи, достижения культуры всех народов, населявших этот край. Не случайно, что и в наши дни столь велик интерес к многообразным художественным памятникам Русского Севера и уважение к ним. Историческая роль русского и других народов, издревле его населявших, в многовековом формировании материальной и духовной культуры поистине велика.

Примечателен факт, что славянское заселение и освоение преимущественно средствами народной колонизации обуславливало мирные отношения с аборигенным населением (весь, карелы, коми, ненцы, коми-пермяки, саамы и другие). Это убедительно подтверждается археологическими исследованиями³.

До присоединения к Москве большинство земель составляло владения Новгорода Великого, будучи неисчерпаемым источником его богатства и могущества. Только Вологодский уезд и Устюг Великий довольно рано вошли в состав Московского княжества.

Известно, что борьба между Москвой и Новгородом за обладание этой территорией к концу XV в. закончилась полной победой Московского княжества, ставшего ядром формировавшегося единого Русского централизованного государства. Кончились разорявшие население междоусобицы и военные столкновения между Москвой и Новгородом. Не случайно, что время с конца XV и почти все следующее столетие, как будет показано ниже, было временем наиболее интенсивного освоения земельных площадей под сельское хозяйство. Вхождение в состав Московского княжества и ликвидация новгородской боярщины содействовали дальнейшему развитию производительных сил Северной Руси. Почти совпавшие во времени два события исключительной важности для поморского населения еще больше повысили значение Северной Руси для Русского государства. Это, во-первых, установление в XVI в. непосредственных связей с Англией Северным морским путем и основание г. Архангельска как главного центра торговли России с Западной Европой, во-вторых, это походы Ермака и присоединение Западной Сибири.

Завершившийся в первой четверти XVI в. длительный процесс формирования основного ядра территории Русского централизованного государства означал ликвидацию последних феодальных княжеств. В XV столетии появляется название Россия. Образовавшееся государство представляло собой с точки зрения территории сложную картину. В административном отношении страна в XVI—XVII вв. делилась на уезды, волости и станы.

---

³ А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской области — В кн.: «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967, стр. 13—14.

Наряду с этим официальное приказное делопроизводство всю европейскую территорию, руководствуясь историко-географическим принципом, делило на крупные области, получившие названия «городов». Это «Замосковные города» (в позднейшей литературе — «Замосковный край») — территория, включавшая 32 уезда и охватывавшая в основном владения древней Ростово-Суздальской земли — основы, на которой в XIV—XV вв. складывалось Русское централизованное государство. К этой области иногда относили еще Белозерский и Вологодский уезды⁴. Затем выделялись города «от Немецкой Украины», «от Литовской Украины», «Заоцкие», «Рязанские», «Украинные», «Северские», «Польские», а также «Поморские города», иногда «Поморье» — территория Европейского Севера.

Поморье было одной из самых обширных областей, занимая в конце XV — начале XVI в. (при Иване III) не менее 60% всей территории Русского государства того времени. По мере дальнейшего включения других земель, удельный вес площади всех северных уездов, конечно, снижался, однако в середине XVI в. их территория все еще занимала половину страны⁵.

Рассмотрение всех компонентов, определявших общность Северной Руси, начнем с географической среды как совокупности природных условий (климат, рельеф, воды, почвенный покров, растительный и животный мир).

2. Географическая среда

Утверждение, что географическая среда оказывает влияние на ход исторического развития, особенно справедливо применительно к условиям исторической практики людей этой суровой в природном отношении области. С. М. Соловьев, А. П. Щапов, В. О. Ключевский были не правы, когда переоценивали роль географического фактора при объяснении истории России. Однако нельзя его и недооценивать. Отмечая значение географической среды, Карл Маркс писал: «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которыми они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»⁶. История северного крестьянства всех национальностей — это история непрерывного напряженного труда, постоянно требовавшего преодоления суровых препон, которые выдвигались природой на каждом шагу.

Специфические условия деятельности и отсюда общность края определялись уже тем, что Поморье почти до XVII в. было единственной областью страны, которая занимала не только

⁴ См. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. Изд. 2-е. М., 1937.

⁵ К. Арсеньев. Статистические очерки России. СПб., 1848, т. 2, стр. 53—58; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 240.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.

огромные пространства европейской тайги, но также лесотундру и тундру. Только с присоединением Сибири площадь этих зон увеличилась.

И в наше время Европейский Север РСФСР отличается суровостью климата, густой сетью рек и озер, необычайными массивами лесов, болот и торфяников, своеобразным растительным и животным миром. Тем более первозданным был здешний мир тысячу лет тому назад, когда он начал энергично заселяться и осваиваться.

В тундре и лесотундре Заполярья и лето холодное. Суровость летних месяцев, даже при долгом дне, усиливается влиянием Белого и Баренцева морей, которые поглощают массу тепла, расходуемого на таяние льдов и нагрев воды. Правда, зимой, когда надолго опускается заполярная ночь, моря немного «отапливают» тундру, препятствуя резкому охлаждению воздуха. На скалистом плато Кольского полуострова, расчлененном неглубокими речными долинами и усеянном мелководными озерами, растительность бедна, тундровые почвы неплодородны. Кажалось, не за что человеку и уцепиться. Однако уже в XII в. проникают сюда карелы и русские. Началось освоение Мурманского побережья Баренцева моря с его богатым, разнообразным животным миром (моржи, нерпы, тюлени, киты и промысловые рыбы атлантического происхождения — треска, морской окунь, сельдь, камбала, палтус), к тому же — моря, не замерзающего зимой. Все это создавало благоприятные возможности для зверобойного и рыбного промыслов, для торгов с отечественными и иноземными купцами.

Как тундра, так и лесотундра, представленная в европейском заполярье в виде узкой полосы шириной от 20 до 120 км, не использовалась человеком под земледелие. Ненцы и саамы имели стада оленей.

Тайга давала больше возможностей для земледелия, но и здесь люди должны были вступать в неимоверно трудную борьбу с суровой природой. Средняя температура в самом теплом месяце — июле — в зависимости от географической широты колеблется от 13 до 17°, а средняя январская — от —10 до —20°, в отдельные периоды этого студеного месяца понижаясь до —35—40°. Даже в Вологодской области снег на полях в некоторые годы сохраняется до конца апреля, а на севере нередко лежит до второй декады мая. Заморозки нередко наблюдаются в июне. По исчислениям специалистов, теплообеспеченность вегетативного периода со средней суточной температурой в 10° составляет всего 106—110 дней в году⁷. Еще суровее климат в северной и восточной частях тайги. А между тем, вегетация ржи продолжается 150—170 дней, овса — 98—105 дней, а ячменя — 80—90 дней. Отсюда диктовалась необходимость отбирать наибо-

---

⁷ Агроклиматический справочник по Вологодской области. Вологда, 1959; Агроклиматические ресурсы Вологодской области, Л., 1972.

лее устойчивые зерновые и другие сельскохозяйственные культуры.

Значительное количество осадков, сравнительно небольшие величины фильтрации и замедленный сток поверхностных вод вследствие преобладания незначительных уклонов местности — все это вызывает переувлажнение земель, заболачивание, воздействует на типы и качество почв. На почвообразование оказала свое влияние и растительность.

И сейчас Европейский Север — это основной многолесный район европейской части СССР⁸. Что же говорить о времени, относящемся к X—XV вв. Именно леса — бескрайние просторы, эти «лесные пустыни», определяли облик края, условия жизни и деятельности людей. Только вдоль рек и вокруг озер кое-где узкими полосками располагались безлесные или малолесные участки, пригодные под земледелие. Царица северной тайги — ель; ей сопутствует сосна. Ель и сосна, наличие торфяников определили преобладание подзолистых, глеево-подзолистых и подзолисто-болотных почв. Типичные подзолистые почвы распространены под коренными хвойными лесами, обладают высокой кислотностью, нуждаются в применении специальных агротехнических средств и приемов обработки.

Моря, озера и реки оказали особо большое влияние на известное единство природы края и на формирование местных географических и историко-экономических районов. Ледовитый океан с его Баренцевым и Белым морями принимает сток почти всех северных рек. Располагаясь в области положительного баланса влаги, северные реки полноводны, мелеют летом и зимой не так резко, как реки юга Русской равнины. Истоки рек нередко довольно близко подходят друг к другу, что благоприятствовало созданию волоков, а позже каналов. Сухона и Двина, составившие основу Сухоно-Двинской речной магистрали от Вологды до берегов Белого моря, в известной мере географически выделили Центральное Поморье со всеми его особыми условиями для сельского хозяйства и промыслово-торговой деятельности. Самая многоводная река Баренцева моря — Печора и верховье Камы, вероятно, содействовали определению своего лица «Пермским городам», а бассейн реки Вятки — «Вятской земле». Более ста тысяч озер Кольского полуострова, озера Карелии, занимающие 12—13% ее суши, так же оказывали влияние на заселение этого края, на занятия его населения. Наконец, необходимо отметить наличие пойменных речных долин с большими площадями сенокосных угодий, что оказало не малое влияние на развитие животноводства.

⁸ На 1 января 1961 г. под лесом занято в Коми АССР 67,2%, в Вологодской обл. — 62,6%, в Карельской АССР — 47,4%, в Мурманской обл. — 30,9% всей площади земель. Более низкая лесистость в Карелии и в Мурманской области объясняется значительными пространствами тундр и болот (А. Г. Чергов. Основные проблемы использования природных ресурсов Северо-Запада. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 52).

Разнообразие и богатство пушного зверя в лесах служили притягательной силой много столетий. Болотные железные руды «Железного поля» в Устюженско-Белозерском крае, в Карелии, Важской земле и в Приуралье, огромные запасы подземных соленосных вод почти на всей территории поморских уездов, известные уже в XVI—XVII вв. месторождения многих полезных ископаемых, глины и строительного камня, неисчислимы запасы корабельных, строительных лесов — все это также определяло специфику занятий северного крестьянства, соотношение промыслово-ремесленной и земледельческой деятельности, борьбу крестьян за изменение природы в соответствии с потребностями времени.

3. Основные категории северного крестьянства

Социальная структура землевладения и крестьянства будет рассмотрена ниже. Прежде необходим ретроспективный взгляд на эволюцию основных категорий крестьянства для выяснения социально-экономической общности края.

После присоединения изучаемой территории к Москве здесь, как и во всем Русском государстве, земли, в зависимости от того, в чьем владении они находились, на приказном официальном языке XVI—XVII вв. подразделялись на следующие категории: помеотно-вотчинные светских феодалов (частновладельческие), дворцовые, черные, монастырские и церковные. Исходя из этого, различались и основные группы северного крестьянства: частновладельческие, дворцовые, черносошные, монастырские и церковные. А вот соотношение их было совсем иным, чем в крепостническом центре.

Преобладающей категорией земель были здесь не частновладельческие, а «черные» земли, самой многочисленной категорией населения — «сидевшие» на них, владевшие ими — черносошные крестьяне. М. М. Богословский для XVII в. определил количественные отношения категорий земель и крестьян по данным дворового числа писцовых книг первой половины XVII в.⁹ Составленную им таблицу мы дополнили показаниями отсутствовавших в его распоряжении писцовых книг по Важскому уезду и Чаронде, включили Вологодский уезд с преобладавшими в нем частновладельческими землями и крестьянами, а также внесли в таблицу данные по Кольскому и Пустозерскому уездам (табл. 1).

Конечно, соотношение различных категорий земель было бы точнее определить по площадям земельных угодий, а не по данным о дворовом числе населения. М. М. Богословский объяснял свой прием исчисления, во-первых, тем, что писцовые книги «не

---

⁹ М. М. Богословский. Самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1, Приложение 2, стр. 64—65.

Соотношение различных категорий земель и крестьян
по данным дворового числа в %

№ пп.	Уезды	Дворцовых	Черносош-ных	Монастырских и церковных	Частновладельческих	Годы
1.	Вологодский	—	—	19,9	80,1	за 1628—1630 гг.
2.	Тотемский	—	96,0	4,0	—	за 1623—1625 гг.
3.	Устюжский	—	92,0	7,1	0,9	за 1623—1626 гг.
4.	Сольвычегодский	—	81,0	13,0	6,0	за 1625 г.
5.	Устьянские волости	—	100,0	—	—	за 1645 г.
6.	Важский	95,3	—	1,6	3,1	Сведения не полные; частновладельческие за Едемскими.
7.	Двинский	—	86,0	14,0	—	за 1623—1624 гг.
8.	Мезенский	—	100,0	—	—	за 1623 г.
9.	Кеврольский	—	99,3	—	0,7	за 1623 г.
10.	Заонежские погосты	—	65,8	32,8	1,4	за 1646 г.
11.	Чаронда	—	98,8	1,2	—	за 1624—1625 гг.
12.	Каргопольский	—	97,0	3,0	—	за 1648 г.
13.	Чердынский	—	97,0	1,3	1,7	за 1647 г.
14.	Кольский	—	100,0	—	—	за 1608—1611 гг.
15.	Пустозерский	—	100,0	—	—	за 1674 г.
16.	Яренский	—	95,0	5,0	—	за 1608 г.
17.	Кайгородский	—	99,5	0,5	—	за 1678 г.
18.	Соликамский	—	37,0	16,0	47,0	С владениями Строгановых за 1647 г.
19—23.	Уезды Вятской земли	—	75,0	24,3	0,7	за 1678 г.

представляют прежде всего данных для пространственных определений, так как они указывают в поземельных мерах только пахотную землю и не всегда обозначают другие угодья, да притом цифровые обозначения писцовых книг выражают нередко не столько хозяйственную деятельность, сколько фискальные нормы». «Во-вторых, — развивает далее свою аргументацию исследователь, — хотя сравнение цифр дворов не даст нам представления о сравнительной величине земельных площадей и покажет только распределение труда по разным категориям землевладения, но ведь «в старину этим трудом земля измерялась, пожалуй, чаще, чем земельными мерами»¹⁰. Трудности еще и

¹⁰ М. М. Богословский. Указ. соч., т. 1, стр. 49.

в том, что писцовые книги за вторую половину XVII в. сохранились по небольшому числу даже северных уездов, не говоря уже о центральных, по которым их дошло до нас еще меньше. Источники массового порядка за первую половину XVIII в. отразили только учет дворов и людей (переписи и ревизский учет). И все же, мы можем воспользоваться данными о дворовом числе, так как, сравнивая показания по угодьям и дворовому числу, мы получаем почти идентичные результаты. Так, по Яренскому уезду в 1608 г. по соотношению пашен черные земли составляли 94,7%, по соотношению дворов — 95%. По Тотемскому уезду в 1625 г. соответственно 96,7 и 96% и т. д.

Но возвратимся к нашей таблице. Черные земли и черносошные крестьяне в первую очередь определяли общность всех районов Европейского Севера. К ним относились не только русские, но и другие крупные этнические группы сельского населения. В Яренском уезде, бывшем зырянском крае, преобладали коми, в Заонежских погостах (впоследствии составивших ядро Олонецкой губернии, а сейчас Карельской АССР) — карелы. Черносошных крестьян было в земле коми 95%, а в Карелии с ее самыми крупными монастырскими вотчинами — 65,8%. Устьянские волости и Мезенский уезд населяли только черносошные крестьяне (100%), в остальных — от 99,5% в Кайгородском уезде и до 75% в Вятской земле.

В Вологодском уезде к 30-м гг. XVII в. все оставшиеся черносошные волости были поглощены поместно-вотчинными и монастырскими владениями¹¹. После Вологодского уезда наибольшее число частновладельческих крестьян было за Строгановыми в Приуралье (в табл. 1 они включены в Соликамский уезд).

Во второй половине XVII в. повышается удельный вес частновладельческих и монастырских крестьян. В Двинском уезде с конца 20 до 80-х гг., за 50 лет, монастыри увеличили количество крестьянских и бобыльских дворов в своих деревнях в полтора раза, в Устюжском уезде с 7,1 до 10%, наблюдается увеличение монастырских вотчин в Вологодском, Кеврольском, Яренском уездах.

Дворцовые крестьяне преобладали в Важском уезде, а с начала XVIII в. и в Каргопольском уезде и Чарондской округе (Чаронда в конце XVIII в. вошла в состав учрежденного Кирилловского уезда Новгородской губернии). В Вологодском уезде известны дворцовые села Фрязиново, Турундаево, Кобылино, Сорочнево. Такие группы дворцового крестьянства, как сокольи и кречатьи помыгчиқи, находились в Двинском уезде и в селениях Николаевском, Левино, Рушковой Вологодского уезда.

Удельный вес различных групп северного крестьянства в

---

¹¹ ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги по Вологде, № 1. Дозорная кн. дворцовых волостей Вологодского уезда 1589—1590 гг.: Там же, ф. 1209. Писцовые книги уезда № 14722—14726 и другие. (Дозорная книга опубликована в сб.: «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 2, Вологда, 1972, стр. 6—177.

первой четверти XVIII в. отражен в материалах первой ревизии (см. табл. 2). Мужское население черносошных крестьян составляло 53,6% к общему числу ревизских душ, монастырских было 11,6%, а население дворцовых владений увеличилось почти в два раза, составив 9,9% (за счет передачи в дворцовое ведомство Чаронды и Каргопольского уезда), помещичьих крестьян — 20,3% (в основном за счет Вологодского уезда и владений Строгановых в Восточном Поморье). Во всей Архангельской провинции, например, помещичьих крестьян было только 283 чел., или 0,4%. Вероятно, в это время было близкое соотношение и основных категорий земель.

Указами Петра I из остатков незакрепощенного земледельческого населения было оформлено особое податное сословие — государственные крестьяне, включившие черносошных крестьян северных уездов Поморья, сибирских пашенных крестьян, некоторые группы крестьян вновь присоединенных территорий. После секуляризации в 60-х гг. XVIII в. монастырских и церковных вотчин бывшие монастырские крестьяне стали называться экономическими, которых с VII ревизии стали учитывать в составе государственных крестьян.

Удельный вес всех групп этой категории крестьян все время поднимался, что подтверждается материалами ревизского учета. Так, на сопоставимой территории современных Вологодской, Архангельской, Мурманской областей, Коми и Карельской АССР во время II ревизии всего государственных крестьян, плативших подушную подать, было учтено 273 989 душ м. п., или 64,2% общего числа ревизского податного населения, во время III ревизии (1762—1763 гг.) — соответственно 305 277 душ м. п., или 65,3%, во время V ревизии — 340 819 душ м. п., или 69,9%. Собственно, бывшие черносошные крестьяне имели абсолютное преобладание в составе государственных крестьян (от 66% по II ревизии до 70,1% во время V)¹².

Такое соотношение сохранилось до реформы 60-х гг. XIX в., что подтверждается материалами ревизий (см. приложение № 1). В таблице 3 показано соотношение различных категорий крестьян по данным X ревизии. В ней сведения сгруппированы по сопоставимым территориям старинных поморских уездов и административного деления во время последней в России ревизии. Государственные крестьяне составляли 70,7%, а с учетом крестьян, приписанных к заводам, половников и ненцев удельный вес поднимается до 73,6%. В Олонецкой губернии государственных крестьян (с приписными к заводам) было 92,1%, в Вятской — 98,3%. По уездам картина еще разительнее. Например, в Пинежском уезде Архангельской губернии, в Яренском и Устьсысольском уездах Вологодской губернии, в Пудожском и Повенецком уездах Олонецкой губернии среди сельского населения государственные крестьяне составляли 100%. Правда, заметна тенден-

¹² См. «Северная Русь. XVIII в.», стр. 154—184.

Соотношение различных категорий населения Поморья
в первой четверти XVIII в. (I ревизия душ м. п.)*

Категория населения	Провинции и уезды						Итого	
	Олонецкий уезд Новгородской провинции, Чаронда и Каргопольский уезд Белозерской провинции	Архангельский, Кеврольский, Мезенский, Важский, Пустозерский, Кольский уезды Архангельской провинции	Вологодский и Тотемский уезды Вологодской провинции	Устюжский, Яренский, Сольвычегодский уезды Устюжской провинции	Соликамский, Чердынский, Кунгурский уезды Соликамской провинции	Хлыновский, Слободской, Орловский, Котельнический, Кайгородский уезды Вятской провинции	абсолютн. число душ м. п.	в %
Черносошные крестьяне	26882	34852	11329	75001	36447	105553	290064	53,6
Дворцовые крестьяне	27524	24257	2156	—	—	—	53937	9,9
Монастырские и церковные крестьяне	8923	10424	23115	6214	4335	10062	63073	11,6
Итого	63329	69533	36600	81215	40782	115615	407074	75,1
Помещичьи крестьяне	541	329	64690	3464	41269	—	110293	20,3
Купечество в городах и др.	5058	3323	4116	3726	3717	4292	24232	4,6
Всего	68928	73185	105406	88405	85768	119907	541599	100,0

* ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1163.

ция к увеличению и числа помещичьих крестьян, особенно со второй половины XVIII в., когда в ходе Генерального межевания и на севере помещики захватили значительные участки земель. Во время X ревизии в Олонецкой губернии учтено помещичьих крестьян с дворовыми 5405 чел., или 4,6% к числу сельского населения, в то время как по первой ревизии на сопоставимой территории они составляли не более 1,5%. Эти перемены, однако, не влияли сколько-нибудь существенно на социальный облик Русского Севера.

Но своеобразие региона заключалось не только в абсолютном преобладании черносошных (государственных) крестьян. Важнейшей особенностью явилась социальная природа «черного» землевладения в период раннего феодализма, его историческая эволюция в эпоху позднего феодализма. В первом очерке изложены различные толкования природы этого землевладения. Вероятно, на первом этапе заселения, когда славянские общины еще не попадали под «государственное устройство», освоенная крестьянами земля действительно была их полной собственностью. В ходе включения славянских и аборигенных общин в систему феодальных государственных институтов определилась та форма собственности, которая названа «разделенной собственностью» крестьян и государства, отражавшая своеобразное «равновесие сил» борющихся сторон. Победило государство. Северные черносошные крестьяне стали феодально-зависимой, несвободной категорией сельского населения с правом лишь владения землей. Однако еще в XVII в. мы обнаруживаем отзвуки борьбы между крестьянами и государством за право владения землей. И в этом столетии широко практиковалось право крестьян распоряжаться своими земельными участками. Черносошный крестьянин считал себя собственником освоенных земельных площадей, которыми он мог распоряжаться, не испрашивая разрешения верховных властей, свободно-явочным порядком выбирать в лесах удобные участки и расчищать их под пашню и сенокосы¹³.

Никто не отрицает такую практику распоряжения землями, как купля-продажа, обмен, передача по наследству, заклад, вклады в монастыри и т. д. Если для феодальной приказной администрации термин «черносошный» имел чисто формальный характер, то для самих же крестьян это наименование было подтверждением его исконных прав быть «черными», свободными, ничейными. Отсюда форма и структура черного землевладения, особенности северной крестьянской общины, самоуправления, стадий классовой борьбы.

Далее. Признаем ли мы полностью или с оговорками формулу А. Я. Ефименко о долевом землевладении, мы все же не

¹³ Право имущественного распоряжения землей, столь распространенное среди черносошного крестьянства, влияло на сохранение такой практики среди дворцовых и даже помещичьих крестьян Вологодского уезда (Е. Н. Бакланова. Указ. соч., стр. 21—23).

можем отрицать, что такая форма земельной собственности долго сохранялась на Севере, во всяком случае — в Подвинье. Правда, А. И. Копанев на основании анализа веревной книги Паниловской волости Двинского уезда 1612 года пришел к выводу, что этим источником, вопреки утверждениям А. Ефименко, «теория долевой деревни не подтверждается»¹⁴. Но эта мысль еще требует дополнительных доказательств. Ведь нужно учитывать, что само долевое землевладение необходимо рассматривать в развитии, а не как нечто неподвижное. Самое существенное во взглядах на долевое землевладение в новейшей историографии в том, что оно на Русском Севере, как и родовой выкуп, «не могло сдерживать земельную мобилизацию в среде черносошного крестьянства», оно «претерпевало изменения под воздействием экономических процессов, связанных с имущественной и поземельной дифференциацией»¹⁵.

Следующей характерной чертой северного землепользования, как и промысловой деятельности, является складничество, возникшее в связи с необходимостью огромной затраты труда в условиях географической среды Севера. Складничество, как особая форма артельной организации труда, представляет удивительное явление, сопутствовавшее северному земледельцу с первых шагов заселения и освоения. Рисуя складнически-долевое землевладение и землепользование, А. Я. Ефименко ошибочно считала его обломком первобытнообщинных отношений, в то время как складничество было типичным сложением трудовых усилий в многовековой докапиталистический период. Если складничество наблюдается во всех поморских уездах и за весь изучаемый период, ярко характеризую особенности жизни и производственной деятельности всех категорий северного крестьянства, то долевая форма наблюдалась главным образом в Подвинье, в районах с чрезвычайно малыми участками пригодной под пашню земли. С этим мы согласны с А. Я. Ефименко. Мы лишь не можем распространить ее выводы на всю территорию Русского Севера. Если элементы долевого землевладения в центральных и восточных уездах Поморья и были в первые века колонизации, то к началу XVI в. эта форма владения землей имеющимися в нашем распоряжении источниками не отмечается.

---

¹⁴ А. И. Копанев. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. — «Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР», вып. 4, Вологда, 1970, стр. 387.

¹⁵ Проблема крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, стр. 24, 119.

Соотношение различных категорий податного населения
по X ревизии 1858 г.*

Категории населения	Губернии					Итого	
	Архангельская	Вологодская	Олонецкая	Вятская (Вятский, Слободской, Глазовский, Котельничский, Нолинский, Орловский уезды)	Пермская (Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Кунгурский уезды)	абс. число	в %
Купцы и мещане	5545	11566	2871	8526	7769	36277	2,6
Удельные крестьяне (быв. дворцовые)	24715	37628	1245	—	4605	68193	4,7
Государственные крестьяне (быв. черносошные и монастырские)	81064	254922	85785	484724	108858	1015353	70,7
Лоцманы	192	—	—	—	—	192	—
Помещичьи крестьяне	—	99278	5042	240	161072	265632	18,5
Дворовые	6	3670	363	11	5738	9788	0,6
Приписные к заводам	—	1114	24965	6179	1752	34010	2,4
Половники	—	3054	—	—	—	3054	0,3
Самоеды (ненцы)	2523	—	—	—	—	2523	0,2
Итого	114045	411232	120271	499680	289794	1435022	100

* ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 6, д. 1023, 1858, ч. 1.

4. Районирование

Географическая среда и социально-экономическая общность определяли известное единство изучаемого региона. Но уже сама географическая среда вычерчивала границы отдельных природно-экономических зон. В дальнейшем зональные особенности все явственнее стали определяться под влиянием социально-экономических факторов. Все это указывает на необходимость рассматривать развитие аграрных отношений на всей территории края с учетом внутренних порайонных особенностей.

Дореволюционные исследователи при изучении областного деления Поморья XVI—XVII вв. обычно за основу брали административную структуру края, формальное деление на уезды и подчиненность их тому или иному центральному приказу¹⁶. Если социально-экономические явления не игнорировались полностью, то им придавалось второстепенное значение. Для более позднего времени дворянско-буржуазные исследователи брали в основном губернское деление. Первую попытку дать районирование страны, в том числе и Севера, исходя из естественных и хозяйственных особенностей, сделали в XIX в. специалисты Центрального статистического комитета. Известный статистик пореформенного времени Ю. Э. Янсон в соответствии с принятой тогда схемой районирования распределил губернии и уезды Севера по следующим экономическим районам. В район Новгородско-Финского полесья включалась Олонецкая губ., кроме Повенецкого, Пудожского ее уездов, а также Вельский уезд Вологодской губернии. К Вологодско-Вятскому полесью отнесены Вятский, Орловский и Котельничский уезды Вятской губернии, Вологодский, Кадниковский, Грязовецкий, Устюжский, Никольский и Тотемский уезды Вологодской губернии и Череповецкий уезд Новгородской губернии и т. д.¹⁷.

В советской исторической литературе пока также нет единого мнения о районировании Русского Севера применительно к XVI — первой половине XIX в.

Так, многие сибиреведы, анализируя приток населения из Русского Поморья в Сибирь, выделяют четыре основных района Поморья, беря за основу бассейны северных рек. Это Северное Поморье (в основном Двинский, Мезенский, Кеврольский, Пустозерский уезды), Центральное Поморье (Вологодский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский уезды, Устьянские волости), Западное Поморье (Каргопольский уезд, Чарондская округа и Заонежские погосты), Восточное Поморье (Соликамский, Пермский, Кайгородский и все уезды Вятской зем-

¹⁶ Полную картину административного деления Поморья XVII в. дал впервые М. М. Богословский (Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. 1, М., 1909; т. 2, М., 1912). Пользуясь писцовыми и переписными книгами, автор составил схематическую карту края.

¹⁷ Ю. Э. Янсон. Сравнительная статистика России и Западно-Европейских государств, т. 1, СПб., 1878, стр. 23—33.

ли)¹⁸. А. А. Преображенский в своих исследованиях Соликамский и Чердынский уезды, а также образованный в XVII в. Кунгурский уезд и вотчины Строгановых относит к Уральскому региону и рассматривает главным образом в тесной связи с Зауральем и Западной Сибирью¹⁹. Н. Е. Носов центром всего Поморского края в XVI в. считает Подвинье (в прошлом Заволочье), а наиболее населенной и экономически развитой частью Подвинья с середины этого столетия полагает земли, лежащие в низовьях Северной Двины, между Вагой и Белым морем, т. е. собственно Двинский уезд²⁰.

Изучая территорию государственного крестьянства конца XVIII—первой половины XIX в., академик Н. М. Дружинин выделяет Северное Поморье в составе Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний, а также Приуралье в составе Пермской губернии²¹. Применительно к XIX—началу XX в. в советской литературе Архангельская и Вологодская губернии обычно объединяются в Северный район, Вятская и Пермская губернии — в Северное Приуралье, а Олонецкая губерния относится к Озерному краю²².

Разнообразие взглядов на проблему районирования Севера, а также поставленная цель изучить эволюцию аграрных отношений на всей его территории за несколько столетий, обязывает нас вновь обратиться к этому вопросу. Методологической основой подхода к районированию служит ленинский принцип экономического районирования России в пореформенный период. Рассматривая развитие капиталистических форм сельскохозяйственного производства, В. И. Ленин при группировке губерний в основу деления положил торговое земледелие, главный рыночный продукт, ибо, как он говорил: «Рост капитализма в земледелии состоит прежде всего в переходе от натурального земледелия к торговому»²³. Поэтому сельскохозяйственные районы он различал не по формам натурального хозяйства, а по формам товарного производства. Советские историки и экономисты плодотворно продолжают разработку ленинского наследия по экономическому районированию России периода капитализма. Так, П. Н. Першин, привлекая поуездные материалы позднейших статистических исследований, определил примерный поуездный состав и географическое размещение экономических районов. В. К. Ядунский на основе изучения экономико-географических материалов в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в Рос-

¹⁸ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964.

¹⁹ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

²⁰ Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 240—241.

²¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Кясева, т. 1, М., 1946; т. 2, М., 1958.

²² В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 198.

сии» составил три историко-экономические карты. Е. С. Карнаухова опубликовала схематические картограммы торгового земледелия²⁴.

Так как ведущей отраслью феодальной экономики является сельское хозяйство, то, вероятно, и в докапиталистический период экономическое районирование необходимо связывать с различиями в сельскохозяйственном производстве, с его специализацией, с формированием районов торгового земледелия в тесной связи с ростом внутреннего рынка. Конечно, это не значит, что нужно механически переносить ленинские понятия из одной исторической эпохи в другую. Но специфические особенности социально-экономических процессов в Поморье были таковы, что мы вправе внимательнее отнестись к ленинским указаниям о районировании. Это верно потому, что взятые за основу В. И. Лениным явления зарождались и получали развитие значительно раньше реформы 1861 года, еще в недрах феодального способа производства, а территориальное разделение труда, формирование районов со специализацией внутри каждого, происходит уже на мануфактурной стадии капитализма²⁵.

Поморье было одним из тех районов страны, где наиболее осязаемо уже в XVII в. обнаруживаются зачатки экономического районирования, внутренняя специализация и товарное производство сельскохозяйственной продукции, широкое распространение торгово-промышленной деятельности крестьянства, небывалый до этого рост имущественного неравенства, начавшего перерастать в социальное расслоение северного крестьянства, и другие явления, которые присущи эпохе генезиса капитализма²⁶. Конкретные материалы, собранные нами, подтверждают это и дают основание предложить приводимое ниже экономическое районирование Европейского Севера в докапиталистический период.

Уже до присоединения к Москве стали выделяться районы новгородской и ростово-суздальской колонизации, районы ранней и более поздней колонизации с различной степенью феодализации. Ликвидация новгородской боярщины в Заонежье и Подвинье, «развод» Вятки в 1490 г., когда местные бояре и другие сепаратисты были высланы в разные места Московского государства, привели к увеличению числа черносошного крестьянства. Одновременно с этим в Велозерье и вокруг Вологды шел

²⁴ П. Н. Першин. Указ. соч.; В. К. Яцунский. Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина. — «Вопросы географии», 1953, № 31, стр. 7—29; Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма М., 1951.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 431—434.

²⁶ Данная характеристика подтверждается указанными во введении исследованиями Н. В. Устюгова, А. Ц. Мерзона, Ю. А. Тихонова, Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и др. Хотя и с оговорками, но наличие этих процессов в Поморье в XVII в. признают и авторы доклада на Всесоюзной дискуссии в 1965 г. (Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969, стр. 29).

интенсивный процесс закрепощения «чернокунского» крестьянства. Земледельческо-промысловое освоение края, развитие производительных сил, пусть и медленное, но все возрастающее, уже в XVI в. стало определять контуры экономических районов.

Известно, что создателем всех хозяйственных ценностей является труд, который опирается на содействие сил природы. Указывая на это, Маркс пояснил, что «труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорил Уильям Петти, земля — его мать»²⁷. И северная земля в силу различных почвенно-климатических условий не везде могла одинаково эффективно содружествовать с трудом для производства материальных богатств. Человеку потребовались века, чтобы научиться правильно использовать естественные факторы плодородия (солнечная энергия и водные ресурсы, тепло и влага, запасы таких питательных веществ, как азот, фосфор, калий и т. д.). Не менее сложной вставала задача использовать и общественные факторы плодородия, то есть наиболее производительную общественную организацию ведения сельского хозяйства, а также различные мероприятия, повышающие естественное плодородие почвы. Поэтому первоначально на процесс экономического районирования большое влияние оказывала географическая среда. Включение Поморья во второй половине XVI в. в активную экономическую и политическую жизнь Русского государства ускорило использование естественных и общественных факторов плодородия, создавало более благоприятные условия для экономического районирования.

В ходе социально-экономического развития в XVI—XVIII вв. здесь определилось пять природно-экономических зон, отличающихся разной степенью заселенности, различными условиями для развития сельскохозяйственного производства и крестьянских промыслов, порайонной специализацией сельского хозяйства.

К первой зоне мы относим Центральное Поморье со всеми уездами вдоль Сухоно-Двинского речного пути от Вологды до Архангельска. Общность этой зоны в XVI—XVIII вв. определялась в первую очередь указанной речной магистралью, которая являлась географическим и экономическим ее нервом. Здесь располагались крупные промыслово-торговые центры, оказывавшие влияние на развитие аграрных отношений. Оживленное судоходство, развитое судостроение, солеваренные промыслы в Тотьме, Леденге, Соли Вычегодской и по побережью Белого моря способствовали развитию различных ремесел не только на посадах, но и в волостях, ускоряли специализацию сельскохозяйственного производства, втягивали крестьян в рыночные отношения. Убедительным подтверждением служат материалы о

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 52.

грузообороте по р. Сухоне и Двине, о рабочей силе, обслуживавшей этот грузооборот.

Нет возможности с точностью подсчитать грузооборот перевозок по Сухоне и Двине между Вологдой и Архангельском. Но зная количество проходивших судов в оба конца и примерный тоннаж каждого типа речных судов того времени, можно получить приближенные данные. Так, тотемская таможня с 1 сентября 1634 года по 31 августа 1635 года зарегистрировала более 500 судов, проходивших в оба конца. Из них 210 ладей, барок и дощаников, этих наиболее крупных судов, а также 46 паузков и каюков, груженных солью, хлебом, рыбой, железом и другими разнообразными товарами отечественного и иностранного привоза²⁸.

В таможенных книгах грузоподъемность судов не указана. Обнаруженные нами в государственном архиве Вологодской области книги записей продажи речных судов за 1785 и 1786 гг. позволили определить тоннаж судов, перевозивших грузы от Вологды к Архангельску. По этим источникам учтено за два года 63 сделки на продажу-куплю различных судов, в том числе 18 барок, 10 полубарок, 14 каюков, 21 паузка. Их размеры соответствуют величине таких же судов XVII в. Грузоподъемность барок от 10 до 23 тысяч пудов, полубарок — от 7 до 8 тысяч, насадов — до 12,5 тысячи, каюков — от 4 до 5 тысяч, паузков — от 600 до 2000 пудов²⁹. На основании этого можно определить грузооборот речного транспорта. Так, в XVII в. между Вологдой и Устюгом в навигационный период проходило от 150 до 250 одних крупных судов. Если признать, что на судно грузили в среднем только по 10 тыс. пудов, то и тогда грузооборот на этом участке определяется от 1,5 до 2,5 млн. пудов. С учетом каюков и лодок (а их ежегодно проплывало в оба конца до 200—300), допустимо названные показатели увеличить на 100—200 тыс. пудов.

С учетом сотен мелких судов и специальных плотов, на которых обычно дворцовые крестьяне Важского уезда сплавляли хлеб к Архангельску, грузооборот увеличивается еще на 5—10%. И это лишь по данным Тотемской и Устюжской таможен. Большое количество судов, груженных главным образом хлебом, вливалось в товарный поток к Архангельску через Ношульскую и Сольвычегодскую пристани из Вятских уездов.

Грузопоток не уменьшался и в первой четверти XVIII в., когда значительно возрос привоз хлеба к Архангельску из вят-

²⁸ ЦГАДА, ф. 137, Городовые книги по Тотеме, № 12 (Таможенная).

²⁹ ГАВО, ф. 1. Вологодский городской магистрат, д. 4, лл. 2—21; д. 6, лл. 1—23. По сведениям англичанина Дженкинсона, «суда, называемые насадами, очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более как на 4 фута и поднимают 200 тонн; на них нет никаких железных частей, но все сделано из дерева, при попутном ветре они могут плыть под парусами. (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, стр. 75).

ских уездов, что подтверждают просмотренные нами таможенные книги первой половины этого столетия. Например, в 1723 г. Ношульская таможня зарегистрировала 8 крупных судов, перевозивших около 150 тыс. пудов муки и зерна. Эти суда обслуживали 198 наемных рабочих³⁰. В 1722 г. Сольвычегодская таможня зарегистрировала 14 судов, на которых транспортировалось примерно 250 тысяч пудов хлеба. Перевозку обслуживало 349 человек³¹.

О значительном привозе хлеба к Архангельску в 1725 г. из уездов Центрального Поморья приводит интересные сведения С. М. Троицкий. По его подсчетам из Вологодского, Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского, Важского уездов и Устьянских волостей в этом году было доставлено в Архангельск 9343,5 четв. зерна и муки (около 75 тыс. пудов)³².

Грузы шли не только водным, но и гужевым транспортом. До открытия в 1763 г. Сибирско-Московского тракта на Екатеринбург (ныне Свердловск) движение в Сибирь по сухопутью в основном проходило через Центральное Поморье. По данным таможенных книг на участках Вологда — Сольвычегодск и Вологда — Архангельск в XVII в. ежегодно транзитом следовало по 10—15 тыс. подвод с грузом, исключая пассажирские перевозки. Считая в среднем на подводу по 20 пудов, мы получим 200—300 тысяч пудов груза. Вместе с речным транспортом ежегодный грузопоток через Центральное Поморье в направлении к Архангельску и в Сибирь в XVII — первой четверти XVIII в. составлял не менее 3 млн. пудов.

В обслуживании речного и гужевого транспорта участвовали многие крестьяне этой зоны. На суда, плывшие вниз по течению от Вологды до Устюга, требовалось в зависимости от их размеров и груза от 17 до 40 человек. Суда, идущие от Архангельска и Устюга на Вологду, вверх по течению, требовали значительно больше людей. 2 сентября 1633 г. через Устюг на Вологду прошел дощаник Сидора Константинова, мерою 17 саж. с осьминою. Дощаник из Архангельска тянули 25 бурлаков, которые на севере назывались судовыми ярыжными, да в Устюге «в прибавку наняли 25 человек ярыжных», помимо того, был на дощанике «ярыжка и повар», т. е. всего 52 человека, без речных лоцманов, называвшихся носниками³³.

22 апреля 1634 г. из Вологды проплыли мимо Тотьмы 8 дощаников Соловецкого монастыря, на которых было 334 человека ярыжных да 16 носников и кормщиков, а 24 июня эти

³⁰ ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32870.

³¹ Там же, д. 32868.

³² С. М. Троицкий. Архангельский хлебный рынок в 1-й четв. XVIII в. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. IX, М., 1957, стр. 177—192.

³³ ЦГАДА, ф. 137, Городовые книги по Тотьме, № 11, л. 8, об.; Таможенные книги Московского государства XVII в., т. I, М.—Л., 1950, стр. 105 (в дальнейшем «ТК»).

суда возвращались из Холмогор с солью и платили в Тотъме пошлину уже с 668 человек одних ярыжных³⁴.

Людным был и зимний путь через Вологду, Тотъму, Великий Устюг и другие города. Поток подвод с товарами и за товарами, подводы с торговыми людьми и представителями приказной администрации, а иногда зимой проезжал и многочисленный караван иноземного посла или резидента какой-либо европейской державы. Только в Тотъме тысячи работных людей регистрировали свой наем на суда или направлялись в другие северные города, бывшие в то время своеобразными рынками рабочей силы (табл. 4).

Таблица 4

Движение работных людей, обслуживавших водный и гужевой транспорт между Вологдой и Устюгом Великим³⁵

Годы	Носников и кормщиков (речных лоцманов)	Ярыжных на судах (северных бурлаков)	Людей, что ехали „для найма“	Извозчиков на транзитных подводах	Итого
1626—1627	429	6551	3107	не учтено	10087
1627—1628	402	5291	2214	2902	10809
1630—1631	789	10498	1326	3393	16006
1634—1635	467	7772	1607	3058	12904
1644—1645	625	9630	1760	не учтено	12015
1648—1649	340	5915	1700	3328	11283
1649—1650	322	6106	638	1650	8716
1651—1652	535	8496	1127	не учтено	10158

Итак, только по материалам тотемских таможенных книг в XVII в. ежегодно за навигационный период регистрировалось от 7 до 16 тыс. северных бурлаков и других работных людей, прибывших в Тотъму и Устюг Великий для найма на суда. Большое количество людей нанималось работать на участках Северо-Двинского речного пути в Сольвычегодске, Красноборске, Ношуле и многих других пунктах. С учетом потребности работников для обслуживания судостроения, солеваренных, кузнечных и других промыслов, а также и монастырского сельского хозяйства, ежегодно Центральное Поморье с конца XVI и весь XVII в. нуждалось в наемной рабочей силе численностью от 20 до 30 тысяч человек мужского пола.

Наряду с факторами, определявшими общность Центрального Поморья, в силу почвенно-климатических, исторических и социально-экономических условий в этой обширной зоне в XVI—XVIII вв. четко обозначились три экономических района.

³⁴ «ТК», т. 1, стр. 543, 546.

³⁵ Подсчеты по городovým таможенным книгам Тотъмы № 2, 4, 23, 28, 30, 828, также по опубликованным в «ТК», тт. 1—3.

Во-первых, это Вологда с ее обширным уездом, разделенным лишь в 1780 г. на три уезда (Вологодский, Кадниковский, Грязовецкий). Это начало Сухоно-Двинского пути к Архангельску, как и всех путей в Сибирь, преддверие богатого Поморского края, перевалочный пункт огромного грузооборота. Вологда была крупным ремесленно-торговым центром страны, значительным рынком рабочей силы (сюда только для найма на суда весной собирались по 5—6 тысяч человек). Вологодский уезд в пределах изучаемого нами региона имел наиболее благоприятные почвенно-климатические условия для сельского хозяйства, в том числе льноводства и животноводства. Здесь господствовали помещичье землевладение и помещичья система феодальной эксплуатации крестьянства. М. М. Богословский Вологду целиком исключил из поля зрения своего исследования, поскольку, изучая земское самоуправление, он не мог найти в этом уезде почти полностью исчезнувшие к XVII в. черные волости и «земство». И все же Вологодский уезд как экономический район был ближе к Поморскому Северу, чем к центру страны. На этом основании Ю. В. Готье справедливо счел возможным отнести Вологду, хотя и с некоторыми оговорками, к северным областям, а не к Замосковью³⁶. Соглашаясь с доводами Ю. В. Готье, мы также относим Вологду с уездом к Центральному Поморью, выделяя этот уезд в особый экономический район зоны.

От Вологодского уезда по обе стороны Сухоны и Двины располагались довольно обширные и населенные уезды, составившие второй район — собственно Центральное Поморье: Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский уезды и Устьянские волости. Конечно, не все эти уезды исторически сложились одновременно, также не все они первоначально заселились и осваивались выходцами из одних и тех же районов страны (уже к началу XIII в. Устюг Великий был крайним северо-восточным форпостом со стороны ростовских владений, в то время как Важско-Вельский край и Тотьма заселялись выходцами из Новгородской земли). В каждом уезде были некоторые специфические особенности и для земледелия. Но все же здесь было больше факторов роднящих, чем разобщающих. Все эти уезды были заселены государственными, главным образом черносопными крестьянами (только в Важском уезде преобладала группа дворянских крестьян).

Земледелие играло, хотя и несколько меньшую роль, чем в Вологодском, но все же преобладающую в экономике. Тотемский и Устюжский уезды в XVII — первой половине XIX в. выступают как значительные районы по производству зерна, хмеля, а также продуктов животноводства. Высокого уровня достигло товарное производство в хозяйствах зажиточной верхушки крестьян. Тотьма в конце XVI в. и особенно в первой по-

³⁶ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1937, стр. 85.

ловине XVII в. стала крупным центром торговли хлебом. Только казной в 30—40-е гг. XVII в. здесь закупалось ежегодно от 100 до 378 тыс. пудов местного и особенно привозного хлеба³⁷. Границы Устюжского областного рынка включали не только территорию своего уезда, но и соседних уездов Поморья: Сольвычегодского, Тотемского, Важского, а также запредельных Ветлужско-Унженских станов³⁸. Соседствующая Кокшеньга на рынки Тотьмы и Устюга поставляла большое количество скота. Важско-Вельские волости были житницей большой округи. Значение Тотьмы и Великого Устюга как хлебных рынков начинает снижаться во второй половине XVII в., когда основным рынком Севера стала Вятская земля. Вместе с этим уезды роднит и все усиливающееся имущественное неравенство крестьянства, отрыв крестьян от земли и пополнение все возрастающего спроса на рабочую силу для обслуживания солеварения, судостроения, речного и сухопутного транспорта³⁹.

Третьим районом Центрального Поморья были земли, расположенные в низовьях Северной Двины и в нижнем течении р. Онеги. После присоединения к Москве новгородская Двина составила Двинский уезд. Вотчины новгородских бояр были конфискованы, их земли перешли в разряд государевых оброчных, а затем слились с черносошными землями. Преобладающей категорией сельского населения стали черносошные крестьяне. Являясь самой северной частью Сухоно-Двинской магистрали, этот уезд в середине XVI в.⁴⁰ стал наиболее населенным и экономически развитым районом Поморья. Здесь в XVI в. пробивается столь необходимое для Русского государства северное «окно в Европу», строится город Архангельск, крупнейший порт и торговый центр страны. Непосредственные торговые связи России с Англией и Голландией дали выход русским товарам за границу, создали новые рынки, содействовали развитию ремесел и промыслов. По берегам моря и рекам было много тонь — удобных мест для ловли рыбы. В приморской полосе уезда в местах выхода соляных ключей у погостов Ненокса, Уна, Луда и на востоке по р. Кулоку были соляные варницы, ежегодно в XVI—XVIII вв. поставлявшие на рынки сотни тысяч пудов соли.

Обилие сохранившихся актовых источников и своеобразие земельных отношений на Двине давно привлекли к себе внимание историков. В новейшей историографии обоснована точка зрения на наличие новых тенденций в экономической жизни По-

³⁷ ЦГАДА, ф. 137. Городовые кн. по Тотьме, № 7; ф. 159. Приказные дела новой разборки, д. 828 и др.

³⁸ А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в XVII в. М., 1960.

³⁹ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79.

⁴⁰ По подсчетам А. И. Копанева, здесь к началу XVI в. жило около 20 тыс., а к середине этого столетия — уже 30 тыс. чел. (Исторические записки, т. 64, М., 1959, стр. 243).

морья в XVI в. «в известной мере предбуржуазных»⁴¹. Отмеченные тенденции продолжали развиваться в XVII и XVIII столетиях. Это нашло свое отражение в ярко выраженной здесь ранней специализации сельского хозяйства, особенно животноводства.

Архангельск требовал емкого рынка рабочей силы, которая поставлялась в первую очередь за счет крестьянства Двинского уезда. Подвинское крестьянство втягивалось в рыночные отношения, что подтверждается таможенными книгами и выписями таможен, материалами северных ярмарок и торжков. На большое значение в XVII в. Важской Благовещенской ярмарки указывал С. В. Бахрушин, об участии в ней крестьян Двинского и смежных уездов мы находим интересный материал у Б. Б. Кафенгауза⁴².

Ко второй, к Северо-Западной зоне Поморья, мы относим территорию нынешней Карельской АССР, Мурманской области и некоторых районов Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей. В XVI—XVII вв. это — Заонежские погосты, Кольский уезд, Каргопольский уезд без Турчасовского стана и территория вокруг озера Воже, носившая название Чарондской округи. Эту зону родило несколько факторов. Во-первых, наиболее ранняя славянская колонизация, а абorigенами ее были племена, говорившие на языках угро-финской языковой семьи (весь, карелы, саамы). Во-вторых, в силу неблагоприятных природных условий для земледелия (кроме небольшой юго-западной его части) преобладающее значение здесь имели промыслы и ремесла. Наличие железных и медных руд способствовало раннему развитию крестьянской железодельной промышленности и кузнечного ремесла, а в начале XVIII в. здесь были построены олонечкие металлургические заводы. Все это оказало большое влияние на юридически-правовое и социальное положение чернососных крестьян, заселявших эту часть Поморья, особенно в связи с припиской их к заводам⁴³.

В третьих, Заонежье было единственной областью Поморья, которая непосредственно входила в новгородские владения, составляя Заонежскую половину Обонежской пятины. Являясь районом ранней славянской колонизации, Северо-Западное Поморье пересекалось многими старинными путями, что оказывало определенное влияние на его экономическое развитие. В Заонежье новгородцы шли по рекам Волхову и Свири в Онежское озеро, бывшее в центре Обонежской пятины. Отсюда на север, на Терское побережье Кольского полуострова, и на восток в район Заволочья (Подвинья) вело несколько путей. До середины XVI в.

⁴¹ Н. Е. Носов. Указ соч., стр. 241.

⁴² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 1, М., 1952, стр. 202; Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, гл. VI.

⁴³ Я. А. Балагуров. Олонечкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958.

основным был путь рекою Водлою, Кенозером и р. Кеной, которыми попадали в Онегу, откуда шли до моря или переходили по Емце на Северную Двину.

После присоединения Поморья к Москве главное значение имел Онежский путь к Белому и Баренцеву морям, который в первой половине XVI в. был особенно оживленным (от Белого озера до р. Ухтомы, далее волок — оз. Высоцкое — волок — оз. Долгое — другая Ухтома — Коротецкая пристань — р. Модлона — Свирь — оз. Лаче — р. Онега). Стоявшие на этом пути посад Чаронда и особенно г. Каргополь играли в XVI в. крупную роль. В Каргополе пересекались пути с запада в восточные районы Поморья и на Север к Коле, бывшему долгое время одним из главных русских пунктов торговли с западноевропейскими странами. По зимнему пути на каргопольские склады стекалось множество товаров. Это хлеб, лен, кожи, смола, пенька, мыло и прочие товары из Вологды, Ярославля и других городов. Соль, рыбу, сало, шкуру морского зверя, иноземные товары доставляли из Колы, Беломорья и Соловков. Г. Штаден называл Каргополь «складом соли». Важни города перевешивали до 500 тысяч пудов в год. Уставная грамота 1536 г. предписывает белозерцам, воложжанам и холмогорцам торговать солью только в Каргополе. В Каргополе были варницы для очистки соли — «морянки». Этот город был и крупным рынком «мягкого товара» — пушнины. Каргопольские ремесленники достигли высокого мастерства в выделке меха, особенно белки. Здесь же шел крупный торг карельским железом. Начиная с 80-х гг. XVI в. в связи с основанием Архангельска и закрытием внешнего торгового пути в Коле и на Мурманском берегу, торговые пути переместились на Двину, а экономическое значение Каргополя начинает заметно падать. В первой половине XVIII в. Каргополь как транзитный пункт движения товаров на Петербург вновь оживает. Так, зимой 1748 г. только каргопольские купцы отправили на 200 возах рыбу семгу, мясо говьяжье, беличьи меха и другие товары, да сотни груженых товарами возов отправили другие купцы. Дворцовые крестьяне Чаронды и черносошные Каргопольского уезда втягивались в рыночные отношения, поставляя на рынок продукты как сельского хозяйства, так и крестьянских промыслов⁴⁴.

В третью зону есть основание включить Северо-Восточные уезды: Мезенский, Кеврольский, Пустозерский и Яренский, разделившийся в 1780 г. на Яренский и Устьсысольский. Вся поверхность этих уездов сплошь покрыта лесом до самого Уральского хребта. Если исключить тундровую часть Пустозерского уезда, то это один непрерывный, сплошной лес, без значительных прогалин и открытых пространств. Редко разбросанное по всей этой территории население ютилось исключительно по берегам рек, терялось в лесной стране. Русские, коми, ненцы относи-

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 829, Каргопольская таможня, оп. 1, д. 723.

лись к черносошному крестьянству и составляли относительно единую группу феодально зависимого населения.

В этой зоне можно выделить два экономических подрайона. Во-первых, — территория Кеврольского и Мезенского уездов. Погосты на р. Пинеге первоначально лежали за пределами Двинской земли. В XVI в. они описываются в составе Двинского уезда⁴⁵. Через Пинежские погосты по Кулою и Мезени и морским берегом осуществлялась связь с «Печорской стороной», шло движение в Северное Приуралье и за Урал. В XVII в. Пинежские и Мезенские станы вновь выделились и образовали самостоятельные Кеврольский и Мезенский уезды⁴⁶. При наличии малых площадей, пригодных под пашню земель, здесь были не плохие условия для развития животноводства. Крестьяне этих уездов в середине XVIII в. поставляли в Архангельск большие партии скота, масла, говяжьего сала и кож. Так, в 1741 г. только в мае они продали 58 голов скота «домашнего кормления»⁴⁷. В 1726 г. «отпущено» с Кевролы около 500 голов скота и несколько тысяч говяжьих кож⁴⁸.

Вторым подрайоном была земля народа коми, Яренский и Устьсыольский уезды. Лесные массивы, почти повсеместное господство песчаных почв так же мало благоприятствовали земледелию. Преобладала промысловая деятельность населения. Морской промысел в прибрежной полосе и охота на пушного зверя в глубинных местностях были основным занятием. Отсюда меха вывозились в Соль Вычегодскую, в XVI—XVII вв. бывшую главным пушным рынком Поморья. Начиная с 60-х гг. XVII в., размеры торговых операций на пушнину в Соли Вычегодской начинают снижаться⁴⁹. Однако хотя соболиный промысел отодвинулся на восток, но в Пустозерской, Туглимской, Яренской таможнях в XVIII в. еще регистрировались значительные сделки с пушминой (горностаи, песцы, белки). Так, в 1746 г., по таможенным платежным выписям Пустозерска, в Московскую большую таможню и в другие города было «явлено», то есть зарегистрирован отвоз более 10 тысяч штук только песцовых шкурок⁵⁰. На крайнем Северо-Востоке размещался малоземельный Пустозерский уезд, через который пролегали самые северные пути к Ледовитому океану и за Урал.

Эта зона Поморья таила в своих подземных кладовых полезные ископаемые. Уже в 1496 г. направленная из Москвы экспе-

---

⁴⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 104.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1209, Писцовые книги по Кеврольскому и Мезенскому уездам, № 185 и 186.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 829 (сб. фонд. таможенных книг), оп. 1, д. 807. Выписи Кеврольской таможни.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 273 (Камер-Коллегия), оп. 1, ч. 8, 1721, д. 32764 (новый № 29).

⁴⁹ И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской. — «Исторические записки», 1945, № 14.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1507, 1741 г., Пустозерская таможня.

дичия обнаружила на р. Цильме серебряную и медную руды. Кузнечный промысел вырос и развивался на местных залежах железных руд. В середине XVIII в. начинала зарождаться и в Коми крае местная заводская металлургическая промышленность. Здесь возникло несколько крупных железоделательных мануфактур (Нювчимский, Кажимский, Нючпасский заводы), на которых работали приписные местные крестьяне и купленные крепостные. В 1788 г. на трех заводах работало до 2000 вольнонаемных мужчин и более 1500 женщин⁵¹.

В последней четверти XVI в. в Коми крае зарождается солеваренная промышленность и возникают Сереговские промыслы. Выварка на них соли в течение XVII в. выросла более чем в 10 раз, давая в конце столетия ежегодно до 310 тысяч пудов соли. Количество рабочих, главным образом вольнонаемных, только для непосредственного обслуживания варниц составляло в XVII в. не менее 200 чел., а в конце XVIII в. — более 500 чел.⁵² Из Пустозерска в Петербург и в Москву поставлялась красная рыба⁵³.

Гужевой и речной транспорт и судостроение в XVII—XVIII вв. требовали и в этом районе большого количества рабочих людей, не менее 500 чел. В солеварении, в кузнечном, деревообрабатывающем и в брусняном промыслах было занято около 2000 чел., в железоделательной промышленности — по 2—3 тыс. чел. мужского пола. Это довольно значительная доля всего населения этих 4-х уездов.

Четвертой зоной Поморья была Вятская земля. Являясь краем тяглого черносошного крестьянства, этот район имел свою специфику. Хотя основание Хлынова относится к XIV в., но интенсивное заселение и земледельческое освоение края началось позже. Занимая бассейн Вятки с ее многочисленными притоками, Вятская земля имела широкие возможности для экономических связей с соседними уездами. Более благоприятные условия для земледелия, особенно в южной части, уже в XVII в. сделали вятские уезды одним из крупных хлебопроизводящих районов Поморья. Отсюда значительный поток хлеба через Ношувскую пристань направляется в Поморье. В обязанности вятчан вплоть до середины 80-х гг. XVII в. входило снабжение хлебом и Сибири. Сложившееся в крае к началу XVIII в. довольно развитое мелкое промышленное производство в основном было направлено на переработку сельскохозяйственного сырья. В судо-

⁵¹ Очерки по истории Коми АССР, т. 1, 1955, стр. 156—160.

⁵² Очерки по истории Коми АССР, т. 1, стр. 122, 163; В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. — «Летопись занятий археографической комиссии», вып. XXXV, Л., 1929, стр. 11—38.

⁵³ ЦГАДА, ф. 829, оп. 1, дд. 1503, 1507. Таможенные платежные выписи Пустозерской таможи. Они на крупные поставки с Пустозерска красной рыбы в Москву, Петербург, Архангельск и другие города. Только за 1641 г. дано таких выписей на 1370 бочек семги и сегов, весом около 27 тыс. пудов.

строении и для обслуживания транспорта в XVII в. ежегодно требовалось до 8000 душ мужского пола. Бряд ли уменьшилась эта потребность и в следующем столетии. Так, в 1751 г. Кайгородская таможня взыскала десятую деньгу с 634 подвод и зарегистрировала прохождение 53 дощаников и 14 каюков и паузков, которые обслуживало около 1500 наемных бурлаков, носиков и других категорий работных людей⁵⁴. В декабре 1767 г. Вятская провинциальная канцелярия объявила о найме на казенные караваны 1211 работных людей. В XVIII столетии в Вятском крае также началось строительство металлургических заводов. В конце XVIII в. здесь по V ревизии у промышленников было особенно много собственных и приписных крестьян к частным и казенным заводам. Хотя уже в XVII в. здесь преобладало русское население, но значительную роль играли коми-зыряне и коми-пермяки, марицы, удмурты, татары.

Восточно-Прикамские уезды (Соликамский, Чердынский, возникший в XVII в. Кунгурский) и владения Строгановых в бассейне средней Камы и Печоры также составляли часть Поморья, в чем у правительственной администрации в XVI—XVII вв. никогда не было сомнений. При несколько большем удельном весе частновладельческих крестьян, все же и здесь преобладало и определяло социальное лицо края то же самое чернососное, государственное крестьянство.

Еще задолго до похода Ермака этот район был связующим звеном между Севером России и Западной Сибирью. Являясь территорией сравнительно более позднего освоения, этот район после похода Ермака интенсивно заселяется и осваивается. Приуралье становится воротами русской колонизации Сибири, перевалочным ее пунктом. Позже, в составе Пермской губернии, охватывавшей и земли на востоке от Уральских гор, эти поморские уезды вошли в особый уральский регион, который стал как бы соединительным поясом европейской и азиатской частей Русского государства⁵⁵. Развитие здесь солеварения, затем местной крестьянской железодельной и заводской промышленности, огромная потребность в рабочей силе, подвижность населения — все это также определяло специфику развивающихся тут социально-экономических явлений.

В таком свете представляется нам историческая, географическая и социально-экономическая общности всей Северной Руси XVI—XVIII вв., а также некоторые зональные специфические черты.

Однако этим не завершается рассмотрение проблемы районирования Северной Руси XVI — первой половины XIX в.

С точки зрения только земледельческого производства на всей изучаемой территории можно выделить близкие по условиям две основные зоны. За основу такого районирования взяты

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 829, Кайгородская таможня, оп. 1, д. 620.

⁵⁵ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 17.

почвенно-климатические условия, соотношение количества сельского населения и пахотных земель, специализация земледелия и связь с рынком.

Во-первых, это северная зона, «где земледелие совершенно исключалось из хозяйственной деятельности государственных крестьян или играло подсобную роль по отношению к промыслам. Граница этого района пролегла где-то по территории Кемского уезда, пересекала Онежский, Архангельский, Пинежский, Яренский, Устьысольский, Чердынский уезды»⁵⁶. Во-вторых, это обширная зона Европейского Севера и Урала, которая включала основную территорию Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской губ. Внутри каждой зоны были районы большой и меньшей специализации и более или менее постоянных связей с рынком. Так, в северной зоне это земледелие вблизи Архангельска. В южной зоне это все уезды Вятки, Сухонская треть Устюжского уезда, часть Тотемского уезда, Вологодский уезд, в Приуралье — Кунгурский и другие уезды.

При изучении истории животноводства мы не всегда получаем совпадение районов развитого земледелия и животноводства. Например, в XVIII в. в Подвинских волостях Архангельской округи при высоком уровне животноводства отмечается и более высокая культура земледелия, более высокая урожайность, но в силу незначительных площадей пашни общий уровень земледельческого производства низок. В Шенкурской же округе урожайность невелика, но, благодаря лучшей земельной обеспеченности, уровень земледельческого производства выше, чем в Архангельской и Холмогорской округах.

К середине XIX в. все яснее стало определяться экономическое районирование, различаемое по социальной структуре и торговой специализации сельского хозяйства.

5. Административное деление. Методика сопоставления административных единиц XVI—первой половины XIX века

Изучение аграрных отношений за столь длительный отрезок времени требует получения сопоставимых данных о территории уездов, губерний, зон изучаемого региона.

Административное деление Русского Поморья начинало складываться уже в конце XV в. и к XVII столетию определилось в составе трех округов: Заонежские погосты, Устьянские волости и Чарондская округа — и следующих 20 уездов: Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Важский, Двинский, Каргопольский, Кеврольский, Мезенский, Пустозерский, Яренский, Чер-

⁵⁶ А. С. Черевань. Очерки истории социально-экономического и правового положения государственных крестьян Урала и Европейского Севера России до реформы П. Д. Киселева. Автореферат докторской диссертации. Киев, 1968, стр. 25—26.

дынский, Соликамский, Кайгородский, Хлыновский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский и Кольский, а также Вологодский, в XVII в. в Приуралье был учрежден Кунгурский уезд. Уезды делились на станы, волости, погосты и другие более мелкие единицы.

При Петре I было введено губернское деление страны, которое до начала XIX в. часто претерпевало изменения.

В дореволюционной литературе было несколько попыток получить сопоставимые в территориальном отношении данные для решения исследовательских задач в основном демографического плана.

В. Э. Ден, изучая население России по V ревизии, детально проследил административные изменения в 1775—1897 гг. Это дало ему возможность получить сопоставимые территории только для 1806—1897 гг. С этой целью он, например, в Вологодской губернии соединял Вельский и Кадниковский уезды из-за проведенных разграничений в 1851 г. и т. д., но он подверг сомнению возможность сопоставления уездов XIX в. с уездами в границах 1775 г., не говоря уже о более раннем периоде⁵⁷.

В советской литературе изменения административно-территориальных границ губерний и уездов за время ревизий прослежены В. М. Кабузаном⁵⁸. Но это еще не решает вопроса о сопоставимости территорий. Впрочем, В. М. Кабузан перед собой такой задачи не ставил.

Безусловно, что для соблюдения принципа сопоставимости территорий XVI—XVII вв. с административным делением последующих столетий необходимо проделать огромную работу по исторической географии. Так, нам наряду с изучением законодательных актов потребовалось провести исследования материалов писцовых и переписных книг и ревизского учета, данных Генерального межевания и отложившегося в связи с этим огромного картографического фонда, списков населенных мест и других документов. Северным отделением археографической комиссии и Вологодским проблемным объединением по аграрной истории Европейского Севера СССР начата публикация списков населенных мест северных уездов XVII в. Уже опубликованы списки всех селений Вологодского, Яренского, Тотемского, Сухонской трети Устюжского уезда, а также Кокшенинской чети Важского уезда в границах XVII в.⁵⁹

В табл. 5 дается сопоставимая территория в целом по

⁵⁷ В. Э. Ден. Население России по V ревизии, т. 1, М., 1907, гл. 2.

⁵⁸ В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, Приложения № 3 и 4.

⁵⁹ Списки селений Вологодского уезда по писцовым книгам 70-х гг. XVII в. опубликованы Я. Е. Водарским, а списки селений Яренского уезда XVI—нач. XVIII в.— Н. П. Воскобойниковой в кн.: «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. III, Вологда, 1970. Списки селений Тотемского уезда, Сухонской трети Устюжского уезда и Кокшенинской чети Важского уезда опубликованы автором в сб.: «Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства. XVII в.» Вологда, 1971.

Зоны	Административное деление в XVII—начале XVIII в. по писцовым и переписным книгам (до образования губерний)	Площадь в тыс. кв. верст	Административное деление по V ревизии и данным Генерального межевания (но после ликвидации Лальского и Красноборского уездов) в конце XVIII в.	Площадь в тыс. кв. верст	Административное деление в середине XIX в.	Площадь в тыс. кв. верст*
			1. Вологодская губ.		1. Вологодская губ.	
				Уезды		
I	Вологодский уезд	23,0	Вологодский	5,3	Вологодский	5,3
	Тотемский уезд	15,5	Грязовецкий	6,9	Грязовецкий	6,9
	Устюжский уезд	48,0	Кадниковский	10,0	Кадниковский	15,1
	Сольвычегодский уезд	32,0	Тотемский (с Кокшеньгой)	20,5	Тотемский	20,5
	Двинский уезд	41,1	Сольвычегодский	35,1	Сольвычегодский	37,2
	Важский уезд	52,0	Устюжский	17,0	Устюжский	14,9
	Устьянские волости	5,0	Никольский	32,5	Никольский	32,4
	Турчасовский стан Каргопольского уезда	25,0	Вельский	26,2	Вельский	21,2
			2. Архангельская губ.		2. Архангельская губ.	
				Уезды		
			Архангельский	26,7	Архангельский	26,7
			Холмогорский	14,5	Холмогорский	14,5
			Шенкурский	21,8	Шенкурский	21,8
			Онежский (бывший Турчасовский стан)	25,1	Онежский	25,1
	<i>Итого по 1 району</i>	241,6		241,6		241,6
			1. Олонецкая губ.		1. Олонецкая губ.	
II				Уезды		
	Заонежские погосты	66,0	Олонецкий	8,1	Олонецкий	8,1
	Кольский уезд	130,0	Петрозаводский	13,1	Петрозаводский	13,1
	Каргопольский уезд (без Турчасовского стана)	19,2	Вытегорский	10,0	Вытегорский	10,0
			Повенецкий	35,2	Повенецкий	35,2
			Лодейнопольский	8,5	Лодейнопольский	8,5
			Пудогжский	18,1	Пудогжский	18,1
			Каргопольский	19,2	Каргопольский	19,2
			2. Архангельская губ.		2. Архангельская губ.	
				Уезды		
	Территория, позже отошедшая от Швеции, часть территории Лопских погостов	63,0	Кемский	35,7	Кемский	35,7
			Кольский	130,2	Кольский	130,2
			3. Новгородская губ.		3. Новгородская губ.	
				Уезды		
	Чарондская округа	12,0	Кирилловский уезд (сюда вошла Чаронда)	12,1	Кирилловский	12,1
	Итого	290,2		290,2		290,2
			1. Архангельская губ.		1. Архангельская губ.	
III				Уезды		
	Кеврольский уезд	40,0	Пинежский (бывш. Кеврольский)	40,0	Пинежский	40,0

Зоны	Административное деление в XVII — начале XVIII в. по писцовым и переписным книгам (до образования губерний)	Площадь в тыс. кв. верст	Административное деление по V ревизии и данным Генерального межевания (но после ликвидации Лальского и Красноборского уездов) в конце XVIII в.	Площадь в тыс. кв. верст	Административное деление в середине XIX в.	Площадь в тыс. кв. верст
	Мезенский уезд	30,0	Мезенский (бывш. Пустозерский уезд и с островами Новая Земля и Вайгач)	447,9	Мезенский	84,1
	Яренский уезд Пустозерский (с островами Новая Земля и Вайгач)	210,0 407,7			Печорский (с 1891 г.)	362,0
			2. Вологодская губ.		2. Вологодская губ.	
			Уезды			
			Яренский	51,0	Яренский	51,0
			Устьсысольский	148,8	Устьсысольский	148,8
	Итого	687,7		687,7		687,7
			1. Вятская губ.		1. Вятская губ.	
IV			Уезды			
	Хлыновский, Орловский уезды	44,6	Вятский	5,9	Вятский	5,2
			Орловский	12,1	Орловский	12,4
	Котельничский уезд	10,0	Котельничский	10,0	Котельничский	10,5
	Слободской уезд	12,0	Слободской (с Шестаковским и Кайгородским)	24,0	Слободской	24,0
						5,6
	Шестаковский уезд	5,0	Нолинский	5,7	Нолинский	20,9
	Кайгородский уезд	7,0	Глазовский	20,9	Глазовский	78,6
	Итого	78,6		78,6		
			1. Пермская губ.		1. Пермская губ.	
			Уезды			
V						
	Чердынский, Соликамский уезды	88,3	Чердынский	62,2	Чердынский	62,2
			Соликамский	25,8	Соликамский	25,8
	Владения Строгановых	36,0	Пермский	23,9	Пермский	23,9
			Оханский	12,5	Оханский	12,5
	Кунгурский уезд	10,0	Кунгурский	9,9	Кунгурский	9,9
	Итого	134,3		134,3		134,3
	Всего	1432,4		1432,4		1432,4

каждой из пяти выделенных нами зон Поморья. Взяв сведения административного деления и площади уездов по статистическим данным начала XX в., мы проследили административные изменения и сделали сопоставления с административным делением XVI—XVII вв.

Уезды Центрального Поморья в XVIII в. до V ревизии претерпевают значительные территориальные изменения, не выходящие за пределы зоны. В 1780 г. Вологодский уезд был разделен на Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский⁶⁰. За три года до этого разделения от Вологодского уезда отошло к Ярославскому наместничеству 6 тыс. душ м. п., но в 1778 г. к Устюжскому уезду от Кологривского было приписано 1500 душ. Таким образом, уменьшение населения здесь выразилось всего в 4500 чел. при общем количестве жителей в это время в 100 тыс.⁶¹.

В 1780 г. и в ходе межевания от Вологодского уезда к Тотемскому отошли Шепухоцкая, Козланская, Кочковская волости, образовавшие здесь Шуйскую волость⁶².

За счет Устюжского, Сольвычегодского и частично Яренского уездов в 1780 г. были образованы Никольский, Лальский и Красноборский уезды⁶³. В 1797 г. два последних уезда были упразднены. С ликвидацией Красноборского уезда к Сольвычегодскому отошло 1132 населенных пункта с 15351 душ м. п. и к Вельскому — 188 населенных пунктов с 6156 душ м. п. В это же время из Вельского уезда к Тотемскому было передано 390 населенных пунктов с 7904 чел., в том числе 7273 чел. удельных крестьян, 535 экономических и 96 черносошных⁶⁴. Из упраздненного Лальского уезда описаны к Устюжскому 522 населенных пункта с 6177 душ м. п., к Никольскому — 549 населенных пунктов и 10120 чел. и к Устьсысольскому уезду — 91 населенный пункт и 2638 чел. Заштатный город Красноборск вошел в Сольвычегодский уезд, а г. Лальск — в Устюжский. Таким образом, внутри зоны расширился Тотемский уезд, к которому были приписаны от Вологды Шуйская волость и почти полностью Кокшеньгская четь Важского уезда. Видимо, было небольшое уменьшение по Устюжскому и Сольвычегодскому уездам за счет передачи в 1797 г. Устьсысольскому уезду 91 населенного пункта⁶⁵.

Устьянские волости по реформе 1708 г. вошли в состав Архангелогородской губернии без изменений и состояли в То-

⁶⁰ ПСЗ, т. XX, № 14973.

⁶¹ ПСЗ, т. XX, № 14639. ЦГАДА, ф. 1355, д. 87. Экономические примечания Тотемского уезда.

⁶² ЦГАДА, ф. 1355, д. 87.

⁶³ ПСЗ, т. XX, № 14973.

⁶⁴ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 2, лл. 1—5.

⁶⁵ В Экономических примечаниях по уездам Вологодской губ. есть указания о дачах, которые перешли из уезда в уезд после ликвидации Лальского и Красноборского уездов, что позволит довольно точно составить исторические карты на начало XIX в. (ЦГАДА, ф. 1355, д. 92, л. 17; д. 77, л. 13; д. 127, л. 19; д. 66, л. 8 и т. д.)

темской доле⁶⁶. В 1780 г. эти волости были поделены между Вельским и Красноборским уездами, а с 1797 г. полностью вошли в состав Вельского уезда⁶⁷.

Верховажская, Кокшенигская, Шенкурская и Подвинская четверти Важского уезда по реформе 1708 г. стали называться Важской долей и позже были полностью включены в созданную Архангельскую губернию⁶⁸. В 1757 г. дворцовые волости уезда (доли) были разделены на две половины: Шенкурскую, куда вошли бывшие Шенкурская и Подвинская чети Важского уезда, и Верховажскую, включившую бывшие Верховажскую и Кокшенигскую чети. В 1780 г. каждая из половин была преобразована в уезды: первая — в Шенкурский, а вторая — в Вельский, но последний был образован из станов и волостей бывшего Верховажья. Кокшенига почти полностью вошла в состав Тотемского уезда, что значительно увеличило территорию и население этого уезда (примерно на 25%). В 1784 г. Шенкурский уезд из Вологодского наместничества был передан в состав Архангельской губернии⁶⁹.

На территории старинного Двинского уезда были образованы Архангельский и Холмогорский уезды, которые остались полностью в пределах этого района Поморья. Сюда мы отнесли и Турчасовский стан Каргопольского уезда, образовавший Онежский уезд Архангельской губернии.

Со времен проведения V ревизии и до 1917 г. во всем районе бывшего Центрального Поморья были незначительные изменения, затронувшие главным образом Вельский и Кадниковский уезды. В целом же территорию района в 241 тыс. кв. верст можно считать сохранившейся для XVI — начала XIX в.

Вторая зона в XVII столетии представлена Заонежскими погостами, Кольским, Каргопольским (без Турчасовского стана) уездами и Чарондской округой. До 1806 г. шли частые и крупные территориальные изменения. В 1649 г. был основан г. Олонец, который стал центром Заонежских погостов, а позже — Олонецкого уезда, входившего в 1708 г. в С-Петербургскую губернию, а с 1727 г. — в Новгородскую провинцию. В 1776 г. была образована Олонецкая провинция в составе Олонецкого, Паданского (с 1782 г. — Повенецкого уезда, занимавшего в основном территорию бывших Лопских погостов) и Вытегорского уездов. Последний был образован из бывшего Вытегорского погоста, к которому был присоединен Оштинский погост — 4113 душ м. п. да несколько волостей из соседнего Белозерского у. с 4707 чел. Итого

---

⁶⁶ ПСЗ, т. IV, № 2218; т. V, № 3380. См. Ландратскую книгу по Тотемскому уезду.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 4513. (По первой губернской реформе в 1708 г. Европейский Север вошел в состав Архангелогородской и Казанской губернии.)

⁶⁸ ПСЗ, т. IV, № 2218, № 3380.

⁶⁹ «Вологодские губернские ведомости», 1855, № 41.

в Вытегорском у. стало 13995 душ м. п.⁷⁰. В 1777 г. образован Петрозаводский уезд. В 1784 г. была образована Олонецкая губерния, а через год учреждается еще два уезда — Лодейнопольский и Пудожский. Упразднение в 1797 г. и восстановление в 1802 г. Олонецкой губернии не оказало влияния на изменение территории всего этого района. Собственно Каргопольский уезд без бывшего Турчасовского стана все время оставался в Олонецкой губернии. Кольский уезд и Соловецкие острова вошли в состав Кольского и Кемского уездов Архангельской губернии. Но в целях сопоставимости мы относим их к западной зоне Поморья. Сложнее обстоит дело с Чарондской округой. Войдя в состав Белозерской провинции, она до 70-х гг. описывалась как самостоятельный уезд. В 1777 г. слобода Кирилло-Белозерского монастыря преобразуется в город Кириллов, создается Кирилловский уезд, куда целиком вошла и территория бывшей Чарондской округы⁷¹. По IV ревизии в 1782 г. в Кирилловском уезде учтено 27489 душ м. п., из них примерно половина падает на Чаронду.

Третья зона в XVII в. — Кеврольский, Мезенский, Пустозерский и Яренский уезды. До 1775 г. они входили в Архангелогородскую губернию. Затем Кеврольский уезд был преобразован в Пинежский, а Мезенский включен в огромную территорию старинного Пустозерского уезда. Только в 1891 г. из двух станов Мезенского уезда (Второго и Запечорского) был вновь выделен Печорский уезд. Яренский уезд в 1780 г. был разделен на Яренский и Устьсысольский Вологодской губернии. Некоторые изменения границ уездов в связи с образованием и ликвидацией Лальского и Красноборского уездов были столь незначительны, что их можно не принимать во внимание⁷².

Четвертая зона — территория бывшей Вятской земли. Так как границы ее в XVI—XVII вв. были довольно неопределенны, то получение сопоставимой территории для XVIII и особенно для XIX в. чрезвычайно затруднено. Вероятно, не будет большой ошибкой, если мы возьмем за основу территорию Вятской провинции Казанской губернии 1727—1775 гг., когда она включала 5 старинных уездов и Кайгородский уезд. Включение сюда последнего уезда оправдывается тем, что он, как и Шестаковский уезд, вошел целиком в состав укрупненного Слободского уезда. За счет бывших уездов по V ревизии числятся Нолинский и Глазовский уезды. Остальные уезды Вятской губернии (Уржумский, Яренский, Сарапульский, Елабужский и Малмышский) были образованы уже за пределами территории Вятской земли Поморья.

Наконец, пятая зона — бывшая Пермская земля. Пожалуй, здесь наиболее трудно получить сопоставимую территорию, главным образом из-за наличия в XVI—XVII вв. большого района

⁷⁰ ПСЗ, т. 19, № 14088.

⁷¹ ПСЗ, т. 19, № 14500, 14585.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18641.

«отхожих» пашен тяглого населения и владений Строгановых. В период колонизации на территории Перми Великой образовались Чердынский, Соликамский, Кайгородский уезды и вотчины Строгановых от оз. Чусовского на севере до р. Чусовой на юге. За первооснову берем Чердынский и Соликамский уезды по писцовым и переписным книгам 1678 г. и владения Строгановых по ландратской книге 1715 г. Хотя в 1613 г. Кайгородский уезд входил в пределы бывшего Пермско-Чердынского уезда, мы все же его отнесли в целях обеспечения сопоставимости к Вятской провинции, куда он был приписан в XVIII в. Чердынский и Соликамский уезды до 1678 г. изменяли свои границы за счет друг друга с постепенным возрастанием роли Соликамского уезда, занимая территорию и более поздних Пермского и Оханского уездов. В XVII в. и почти весь XVIII в. владения Строгановых находились в основном в пределах Соликамского, Пермского, Оханского, Кунгурского и частично Обвинского уездов образованной в 1782 г. Пермской губернии.

Примененные нами методические приемы группировки изучаемых территорий в сопоставимые зоны на протяжении XVI — первой половины XIX в. обеспечивают необходимую надежность выводов и наблюдений по основным проблемам исследования, к чему мы сейчас и переходим.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Исторические и географические условия определили специфику заселения и освоения изучаемой территории. На редкозаселенные пространства с отдельными очагами аборигенного населения — предков нынешних карелов, коми, коми-пермяков, ненцев, саамов, вепсов (племена весь) — происходило постепенное мирное проникновение славян.

В силу этого можно предположить два варианта первоначального общения с аборигенным населением. Расселение славян могло идти путем обтекания очагов обитания аборигенов или постепенным вкрапливанием славянских поселений в компактные очаги проживания коренных жителей. Вероятно, было то и другое.

Исследователь колониционных процессов в Сибири В. И. Шунков отмечает, что переселялись туда в основном мирные хлебопашцы с целью использования свободных сельскохозяйственных угодий и освоение новых территорий «происходило при участии непосредственных производителей материальных благ»¹. Это положение можно распространить и на процесс заселения и освоения Северной Руси, с той разницей, что здесь первые такие шаги были сделаны на 5—6 столетий раньше, в условиях менее развитых общественных отношений у славян, но в сравнении с аборигенным населением уже находившимся на значительно более высокой ступени.

Соприкосновение пришельцев и аборигенов также приводило к двум последствиям: в одном случае к постепенному сближению и ассимиляции, к ослабляиванию (пример — племя весь), в другом — к сохранению своей площади, но с вкрапливанием в этот ареал славяно-русских селений, со взаимным влиянием друг на друга, особенно в этнографическом отношении (карелы, коми). Необходимо учитывать, что коми еще до прихода славян близко соприкасались с племенами весь, а последние, в свою очередь,

¹ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 426. См. также новейшее исследование: А. Д. Колесников. Изменения в размещении и численном составе русского населения Западной Сибири в XVIII — нач. XIX в. Автореферат докторской диссертации. Томск, 1973.

ассимилировали ранее жившие здесь племена. Вероятно, ассимиляция племен весь осуществлялась в районе нынешней Коми АССР как славянами, так и коми. В то время как славяне заселяли бассейн Северной Двины, коми стали передвигаться в район верховьев рек Мезени и Вашки, образовав здесь «волость Удорскую, а Вашки тож»².

1. Северные сельские поселения

Один из показателей процесса заселения и освоения — это типы и количественные изменения населенных пунктов как элементов материальной культуры.

Наличие фундаментального труда М. М. Богословского, исследований М. В. Витова, И. В. Власовой и А. И. Копанева³ освобождают нас от необходимости останавливаться на всех проблемах классификации поселений. Считаю возможным коснуться этих вопросов лишь в той мере, в какой это позволит получить исходные данные для объяснения особенностей заселения и земледельческого освоения края.

В этом отношении нас в первую очередь интересуют типы заселения (прибрежный, озерный, речной, водораздельный, долинный и др.). Обратимся к авторитету В. П. Семенова-Тян-Шанского, давшего в свое время такую классификацию, по которой в числе трех основных типов заселений выделен северный, по преимуществу промысловый, определяемый течениями рек и берегами озер⁴. Продолжая уточнять и разрабатывать это положение, дореволюционные и советские исследователи отмечают господство речного и озерного типа заселений почти по всему Европейскому Северу. Это было характерным не только для первых веков колонизации. И в XVI—XIX вв. большинство уездов обнимало бассейны какой-либо большой реки с многочисленными притоками, почти все поселения распределялись прерывистой лентой вдоль речных берегов. Поселения заонежских погостов объединялись огромным озером, являя образец прибрежного озерного типа заселения, характерного также для западных и восточных берегов Онежской и Двинской губ. Белого моря⁵.

Итак, география сети рек и озер диктовала выбор мест для поселений и определяла тип заселения. Принято объяснять это тем, что реки и озера были экономическими нервами, удобными

² Л. Н. Жеребцов. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — нач. XX в. М., 1972, стр. 14—21.

³ М. М. Богословский. Указ. соч.; М. В. Витов. Исторические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Изд. МГУ. 1962; А. И. Копанев. История земле- владения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951; М. В. Витов, И. В. Власова. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974.

⁴ В. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910, стр. 13.

⁵ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 88—97.

путями сообщений, источниками рыбных богатств. В. П. Семенов-Тянь-Шанский, выделяя северный тип заселения, назвал его «по преимуществу промысловым». В этой схеме много справедливого, но необходимо добавить, что как ни велика была роль промысловой деятельности в судьбе северного крестьянина, однако основой жизни его все же становилось земледелие, несмотря даже на суровые и малопригодные условия для такого занятия. Ведь земли-то эти в первую очередь заселялись крестьянством. И, придя сюда, крестьянин-переселенец выбирал место не только удобное для поселения и промысловой деятельности, но в первую очередь — для пашни и животноводства.

Большинство таких земель обычно узкой лентой располагалось вдоль рек, занимая не только пойменные луга, но и открытые, свободные от «дикого» леса приречные земельные участки. Сформировавшиеся еще до появления славян на базе угро-финской языковой общности племени коми-зырян и коми-пермяков также селились по берегам рек, где удобнее было выбирать места для подсечно-огневого, а затем и пашенного земледелия. Зацепившись за приречный или приозерный участок, как новгородский, так и ростово-суздальский крестьянин начинал постепенно, шаг за шагом поистине неимоверным трудом отвоевывать у подступавшего к самой реке леса новые участки для нужд своего хозяйства.

Так было и позже, когда северный поморский крестьянин заселял и осваивал Приуралье и Сибирь. И там «под пашню выбирали места по склонам речных террас и прибрежные луговые земли. И так как в XVII в. в Сибири земельные ресурсы были еще неисчерпаемы, то при выборе новых мест поселения от рек уходили очень редко»⁶. «В силу того, что сибирское земледелие развивалось в XVII в. в лесной или реже в лесостепной полосе, подыскивали свободные от лесных зарослей поляны (елани), чтобы освободиться или по крайней мере уменьшить необходимость трудоемкой расчистки леса под пашню»⁷.

Такая закономерность в выборе мест под поселения отмечается и современными финскими учеными, изучающими заселение и сельскохозяйственное освоение Финляндии⁸.

Необходимо иметь в виду и то, что подавляющее большинство рек Европейского Севера течет с юга на север, поэтому в долинах этих рек почва несколько теплее, чем на водоразделах. В поймах рек расположены лучшие луга — заливные, ставшие благоприятной базой для развития животноводства. Места для поселений и хлебопашества выбирались на южных склонах к реке, чтобы стена вековых лесов давала бы преграду от холодных северных ветров. Обратим внимание на расположение старинных

⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956, стр. 263.

⁷ История Сибири, т. 2, Л., 1968, стр. 68.

⁸ Финляндия. Географический сборник. Сокращенный перевод с финского. М., 1963, очерки XVIII и XIX.

поселений вдоль р. Сухоны, которая течет в северо-восточном, а на некоторых участках в восточном направлении. Дороватка, Кожухово, Черепаниха, Доможирово, Усть-Печенгское, Тотьма, Медведово, Коченьга, Нюксеница и многие другие, возникшие в XV—XVI вв. и ныне существующие поселения расположены по левому берегу Сухоны. Примерно до 75% всех поселений XVI—XVII вв. вдоль этой реки располагались на «ходучей» ее стороне (так в XVII в. называли левый берег в отличие от правого, менее заселенного берега Сухоны, называвшегося тогда «диким», «глухим») ⁹.

Поселения, которые возникали на «дикой» стороне Сухоны, чаще всего располагались в устьях ее правых притоков (Шуйское, Брусенец, Б. Сельменга, Бобровское). Бывшая Царевская волость Тотемского уезда занимала среднее течение р. Царевы и верхнее течение ее притока Тафты. Направление течения этих рек почти точно с запада на восток. Поэтому из 54 деревень, построенных здесь, более 30 расположены на левом берегу этих двух рек.

Приведем еще одно наблюдение, но уже о поселениях, расположенных по реке Северной Двине от Котласа до Архангельска. Река течет почти в северо-западном и северном направлении. Здесь уже более благоприятные условия для первых поселений были преимущественно по правому берегу. Но на участках, где река направляла свои воды прямо на север, селились и по левому берегу.

Прибрежные селения обычно стояли на более высоком берегу, не заливаемом водой. Здесь господствовал рядовой тип планировки, когда деревня состояла из одного или нескольких рядов изб, фасады были обращены к реке.

Отрыв от приречья, возникновение деревень на водоразделах знаменовали новый период внутренней колонизации Севера, вызванный тем, что удобные приречные и приозерные земельные площади уже были введены в хозяйственный оборот. Отступление селений от рек наблюдалось и в тех случаях, когда дороги, проходившие к Архангельску и в Сибирь, отклонялись от них, так как берега часто затопляло и размывало во время весеннего половодья. Дома таких селений были обращены друг к другу фасадами, образуя улицу с дорогой по середине (уличная планировка селений).

Северные источники с XV в. различают следующие типы сельских поселений, разновидности населенных пунктов: городок, село, сельцо, слобода, слободка, погост, погостец, деревня, починок, выставок, займище, выселок.

В социально-экономическом отношении починок, выставок,

⁹ См. дзорную книгу Тотьмы с уездом (ЦГАДА, ф. 1209, К-479): «деревня Устье Печенгское на реке на Сухоне на ходучей стороне...» (л. 67), «деревня Черепанова на реке на Сухоне на ходучей стороне против устья Толшемского...» (л. 68 об.); «деревня Б. Сельменга на реке на Сухоне на дикой стороне» (л. 315).

займище, выселок — это различные наименования поселений, отражавших в XVI—XVII вв. в основном начальный процесс устройства земледельческого хозяйства. В ходе изложения мы вновь вернемся к социально-экономической характеристике типов поселений, сейчас достаточно отметить, что в лесной части Русского государства уже в XIII—XIV вв. господствующим типом поселения становится деревня¹⁰.

Экономическая сущность средневековой деревни хорошо выяснена. До XVII в. она понималась не только как само поселение с дворами и хозяйственными постройками, но и как весь комплекс земельных угодий «с ее лесом, с пожнями и с другою землею, что к ней из старины тянуло» или, как обычно мы встречаем в актовом материале того времени: «со всею землею..., куда соха и серп, топор и коса ходили из этой деревни».

Л. В. Черепнин, характеризуя предпосылки образования Русского централизованного государства в области аграрных отношений в XIV—XV вв., все типы сельских селений объединил в три основные группы по их роли в сельскохозяйственном производстве тех столетий. Это, во-первых, старые жилые поселения — села и деревни с «тянущими» к ним участками пашенной земли, сенокосами, различными угодьями. К второй группе по этой классификации отнесены селища и пустоши-поселения запустевшие, из которых крестьяне ушли, забросив пашню, но которые не перестают быть на учете, как подлежащие восстановлению и восстанавливающиеся. Наконец, к третьей группе автор относит поселения — деревни и починки, вновь возникающие «в лесу или на пустошах»¹¹.

Данный принцип группировки в целом не вызывает возражений. Но для того, чтобы изучить процесс заселения и земледельческого освоения в хронологических рамках XV — середины XIX в., необходимо внести некоторые коррективы. В группировке Л. В. Черепнина селения, вновь возникающие в лесу и на пустошах, то есть на лесной целине и на ранее бывших в хозяйственном обороте участках, показаны вместе, а это затрудняет изучение процесса расширения сельскохозяйственных угодий за счет лесной и луговой целины. Более оправдывающим наши надежды будет такой прием анализа селений, когда мы объединим их не в три, а в две группы, различаемые, во-первых, по их отношению к уже пущенным в сельскохозяйственный оборот землям, во-вторых, по их отношению к землям, вновь вводимым в хозяйственный оборот за счет лесной целины (см. схему 1).

Таким образом, к первой группе отнесены старинные жилые и запустевшие, а также восстановленные и вновь построенные селения на землях, в разное время уже введенных в сельскохозяйственное производство. Как бы не менялось их соотношение, оно характеризует только интенсивность использования тех

¹⁰ Г. Е. Кочин. Указ соч., стр. 102—128.

¹¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 16.

**Группировка селений по их отношению к освоению
земель под сельское хозяйство**

I. Селения на введенных в хозяйственный оборот землях			II. Новые селения на целинных землях
а) старинные жилые	б) запустевшие	в) восстановленные и вновь построенные	
села, деревни	села, деревни, починки, пустоши, селища	села, деревни, починки, займища, выставки	села, деревни, починки, займища, выставки

сельскохозяйственных угодий, которые мы назвали постоянным оборотным земельным фондом. Эти селения могли по разным причинам пустовать, вновь возрождаться или возникать на пустошах, но введенный в оборот земельный фонд не менялся. Ко второй группе отнесены все типы селений, которые в период между описаниями были построены на целинных, никогда еще не использовавшихся под земледелие землях. Если возрождение старых селений и устройство новых на пустошах отражает восстановление пашен и сенокосов, то интенсивность строительства деревень на лесной целине — показатель дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве.

2. Заселение и населенные пункты в первой четверти XVII века

Начнем со статистики. Как выше указывалось, главные свидетели историко-географических и историко-демографических явлений — писцовые книги — от XVI столетия дошли до нас лишь в отрывках, преимущественно как сотные выписи с писцовых книг на отдельные черные волости или вотчины северных монастырей. Поэтому лишь на основании материалов описаний северных уездов первой четверти XVII в. удалось выяснить общее количество селений на всей территории Поморья (см. табл. 6). Этот срез и взят за основу для дальнейшего исследования данной темы ¹².

¹² М. М. Богословский к т. I «Земского самоуправления» дал приложение: «Погосты, станы и волости Поморского края в XVII в.». Это результат огромной кропотливой работы автора. Не ставя иных целей, он обратил главное внимание на количество дворов в уездах и волостях. Количество селений не дано по Кеврольскому и Мезенскому уездам, сведения только за первую четверть и не учтены за 70-е гг. по Сольвычегодскому, Устюжскому и Тотемскому уездам; в Хлыновском, Орловском, Котельничском, Слободском и Шестаковском уездах за 1678 г. деревни и починки показаны вместе. По Чаронде и Важскому уезду тогда еще не были найдены писцовые книги. Наконец, нет необходимых для выяснения процесса заселения и освоения края данных о количестве пустых дворов и пустошей. Нами использованы все вновь выявленные источники. По вятским уездам для раздельного выявления количества деревень и починков пришлось провести сплошной просмотр всех писцовых книг.

Количество сельских поселений и дворов в 20-е годы XVII века ¹

Экономические районы и уезды	I. Центральное Поморье								
	Вологодский ²	Тотемский ³	Устюжский ⁴	Сольвычегодский ⁵	Двинский ⁶	Важский ⁷	Устьянские волости ⁸	Турчасовский стан ⁹	Итого
<i>1. Жилых селений</i>									
сел, селец, слобод	701	11	7	13	5	—	—	—	737
деревень	4243	483	2749	1315	1107	1808	275	675	12655
починков, займищ	9	65	18	108	14	26	8	4	252
погостов-мест	77	32	64	40	38	69	10	31	361
Итого	5030	591	2838	1476	1164	1903	293	710	14005
В % к общему числу									63,1
<i>2. Жилых дворов</i>	27501	2593	7374	4044	3819	3561	1977	2775	53644
В % к общему числу									64,7
<i>3. Бездворных селений и пустошей ²⁰</i>									
что пашут наездом	—	103	143	—	—	16	—	—	262
бездворных деревень, починков	60	3	5	11	37	12	1	—	129
припущенных в пашню	35	6	53	4	163	—	4	—	265
пустошей на сенном оброке	—	101	—	—	—	—	—	—	101
пустошей пустых	3696	99	3	143	121	—	22	—	4084
Итого	3791	312	204	158	321	28	27	—	4841
<i>4. Пустых дворов и дворовых мест</i>	4601	127	312	405	571	66	56	—	6138

Экономические районы и уезды	II. Северо-Западное Поморье					III. Северо-Восточное Поморье				
	Каргопольский ⁹	Чаронда ¹⁰	Заонежские погосты ¹¹	Кольский ¹²	Итого	Кеврольский ¹³	Мезенский ¹³	Яренский ¹⁴	Пустозерский ¹⁵	Итого
<i>1. Жилых селений</i>										
сел, селец, слобод	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
деревень	763	484	2064	2	3313	419	112	489	2	1022
починков, займищ	6	1	2	—	9	2	10	82	—	94
погостов-мест	29	24	18	—	71	15	9	48	—	72
Итого	798	509	2084	2	3393	436	133	619	2	1190
В % к общему числу					15,3					5,6
<i>2. Жилых дворов</i>	3790	1875	7284	96	13045	1696	1028	2429	165	5318
В % к общему числу					15,7					6,4
<i>3. Бездворных селений и пустошей²⁰</i>										
что пахут наездом	—	3	—	—	3	—	—	—	—	—
бездворных деревень, починков	—	8	—	—	8	3	—	—	—	3
припущенных в пашню	—	13	—	—	13	58	15	—	—	73
пустошей на сенном оброке	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
пустошей пустых	—	208	—	—	208	23	4	62	—	89
Итого	—	232	—	—	232	84	19	62	—	165
<i>4. Пустых дворов и дворовых мест</i>	—	160	—	—	160	12	19	404	—	435

Экономические районы и уезды	IV. Вятская земля							V. Приуральские уезды			
	Хлыновский ¹⁶	Орловский ¹⁶	Котельничский ¹⁶	Слободской ¹⁷	Шестаков-ский ¹⁷	Кайгород-ский ¹⁸	Итого	Чердын-ский ¹⁹	Соликам-ский ¹⁹	Итого	Всего
1. Жилых селений											
сел, селец, слобод	1	—	1	1	—	1	4	—	—	—	743
деревень	567	127	178	385	69	108	1434	168	138	306	18730
починков, займищ	668	185	235	215	33	280	1616	114	99	213	2184
погостов-мест	17	1	5	10	1	7	41	20	4	24	569
Итого	1253	313	419	611	103	396	3095	302	241	543	22226
В % к общему числу							13,9			2,1	100,0
2. Жилых дворов	2363	571	731	1298	149	890	7002	2396	1542	3938	82947
В % к общему числу							8,4			4,8	100,0
3. Бездворных селений и пустошей²⁰											
что пахут наездом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	265
бездворных деревень, починков	78	17	6	—	—	—	101	—	—	—	241
припущено в пашню	31	—	—	24	2	—	57	—	—	—	408
пустошей на сенном оброке	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
пустошей пустых	467	36	2	191	118	—	814	—	—	—	5195
Итого	576	53	8	215	120	—	972	—	—	—	6210
4. Пустых дворов и дворовых мест	385	97	27	553	299	—	1291	—	—	—	8024

¹ В сб. «Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР» (вып. 3, Вологда, 1970, стр. 546—548) опубликована аналогичная таблица, данные которой о жилых селениях несколько занижены в связи с отсутствием в то время у автора сведений по ряду уездов.

² По Заозерской половине уезда — подсчеты по В. Н. Сторожеву («Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в.», вып. 2, Пг., 1918), общие итоги — по данным учета 1678 г. с поправками на темпы роста селений.

³ ЦГАДА, ф. 1209, К-486, лл. 1083—1093.

⁴ Там же, К-506, лл. 113—157; К-507, лл. 576—582 об.

⁵ Там же, К-446, лл. 972—979.

⁶ Там же, К-11, лл. 89—102 об.; 398—406.

⁷ ЛОИИ, ф. К-115, д. 311 и опубликованные сведения Ю. С. Васильевым в вып. 3, «Материалов по аграрной истории Европейского Севера» (Вологда, 1970, стр. 549).

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, К-510.

⁹ Там же, К-168 (Переписная книга 1646 г.).

¹⁰ ЛОИИ, ф. АК-2, д. 44 (Количество дворов по Р. Б. Мюллер, 1723. См.: «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни», вып. 4, Вологда, 1973, стр. 282).

¹¹ По М. В. Витову (указ. соч., стр. 104—108).

¹² ЦГАДА, ф. 1209, К-208.

¹³ Там же, К-185.

¹⁴ Там же, К-142; Н. П. Воскобойникова. К истории поселений Яренского у. в конце XVI — начале XVIII в. — «Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР», вып. 3, Вологда, 1970, стр. 367—413.

¹⁵ ЛОИИ, ф. К-115, д. 1774.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1209, К-90 и К-903.

¹⁷ Там же, К-89.

¹⁸ По данным учета 1678 г.

¹⁹ А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 3, Пермь, 1891, (Владения Строгановых включены в Соликамский уезд).

²⁰ Пустота не во всех источниках классифицируется по характеру использования пустующих земельных угодий, фактически большинство пустошей были на оброке. Прочерки в таблице указывают на отсутствие сведений в источнике.

Нарушена синхронность по пяти уездам (по Яренскому и Кольскому уездам сведения за 1608 г., по Устьянским волостям, Заонежским погостам и Каргопольскому уезду—за 40-е гг.). По Вологодскому, Важскому и Кайгородскому уездам за основу взяты данные учета 1678 г. с поправками на темы роста числа селений и дворов. Все это несколько снижает ценность собранных статистических материалов, но не настолько, чтобы отказаться от них для выяснения общих закономерностей изучаемого нами процесса. Тем более, что в уездах, по которым включены в таблицу сведения раннего или позднего времени, радикальных изменений не произошло. Хорошо изучивший Заонежские погосты М. В. Витов, считает, что за время с 1583 по 1646 гг. «общее число деревень остается почти неизменным»¹³.

В таблице показаны все типы сельских населенных пунктов всех категорий северного крестьянства (черносошных, дворцовых, монастырских, церковных, поместно-вотчинных). В первом ее разделе показано количество всех типов «живущих» селений, то есть только таких, в которых уже имелись дворы. В том числе и льготные деревни и починки при наличии в них дворов и изб. Во второй части — количество живущих дворов, учтенных только в селах, деревнях и починках¹⁴. Третий раздел таблицы отражает наличие всех видов пустующих, бездворных селений и безлюдных дворов.

Начнем с анализа всех жилых населенных пунктов, которых по имевшимся в нашем распоряжении источникам оказалось 22226. Старые жилые поселения (села, сельца, слободы, погосты-места и деревни) составили 20042, или 90,1%. Причем абсолютное преобладающее положение занимала северная деревня (сел, селец и слободок было всего 3,3%, погостов-мест с дворами церковного причта — 2,6%).

Как и принято в исторической литературе, починки, займища и выставки нами относятся к вновь возникшим поселениям после предыдущего учета¹⁵. Их в таблице 2184, или 9,8% всех жилых населенных пунктов. Наличие столь значительного количества этого типа поселений есть прямое указание на то, что процесс внутренней колонизации в конце XVI — начале XVII в. все еще продолжался довольно интенсивно. Но интенсивность

---

¹³ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 113.

¹⁴ Дворы и кельи церковного причта, бобылей и нищих на погостах, а также дворы, в которых жили помещики и вотчинники Вологодского уезда, в итоге не включены.

¹⁵ В источниках встречаются отклонения от этого правила. Например, в Яренском уезде писцы, описывая Сысольские волости в 1585 г., учли 39 починков, часть которых были записаны как починки и при описании волостей в 1608 г., только переписная книга 1646 г. уже учитывает их как деревни. Зато есть деревни, которые возникли вновь и не назывались починками. Встречаются такие примеры и в других уездах, особенно в Вятских, и чаще уже в конце XVII в. Вероятно, это были такие починки, которые в период между описаниями пустели, затем возрождались как новые поселения.

колонизации в различных природных и экономических районах, а также в уездах внутри этих районов была различна. Особенно интенсивным было строительство новых селений в восточных уездах Поморья. Так, из 2184 таких поселений на долю уездов Вятской земли приходилось 1616, или 32,8 этой группы населенных пунктов Поморья и почти половина всех селений самих вятских уездов, главным образом в оброчных станах. Если, например, в тяглых станах Орловского уезда в 1678 г. было 120 деревень и 77 починков, то в оброчных — всего 7 деревень и 103 починка. При этом владельцы дворов и угодий как в починках, так и в деревнях платили оброк с выти паханой пашни по 1 р. 50 к. На выть, как и в тяглых станах, приходилось по 12 четей доброй, по 14 четей средней и по 16 четей худой земли¹⁶. Правда, сохраняя название оброчных, крестьяне этих станов постепенно становились такими же тяглыми, как и их соседи, вероятно, лишь не платя сибирских хлебных запасов¹⁷.

На втором месте по удельному весу починков стояли приуральские уезды (213, или 9,8% общего числа всех починков Поморья и 39,2% всех селений Приуралья). Интенсивный приток сюда населения начался с середины XVI в. Уже по описанию писца Яхонтова в 1579 г. в Чердынском уезде на 82 деревни было 32 починка (28%). Примерно через 45 лет по письму 1623—1624 гг. здесь на 168 деревень учли 114 починков (40%). Известно, что владения Строгановых, а также Пычорского и Успенского монастырей с 1579 по 1624 г. увеличились в несколько раз. (В 1579 г. на 15 слобод и деревень за всеми Строгановыми записано 28 починков, а во время следующей переписи на 81 слободу и деревню было 60 починков)¹⁸.

По мере продвижения с востока к центру и в западные уезды Поморья, удельный вес новых поселений заметно снижается. В группе северо-восточных уездов наиболее интенсивно шел процесс колонизации лишь в Яренском уезде (здесь починки к числу всех селений уезда составили 13,2%). Причем в пределах самого уезда в это время больше всего починков в Сысольских волостях (половина всех починков уезда и почти 30% жилых поселений волостей), а также в Плесовской и других волостях, то есть на территории более ранней колонизации уезда, в то время как оставались еще большие пространства уезда слабо освоенные, интенсивное заселение которых началось в 20—40-е гг. XVII в. В группе уездов Центрального Поморья удельный вес починков еще ниже. Так, в Тотемском уезде эти поселения составляли 11,5%, в Сольвычегодском — около 7%. И здесь в волостях, расположенных в непосредственной близости к р. Сухоне

¹⁶ См. Северная Русь. XVII в., стр. 162—165.

¹⁷ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I, стр. 122—123; т. II, стр. 472—473.

¹⁸ А. Дмитриев. Пермская старина. Вып. I. Пермь, 1889, стр. 116 и далее; А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М. 1962 (на стр. 115 несколько иные данные за 1679 г.).

■ Тотемскому посаду, меньше починок, что указывает на завершение процесса внутренней колонизации на первом ее этапе (когда осваивались в основном приречные земельные площади). Так, в Окологородной, Старототемской волостях Тотемского уезда в 1625 г. всего один починок, зато в Мольской волости, расположенной в отдалении от Сухоны, было 11 починок. В Сольвычегодском уезде основная масса починок также в волостях, удаленных от Сухоны (Лузская Пермца, Антропьева слобода и др.). В Важском и Двинском уездах, в Заонежских погостах, Чаронде, Каргопольском уезде, в этих районах ранней новгородской колонизации, а также в Вологодском и Устюжском уездах, где прошла в то же время преимущественно Ростово-Суздальская колонизация, починок чрезвычайно мало¹⁹.

В Вологодском уезде этот процесс в основном закончился в XVI в. Доказательством раннего заселения и освоения уезда служит огромное количество запустевших деревень (более 4000 пустошей). Сохранившаяся дозорная книга дворцовых земель 1589—1591 гг. отразила, во-первых, почти полное завершение захвата феодалами черных крестьянских земель (в нескольких черных волостях оставалось только около 163 жилых деревень, еще не розданных феодалам), во-вторых, отмечена огромная пустота (на 163 жилых селения в дворцовых волостях оказалось 748 пустошей²⁰).

Доказательством раннего заселения, а также продолжавшегося притока в Поморье населения в XVI в. служит экспансия монастырей Замосковья, посылавших в это время на Север своих представителей для строительства там новых обителей. Так, Павел Обнорский, основатель Обнорского монастыря в «Комельском лесу» Вологодского уезда, родился в Москве, Корнелий Комельский — пришелец из Ростова, Сергей Нуромский пришел из монастыря Сергея Родонежского, Стефан Пермский родился в В. Устюге, но вступил на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы и т. д.

В житиях основателей монастырей часто говорится, что те выбирали места для строения в диких черных лесах, вдали от селений. Это послужило основанием многим дворянско-буржуазным историкам для преувеличения роли монастырей в колонизации и освоении Севера. В действительности все это было далеко не так. Наоборот, выбирались места для «затворнической» жизни на самых оживленных колонизационных путях, в районах уже заселенных или интенсивно заселяемых во время основания монастыря. Выражение «черный дикой лес» отражает не пространственное понятие, не удаленность от селений, а, главным образом, место «черное» ничейное, еще крестьянами не освоенное. Находился этот «черный дикой лес» нередко рядом

¹⁹ Писцовые книги № 486, 506—507, 446 и др.

²⁰ ЦГАДА, ф. 137, Кн. по Вологде, № 5. Опубликовано в Северном археографическом сборнике, вып. 2. Вологда, 1972, стр. 6—177.

с деревней, с ее угодьями, подступая почти к самой реке. Достаточно просмотреть межевые книги XVII в., чтобы найти массу подтверждений этому. В документе говорится о «выставке» на «диком лесу», а в действительности новое селение находилось от старой деревни всего в 2—5 верстах. Также вблизи от селений находились многие монастыри, о которых составители их истории писали, что построены они были в лесах, «тогда непроходимых». Дошедшие до нас акты XVI в. и жития основателей монастырей дают огромное число примеров сопротивления крестьян строительству монастырей, нередко были случаи изгнания строителей, разрушения крестьянами уже построенных монастырков. И объясняется это не наличием у северных крестьян каких-то особых языческих или атеистических убеждений. Негативная реакция определялась тем, что крестьяне в монастыре видели прежде всего претендента на удобные для земледелия угодья. Если бы монастырь возникал вдали от селений, действительно в диком лесу, то это крестьян меньше бы волновало²¹.

Рост новых монастырей в XV—XVI вв. говорит о том, что в местах их возникновения уже до этого крестьянская колонизация осуществлялась особенно интенсивно. Известно, что приток населения в Поморье из Замосковья усилился в 60—70-е гг. XVI в.²². В это же время усилился колонизационный поток и в пределах самого Поморья из его северо-западных районов — Подвинья, Вологды, Тотемского и Устюжского уездов в восточные уезды, на мало еще обжитые земли Приуралья и Вятской земли. Именно на вторую половину XVI в. падает возникновение в восточной части Поморья большинства монастырей (Успенского Трифоновского — в Хлынове, Пыскорского, Успенского-Чусового, Иваново-Богословского — в Чердынском и Соликамском уездах и др.)²³.

Самым населенным было Центральное Поморье. Занимая примерно 15% изучаемой территории, его уезды имели 63,1% всех жилых селений и 64,7% всех дворов. Второе место по количеству поселений занимал район также старой колонизации — уезды Северо-Западного Поморья (15,3% селений). Затем в нашей таблице идут вятские уезды (13,9%), северо-восточные (5,6%) и на последнем месте стояли приуральские (2,1%). Плотность населения показана в табл. 7.

²¹ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.

²² Н. А. Гожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 305; Г. А. Победимова. К вопросу о стабильности сельского населения вотчины в XVI в. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XV—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 172—190.

²³ И. У. Будовниц, изучая борьбу крестьян с монастырями, делает общий вывод, который с еще большим основанием нужно отнести к колонизации Севера: «Монастыри не осваивали незаселенные, пустынные области. Вопреки утверждению буржуазных и церковных историков, не крестьянин шел за монахом, а монахи продвигались на Север по проторенным уже путям народной колонизации» (стр. 357).

Плотность населенных пунктов в первой четверти XVII в.

Зоны Поморья	Площадь (в тыс. кв. верст)	Всех поселений	Приходится на одно поселение площади (в кв. верстах)
Центральная	241,0	14005	17,2
Северо-Западная	290,0	3393	85,4
Северо-Восточная	280,0 ²⁴	1190	235,3
Вятская	78,0	3095	25,2
Приуральская	134,0	543	246,7
Итого	1023,0	22226	46,0

Наибольшая плотность в уездах Центрального Поморья, особенно в Вологодском и Устюжском уездах. На втором месте по плотности уезды Вятской земли, на третьем — Северо-Западной зоны, на четвертом-пятом — Северо-Восточные уезды и Приуралье, где строительство селений стало заметно набирать темпы только в начале XVII в.

Самое большое количество запустевших селений и дворов в Вологодском уезде. Среди черносопных уездов большая пустота в Тотемском, в уездах Вятской земли. Для Вологодского уезда это показатель не только раннего заселения, но и сильного отлива отсюда населения в XVI в. Вятские уезды в XVI в., как и приуральские, не только быстро заселялись, но и с конца этого столетия стали ближайшими воротами в Сибирь, промежуточными пунктами на пути за Урал.

Полученные нами сведения о сельских поселениях отражают состояние Поморья после бурных и разорительных лет начала XVII столетия. Конечно, и северных уездов коснулись беды тех времен. Особенно они затронули Вологодский, Тотемский, Вятские уезды, Заонежские погосты и ряд волостей других уездов. Но в целом Север не так пострадал, как другие районы страны, быстрее оправился от разорения, и его экономический потенциал продолжал играть важную роль в жизни страны.

3. Северные деревни — устойчивые очаги земледелия

Дворянскими и буржуазными историками не мало было затрачено усилий, дабы приписать крестьянину такую извечную любовь к передвижениям и бродяжничеству²⁵. И для подобных

²⁴ Без островной территории.

²⁵ С. М. Соловьев писал: «Народонаселение движется... От такой расчуживости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве про-

утверждений, кроме всего прочего, бралась на вооружение и теория о неустойчивости крестьянской деревни. Объяснялась такая точка зрения еще и тем, что такие источники, как писцовые и переписные книги, использовались чаще всего для получения итоговых результатов описаний, богатые сведения по истории селений в самом тексте источников не изучались, не сопоставлялись с показаниями других документов.

Так, в одной из дореволюционных работ читаем: «Пермяки охотно сменяют места поселений. Некоторые пермяки сменяют места поселения по два и по три раза в продолжении жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10» (разрядка наша. — П. К.)²⁶ В работе И. П. Щекотова мы читаем: «Забрасывание под заросль новин, с которых снимают только по одному урожаю, было довольно обычным явлением, когда жители Севера вели полуседлую жизнь»²⁷. Крупный знаток подсечного земледелия советский историк В. П. Петров, изучая эволюцию подсеки, указывает на прямую зависимость форм поселения от типа земледелия и выводит взаимосвязь, которая в своем развитии проходит несколько стадий. Первоначально, по его мнению, разбросанность и отдаленность подсечных участков «вынуждали крестьянина постоянно переселяться, вести самостоятельное хозяйство, жить мелкими, обычно односемейными починками». Затем «с появлением пашенного земледелия... исчезает прежняя связь новины и починка, земельного угодья и поселения. Отходят в прошлое мелкие деревушки... Формируется переходный, промежуточный вариант, когда переселение с подсеки на подсеку, с починка на починок отходит в прошлое. Место поселения становится неизменным, приобретает стабильный характер. Починок преобразуется в деревню»²⁸.

Вероятно, отдельные такого рода случаи и бывали, но в целом никогда починок, как сельскохозяйственное поселение, не был кочевым ни по форме, ни по своей сущности. «Кочевал» не починок, а менялись участки под посечное земледелие. Даже в начальный период колонизации заимка — починок был исходным началом для организации устойчивых селений. Прав Г. Е. Кочин, который на основании изученного огромного актового материала XIV—XV вв. и писцовых книг утверждает, что починок как деревня в лесной зоне страны имел жилище и постоянное население, но отличался тем, что сельскохозяйственная база еще не была достаточно прочной. «И лишь когда жители починка расчищали, выжигали и разрабатывали под пашню занятый участок, обеспечивали себя полевой пашенной землей,

---

исходила полуседлость, отсутствие привязанности к одному месту...» (История России с древнейших времен, кн. II, М., 1960, стр. 648).

²⁶ П. П. Чубинский. О состоянии хлебной торговли и производительности в северном районе. СПб., 1870, стр. 57.

²⁷ И. П. Щекотов. Лесопольная система хозяйства. — «Сельское хозяйство и лесоводство», 1884, № 11, стр. 184.

²⁸ В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 1968, стр. 14—16.

этот починок получал право именоваться деревней»²⁹. Это автор относит к XIV—XV вв. Тем более такое положение распространяется на позднее время. Писцовые книги и актовый материал XVI—XVII вв. подтверждают это. Заселяя и осваивая Север, крестьянин зачинал починок не у каждого участка подсеки, а там и в тех случаях, где и когда это было экономически целесообразно. И во всех случаях, если какие-то серьезные обстоятельства не вынуждали бросать начатое строительство поселения, починок становился деревней, постоянным местом жительства и трудовой деятельности.

В подтверждение точки зрения на русское крестьянство с присущим ему якобы постоянным желанием менять место жительства буржуазные историки ссылались на указание в источниках XVI—XVII вв. огромного количества пустых деревень. Однако наличие пустоты отнюдь не является подтверждением этой теории. Актовый материал и документы приказной администрации XV—XVII вв. как раз опровергают ее, отмечают совсем другие причины запустения селений и бегства крестьян. Например, в наказах писцам предписывалось выяснить, «сколь давно и отчего запустели... от войны ль, или от податей, или от воевод и приказных людей, или от волостных старост и от богатых мужиков, или от насильства сторонних людей»³⁰. Нами процитирована выдержка из наказа писцам, получившим в 1629 г. задание описать Устьрецкие волости Новгородского уезда. Но это же мы находим в наказах и писцам всех северных уездов. И ни в одном из них не ссылаются на приверженность крестьян к кочевому образу жизни, а дается задание выяснить реальные причины пустоты и бегства. Так, давая в 1645 г. наказ провести подробное описание Сольвычегодского уезда, сильно запустевшего после письма 1625 г., составители требуют выяснить, не образовалась ли пустота «от Строгановых и от горланов насильства»³¹. Приказы, ведавшие северными уездами, прекрасно понимали, что крестьянин без особой нужды не бросит свою деревню и с таким трудом разработанную землю.

Устойчивость северной деревни как очага земледелия и кустарной промысловой деятельности подтверждается и источниками о времени возникновения селений и длительностью их жизни. Попытаемся выяснить время возникновения учетных в первой четверти XVII в. деревень. Актовый материал о хозяйственной деятельности монастырей, окладные книги северных уездов, различные челобитные и спорные дела крестьянских миров и отдельных землепользователей — это, безусловно, достоверные для такой цели документы. Не отказываясь от них, мы за основу возьмем писцовые и переписные книги как источники массового характера. Хотя они и не дают прямого ответа на

²⁹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 116.

³⁰ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. 2, стр. 119.

³¹ С. Б. Веселовский, там же, стр. 457.

вопрос о времени возникновения каждого поселения, но в них всегда различаются старые жилые деревни и возникающие после предыдущего описания починки, займища, выставки, деревни-выставки, вновь построенные монастырями и торгово-промышленными людьми села, деревни и слободы. Правда, получение этих данных требует трудоемкой обработки всех сохранившихся источников такого рода, но зато этот труд окупается богатыми сведениями, которые извлекаются из них.

В таблице 6 всего учтено 2184 починка и займища, возникших после предыдущих описаний (за небольшим исключением, о чем мы говорили выше). Поскольку в абсолютном большинстве северных уездов валовые описания были в 70—80-х гг. XVI в., то можно с определенной долей уверенности считать, что 19473 деревни с селами и слободами (87,6%) возникли в более раннее время, до начала хозяйственного разорения.

По Заонежью, району с преобладающим карельским населением, в названной уже работе М. В. Витова дана «Таблица сопоставления поселений Шунгского погоста из разных писцовых книг». В ней прослежена судьба поселений, учтенных описанием 1496 г., а также эволюция поселений, возникавших и исчезавших после этого³². Воспользуемся этой таблицей для определения периодизации строительства сельских поселений в Заонежье. По книге писца Юрия Сабурова 1496 г. всего было учтено 139 поселений, из них 126 деревень и 13 починков. О последних сказано, что они возникли «после письма», то есть после предыдущего описания («старого письма»), проведенного вскоре после присоединения этой территории к Московскому государству, в 1478 г. Тогда можно с уверенностью считать, что 126 деревень (90,6%) существовали уже до 70-х годов XV столетия.

Пользуясь таблицей, мы подсчитали, что в 1628 г. по переписи писца Никиты Панина было всего 111 живущих деревень, из которых 107, или 79,3%, были жилыми и в 1496 г. Все они возникли до конца XV в., вероятнее всего, их строительство было осуществлено в XIV—XV вв. За 132 года (1496—1628) было построено только 4 новые деревни. За это время запустело 32 деревни. Их запустение падает на следующие периоды: 1496—1563 гг. — 6 деревень, 1563—1583 гг. — 20, 1583—1620 гг. — 3, 1620—1628 гг. — 3 деревни. Таким образом, основная масса селений запустела в двадцатилетие с 1563 по 1583 г. Характерно, что из четырех построенных новых деревень три возникли в период с 1496 по 1563 г. Через 170 лет после 1628 г. на карте Генерального межевания Олонецкой губернии найдено всего 130 жилых деревень, из них 113, или 86,9%, возникли до 1496 г. Эти цифры дают основание считать XIV—XV века временем наиболее интенсивного хозяйственного освоения в Заонежье, так как 97,3% всех жилых деревень по описи 1628 г. и 86,9% — по состоянию на 1796 г. возникли

³² М. В. Витов. Указ. соч., Приложение 2, стр. 228—289.

в эти два столетия. Можно отметить и вторую особенность этого процесса в районе наиболее старой новгородской колонизации. Это чрезвычайная замедленность темпов строительства новых поселений с конца XV в. до 1628 г., когда построено всего 4 деревни (3,6%). За последующие 170 лет возникло новых 13 поселений, составивших всего 10% к их общему числу в 1796 г.

Поскольку из 17 погостов Заонежья мы воспользовались сведениями только по одному Шунгскому погосту, может возникнуть сомнение в обоснованности сделанных нами выводов. Продолжим изучение этого процесса в других районах Поморья. Начнем с Двинской земли. В нашем распоряжении есть сотная с писцовой книги Ракульской волости, Емецкого стана 1552—1553 гг. писца И. П. Заболоцкого³³. В ней перечислено 48 старых деревень, из которых 2 пахут наездом, и 7 починков. Нам известно, что предыдущие описания Двины были проведены в конце XV в. Исходя из этого можно считать, что 7 починков возникли в первой половине XVI в., а 48 деревень (87,3% — от всего числа поселений) возникли так же, как и в Шунгском погосте, до XVI столетия и вероятнее всего в XIV—XV вв. По переписи 1678 г. в этой волости — 27 старых деревень и 4 починка, возникших в середине XVII в.³⁴ Среди них мы находим 20 деревень (74,1%), которые есть и в списках 1552 г., то есть построенных до конца XV в. Анализируя сотную с писцовых книг всего Емецкого стана этого уезда, мы устанавливаем тот же период наиболее интенсивного строительства сельских поселений, то есть XIV—XV вв. Например, в волости Челмохте все записанные писцом 8 деревень возникли до начала XVI в. В «Емце же Ничкове волостке» из 12 поселений только один починок заселен в первой половине XVI в., а 11 деревень — до XVI в. В целом же на Двине удельный вес возникших до конца XV в. поселений примерно на 8—10% ниже, чем в Заонежье, но и здесь он очень высок.

Сотная с писцовой книги 1565 г. Кодимской и Селецкой волостей Подвинской четверти Важского уезда перечисляет 52 деревни и 7 починков, имеющих дворы³⁵. О двух починках и о дер. Чихаревской в сотной отмечено, что они заведены «после письма», видимо, после описания 1550—1551 гг.³⁶ Результаты более ранних описаний по Ваге не найдены, но, вероятно, и здесь московские писцы работали в конце XV — начале XVI в. Можно предположить, что пять остальных починков, время воз-

³³ Опубликована А. И. Копаневым. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 454, 455.

³⁴ «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 8, СПб., 1888, стр. 54—55.

³⁵ Опубликована Ю. С. Васильевым. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 281—397.

³⁶ Упоминание об этом описании приводится А. И. Андреевым в кн.: «Летопись занятий археографической комиссии за 1927—1928 г.», Л., 1929 г., вып. 35, стр. 169—176.

никновения которых не оговорено, возникли в первой половине XVI в., а 52 деревни (88,1% от всех 59 жилых поселений) были построены также до конца XV в. По переписной книге Важского уезда 1710 г. в Кодимской волости мы обнаруживаем 77% деревень, которые были в середине XVI в.

По Тотемскому уезду, занимавшему среднее течение р. Сухоны, результаты валового описания 1588 г. Михаила Пушкина и Петра Афанасьева не найдены. Дозор 1613 г., проведенный писцом Григорием Образцовым, частично нашел отражение в дозорной книге 1619—1620 гг. писцов И. А. Козловского и М. Мартемьянова, в которой всего учтено в черносошных волостях 479 поселений³⁷. Из них только три починка, то есть селения, возникшие после дозора 1613 г., затем упоминается 14 «деревень-починков», и 2 деревни, что были пустошами. Вероятнее всего можно считать, что эти 16 деревень в период с 1588 по 1613 г. были починками, а после 1613 г. стали деревнями. В таком случае все остальные 460 деревень (96%) существовали уже до описания 1588 г. и, вероятно, возникли также в основном в XIV—XV вв. Интенсивность строительства сельских поселений в этом уезде до XVI в. подтверждается наличием большого числа пустошей, запустевших деревень, учтенных в 1619 г. Из 343 перечисленных пустошей время запустения указано по 185, из которых 124, или 66,9%, запустели в 50—70-х гг. XVI в. Иначе говоря, как деревни, они также существовали в первой половине этого столетия, а возникли значительно раньше.

Продвинемся от Тотьмы к северо-востоку — в Вымскую и Вычегодскую земли. Воспользуемся сотными с писцовых книг 1585—1586 гг. на эти земли писцов И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева³⁸.

Самое раннее описание Перми Вычегодской было проведено в 1481 г. Иваном Гавриловым, затем около 1530 г. было письмо Ивана Боброва «с товарищи», в 1564 г. — Якима Романова и Микиты Пятунина. Книги всех описаний не сохранились. Сотные 1585—1586 гг. отражают описание волости Ужги, собственно Яренского уезда, Глотовой слободки и Сысольской волости. Всего учтено 368 населенных пунктов, из них 52 починка, основанных в 60—80-х гг. XVI в., а 316 деревень (85,8%) — были уже в первой половине этого столетия.

Завершим рассмотрение данного вопроса экскурсом в историю заселения Приуралья. По письму Яхонтова 1579 г. в Чердынском уезде жилых поселений 114, из них починков 32 и старых деревень 82, или 72%. В Соликамском уезде вместе с вотчинами Строгановых старые деревни, возник-

³⁷ О валовом описании 1588 г. сообщает С. Б. Веселовский (Сошное письмо, т. 2, М., 1916, стр. 634). Список с дозорной книги 1619 г. в ЦГАДА, ф. 1209, К-479.

³⁸ Сотные опубликованы А. А. Зиминим и А. И. Коланевым в Северном археографическом сборнике № 1. Вологда, 1970, стр. 432—488.

новение которых можно в основном отнести к XV — первой половине XVI в., составляли только 46,8%, остальные селения были починками и займищами.

В XVI в., когда преобладали одно- и двухдворные селения, они-то чаще всего и пустыли, превращаясь в пустошь. По письму селений Шунгского погоста в 1583 г. было 38 пустошей, из них в 1496—1563 гг. 25 были деревнями только с одним двором, 13 — с двумя. Ни одна деревня с тремя и более дворами за 100 лет не запустела, хотя в таких селениях и были запустевшие дворы. Это характерно не только для Карелии, но и для всех остальных районов Поморья.

Нам удалось наиболее полно учесть количество пустошей по уездам Центрального Поморья. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что большинство деревень запустело в 60—80-е гг. XVI в. Например, в дворцовых волостях Вологодского уезда в 1583 г. было 509 пустошей и 153 пустые деревни, итого 662. В 1590—1591 гг. здесь было 558 пустошей, 98 пустых деревень и 10 запустевших займищ, итого 666. Следовательно, запустение падает на время до 1583 г.³⁹

В дозорной книге Тотемского уезда 1619 г. учтено 343 пустоши. Относительно 124 из них крестьяне показали, что «пустеют те пустоши 70 лет...»⁴⁰. Крестьяне Мольской волости на вопросы писцов сказали, что «пустеют те пустоши от большого мирового поветрия 60 лет»⁴¹. Иначе говоря, запустели эти селения еще в середине XVI в., до хозяйственного разорения. В 70—80-х гг. XVI в. запустело 55 селений («пустеют те пустоши 40 лет»)⁴². Не указано время появления 158 пустошей. Но судя по тому, что все они были лесом поросшие, находились в пользовании на льготных условиях, начали вновь распахиваться с обязательством крестьян-льготчиков поставить на них дворы, видимо, старые селения превратились в данные пустоши в годы хозяйственного кризиса и после него, во всяком случае до начала XVII в. В 1601—1603 гг. «запустело» 6 пустошей «от неурожайных и голодных лет».

Все пустоши — это бывшие жилые селения (деревни, починки и займища). Не менее 80—90% из них запустели до 60-х гг. XVI в. Приплюсовав их к числу живущих деревень по переписи первой четверти XVII в., мы с большей степенью вероятности определим количество жилых селений для первой половины XVI столетия. В учтенных волостях Вологодского уезда было около 8000 деревень, в Тотемском уезде более 800 в Яренском — около 1000, в Заонежских погостах по подсчету М. В. Витова в 1563 г. было 2937 деревень. А в целом на Европейском Севере

³⁹ ЦГАДА, ф. 137, Городовые кн. по Вологде, № 5.

⁴⁰ Там же, ф. 1209, Дозорная кн. Тотемского уезда, К-419, лл. 107 об., 108, 122, 165, 237 и др.

⁴¹ Там же, л. 211 об.

⁴² Там же, л. 162.

до общего хозяйственного разорения было не менее 28—30 тысяч селений. Конечно, все это требует дополнительных исследований, но вряд ли мы так уж далеки от истины, особенно если учесть малодворность северной деревни до XVII в.

Процесс уменьшения числа жилых деревень и увеличения пустошей, начавшийся с середины XVI века, продолжался до XIX в. В северной черносошной деревне это не всегда было результатом только хозяйственного разорения, а являлось и следствием перестройки деревни, ее укрепления. Безусловно, были и чрезвычайные обстоятельства, влиявшие на этот процесс,носящие локальный или общий характер (неурожай, эпидемии и хозяйственное разорение 70—80-х гг. XVI века, интервенция и социальные потрясения начала XVII в.). Например, Веницкий, Оштинский, Вытегорский и Шунгский погосты по «старому письму» имели 691 селение, в 1496 г.— 773, в 1563 г.— 767, но в целом по Заонежским погостам в 1563 г. было 2937 деревень, в 1583 г.— 2138, в 1646 г.— (без Веницкого погоста, в котором не могло быть более 170 деревень)— 2013⁴³. Уменьшение во многом объяснялось военными действиями на территории погостов в начале XVII в.

В Яренском уезде в 1585 г. было 775 селений, в 1608 г.— 478, в 1646 г.— 605, в 1678 г.— 582. По мнению Н. П. Воскобойниковой, изучившей движение селений в этом уезде, на резкое уменьшение числа деревень к 1608 г. в сравнении с концом XVI в. повлияли неурожай и голодные 1601—1603 гг. В целом же уменьшение числа селений в Яренском уезде можно объяснить тем, что «к середине XVII в. процесс колонизации в большей части уезда в основном закончился и наметилась тенденция к объединению мелких деревень в более крупные»⁴⁴. С этим согласуются показания источников и по другим уездам.

В таблице 6 по довольно неполным данным припущенных в пашню деревень, починков и пустошей значится 408 (около 7% всей пустоты). Более заметно это явление в Двинском уезде (50% всей пустоты), где особенно было мало пашни, а сами пахотные угодья — чрезмерно мелкие⁴⁵. Сходная картина наблюдается в Яренском, Кеврольском и Мезенском уездах. В это время больше пустошей припускалось в пашню в уездах ранней колонизации, в которых площади между близлежащими селениями уже были разработаны, а также в уездах с более развитой специализацией сельского хозяйства и значительной втянутостью в рыночные отношения. В нашей таблице пустоши,

⁴³ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 104.

⁴⁴ Н. П. Воскобойникова. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI—нач. XVIII в. — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 2, Вологда, 1970, стр. 377.

⁴⁵ Об этом говорят дошедшие до нас разрубные книги. См.: М. В. Довнар-Запольский. Веревные и разрубные книги Северного края. СПб., 1905; А. И. Копанев. Веревная книга Павиловской волости 1612 г. — «Северный археографический сборник», вып. 3, Вологда, 1973, стр. 380—401.

припущенные в пашню, показаны по поволостным итогам писцовых книг. По тексту источников их значительно больше.

Особенно много пустошей на оброке. К сожалению, в писцовых книгах многих северных уездов они показаны в денежном исчислении оброка, площадь угодий часто не показана, что не позволяет получить сопоставимые показатели. Много пустошей пашется наездом на льготно-оброчных условиях, до «тягльца». Это также характерно для уездов с более развитыми рыночными связями, например, в Устюжском уезде. Здесь из показанных 204 пустошей — 143 (70,1%) пашутся наездом.

4. Процесс заселения и сельские поселения во второй половине XVII века

Второй срез о количестве селений мы получили по данным переписи 70—80-х гг. XVII в. (табл. 8). При этом возникли немалые трудности источниковедческого характера, заключающиеся, прежде всего, в том, что по некоторым уездам основные источники — писцовые и переписные книги 1675—1685 гг. — неполны, по отдельным станам и волостям не сохранились. Поэтому исследователь вынужден прибегать к другим источникам. Большой знаток такого рода источников Я. Е. Водарский выделяет большую группу делопроизводственных документов с итогами писцовых и переписных книг, на основании которых определялись подати и количество даточных людей для армии. Естественно, что они включают лишь тяглые двory. К ним относятся: 1. Акт о сборе даточных людей 1679 года; 2. Выписка из окладных книг 1681 г. о взимании стрелецких денег; 3. «Память» от 24 марта 1702 г. из приказа Земских дел в Разрядный приказ с росписью податных двory; 4. «Ведомость» о числе тяглых крестьян и половников по переписи 1678 г. в Поморье и Сибири и о сумме сборов с них, составленная в Камер-Коллегии 15 мая 1722 г.

Вторая группа делопроизводственных документов содержит итоги писцовых и переписных книг с целью характеристики численности населения. Сюда относится Законодательный акт о распределении населения по уездам в связи с учреждением губерний и провинций в 1719 г. (Сведения по переписи 1678 г.) и др.⁴⁶ Однако все перечисленные документы, в силу своего назначения, не имеют сведений о селениях и земельных угодьях, в них обычно показано число двory (иногда и душ м.п.), к тому же показания этих источников не идентичны. Все это затрудняет статистическую обработку материалов по каждому отдельному уезду.

⁴⁶ Я. Е. Водарский. Население Русского Севера в конце XVII — первой четверти XVIII в. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 3, Вологда, 1973, стр. 156—176.

Количество поселений, дворов и душ м. п. в 70—80-х гг. XVII в.

Экономические районы и уезды	I. Центральное Поморье									II. Северо-Западное Поморье				
	Вологодский ¹	Тотемский ²	Устюжский ³	Сольвычегодский ⁴	Двинский ⁵	Важский ⁶	Устьянские волости ⁷	Турчасовский стан ⁸	Итого	Каргопольский	Чароидская округа ⁹	Олонецкий (Зачежные погосты) ¹⁰	Кольский ¹¹	Итого
1. Жилых селений														
сел, селец, слобод	701	9	7	11	5	—	—	—	733	—	—	—	—	—
деревень	4243	547	2403	1219	1052	1808	307	675	12254	763	470	2064	25	3322
починков, займищ	51	17	68	59	32	26	2	4	259	6	—	2	—	8
погостов-мест	77	33	96	41	42	69	10	31	399	29	24	18	—	71
Итого	5072	606	2574	1330	1131	1903	319	710	13645	798	494	2084	25	3401
В % к общему числу									57,6					14,4
2. Жилых дворов	33935	3344	9412	3505	4455	9341	2324	3005	69321	3816	2695	12143	311	18965
В % к общему числу									58,3					15,9
3. Душ м. п. в дворах	118410	8834	30323	11651	12500	25465	6000	9105	222288	11520	8420	41350	933	62223
В % к общему числу									56,0					15,9
4. Пустых дворов и мест дворовых¹⁹	—	456	1157	1511	977	832	57	—	4990	—	—	—	—	—

Экономические районы и уезды	I. Центральное Поморье								II. Северо-Западное Поморье					
	Вологодский ¹	Тотемский ²	Устюжский ³	Сольвычегодский ⁴	Двинский ⁵	Важский ⁶	Устьянские волости ⁷	Турчасовский стан ⁸	Итого	Каргопольский ⁹	Царндская округа ⁹	Олонецкий (Заонежские погосты) ¹⁰	Кольский ¹¹	Итого
5. <i>Бездворных поселений и пустошей</i>														
тяглые починки, пустоши	—	22	—	12	—	6	—	—	40	—	—	—	—	—
льготные, пашут наездом	—	21	126	77	—	414	17	—	655	—	—	—	—	—
оброчные	—	169	150	82	193	—	—	—	594	—	—	—	—	—
припущены в пашню	—	6	28	21	109	—	5	—	189	—	—	—	—	—
остальные (пустые и без указанного характера использован.)	—	55	200	286	67	66	12	—	686	—	—	—	—	—
Итого	—	273	504	478	369	486	34	—	2144	—	—	—	—	—

Экономические районы и уезды	III. Северо-Восточное Поморье					IV. Рятские уезды ¹⁵						
	Каргопольский ¹²	Мезенский ¹²	Яренский ¹³	Пустозерский ¹⁴	Итого	Хлыновский	Орловский	Котельничский	Слободской	Шестаковский	Кайгородский	Итого
<i>1. Жилых селений</i>												
сел, селен, слобод	—	2	—	—	2	1	—	1	2	—	1	5
деревень	225	112	582	2	921	1128	167	260	419	45	108	2127
починков, займищ	46	10	29	—	85	1001	217	261	191	10	280	1960
погостов-мест	15	9	53	—	77	17	4	6	10	1	7	45
Итого	286	133	664	2	1085	2147	388	528	622	56	396	4137
В % к общему числу					4,5							17,5
<i>2. Жилых дворов</i>	1088	877	3324	121	5410	7818	909	1081	1359	65	995	12227
В % к общему числу					4,8							10,3
<i>3. Душ м. п. в дворах</i>	2900	1700	10120	425	15145	34900	3800	4300	5360	200	4000	52560
В % к общему числу					3,8							13,2
<i>4. Пустых дворов и мест дворовых¹⁹</i>	528	589	491	—	1608	441	317	357	421	29	—	1565
<i>5. Бездворных селений и пустошей</i>												
тяглые починки, пустоши	—	—	49	—	49	—	—	—	—	—	—	—
льготные, пашут наезде	—	—	18	—	18	—	—	—	—	—	—	—
оброчные	12	7	—	—	19	—	—	—	—	—	—	—
припущены в пашню	5	2	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—
остальные (пустые и без указан. характера использования)	8	9	—	—	17	43	60	76	49	73	—	301
Итого	25	18	67	—	110	43	60	76	49	73	—	301

Экономические районы и уезды	V. Приуральские уезды				Всего
	Чердын-ский ¹⁶	Соликамский ¹⁷	Кунгурский ¹⁸	Итого	
Виды поселений					
<i>1. Жилых селений</i>					
сел, селец, слобод	2	8	7	17	757
деревень	198	570	45	813	19437
починков, займищ	87	465	5	557	2869
погостов-мест	25	4	5	34	626
Итого	312	1047	62	1421	23689
В % к общему числу				6,0	100,0
<i>2. Жилых дворов</i>					
В % к общему числу	3077	8734	1187	12998	118921
<i>3. Душ м. п. в дворах</i>					
В % к общему числу	10133	30250	3816	44199	396415
В % к общему числу				11,1	100,0
<i>4. Пустых дворов и мест дворовых</i>					
	579	178	143	905	9068
<i>5. Бездворных селений и пустошей¹⁹</i>					
тяглые починки, пустоши	—	—	—	—	89
льготные, пашут наездом	—	—	—	—	673
оброчные	—	—	—	—	613
припущены в пашню	—	—	—	—	176
остальные (пустые и без указаний характера использования)	—	—	—	—	1004
Итого	—	—	—	—	2555

¹ Подсчеты по опубликованному Я. Е. Водарским списку селений Вологодского уезда («Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР», вып. 3, Вологда, 1970, стр. 303—366).

² ЦГАДА, ф. 1209, К-485, лл. 1037—1102. Не включены работные люди Леденгского уезда.

³ Там же, К-15047.

⁴ Там же, К-503.

⁵ Там же, К-15051.

⁶ ЛОИИ, ф. К-115, дд. 306, 307, 310, 312. Сведения о селениях неполные. Число дворов и население — по П. Н. Милюкову (Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого, СПб., 1892, стр. 185).

⁷ ЦГАДА, ф. 1209, К-15042 (и дополнены отсутствующие в источнике данные о Холминской волости по ландратской книге — ЦГАДА, ф. 350, д. 4513, лл. 332—407).

⁸ Селения по переписной книге 1648 г. (ЦГАДА, ф. 1209, К-168), число дворов и населения — по П. Н. Милюкову (Указ. соч., стр. 187).

⁹ Переписная книга 1669—1670 гг. не сохранилась. Наши данные: ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 229, л. 4 (Р. Б. Мюллер на 1670 г. показывает 2250 дворов и 15884 чел. обоого пола. См.: «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни», вып. IV, Вологда, 1973, стр. 282).

¹⁰ Селения за 1646 г. Число дворов и населения — по Я. Е. Во-

дарскому (См. в сб.: «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник» вып. III, Вологда, 1973, стр. 167).

¹¹ В источниках разные сведения о населении. В таблицу включены данные ПСЗ, т. V, № 3380.

¹² ЦГАДА, ф. 1209, К-186. Но эта писцовая книга дефектна, не дает полных сведений. Количество селений, дворов и душ м. п. по переписной кн. К-15055.

¹³ Там же. Переписная книга. К-15057; Н. П. Воскобойникова. Указ. соч., стр. 367—449.

¹⁴ Там же, ф. 141, 1678, д. 358, л. 2.

¹⁵ Селения по переписным книгам: ЦГАДА, ф. 1209, № 520, 521 — Хлыновский, 340 — Орловский и Котельничский, 339 — Слободской и Шестаковский, 184 — Кайгородский.

¹⁶ Там же, К-352.

¹⁷ Там же, К-442-443. Сюда включены и вотчины Строгановых.

¹⁸ Там же, К-226. Также — А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала... стр. 79—90. В число дворов включено и 126 изб. (В общее число населения вошли 104 семьи соседей, подсоседников и захребетников, живших в крестьянских и бобыльских дворах (275 чел.). Не включено верусское население.

¹⁹ По многим уездам за 70—80-е гг. не сохранились писцовые книги. Поэтому нет данных о пустошах. Фактически их было больше, чем показано в таблице.

принцип отбора сведений такой же, как и ранее. Включены все сельские пункты, а населенность показана без дворов вотчинников, церковников, бобылей и нищих на погостах. По Кунгурскому уезду не включены сведения о том нерусском населении, которое жило в юртах (368 юрт татар, марийцев, удмуртов и чувашей). Сводные данные о всем населении мы рассмотрим ниже. Только по немногим уездам отражена пустота, так как в последней четверти XVII в. в связи с переходом к подворному обложению теряли значение писцовые книги, а в переписных учитывались в основном только «живущие» селения.

Общее количество жилых селений увеличилось незначительно (в табл. 6 показано 22 226, а сейчас 23 689). Но за этими общими цифрами и сопоставлениями скрываются различия в процессе заселения, в темпах земледельческого освоения в отдельных экономических районах и уездах внутри этих районов.

Центральное Поморье по абсолютному числу жилых селений и по их удельному весу к общему количеству населенных пунктов продолжает занимать первое место (было к общему числу во всем Поморье 63,1% селений и 64,7% дворов, стало соответственно 57,6 и 58,3). Новых селений в этой зоне возникло немного. В Сольвычегодском, Двинском, Устюжском уездах количество селений даже уменьшилось. В Устьянских волостях и в Тотемском уезде увеличение самое незначительное. Вместе с этим во всех уездах отмечается внушительное повышение удельного веса запустевших дворов, например, в Тотемском уезде их число возросло с 127 до 456, в Устюжском — с 312 до 1157, в Сольвычегодском — с 405 до 1511, в Двинском — с 571 до 977, что может являться следствием не только усиления фискального гнета, но и процесса расслоения поморской деревни. Ведь в названных нами уездах с 1620-х по 80-е гг. этого столетия никаких других чрезвычайных факторов, влиявших на образование пустоты, не было. Впрочем, расслоение имело даже большее значение, ибо тяжесть феодальной ренты и воздействие системы «государственного феодализма» в этих уездах не перенесли особых перемен. В Двинском уезде, в котором — по наблюдениям Н. Е. Носова — заметно стали прослеживаться буржуазные явления с конца XVI — начала XVII в., дворная пустота была огромной уже в 20-е гг. (571 пустой двор на 3819 жилых, 13% к числу всех дворов, а в 1678 г. количество пустых дворов составило уже 18,8%). В Сольвычегодском уезде, несколько позже попавшем под воздействие товарно-денежных отношений, пустых дворов в 20-е гг. было 9%, а в 80-е гг. уже 30%, то есть процесс даже интенсифицировался. В Устюжском уезде запустение сопровождалось активным захватом дворов и земельных угодий разорявшихся крестьян представителями посадского и сельского торгово-промышленного населения, что убедительно показано в называвшемся нами исследовании А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова. Эта особенность

отражена в общих данных государственного учета жилого и пустого в этом уезде (в 20-е гг. пустые дворы составили 4,1%, а в 80-е гг. около 12%).

В Северо-Западной и Северо-Восточной зонах Поморья темпы внутренней колонизации также замедлились. Подтверждением этому служит то, что во всех уездах этих зон мы находим небольшое количество починков и займищ (93, или чуть более 3% общего числа этого типа поселений Поморья).

Это довольно ясно отражает и процесс земледельческого освоения, который, как ниже увидим, также шел все более замедленными темпами. Районы старой колонизации уже израсходовали естественно удобные для земледелия площади. В Заонежских погостах, где учреждается Олонецкий уезд и развивается металлургия, в Двинском, Кеврольском и Мезенском уездах, где особенно мало осталось пригодных под пашню земель, но имелись большие возможности для промысловой деятельности, случаи возникновения новых поселений единичны. Только в Яренском уезде, в котором продолжалась внутренняя колонизация, в 1678 г. учтено возникновение после 1608 г. 55 новых селений (деревень и починков).

В большинстве уездов со всей остротой возникла необходимость изменения дальнейшего расселения. Новые поселения все чаще отрываются от приречья и вторгаются в водоразделы. Стали чаще строиться деревни на суходоле. Так, даже по тому же Яренскому уезду в списке 698 селений, учтенных в 1678 г., в 64 указано, что они возникли на суходоле. Все эти суходольные селения находились в районах старой колонизации — по среднему течению рек Вычегды и Сысолы, что говорит об использовании здесь удобных земель⁴⁷.

Такова картина и в Тотемском уезде, где также начался отрыв от приречья. По списку 1678 г., 95% селений расположены вдоль рек и около 5% на суходоле. Но и деревни «на черном диком лесу» строились у небольших рек и озер. В Толшемской волости писец отметил 10 новых селений, из них девять построены у рек Толшмы, Юрманги, Водопоице и только одна деревня Лом отстояла от реки Толшмы в одной версте, но и около нее протекал ручей Коровной⁴⁸.

Уезды Вятской земли и Приуралья продолжали интенсивно заселяться. Общее количество селений вятских уездов за 50 лет увеличилось почти в 1,5 раза, а в приуральских — в три. На территории Сылвенско-Иренского поречья, тесно примыкая к уездам Перми Великой и вотчинам Строгановых, в середине XVII в. возникает Кунгурский уезд, в котором по переписи

⁴⁷ См. опубликованный Н. П. Воскобойниковой список селений этого уезда. (Указ, соч., стр. 367—448).

⁴⁸ «Займище Хмелевичное на черном диком лесу на речке Хмелевице...»; «Деревня селится вновь на пустоши, что была деревня Степановская, Фоминская тож, у Герасимова болота...», «Деревня Лом вновь после писцов на черном лесу». (ЦГАДА, ф. 1209, К-485, лл. 634, 276, 860).

1678—1679 гг. было уже 7 сел, 45 деревень и 5 починок⁴⁹. В середине XVII в. возникают волости Ошланская и Филипповская слободка в Хлыновском уезде, Снитгиревская волость — в Орловском и Совбинская — в Слободском уезде и т. д. Быстро увеличивается население Каринской волости Хлыновского уезда, в которой в 1678 г. уже было 154 деревни, в том числе 27 русских и 126 удмуртских и татарских⁵⁰.

В составе всех жилых селений вятских уездов починок составили 47,4%, в приуральских — около 40%, в целом же удельный вес починок восточных уездов относительно количества этих типов селений Поморья поднялся с 83,7 до 88%. Увеличилась, хотя и незначительно, плотность населенных пунктов (было в Поморье одно селение на 46 кв. верст, стало одно селение на 43,1 кв. верст). Но увеличение плотности шло в основном за счет тех же восточных уездов (в приуральских уездах в 20-е гг. было одно селение на 246 кв. верст, в 1678 г. — на 94, в вятских соответственно 25,2 и 16,4).

Некоторые писцы в 70-е гг. делят пустоши на две группы: «пустоши старой пустоты» (то есть такие, которые были уже пустошами до предыдущего описания) и «пустоши новой пустоты», появление которых падает на годы после предыдущего описания⁵¹.

Писцовые книги позволяют проследить судьбу каждой пустоши и за эти 50 лет, когда наблюдается припуск их в пашню, возрождение на них селений. В Двинском уезде в 1624 г. было 1126 сел, деревень и починок и 320 залуствующих деревень и пустошей, из числа которых 163 было припущено в пашню. К 1678 г. количество «живущих» селений без погостов в этом уезде уменьшилось на 37. Пустошей и пустых деревень учтено 269, из которых 109 уже было припущено в пашню, а 193 были на оброке за крестьянами на льготном держании и обрабатываемых наездом. Собственно пустошей, никем пока не используемых, «пустых», было всего 67⁵².

В Толшемской волости Тотемского уезда при дозоре в 1619 г. было учтено 25 пустошей, из которых 11 имели уже 70-летнюю давность. Из этого числа в 1678 г. 10 пустошей (Френиха, Игнатовская, Камешкурья, Якимовская, Левино, Сафониха, Лиственица, Сельцо, Черняково и на Чаловой горе) вновь стали жилыми деревнями. Пустоши Машьковица и Дьяковица пахались наездом, а Любенино, Олончино, Дрегалиха, Мя-

⁴⁹ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, стр. 79—80.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1209, К-339, лл. 515—847. В рукописи кандидатской диссертации В. Л. Бушуевой «Социально-экономические отношения Чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв.» указано 153 деревни.

⁵¹ См. сб. «Северная Русь. XVII в.», стр. 96—97, 123—124 и др.

⁵² Двинский уезд в 1622—1624 гг. см.: «Северная Русь. XVII в.», стр. 126—131; за 1678 г. переписная кн. опубликована в сб.: «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 8, СПб., 1888.

котиха, Душкино, Юренина, Плоская, Ступино, Рублево, Карповица, Онциферово (всего 11) были на оброке. И только о двух пустошах, упомянутых в 1619 г., ничего не удалось выяснить: видимо, они были припущены в пашню. В 1678 г. в этой волости всего учтено 13 пустошей, из них 10 в 1635 г. были деревнями (Терентьевская, Горка, Осеевская, Лукинская, Подол, Губнино, Агафоновская, Потеряево, Устиново и Голебатово)⁵³. По Яренскому уезду такая же картина: 30 пустых деревень да 137 деревень и пустошей записано «припущенными».

Припуск в пашню и к деревням (то есть укрупнение угодий и селений) начался в основном в XVII в. Так, в том же Яренском уезде в 1585 г. было всего 3 «припущенных» деревни, а в 1678 г.—137. В Шунгском погосте Заонежья в XVI в. была учтена всего одна пустошь. В Емецком стане Двинского уезда в 1552 г., несмотря на то, что числилось 46 деревень и починок пустых да 15 пустошей, источник не показывает ни одного случая припуска в пашню или укрупнения деревень, только 3 существовавших деревни пахались наездом. В Кодимской и Селецкой волостях в 1565 г. припущенных I починок и 1 пустошь.

Платежница с писцовой книги 1555 г. и сотная с описания Каргополя и Турчасова, проведенного в 1562 г. писцом Никитой Гр. Яхонтовым, приводит интересные сведения об этом огромном уезде⁵⁴. Итогов в источнике нет. По нашим подсчетам, в это время там было более 1600 деревень, 15 починок и всего несколько случаев припуска в пашню деревень или пустошей⁵⁵. Абсолютное большинство пустошей, которые в каргопольских волостях назывались селищами, пахутся наездом или отданы на льготу. Пустое селище названо только одно, да и то велено каргопольскому городовому приказчику и волостному старосте дать это селище на льготу на 5 лет⁵⁶.

По мере освоения удобных мест под новые селения с пашенными угодьями все большую ценность представляли пустоши, которые власти сдавали в оброчное владение, а затем включали в тягло⁵⁷. Припускаются в пашню обычно рядом располо-

⁵³ ЦГАДА, ф. 1209, К-419, л. 80 об.—108; К-486, лл. 834—934; К-484, лл. 825—1004 об.

⁵⁴ На эти источники указывает С. Б. Веселовский, но они в научный оборот еще не вводились.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 136. Городовые книги по Каргополю, № 1, л. 105 об., л. 147 об., 153 и др.

⁵⁶ Там же, л. 180.

⁵⁷ Крестьянин Толшемской волости Тотемского уезда Агей Дмитриев в 1668 г. взял на оброк «Промеж деревенскими отхожими пашнями и с сеными покосы трех деревень порозшее лесом порослое место на горе и на лениках», поставил там избу, клеть, овин. В 1672 г. он продал это займище своему брату Павлу, который в 1678 г. обратился с просьбой к писцам перевести пользование той «пашнишко, которая вновь распахана из оброка в жило на льготу для полевой распашки и сеной росчистки и дворовой постройки». Писцы дали ему льготу на два года, но с условием «дворы и хоромы совсем построить и поля распахать». (ЦГАДА, ф. 1209, К-484, лл. 972 об.—975).

женные пустоши и бездворные деревни. Шло слияние и живущих деревень, особенно однодворных. Пожалуй, это наиболее ясно прослеживается на примере Яренского уезда. В дошедшем до нас сохранившемся 1585—1586 гг. перечислено немало бывших однодворных деревень, в которых все еще «дворы стоят врозни», но уже составляют единую деревню⁵⁸.

Интенсивное укрупнение селений в XVII—первой половине XVIII в. в Яренском уезде объясняется тем, что здесь было особенно много малодворных деревень. Если в Шунгском погосте по переписи 1647 г. было однодворных деревень всего 10,8% то в Яренском уезде в 1646—27,8%, а двух-, трех- и четырехдворных — 51,4%⁵⁹. Увеличивалось количество пустых деревень и пустошей в XVII в. и в восточных уездах Поморья.

5. Процесс заселения и сельские поселения в XVIII — первой половине XIX века

Конец XVII — первая четверть XVIII в. — время наиболее чувствительных потрясений для северного крестьянства. Постоянные мобилизации как в армию, так и на строительство крепостей и городов, заводов и верфей, перемещение торговых путей и центров на северо-запад, к основанному Петербургу, усиление тяжести феодальной ренты — все это не могло не повлиять на процесс земледельческого освоения и сельскохозяйственного производства⁶⁰.

Строительство новых селений почти прекратилось, особенно в Центральном, Северо-Западном и Северо-Восточном районах. К сожалению, для выяснения конкретной картины этого процесса в XVIII в. возникает немало трудностей.

Проводя переписи начала XVIII в., а затем и ревизии, правительство преследовало уже другие цели. История поселений и размеры земельных угодий оставались, как правило, за пределами нового учета населения. Поэтому в ландратских переписных книгах, материалах ревизского учета и в других источниках демографического и административно-хозяйственного характера преобладают сведения о количестве дворов и податного

⁵⁸ К погосту Туглим «Дер. Никоновская, дворы стоят врозни: во дв. Оверка Федоров, молотчей, во дв. Ивашко Григорьев да его сын Васько, молотчей, во дв. Оноско Родивонов, молотчей, во дв. вдова Матренка Левонтьевская жена, молотчая, во дв. Гришкин половник с Вадьи Куземка Товаров, двор пуст Ивашко Григорьева, а Ивашко живет в другом дворе, двор пуст Ивашка Иванова, а Ивашко умер. Пашни паханые средние земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен». («Материалы по истории Европейского Севера», вып. 1, стр. 451).

⁵⁹ По Шунгскому погосту наш подсчет по указ. соч. М. В. Витова, стр. 228—289. Яренский уезд по подсчетам Н. П. Воскобойниковой. Указ. соч., стр. 378.

⁶⁰ Подробнее о Европейском Севере в годы петровских преобразований — «Северная Русь. XVIII в.». Вологда, 1973, стр. 3—13, 16—105.

населения государства. Этим в известной степени объясняется тот факт, что в дореволюционной историографии было мало работ по истории крестьянства первой половины XVIII в., в которых бы глубоко исследовалась экономическая история и особенно земледельческое производство, теснейшим образом связанное с эволюцией сельских поселений⁶¹.

В советской литературе также еще мало работ по исторической географии этого периода⁶². В связи с изучением колониционных процессов, особенно в районе Приуралья и в Сибири, уделено внимание возникновению сельских поселений и земледельческому освоению в конце XVII — первой половине XVIII в. в уездах Восточного Поморья. Считаю необходимым сослаться на уже упоминавшуюся монографию А. А. Преображенского о колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., а также на богатую сибиреведческую литературу, в том числе на сравнительно недавние публикации В. А. Александрова, М. М. Громыко, А. А. Кондрашенкова, А. Д. Колесникова и других авторов, в работах которых прослеживается эволюция сельских поселений в тесной связи с земледельческим и промысловым освоением территории⁶³.

К сожалению, нам не удалось получить за первую половину XVIII в. полных сведений о количестве населенных пунктов. Приходится ограничиваться выборочными данными из ландратских и ревизских книг.

В табл. 9 включены такие уезды или их доли, по которым удалось получить сопоставимые сведения. Общее уменьшение жилых селений лишь по этой небольшой части уездов составило 404. Пустые селения составили более 14,7% всех населенных пунктов. Хорошо известно, что во время ландратской переписи население утаивало жилые дворы. Но вряд ли могли скрывать от учета целые селения. Поэтому можно принять данные этой переписи о количестве пустых деревень. В Подвинской чети пустые селения составляли 18%, в Чаронде — 20, в Шестаковском — 35, в Яренском — 40%.

⁶¹ М. М. Богословский, А. Я. Ефименко и М. А. Островская в своих интересных, не потерявших своего значения и сейчас работах, дали богатый материал по социальной и экономической структуре северной деревни, но они не ставили цель дать ее эволюцию в начале XVIII в.

⁶² Монография М. В. Витова не выходит за рамки XVII в. Представляет в том отношении большую ценность публикация Н. П. Воскобойниковой материалов по истории сельских поселений Яренского уезда, где прослеживается их судьба с XVI в. по 1720 г. (см. ее статью в сб.: «Материалы по аграрной истории Европейского Севера СССР», вып. 3, Вологда, 1970, стр. 367—448).

⁶³ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII в. — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Южно-Уральское кн. изд-во, 1966; А. Д. Колесников. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973, и др.

Сельские поселения в 1678 г.— первой четверти XVIII в.

№ пп.	У е з д ы	Живущих деревень и починок в 1678 г.	Селений в первой четверти XVIII в.					Источники	
			жилых			Пустых деревень без пустошей	Всего жилых и пустых		% пустых к общему числу
			старых	новых после 1678 г.	всего				
1. Важский									
а) Подвинская четь	608	510	5	515	115	630	18,2	ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 4, 1716 г.	
б) Верховажская четь	501	463	4	467	—	467	—	Там же, д. 2, 1717 г.	
в) Монастырские вотчины	48	47	28	75	2	77	2,5	Там же, оп. 1, д. 44, 1717 г.	
2. Каргопольский	1438	1387	—	1387	45	1432	3,1	Там же, оп. 3, д. 163, 1712 г.	
3. Устьянские волости	309	246	4	250	16	266	6,0	Там же, оп. 3, д. 4513, 1716 г.	
4. Чаронда	470	378	—	378	96	474	20,2	Там же, оп. 3, д. 4743, 1719 г.	
5. Яренский	611	304	166	470	314	784	40,0	Подсчет по публикации Н. П. Воскобойниковой	
6. Орловский	384	186	388	574	60	634	9,4	ЦГАДА, ф. 1209, К-1060, 1605 г.	
7. Слободской	610	501 (с почи- ками)		501	162	663	24,4	Там же, К-1070, 1606 г.	
8. Шестаковский	55	52	17	69	37	106	35,0	Там же.	
9. Чердынский	287	187	44	231	—	231	—	Там же, ф. 214. Сибирский приказ, К-1468, 1707 г.	
И т о г о	5321	4261	656*	4917	847	5764	14,7		

* Вероятно, новых селений было больше, так как такие деревни не выделены по Каргополю, Чаронде и Слободскому уезду.

Как видим, в целом по всей группе уездов количество жилых селений уменьшилось. В Центральном Поморье их увеличение наблюдается только в монастырских владениях Важского уезда. Кстати, приращение селений во владениях северных монастырей в этот период отмечают и другие исследователи⁶⁴. Тенденция увеличения селений в вятских уездах, наметившаяся уже в конце XVI в., прослеживается и через 150 лет. В Орловском уезде увеличение после 1678 г. выразилось в 190 селений, или на 50%, в Шестаковском на 25%. В этих же уездах много новых селений. Так, в 1706 г. в Орловском уезде из числа 574 «живущих» населенных пунктов было 388 починков (65%). Правда, некоторые починки числились и в 1678 г., но таких было немного. Уменьшение числа селений источники фиксируют в некоторых приуральских уездах.

Примерно с середины XVIII в. определяется еще более ясная тенденция на стабилизацию существовавших старинных населенных пунктов. Меньше случаев, когда пустеет все селение и превращается в пустошь, как меньше случаев и укрупнения деревень за счет слияния. Наоборот, все чаще новые селения возникают путем отпочкования, образования деревень-выставок. В районах старой колонизации больше стало возникать деревень на водоразделах, обычно на оброчных казенных землях.

Это все хорошо прослеживается по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию. Например, в 1796 г. на сопоставимой территории Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского, Сольвычегодского, Великоустюжского, Никольского, Вельского, Лальского и Красноборского уездов количество деревень увеличилось в сравнении с 1678 г. примерно на 400, в Яренском и Устьсысольском — на 100⁶⁵. Многие из них — это выставки из старинных деревень, нередко на оброчном владении⁶⁶.

Продолжается возрождение деревень на пустошах. В Илезской волости Тотемского уезда на казенной оброчной пустоши Варнавиной поселена деревня в 3 двора, пашни 34 дес., сенокосов 15 десятин, лесу дровяного 121 дес. В примечаниях пишется: «селение лежит на суходоле, жители той деревни водою довольствуются из выкопаных колодезь... дачею простирается по берегам реки Лугоды, речки Березовки и ручья Безымянного»⁶⁷. В 1859 г. в ней уже 12 дворов⁶⁸.

⁶⁴ См. статью И. А. Булыгина в сб.: «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968, стр. 415—425.

⁶⁵ Подсчеты по Табели 1796 г. по Вологодской губ. (ЦГАДА, ф. 1355, д. 3).

⁶⁶ «Деревня Тереховской выставок, оброчная, отдаваемая черносошным крестьянам...» (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 136, дача № 233).

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1355, д. 87, л. 192.

⁶⁸ Списки населенных мест Российской империи, вып. VII. Вологодская губ., СПб., 1866, Тотемский уезд.

По Экономическим примечаниям хорошо прослеживается судьба пустошей. Некоторые из них стали деревнями, как на пример, в приводимом случае с пустошью Варнавиной, большое же составило фонд казенных оброчных угодий. Так, в 1678 г. в Старототемской волости пустошь Обирково была на оброке за крестьянами дер. Горной и имела 4,5 дес. переложной пашни, сена 1 копну по селищу, леса пашенного 3 дес., непашенного 5 дес.; всего угодий около 14 дес. В Экономических примечаниях 1796 г. — это «казенная оброчная пустошь Обиркова ведомства государственной коллегии экономии», отданная в оброчное владение купцу Г. Ф. Белоусову. Межевщики намеряли на ней 1 дес. 501 саж. пашни, 15 дес, 401 саж. дровяного лесу и 810 саж. неудобной земли, а всего 16 дес. 1712 саж.⁶⁹ За счет более точного обмера общая площадь угодий этой пустоши увеличилась на 2,5 дес. Пустошь Даниловская в 1678 г. была на оброке также за крестьянами, а в 1796 г. — на оброке за тотемским купцом И. Г. Лебзиновым⁷⁰. По писцовой книге 1678 г. пустошь Салтаниха была в оброчном владении за тремя поколениями крестьян Поповых из дер. Сидоровской, а в конце XVIII в. она также казенная оброчная пустошь⁷¹.

Весь XVIII в. продолжалось строительство новых селений в восточных уездах. В Приуральском районе на территории Пермского, Соликамского, Чердынского, Кунгурского и Оханского уездов конца XVIII в. (сопоставимой с территорией бывших здесь старых уездов и владений Строгановых) селений в 1,5 раза больше, чем в 1678 г. (1187 и 2972)⁷².

Завершая обзор, воспользуемся «Списками населенных мест Российской империи» 1859—1879 гг.⁷³ В них содержатся сведения о сельских поселениях на грани феодальной и капиталистической эпох, что для нас представляет особый интерес. На сопоставимых территориях данные о сельских поселениях за 250 лет показаны в табл. 10.

Общее количество населенных пунктов за 250 лет увеличилось почти в 1,7 раза, главным образом, за столетие с середины XVIII в. до 1861 г. Причем рост все время шел за счет двух восточных районов. Вятские уезды увеличили число деревень почти в 4 раза, а приуральские — в 12 раз. В остальных районах количество селений оставалось фактически на одном уровне. По Центральному и Северо-Восточному районам Поморья имеет место уменьшение. В середине XIX в. в вятских уездах среди

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1355, д. 87, лл. 173—173 об.; за 1678 г. К-484, л. 388 об.

⁷⁰ Там же, л. 175 об.; за 1678 г., там же, л. 388.

⁷¹ Списки населенных мест. Тотемский уезд, стр. 176; за 1678 г. см. ЦГАДА, ф. 1209, К-484, л. 388.

⁷² Списки населенных мест, т. XXXI. Пермская губ., стр. 181—185.

⁷³ Источниковедческий анализ: Л. И. Панин. Списки населенных мест Российской империи как исторический источник. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1959, стр. 178—193.

Таблица 10

Количество сельских поселений в XVII в.— первой половине XIX в.

Годы	Всего селений в географо-экономических районах						Квадратных верст на одно селение в районах					В целом на Севере
	по данным использованных источников						I	II	III	IV	V	
	I	II	III	IV	V	Итого						
20-е гг. XVII в.	14005	3393	1190	3095	543	22226	17,2	85,4	235,2	25,2	246,7	46,0
70—80-е гг. XVII в.	13645	3401	1085	4137	1421	23689	17,7	85,2	258,0	16,4	94	43,1
Середина XIX в.*	12838	4898	1130	11464	6587	36916	18,0	60,0	247,8	6,8	20,3	27,7

* Исключены погосты, лесные сторожки.

поселений числится 60% починков и займищ, в приуральских — 15%. А вот в уездах остальных районов починки и займища совсем не упоминаются.

Безусловно, в XVIII — начале XIX в. были другие условия для заселения и освоения, были иные причины, влиявшие на эти процессы. Но и с учетом всего этого, тенденция развития ясно прослеживается.

6. Малодворность северной деревни

Что в первые века заселения и освоения Севера преобладали в основном однодворные деревни, а затем их дворность медленно, но неуклонно возрастала,— это хорошо выяснено в литературе и сейчас не вызывает сомнений.

К середине XVI в. среднее количество дворов на деревню в Поморье составляло около 2,8. В приуральских уездах, где массовое возникновение новых селений происходит уже в иной социально-экономической обстановке, дворность деревень в 2—3 раза выше. Правда, за это столетие у нас слишком мало данных, однако вряд ли можно отрицать, что в большинстве уездов уже преобладала 2—3-дворная деревня. Примерно в 2 раза возрастает средняя дворность северной деревни к 80-м гг. XVII в., причем наиболее высокие темпы укрупнения селений падают на 30—70-е гг. XVII в. (табл. 11). Это согласуется с заметным изменением социальной структуры деревни и самого крестьянства⁷⁴.

Уменьшается количество однодворных деревень. В Яренском уезде таких деревень в 1608 г. было 32,8%, а в 1678 г.—18,9%. В Сухонской трети Устюженского уезда в 1626 г. однодворных деревень было всего около 8%, в Кокшеньгской чети Важского уезда по переписи 1685 г. количество однодворных деревень не более 10%.

Конец XVII — первая четверть XVIII в. дает довольно пеструю картину заселенности деревни. В силу огромной утайки жилых дворов и наличия случаев преднамеренного объединения дворов на период переписей, показатели дворности характеризуют как социальные явления, так и политические, отражают своеобразную форму классовой борьбы. Особенно характерны в этом отношении свидетельства ландратских книг, отразившие рост малодворных, но многолюдных селений. Так, в Устьянских волостях в 1717 г. в составе 248 жилых деревень одно- и двухдворных учтено 85, или 34%. Но на 961 живущий двор записано более 800 недавно запустевших. В каждой деревне было по 1—5 и более пустых дворов. Например, в дер. Черепановской при одном жилом дворе — 5 пустых, в дер. Кичкиной соответственно

⁷⁴ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в.— «История СССР», 1961, стр. 60—79.

Среднее количество дворов на деревню
в XVI—XVII вв.

№ пп.	Уезды	50—80-е годы XVII в.	20-е годы XVII в.	70—80-е годы XVII в.	Источники за XVI в. (за XVII в.—по писцовым и переписным книгам)
1.	Тотемский	—	4,6	5,9	
2.	Устюжский	—	2,6	3,5	
3.	Сольвычегодский	—	2,1	2,7	
4.	Двинский	2,2	3,4	3,9	По Емецкому стану публикация А. И. Копанева (196 селений, 434 двора)
6.	Важский	2,1	2,5	4,0	Кодимская и Селецкая волости по публикации Ю. С. Васильева (53 селения, 115 дворов).
6.	Устьянские волости	1,8	6,8	6,8	119 селений, 221 двор.
<i>По Центральному Поморью</i>		2,2	3,1	5,0	
1.	Каргопольский	2,4	4,9	5,0	ЦГАДА, ф. 137, кн. Каргополя № 1.
2.	Чаронда	—	3,9	5,7	
3.	Заонежские погосты	2,1	3,8	4,9	М. В. Витов. Указ. соч., стр. 115.
<i>По Северо-Западу</i>		2,3	3,9	5,2	
1.	Кеврольский	3,1	4,0	4,0	ЦГАДА, ф. 1209, К-185, ссылка на описание 1558 г.
2.	Мезенский	5,9	—	6,7	То же.
3.	Яренский	2,4	4,2	5,4	Публикация А. А. Зимины и А. И. Копанева.
<i>По Северо-Востоку</i>		3,8	4,7	5,2	
1.	Хлыновский	—	1,9	3,0	
2.	Орловский	—	1,5	2,3	
3.	Котельничский	—	1,7	2,3	
4.	Слободской	—	2,1	2,3	
5.	Шестаковский	—	1,4	1,2	
6.	Кайгородский	—	—	2,6	
<i>По Вятской земле</i>		—	2,3	2,6	
1.	Чердынский	9,5	8,5	10,9	По А. Дмитриеву, вып. 3, стр. 50.
2.	Соликамский	4,2	6,5	8,3	Там же, стр. 176.
3.	Кунгурский	—	—	20,0	
<i>По Приуралью</i>		7,6	7,6	9,3	
<i>По всей территории</i>		2,8	3,4	4,9*	

* У М. М. Богословского за XVII в. среднее число дворов по Тотемскому уезду в 20-е гг. — 5, в 70-е — 6 дворов, по Сольвычегодскому соответственно — 2,8 и 2,7; по Двинскому — 4 и 3,6; по Чердынскому — 7 и 9 и т. д. (М. М. Богословский. Указ. соч. стр. 147).

1 и 9; в Русиновской — 1 и 12. Если взять жилые и пустые дворы, то одно- и двухдворных деревень в конце XVII в. было всего 18, или 7%⁷⁵. В Вещеозерской волости Чарондской округи в 1712 г. однодворные деревни составляли 59,2%, а пустых дворов было 78,9%⁷⁶.

Во вновь колонизируемых районах в XVII в. чаще всего строятся многодворные деревни, что особенно характерно для приуральских уездов. И не только в силу более благоприятных почвенно-климатических условий столь высокая дворность, к примеру, в Кунгурском уезде, но прежде всего такая дворность определялась новыми социально-экономическими условиями, в каких шла колонизация еще не полностью освоенных мест.

Сравним показатели дворности на конец XVIII в., в период межевания, и по «Спискам населенных мест» середины XIX в. В Тотемском уезде в 1796 г. в оброчных деревнях в среднем на селение приходилось всего по 3,3 двора, в деревнях экономических крестьян — по 8 дворов, у владельческих — по 8,8 двора, у черносошных — 9 дворов, в среднем по уезду — около 8,5 дворов. По «Спискам» в целом по уезду в среднем на селение приходилось по 12,7 двора.

По всему Европейскому Северу с середины XVI в. и до 60-х годов XIX в. отмечается четырехкратное увеличение количества дворов на деревню. Если в XVI в. в среднем было около 3 дворов, то в первой четверти XVII в. — 3,4 двора, по переписи 70—80-х гг. этого же столетия — около 5 дворов, в конце XVIII в. — около 8 дворов и по «Спискам» — около 12 дворов. Причем даже в середине XIX века 7978 деревень (25% всех населенных пунктов сопоставляемой территории без Вологодского уезда) имели от 1 до 5 дворов. Количество таких малодворных деревень оставалось особенно велико в Олонецкой губернии (около 39% всех селений).

Более многодворные деревни мы находим в ремесленно-промышленных районах бывшего Подвинья, по берегам Белого моря. Занятие морским зверобойным промыслом, солеварением и судостроением требовало объединенных усилий и совместного проживания, что и привело к образованию крупных селений. Так, в Кемском и Онежском уездах в XIX в. средняя дворность деревень составила 17,5 дворов, а в Архангельском уезде — 23,3 двора. В расположенном дальше от моря Холмогорском уезде в это же время на деревню приходилось по 6,5 дворов.

Итак, процесс укрупнения северной деревни, хотя и медленно, продолжается все время. Несмотря на это, северная деревня оставалась чрезвычайно малодворной и в начале XX века. Все острее диктовалась объективная необходимость радикально-

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 350, 1716 г., д. 4513, лл. 2—616.

⁷⁶ Р. Б. Мюллер. Крестьяне Чарондской округи в XVII в.— В кн.: Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973, стр. 285—286.

го воздействия на этот процесс самого государства. Некоторые попытки в этом направлении предпринимались во время реформы государственных крестьян, но они дали мизерные результаты. Укрупнение деревни меняло бы социальную ее структуру, повышало бы сплоченность крестьянства, его солидарность в борьбе за экономические и социальные права. И не случайно, что Столыпин пошел по иному пути преобразования хозяйственной и социальной структуры российской деревни, по пути насаждения отрубно-хуторской системы, а в поисках социальной опоры делал ставку на кулачество.

7. Численность населения на Европейском Севере

Выяснение численности населения данного региона, как и всего Русского государства конца XV—начала XVIII в.— довольно трудная задача. Как мы уже отмечали, за XVI в. итоги переписи дворов (хозяйств) не сохранились. Первые более или менее достоверные данные о количестве мужского населения дает перепись 70-х гг. XVII в., хотя демографы иногда опираются и на материалы переписных книг 40-х годов этого столетия.

В 70—80-х гг. XVII в. число душ мужского пола только в собственно крестьянских дворах определено в 396415 чел. (см. табл. 8), то есть по 3,4 души м. п. или почти по 7 чел. обоего пола на двор. В итоги не включены работные люди Леденгского и Серегинского усалий, бобыли на погостах, население дворов церковного причта, монастырских скотных и конюшенных дворов, нерусское население, проживавшее в чумах и юртах Кольского, Пустозерского, Мезенского, Кунгурского и других уездов⁷⁷. Не включены жители городов и посадов. В переписные книги не попало все выбывшее в годы самой переписи население, находившееся в бегах и на пути к новому месту жительства. Обычно в годы переписей многие здесь же проживали, но укрывались от учета, а ушедшие совсем из деревни не попадали в переписные книги и в других местах, тем более в годы валового описания. Выбытие в период переписей наиболее велико было в начале XVIII в. Например, в Шенкурской чети накануне и во время переписи 1710 г. запустело по разным причинам около 200 дворов, что составляет почти 23% к общему числу пустоты, образовавшейся после переписи 1679 г. В 40-е и 70-е гг. XVII в. укрытие от переписей было еще не столь велико, но все же составляло около 15—20%. Если даже взять 15% укрывшихся, то это составит 59460 человек.

Число дворов нетяглого населения (церковный причт, дво-

⁷⁷ Только ненцев в Пустозерском и Мезенском уездах проживало 1400 человек (Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970, стр. 19, 64).

ры монастырских скотников и конюхов, бобылей и нищих на погостах) исчислялось примерно в 5000, а общее количество мужского населения в них не менее 15 тыс. человек, да монахов, скотников, мельников в сельской местности не менее 2000 человек. В Леденгском, Сереговском и других усольях в 1679 г. было переписано солеваров, кузнецов и разных работных людей около 1000 человек. Таким образом, всего в сельской местности изучаемого региона проживало не менее 473 тыс. душ м. п.

В городах, включая и Вологду, по переписи 1678—1679 гг. насчитывалось более 7000 тяглых и около 1500 дворов и изб нетяглого населения. В городах, по которым имеются сведения и о населении, проживало более 25 тыс. душ м. п.

Всего городского и сельского населения по нашим подсчетам получается 500 тыс. душ м. п. Считая столько же женщин, все население можно определить в пределах 1,0 млн. чел., или 11% от 9 млн. человек населения России без Левобережной Украины, Дона и нерусского населения Сибири⁷⁸.

Возьмем эти данные как исходные для выяснения движения населения в предшествующий период и в XVIII—первой половине XIX в. Выясняя количество населения в XVI—первой половине XVII в., необходимо учитывать ту особенность Поморья, что на его территории в эти два столетия всегда находилось много пришлого населения, активно участвовавшего в производительной деятельности.

Таможенные книги Устюга дают возможность выяснить, с какой обширной территории страны вовлекалась рабочая сила на обслуживание Сухоно-Двинского речного пути и только на участке Вологда — Устюг. Это наемные люди (речные бурлаки), уже оформившиеся на работу, а также те, кто проезжал, проплывал, проходил пешком через Тотьму в Устюг, Сольвычегодск, Архангельск и другие города для найма на суда. В число последних попали и те, кто намеревался наняться на работу в солеваренных и других промыслах, в сельском хозяйстве монастырей, торговых людей и зажиточных крестьян. (См. табл. 12).

В 1626—1627 гг. из общего количества зарегистрированных таможенной работных людей 1452 человека (46,7%) нанялись и пришли в поисках работы из 22 городов и уездов не только соседних с Поморьем, но и из таких отдаленных, как Москва, Казань, Муром, Суздаль и других. Сюда нами включены и 313 человек, места выхода которых не указаны, но именно потому, что они не указаны, это были не поморские люди. В следующем году число непоморского населения составило 21,4%, а в 1630 г. — 32,3.

Вернемся вновь к анализу движения населения и начнем расчет его численности в направлении к XV столетию.

В первой четверти XVII в. в Поморье было не менее 83 тыс. тяглых дворов в сельской местности и 4,2 тыс. — в поморских

⁷⁸ Я. Е. Водарский. Население России за 400 лет. М., 1973, стр. 24, 48.

Численность и места выхода работных людей

Места выхода	Количество по годам		
	1626—1627	1627—1628	1630—1631
В с е г о	3107	2214	1326
В том числе:			
I. Из городов и уездов, лежащих на Сухоно-Двинском речном пути:			
вологжане	87	343	27
тотмичи	196	393	286
устюжане	450	387	273
важане	290	277	117
архангельцы и подвинцы	25	35	39
сольвычегодцы	108	32	26
И т о г о	1156	1467	768
В %	37,2	66,3	57,9
II. Из Поморья:			
кокшары	419	244	63
устьянцы	10	—	1
верховажцы	41	—	63
кеврольцы и каргопольцы	26	—	—
Пермская земля	3	29	4
И т о г о	499	273	131
В %	16,1	12,3	9,8
III. Из местностей, прилегающих к речному пути с юга:			
ветлужане	103	13	2
галичане	24	35	10
кологривцы	484	100	—
костромичи	14	10	—
парфеньевцы	15	—	6
солигаличане	10	50	40
судайцы	169	19	4
унжане	162	14	—
чухломцы	100	42	10
И т о г о	1081	283	72
В %	34,7	12,7	5,5

Места выхода	Количество по годам		
	1626—1627	1627—1628	1630—1631
IV. Замосковский край и другие города:			
арзамасы	6	1	—
астраханцы	—	6	—
белозерцы	6	—	5
куножане	8	—	4
казанцы	8	—	—
москвичи	5	15	—
муромцы	5	—	—
новгородцы	8	—	—
перяславцы	8	—	3
ростовцы	3	—	7
суздальцы	—	3	—
юрьев-поволжцы	1	—	2
ярославцы	—	59	12
Итого	58	84	33
В %	1,9	3,9	2,5
Без указания откуда и смешанные группы	313	107	322
в %	10,1	4,8	24,3

городах, всего 87 тыс. дворов (см. табл. 6, где на 20-е годы показано 82,9 тыс. жилых дворов и около 8 тыс. запустевших, абсолютное большинство которых запустело в начале XVII в., да 4200 дворов в городах). В это время в стране всего было 618 тыс. дворов податного населения. Удельный вес дворового числа поморского податного населения определялся в 12—13%, то есть чуть выше, чем в 1678 г. И это объяснимо, так как в первой четверти XVII столетия Северная Русь претерпела меньшие беды и разорения в сравнении с другими районами страны, сюда все еще продолжался прилив населения из центральных уездов, хотя, конечно, менее интенсивный, чем в XVI в.

Для проверки наших расчетов воспользуемся показаниями писцовых книг о количестве дворов и населения. Как в новгородских, так и в поморских писцовых книгах конца XV—первой четверти XVII в. учитывались дворы и люди. Однако «люди» указанных источников — далеко не все население и даже не все его мужское население. В исторической литературе нет единого мнения относительно того, кого считать «людьми»

писцовых книг той поры. Большинство ученых склонно полагать, что это — семейные мужчины, главы семей. Дворы с указанием одного человека — это дворы с одной семьей, с указанием двух человек — с двумя семьями и т. д. Ленинградская группа историков-аграрников для определения людского состава крестьянского двора XV—начала XVII в. считает в дворе с одной семьей 5 чел. обоего пола, с двумя семьями — 7,5 чел., с тремя — 10 и т. д. В среднем, например, по Заонежским погостам в 1496 г. приходилось на двор «людей», или семей — 1,6, а населения в различных погостах от 6,25 до 7,5 чел.⁷⁹

Писцовые книги первой четверти XVII в. Поморских уездов дают примерно такие же показатели, а в ряде случаев и более высокие. Например, в черносозных крестьянских деревнях (без бобылей и половников) Тотемского уезда было 2403 двора и 3646 «людей», что дает в среднем 1,5 семьи на двор, или по разработанной ленинградцами шкале — по 6,25 чел. на двор. В Двинском уезде 3261 двор и 5621 семья, то есть в среднем по 1,7, или по 6,75 чел., в Чарондской округе по 6,8 чел. на двор, в Слободском уезде получается по 7,5 чел., а в Устьянских волостях населенность двора была еще выше — по 2,1 семьи, или по 7,75 чел. на двор. У монастырских крестьян, к примеру, в деревнях митрополита Ростовского в Устюжском уезде приходилось по 3 семьи на крестьянский двор, то есть по 10 чел.⁸⁰ В среднем для первой четверти этого столетия можно вывести по 7,5 душ обоего пола на двор. С учетом и недавно запустевших в это время было не менее 95 тыс. дворов, в которых проживало не менее 700 тыс. чел. Прибавив еще 50 тыс. подворников, работных людей солеваренных промыслов, нищих и других жителей, не попавших в дворовое число, мы получим более 750 тыс. чел. По подсчетам Я. Е. Водарского, население Русского государства в это время составляло 7 млн. чел. Таким образом, и по этой методике подсчета в Поморье в первой четверти XVII в. проживало 10—11% населения страны, а фактически, вероятно, и больше.

Установлено, что в центральных районах страны население непрерывно увеличивалось до середины XVI в.⁸¹ По Новгородской области в первой половине XVI в. ежегодный прирост населения составлял 1%. 50-е гг. явились гранью в росте населения, и со второй половины этого столетия начался отлив населения. Особенно интенсивный отлив населения из Центра и собственно Новгородской области происходит в 70—80-е гг.

⁷⁹ «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.», Л., 1971, стр. 17—20, 256.

⁸⁰ См. «Северная Русь. XVII в.», разд. II.

⁸¹ По подсчетам С. Г. Струмилина тяглое население Русского государства в период с 1328 по 1580 г. выросло с 1911 тыс. до 4060 тыс. чел., или на 112%, а в период 1580—1678 гг. только на 36% (Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966; стр. 117).

XVI в.⁸² В это время основной миграционный поток из Центра продолжал направляться в район Поморья, что оказывало влияние на увеличение здесь населения. К концу XV в. тяглое население России увеличилось почти на 35%. Темпы естественного прироста и за счет миграции населения в Поморье были более высокими, по крайней мере в 1,5—2 раза выше, чем в других районах. Это подтверждается ростом числа селений, особенно починок.

Следуя методике исчисления, примененной Я. Е. Водарским и коллективом, возглавляемым А. Л. Шапиро, определяем удельный вес населения Поморья в составе Русского государства на начало XVI в.—5—6%, на 70—80-е гг. этого столетия — 8—9% в первой четверти XVII в., как выше показано — от 11 до 13%, а в 70-е годы — 11%.

В конце XVII столетия удельный вес поморского населения понижается. Активное участие выходцев из Поморья в заселении и освоении Сибири, небывалая по масштабам мобилизация промыслово-ремесленных людей из деревень и городов Севера при Петре I объясняет более замедленный прирост населения в северных губерниях.

Приводимые данные в табл. 13 о численности податного населения Русского Севера к 1719 г. являют убедительное подтверждение отмеченному процессу. В связи с миграцией населения и мобилизацией мужского состава снижалась рождаемость, а отсюда и понижался естественный прирост. Такое положение особенно характерно для уездов Центрального и Северо-Западного районов Поморья, где, по подсчетам Я. Е. Водарского, численность населения в сравнении с 1678 г. уменьшилась на 55 тыс. чел., а с учетом возможного естественного прироста — на 127 тыс.⁸³ По нашим подсчетам общая численность населения (душ м. п.) Русского Севера с 500 тыс. в 1678 г. увеличилась до 566 тыс. (включая сюда и 25% укрывшегося от переписей населения). При этом по Центральному Поморью и Северо-Западным уездам численность населения уменьшилась, а по остальным районам несколько увеличилась. Процент среднегодового прироста населения, например по Архангельской и Вологодской губерниям в 1719—1811 гг., ниже общероссийского в несколько раз (между I и II ревизиями — всего 0,07%, в то время как по России — 0,66%). Только начиная с 1811 г. прирост населения северных губерний становится выше общегосударственного, однако в целом за 150 лет, с 1719 по 1857 г., процент прироста все же значительно ниже (0,50 против 0,81 по стране).

⁸² А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в. — «Исторические записки», т. 64, 1954, стр. 239, 249, 251; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова в 1606—1607 гг. М., 1951, стр. 48; Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 290—332 и далее; Я. Е. Водарский. Население России за 400 лет. М., 1973.

⁸³ Я. Е. Водарский. Население Русского Севера в конце XVII — первой четверти XVIII в. — «Северный археографический сборник», вып. III, стр. 176.

Численность, состав и размещение населения
к 1719 г. (в тыс. чел. м. п.)*

Районы и уезды	Посадские	Крестьяне					Всего
		государственные	дворцовые	помещичьи	духовенства	Итого	
<i>1. Центральный</i>							
Важский	0,4	0,9	24,2	—	0,4	25,5	25,9
Великоустюжский	2,7	35,2	—	0,1	6,9	42,2	44,9
Вологодский	2,6	—	2,2	64,6	22,4	89,2	91,8
Двинский	2,9	18,2	—	—	9,7	27,9	30,8
Сольвычегодский	0,6	18,0	—	0,1	5,0	23,1	23,7
Тотемский	1,0	11,3	—	0,2	1,2	12,7	13,7
Устьянские волости	—	3,1	—	—	0,2	3,3	3,3
Турчасовский стан	—	—	9,2	—	2,6	11,8	11,8
Итого	10,2	86,7	35,6	65,0	48,4	235,7	245,9
<i>II. Северо-Западный</i>							
Каргопольский	1,4	—	10,2	—	3,1	13,3	14,7
Кольский	0,07	0,9	—	—	0,6	1,5	1,57
Оловецкий	3,7	40,9	—	0,5	3,2	44,6	48,3
Чарондская округа**	—	—	12,0	—	0,8	12,8	12,8
Итого	5,17	41,8	22,2	0,5	7,7	72,2	77,37
<i>III. Северо-Восточный</i>							
Кеврольский	—	6,7	—	—	—	6,7	6,7
Мезенский	—	6,2	—	—	—	6,2	6,2
Пустозерский	—	1,5	—	—	—	1,5	1,5
Яренский	0,6	22,0	—	—	1,0	23,0	23,6
Итого	0,6	36,4	—	—	1,0	37,4	38,0
<i>IV. Вятский с Кайгородским уездом</i>							
	2,6	105,6	—	—	10,4	116,0	119,6
<i>V. Приуральский</i>							
Кунгурский	1,5	19,0	—	—	—	19,0	20,5
Соликамский	1,4	3,0	—	41,2	4,3	48,5	49,9
Чердынский	0,8	14,4	—	0,1	0,07	14,57	15,37
Итого	3,7	36,4	—	41,3	4,37	82,07	85,77
Всего	23,27	306,9	57,8	106,8	71,87	543,37	566,64

* Подсчеты по итогам ландратских книг и по данным, приведенным в указанной статье Я. Е. Водарского, который исходит из того, что утайка населения составляла 25%.

** По переписи 1678 г. — черносошная, по первой ревизии — дворцовая.

По Олонецкой губернии темпы прироста населения еще ниже. По Северному Приуралью (Вятская и Пермская губернии) среднегодовой прирост населения был в 2 раза выше, чем в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях. Но везде между первой и второй ревизиями (1719—1744 гг.) среднегодовой прирост чрезвычайно низкий, в пределах 0,05—0,07%.

Миграции поморского населения посвящен социальный очерк данной монографии. По далеко неполным данным (отсутствие сопоставимых источников по ряду уездов), в период с 1678 по 1710 г. мигрировало в Приуралье, на Урал и в Сибирь 94 679 душ м. п., или 19% всего тяглого сельского мужского населения, учтенного в 1678 г. Если же дополнить и сведениями о миграции городского населения, то число выбывших за пределы Поморья еще больше.

Сокращение численности мужской части северного населения привело к резкому снижению рождаемости, а обнищание многих ремесленников и крестьян увеличило и без того высокую смертность, в том числе детскую.

В содержательной книге Е. И. Индовой о дворцовых крестьянах выявлены основные причины убыли населения дворцовых владений за 1724—1734 гг. Самая большая потеря происходила за счет смертности, причем наиболее высокая смертность была у дворцовых крестьян Архангелогородской губернии (при средней в 29,1% по всему дворцовому ведомству в северных вотчинах уменьшение численности крестьян за счет умерших составило 31,3%). Самый высокий процент отданных в рекруты также падал на крестьян Архангелогородской губернии (4,4), а бежавшие составили 6,2% от числа всех выбывших. Смертность превышала рождаемость на 7,7%. Поэтому объяснимо, что убыль населения в Важских дворцовых вотчинах с 1724 по 1734 г. составляла 42,2%, а в период между второй и третьей ревизиями (1744—1762 гг.)— 35,1%⁸⁴.

Ландратская перепись дает интересные, до этого в источниках не встречающиеся сведения о возрастном составе населения. В табл. 14 учтен возраст 133 984 крестьян. Приведенные данные позволяют сделать ряд интересных выводов.

Во-первых, они фиксируют большой разрыв в численности мужчин и женщин, особенно в возрасте от 15 до 50 лет. Так, в первой доле Вологодского уезда мужчины этой возрастной группы составили 45,2%, а женщины — 54,8%. В Устьянских волостях соответственно 42 и 58%. Это соотношение говорит о резком нарушении необходимой пропорции половозрастного состава населения. Во-вторых, перепись отразила низкий удельный вес взрослого трудоспособного населения. От 15 до 60 лет учтено 75435 чел. обоего пола, или 56,3%. Удельный вес мужского трудоспособного населения еще ниже. Из числа всех 41273

⁸⁴ Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964, стр. 80—85.

душ м. п. в этом возрасте было всего 22 172 чел., или 53,2%, женщины этой возрастной группы составили 59,2%⁸⁵. В-третьих, данные о населении в возрасте старше 60 лет показывают, сколь несостоятельно иногда бытующее мнение о якобы исключительном долголетии людей в прежние времена. В составе учтенных 133 984 человек старше 60 лет было 8 876 чел (6,6%), а старше 80 лет отмечено только 17 человек.

Демографическая характеристика населения Кубенской трети «помещичьего» Вологодского уезда установила не только сокращение вдвое крестьянского населения в период с 1678 по 1717 г., но и взаимосвязь между семейным составом двора и его хозяйственными возможностями. Достаточно было изъять из крестьянского двора одного трудоспособного мужчину, как это хозяйство вскоре разорялось⁸⁶. Такая же картина и в черносошных уездах.

* * *

На основании всего изложенного определена периодизация и отмечаются некоторые особенности заселения Европейского Севера. С начала заселения и до середины XIX в. выделяется пять основных периодов этого процесса.

1. Первый начинается с момента славянской колонизации и продолжается примерно до конца XV в. Интенсивный рост селений на Севере в XIV—XV столетиях в нашей исторической литературе не вызывает сомнений. Татаро-монгольское разорение страны усилило движение народных масс в этот край.

После вхождения в состав Московского государства Казани и Астрахани миграция крестьян на Север продолжалась. Рост крупного землевладения в Центре страны сопровождался усилением крепостничества. Вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений обострялась и классовая борьба, одной из форм которой было бегство крестьян, в том числе в пределы Северной Руси.

2. Конец XV в. можно считать началом следующего периода в заселении Севера, который продолжался примерно до 30-х гг. XVII в. Он характерен некоторым снижением интенсивности строительства деревень в уездах более ранней колонизации (Занежье, Подвинье, Устюжская земля) и повышением интенсивности заселения восточных уездов Поморья. Характерен он также и тем, что, наряду со строительством новых населенных пунктов, растет количество и пустых деревень. Удельный вес населе-

⁸⁵ Для сопоставления напомним, что по переписи 1970 г., проведенной в СССР, мужчин в возрасте от 16 до 59 лет и женщин от 16 до 54 лет учтено 111 млн. человек, или 84,8% населения в трудоспособном возрасте («Правда», 1971, № 107 (19250).

⁸⁶ Е. Н. Бакланова. Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. Автореферат. М., 1972.

Возрастной состав сельского населения по данным ландратской переписи 1715—1718 гг. *

	I доля Вологодского уезда			Кубенская треть Вологодского уезда			Устьянские волости			Подвинская четь Важского уезда		
	Муж.	Жен.	Итого	Муж.	Жен.	Итого	Муж.	Жен.	Итого	Муж.	Жен.	Итого
До 5 лет	3501	3386	6887	956	766	1722	423	486	909	711	809	1520
От 5 до 10 лет	3187	2674	5861	831	671	1502	336	402	738	521	705	1226
От 10 до 15 лет	2469	2192	4661	791	532	1323	293	361	654	282	382	664
Итого	9157	8252	17409	2578	1969	4547	1052	1249	2301	1514	1896	3410
в %	38,4	34,4	36,3	36,3	36,8	36,5	40,2	39,2	39,7	48,5	40,5	43,7
От 15 до 20 лет	1957	2221	4178	655	661	1316	177	250	427	196	313	509
От 20 до 25 лет	1163	1567	2730	367	445	812	92	147	239	117	195	312
От 25 до 50 лет	7791	9433	17224	2486	1626	4112	892	1172	2064	1013	1707	2720
Итого	10911	13221	24132	3508	2732	6240	1161	1569	2730	1326	2215	3541
в %	46,1	54,4	50,2	49,5	51,1	50,2	44,4	49,3	47,1	42,4	47,4	45,4
От 50 до 60 лет	2041	1724	3765	627	495	1122	197	213	410	112	314	426
Старше 60 лет	1719	1001	2720	376	154	530	205	154	359	167	250	417
Итого	3760	2725	6485	1003	649	1652	402	367	769	279	564	843
в %	15,5	11,2	13,5	14,1	12,1	13,3	15,4	11,5	13,2	9,1	12,1	10,9
Всего	23828	24198	48026	7089	5350	12439	2615	3185	5800	3119	4675	7794

	Верховажская четь Важского уезда			В монастырских вотчинах Важского уезда			В с е г о			Двинский, Ме- ленский, Коз- рольский Все- го (сведения только о муж.)	Соликамс- кий уезд — только муж.	Всего мужчин и жен- щин
	Муж.	Жен.	Итого	Муж.	Жен.	Итого	Муж.	Жен.	Итого			
До 5 лет	814	963	1777	99	118	217	6504	6528	13032	4445	2083	19560
От 5 до 10 лет	583	710	1293	75	90	165	5533	5252	10785	5135	1304	17224
От 10 до 15 лет	346	476	822	59	43	102	4240	3986	8226	3858	805	12889
И т о г о	1743	2149	3892	233	251	484	16277	15766	32043	13438	4192	49673
в %	43,1	40,5	41,5	40,9	39,7	40,3	39,5	36,3	38,2	36,6	42,2	37,3
От 15 до 20 лет	212	472	684	37	47	84	3234	3964	7198	2703	876	10777
От 20 до 25 лет	133	197	330	30	42	72	1902	2593	4495	1860	1215	7570
От 25 до 50 лет	1364	1824	3188	192	240	432	13738	16002	29740	13994	2432	46166
И т о г о	1709	2493	4202	259	329	588	18874	22559	41433	18557	4523	64513
в %	42,1	47,0	44,8	45,5	52,2	48,8	45,7	52,4	49,1	48,6	45,5	47,7
От 50 до 60 лет	284	327	611	37	24	61	3298	3097	6395	3861	666	10922
Старше 60 лет	317	334	651	40	28	68	2824	1921	4745	3584	547	8876
И т о г о	601	661	1262	77	52	129	6122	5018	11140	7445	1213	19798
в %	14,5	12,5	13,7	13,6	8,1	10,8	14,8	11,3	12,7	13,8	12,3	15,0
В с е г о	4053	5303	9356	569	632	1201	41273	43343	84616	39440	9928	133984

* Первая доля Вологодского уезда — ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 554, Ландратская книга, лл. 686—687; Кубенская треть — там же, д. 556, лл. 1377—1377 об.; Устьянские волости — там же, д. 4513, лл. 677—679; Подвинская четь — там же, д. 40, лл. 1048, также ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 744, л. 980; Верховажская четь — ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, кн. 2, лл. 1070—1071; Монастырские вотчины Важского уезда — ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 44, лл. 184—192; Двинские уезды — там же, оп. 3, д. 802, лл. 1449—1450; Соликамский уезд — там же, оп. 3, д. 4259, лл. 1198 об. — 1199.

ния Поморья в Русском государстве все время возрастал, составив в первой четверти XVII в. около 13%.

3. В 30—80-е гг. XVII столетия демографические процессы развиваются под все большим влиянием социальных-экономических факторов; благоприятные условия географической среды в основном уже были использованы для заселения. Общее увеличение селений за 50 лет составило 10%, зато количество пустующих деревень увеличилось в несколько раз.

4. Конец XVII — первая половина XVIII в. характеризуется в районах старого заселения снижением темпов строительства новых деревень, небывалой до этого массовой миграцией за пределы региона или в его восточную часть и ростом пустоты, снижением удельного веса населения края в составе Русского государства.

5. Наконец, время со второй половины XVIII в., от Генерального межевания до реформы 1861 г., было периодом, когда процесс внутренней колонизации сопровождался ростом дворности и населенности северной деревни.

Анализ движения селений по их роли в сельскохозяйственном производстве показывает, что количественный рост северных деревень после XVI в. шел в основном за счет возрождения запустевших селений (пустошей). Это особенно относится к уездам Северо-Западного, Центрального и Северо-Восточного Поморья.

Заселение и освоение Европейского Севера трудящимися массами, начатое в период раннего феодализма, задолго до колонизации южных окраин, Сибири и других районов страны, особенность географической среды этого края, отдаленность от Центра и другие факторы придали процессу колонизации острую социально-экономическую окраску. Сохранившиеся черные волости крестьянских миров, преобладание среди всего населения черносошного крестьянства, относительно слабые здесь позиции крепостничества — все это являлось огромной притягательной силой для народных масс Русского государства на протяжении ряда столетий.

Приведенные материалы еще раз убедительно опровергают господствовавшую в дворянско-буржуазной историографии теорию об экономической неустойчивости северной деревни в силу якобы извечного стремления крестьянства к перемене места жительства. Устойчивость северной деревни подтверждается тем, что из всех учтенных в первой четверти селений не менее 80% возникло до середины XVI в. и в большинстве своем продолжало существовать и в XIX веке.

ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПОД СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Освоение земель под сельское хозяйство определяется многими факторами, в том числе природными, агротехническими, социально-экономическими и политикой государственной власти. Географическая среда долгое время оказывала существенное влияние на темпы ввода в земледельческое производство земель в лесной части Русского государства, в том числе и на такой его окраине, как Европейский Север. В лесных районах имелись относительно небольшие участки пригодных для сельского хозяйства земель (по берегам рек и озер), которые в первую очередь при заселении и осваивались крестьянами. После хозяйственного их освоения необходимо было разделять под пашню «черные» леса, лесную целину.

Все вышеназванные факторы дают основание выделить несколько периодов хозяйственного освоения земель. К первому можно отнести время, когда шло освоение естественно-пригодных под сельское хозяйство земель, шел процесс экстенсивного развития сельского хозяйства. По мере ввода в сельскохозяйственный оборот указанного фонда земель, а также под влиянием социально-экономических факторов, вставала сразу дилемма — переходить к интенсификации земледелия на этих пашнях или вести расширение их за счет расчистки лесных массивов. Начался второй период сельскохозяйственной колонизации. Наконец, в силу главным образом социально-экономических причин и под воздействием «государственного феодализма» наступал следующий период хозяйственного освоения земель, когда в условиях феодально-крепостнической системы исчерпывались возможности для дальнейшего расширения пашни, а интенсификация сельскохозяйственного производства в лесных районах страны упиралась в тормозящее действие феодально-крепостнической системы. Все яснее кризисные явления в сельском хозяйстве отражали кризис самого феодально-крепостнического строя.

Всестороннее исследование социально-экономических аспектов хозяйственной колонизации требует не только проследить развитие классификации земельных угодий в XVI — первой половине XIX в., но и применить новую методику, новый принцип их группировки.

1. Методика и принцип группировки сельскохозяйственных угодий XVI — начала XVIII века

В историко-экономическую и агрономическую литературу классификация земельных угодий XVI — начала XVIII вв. перешла из документов о поземельном кадастре, то есть из источников того времени, отразивших опись и оценку земельных угодий, подлежащих налоговому обложению. Типологической классификацией сельскохозяйственных угодий занимались и в дореволюционной, и в советской литературе, однако до сих пор остается немало таких вопросов, которые еще требуют пристального внимания.

Наличие фундаментальных работ С. Б. Веселовского и М. М. Богословского¹ облегчает наш труд и дает возможность остановиться лишь на тех вопросах классификации угодий, которые не нашли в литературе должного отражения или, на наш взгляд, нуждаются в пересмотре.

Следует, во-первых, учесть, что писцы, руководствуясь наказами, не обязаны были в отличие от поместно-вотчинных земель описывать всю территорию черносошных уездов, а «только живущие», то есть населенные дворы и земли, «пустое», то есть то, что раньше было живущим, а позже запустело»². Преследуя фискальные цели, правительство требовало от писцов выявить, описать и выделить особо в первую очередь населенные и обрабатываемые земли. Именно такие земли включались в живущее сошное письмо и подлежали обложению налогами и натуральными повинностями. Проводя очередную перепись, писцы стремились учесть все вновь после предыдущей переписи возникшие населенные пункты и обрабатываемые угодья, а затем внести в писцовые книги по разным причинам запустевшие селения, угодья и промыслы. Обнаружив возникновение нового «живущего», они не всегда указывали, за счет каких земельных площадей шло расширение пахотных и сенокосных угодий, за счет ли черных «ничейных», «государевых», или произошло лишь возрождение селений, «ожиление» угодий на пустошах, полянках, рощистях, в свое время заброшенных и поросших «малым» и «большим» лесом. В силу этого трудно определить шло ли развитие сельского хозяйства в тот или иной период на основе простого или расширенного воспроизводства.

Правда, в системе и практике кадастра была одна сторона, которая все же позволяет уловить ввод в производство новых земель, а также восстановление ранее пущенных в оборот земель. Дело в том, что когда-либо пущенные в хозяйственный оборот

¹ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, тт. 1—2, М., 1913—1914; *Его же*. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства, тт. 1—2, М., 1915—1916; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., тт. 1—2, М., 1909—1922.

² С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 113.

и попавшие в писцовые книги земельные угодья, независимо от характера их использования, из поля зрения правительства и особенно самих крестьян не ускользали. Вывод С. Б. Веселовского, что «пустота писцовых книг есть прежде всего и главным образом то, что раньше было жилым... а ко времени нового описания заустело», распространяется и на практику в черносошных северных уездах. Писец во время переписи, воеводы после проведенного описания, сам «мир» волости или всего уезда стремились сдать запустевшие земли в пользование, стремились «ожидать» их. Но вряд ли можно согласиться с утверждением С. Б. Веселовского, что после неудачных попыток сдать пустые земли в пользование, они «переходили в состав черных государевых земель, сливались с ними и переставали интересоваться приказы и писцов»³. Нами не обнаружено ни одного такого случая.

Все земли, время запустения которых исчислялось в 20—50 и в 100 лет, не переставали быть на учете. Были земельные угодья «старой пустоты» и «новой пустоты»⁴. Они в свою очередь могли быть в льготном и оброчном пользовании на разных условиях. Наконец, оставались «пустые пустоши», которые в конечном счете также вводились вновь в хозяйственный оборот. Чаще всего они «припускались» в пашню к живущим деревням. Все зорко следили за судьбой запустевших угодий, стремились использовать их в первую очередь.

В 1679 г. в Тотемском уезде было тяглых 18,5 пустошей (обычно они пахутся наездом)⁵. Льготных учтено 8 пустошей, которые отданы в пользование на льготных условиях «из старой» и «из новой» пустоты на разные сроки с обязательством на пустошах дворы поставить и землю распахать⁶. Пустошей давних и новых, образовавшихся после предыдущего описания, в уезде было 43, на которых пахут наездом, а чаще сено косят из оброка «до жильца», то есть до тех пор, пока найдется желающий взять на льготу или на тягло.

Льготно-оброчные земельные угодья могли заводиться на новых рощистях по берегам рек, озер и в лесу на удобных участках, но прежде всего — на пустошах, на переложных и лесом поросших землях. В первом случае имело место расширение земельного фонда, во втором — лишь его восстановление. Не только по итоговым данным писцовых книг, но по тексту источника редко удается выяснить, на площадях какого земельного фонда возник тот или иной населенный пункт. Например, запись в пис-

³ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. II, стр. 439.

⁴ «Северная Русь. XVII в.», стр. 96—98, 121—125.

⁵ Пустошь Любенино Толшемской волости по дозорной книге 1619 г. пустует 70 лет, в 1625 г. дана на льготу на 10 лет с условием поставить там дворы и пашню распахать, но смерть крестьянина-льготчика прервала ее возрождение. В 1679 г. пустошь в тягле. (К-419, л. 108—109; К-486, л. 905—905 об.; К-484, л. 943—943 об.).

⁶ Пустошь Ступино к 1619 г. уже пустела более 70 лет, в 1625 г. была на севном оброке, а в 1679 г. отдана на льготу.

цовой книге 1679 г.: «Починок, что была пустошь Губаревская», хотя и говорят о возникновении селения на пустоши, но для выяснения времени превращения прежнего селения в пустошь, необходимо просмотреть все предыдущие описания (по дозору 1619 г. она стала таковой в 80-е годы XVI в. Иначе говоря, 13 дес. земли этой пустоши были впервые освоены еще в первой половине XVI в., а возможно, и в XV в.). Данные о размерах сошного и вытного письма также не всегда позволяют установить время и площади вводимых в оборот земель за счет лесной целины.

Таким образом, группировка всех земельных угодий на живущие и пустые, применяемая правительством по соображениям чисто фискального порядка, мало пригодна для понимания земледельческого освоения края. Для выяснения хозяйственного освоения земель необходимы новый принцип и новая методика группировки. Все типы земельных угодий, так же как и селений, необходимо рассмотреть как по их отношению к уже введенным в оборот землям, так и по отношению к целинному земельному фонду.

Вариант такой группировки представлен нами на схеме 2.

Весь оборотный земельный фонд, так же как и селения, подразделяются на две основные категории. К первой отнесены все когда-либо пущенные в хозяйственный оборот земельные угодья, составляющие фонд старопахотных земель, в составе которых выделено три группы угодий, различаемых по производственному принципу.

В первой группе — все типы угодий старинных жилых селений (пашня полнотяглая, усадебная, сенокосы и леса). Это основной производственный фонд старопахотных земель, от величины и состояния которого зависит земельная обеспеченность крестьянского хозяйства и в целом уровень земледельческого производства.

Вторую часть старопахотных земель составляют угодья оброчно-льготного пользования и угодья новых селений (деревень, починков и займищ), построенных на пустошах (переложных и лесом поросших пашнях), в свое время уже бывших тяглыми, но затем по разным причинам запустевших. Интенсивность восстановления пустых пашен — один из показателей восстановления сельского хозяйства.

Наконец, третью группу старопахотных земель составляют все взятые на учет ранее введенные в хозяйственный оборот земли, но пока еще остающиеся «в пусте», не обрабатываемые. Величина пустых переложных и других земель не была стабильной. Она увеличивалась за счет запустения угодий жилых селений и уменьшалась за счет введения их в хозяйственный оборот на основе оброчно-льготного держания при возникновении новых селений.

Удельный вес каждой из трех групп старопахотных земель все время изменялся, но общая площадь всего фонда могла довольно длительное время оставаться неизменной. Эта неизмен-

Типы сельских поселений и земельных угодий, их группировка по производственному принципу в XVI — первой половине XVIII в.

I. Угодья на старопашотных землях			II. Угодья на землях, вводимых в оборот за счет целины	Государственный земельный фонд
а) старинные жилые полнотяглые	б) возродившиеся и вновь возникшие на старопашотных землях	в) запустевшие деревни и пустующие угодья старопашотных земель (пустоши)		
1. Пашня паханая полнотяглая	1. Пашня паханая полнотяглая	—	1. Пашня паханая полнотяглая	
2. —	Пашня оброчная, наезжая на льготном держании	—	Пашня оброчная, наезжая на льготном держании	
3. —	—	Перелог и лесом поросшие пашни	—	
4. Усадебно-огородные земли	Усадебно-огородные земли	Усадебно-огородные земли	Усадебно-огородные земли	Лесная и луговая
5. Сенокосы вытненные и завыттые, выгоны	Сенокосы вытненные и завыттые, выгоны	Пустые сенокосы	Сенокосы вытненные и завыттые, выгоны	целина
6. Лес пашенный	Лес пашенный	Лес пашенный	Лес пашенный	
7. Лес непашенный	Лес непашенный	Лес непашенный	Лес непашенный	
8. Поверстный лес	Поверстный лес	Поверстный лес	Поверстный лес	

ность сохранялась до тех пор, пока не вводились в оборот земли, никогда еще не использовавшиеся под пашню, то есть северная лесная целина: «черный», «ничейный», «государев» лес. Увеличение всего оборотного фонда старопашотных земель могло осуществляться за счет разработки именно такой целины (приращивание к старым пахотным и сенокосным угодьям разрабатываемых вблизи от деревень удобных лесных участков, а также заимки и росчисти в приречьях и на суходоле, вдали от селений). Вот эти, вновь вводимые в хозяйственный оборот земли, и выделены нами во вторую категорию. Темпы расширения земельного фонда за счет лесной целины — один из показателей интенсивности хозяйственного освоения, организации сельского хозяйства на основе расширенного воспроизводства.

За пределами этих двух категорий оставались все остальные земли, которые являлись резервом. Величина площадей этого фонда, степень их пригодности для нужд сельского хозяйства — точка зрения феодального государства и черносошного крестьянства на владение ими оказывали влияние на интенсивность включения в хозяйственный оборот этого резерва. После изучения всех типов угодий по их роли в хозяйственной колонизации земель мы в данном очерке дадим группировки земельных угодий еще в двух вариантах. Во-первых, по отношению к системам земледелия, что, как нам думается, даст возможность определить соотношение в различных районах Русского государства трехпольного хозяйства и других систем земледелия. Во-вторых, группировка по характеру землевладения и землепользования по отношению к социально-экономическим процессам, которые протекали в деревне.

2. Классификация земельных угодий по производственному принципу

Основным видом угодий старопахотных земель является пашня паханая, называвшаяся в XVI—XVII вв. четвертной тяглою, полностью входившая в трехпольное хозяйство. По налоговой классификации это «пашня паханая живущего сошного письма».

В литературе достаточно освещен вопрос о порядке учета пашни во время переписей. Измерялось одно поле, а два остальные считались «по тому ж». Но и «одно поле» не всегда измерялось, а писец просто ограничивался приправочными книгами и показаниями выборных людей. Для писца было важно, в первую очередь, выяснить, какие произошли изменения в земельных угодьях данной деревни после предыдущего описания, есть ли прибавки полнотяглых угодий. В зависимости от показаний выборных людей и возникала или отпадала необходимость измерять землю.

В четвертную пашню паханую за старинными жилыми деревнями включались выходившие из льготы земельные угодья. По истечении льготных лет крестьянин, держатель льготных угодий, выполнял все повинности и платил налоги «с крестьянами в ряд». Это требование при отдаче на льготу угодий всегда четко оговаривалось. При исчислении суммы денежных сборов помещалось, в какой год льготные владения становились тяглыми и на какую сумму при этом возрастали платежи податей в казну⁷.

⁷ В дер. Синяково Толшемской волости в 1678 г. было 12 жилых дворов и один пустой, пашни паханой 18 четей, перелогом 2 чети. И эти две чети взял в льготное пользование на 5 лет крестьянин этой же деревни И. Белоус, внося в съезжую избу по 5 алтын 5 денег в год, а затем ему «платить всякие подати с миром в ряд» (Ж-485, писцов, кн. Тотемского у., лл. 406 об. — 408).

При запусении деревни пашня паханая, если на нее не находились тяглецы или льготчики, считалась пустой, переложной и при очередной переписи исключалась из фонда полностью пашни. Фонд пашни паханой уменьшался не только в результате запусения целой деревни, но и при запусении отдельных дворов деревни, что видно из приведенного нами примера по дер. Синяково.

В XVII в. во всех уездах не только увеличивалось число пустых повытий в деревне, но и менялось понятие «пустого». Если первоначально с запусением двора становился пустым, не тяглым и земельный жеребий этого двора, так как двор и земельные угодья понимались как неразрывное целое, то затем все чаще встречается обособление «двора» и «жеребья» земельных угодий этого двора. В переписной книге Важского уезда 1710 г. мы встречаем немало записей о пустых дворах с жеребьями, о пустых угодьях без двора и о пустых дворах без угодий⁸.

Нередко писцы, «радея казне государевой», старались включить в фонд полностью четвертной пашни и все те роспашки и росчисти, которые осваивались системой подсежного землепользования, так называемые «однохлебные места», которые крестьяне секут в черных лесах, «отходя от своих деревень верст по 5, и по 10, и больше под один хлеб». Сохранились на такие действия писцов жалобы от крестьян Сольвычегодского и других уездов⁹. Однако, думается, что эти жалобы крестьян хотя и имели основания, но вряд ли такие приписки были велики. Как правило, в фонд полностью пашни включались уже вновь восстановленные и вошедшие в трехпольное хозяйство площади пустошей, а также новоросчистные пашни, что подтверждают источ-

---

А вот как определялись время выхода из льготы, включения в тягло льготных угодий и суммы платежей в писцовой книге Угюжского уезда 1676—1683 гг. (К-516, лл. 750—758).

«Во льготе 115 вытей и пол-пол-полтрети и пол-пол-полчети с осьминою без четверика пашни... А во льготные годы и после льготных лет денежных доходов оброку 162 рубля 24 алтына 2 деньга, пошлины с того оброку 9 рублей 24 алтына 1½ деньга. За оставшее сено оброку 29 рублей 4 алтына полчетверты деньга. А в которых годех и что вытного письма изо льготы выйдет и после льготных лет данных и всяких доходов после прибудет и то писано ниже сего: во 190 году изо льготы вышло 4 выти и пол-полтрети, в оклад прибыло 2 рубли 32 алтына поляты деньга; во 191 году выйдет 4 выти с четью и полчети и пол-пол-полчети и пол-пол-пол-пол-полтрети выти, прибудет 3 рубли 7 алтын и 1 деньга; во 192 году выйдет поддесяты выти и пол-пол-полтрети выти, прибудет 6 рублей 32 алтына 3 деньга» и т. д.

⁸ «Двор пуст Василя Иванова и тягла четь обжи в пусе ж, он, Василь, сбрал безвестно. После ево тем двором и тяглом владел Афонасий Евсеев, запустел тот двор и тягло в 709 г. он, Афонасей, живет в той же деревне у Леонтья Кононова на подворье. В той же деревне пустой пометной жеребей пол-полтрети обжи, помет Козьмы Евсеева, запустел в 704 г., он, Козьма, живет у Федора Антонова на подворье». (Архив ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 2, л. 49).

⁹ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. 1, № 129 — жалоба тотмичей на писцов 1623—1625 гг.; № 205 — жалоба крестьян Сольвычегодского уезда.

ники как первой, так и второй половины XVII в. Писцовые книги 70-х годов полны указаний о пашне паханой «и с припашми», часто находившимися в разных, иногда отдаленных от деревень местах, но составляющих единое трехпольное хозяйство. Возьмем в качестве примера эволюцию земельных угодий дер. Лобаново Толшемской волости Тотемского уезда с начала XVII в. до 1679 г.¹⁰

По писцовой книге 1625 г.

По писцовой книге 1679 г.

14 дв. Пашни паханой средней земли и с припашми по наволокам на Блохине, и по конец Бувкова на Смельцеве, и на Курцеве, и на Кривом, и на Березове 30 четей без полуосмины, да перелогу 7 чети в поле, а в дву... Сена 85 копен, лесу пашенного 8, непашенного 12 десятин.

18 дв. Пашни паханой средней земли и с припашми за Толшмою и на Блохине, и на речке Вескле, на поч. Смельцеве, да вниз по реке Толшме по Наволокам на Косливце и на Озернице, и на Пурьевке, и на Висловце, и на Березове, и на Курцеве, и на Кривом, и на Липовцах, и по речке по Юрманге 30 четей без полуосмины, да перелогом и лесом поросло 7 четей в поле, а в дву... Сена 200 копен, лесу пашенного 8, непашенного 12 дес.

Сравнивая записи двух источников, мы убеждаемся, что площади пашенной земли остались без изменений, только с каждым разом писцы более подробно перечисляли все полянки и припашы, распаханые и включенные в пашню, видимо, уже в XVI в., да увеличились почти в три раза сенокосы. Перелог за 50 лет после переписи 20-х годов уже лесом порос, остался по площади без изменений и лес (пашенный и непашенный).

Наблюдая за эволюцией земельных угодий деревень и волостей, мы обнаруживаем чрезвычайно медленный рост фонда старопахотных угодий. Расширение шло, в основном, за счет роспашей своих, ранее запустевших, ставших переложными и лесом поросшими землями¹¹.

Мы уже говорили, что фонд пашни паханой четвертной старинных жилых и вновь возникших поселений расширялся путем сдачи в льготное и оброчное держание запустевших земель. Рассмотрим более подробно льготно-оброчные угодья, в том числе и пашни «наезжие».

В итоговых записях писцовых книг эти виды пашни не всегда показаны раздельно. В тексте источников, в том числе и в актовых материалах, мы иногда обнаруживаем более подробные сведения о них. Так, особо выделяются льготные пашни паханые, затем льготные еще на нераспаханных землях, есть льготные наезжие пашни. В Тотемском уезде в 1625 г. льготной пашни

¹⁰ ЦГАДА, К-479, л. 86; К-486, лл. 860—861 об.; К-484, лл. 855—857.

¹¹ «Северная Русь. XVII в. ...», стр. 56—71: Дана эволюция земельных угодий каждой деревни Царевской волости Тотемского уезда за 200 лет.

паханой было 399,5 четей, нераспаханной — 763,5, наезжей всего 10 четей в поле, «а в дву по тому ж». Больше льготных земель было в Стрелецкой и Молской волостях, в которых по каким-то причинам в XVI в. образовалась огромная пустога. В одной Молской волости в 1625 году было 78 пустошей (о 38 сказано, что они «запустили лет за 100 и больше»). Этот фонд пустоты и начал энергично осваиваться. Во время переписи 1625 г. 25 бывших пустошей были записаны за льготчиками, которые заводили здесь займища и починки, а льготу всем дали на 10 лет.

Описывая льготные починки на пустошах, находившихся во владении по грамотам воевод или «мира», писцы обнаруживают самую разную степень их состояния: в одних местах уже распашано большинство бывших пахотных угодий, построены дворы и гумна, в других — освоение угодий только начиналось. Льготное угодье на пустошах, которое в момент переписи имело только избы, овины и житницы, в большинстве уездов называлось «дворовым займищем», или просто займищем. Льгота давалась на сроки от 5 до 15 лет¹². Некоторые льготчики уже через 3—5 лет имели на пустошах дворы и успешно заводили трехпольное хозяйство. А некоторые и по истечении всего льготного срока с этим не справлялись, а то и совсем забрасывали начатое дело. Например, по воеводской даче 1618 г. крестьянин Я. М. Онтипьев получил в льготное владение на 10 лет пустошь Завражье. В 1625 г., через 7 лет, писец записывает эту пустошь как льготный починок, на котором один жилой двор, пашни паханой 4 чети, лесом поросшей — 8 четей, сена 30 копен, лес в общем владении у всей волости. Писцы, учитывая, что пустота еще не вся разделана и что осталось еще 3 льготных года, пашню не включают в тяглый фонд, но напоминают Онтипьеву о необходимости всю пашню «в трех полях распашать»¹³. Иначе сложилась судьба у крестьянина Б. Спасского, получившего от волости в 1612 г. на 10 льготных лет пустошь Камешкурию. В 1613 г. он был убит «литовскими людьми», а его сын Иван Спасский и в 1625 г. не выполнил порядных условий, продолжая пашню пахать наездом. Писцы взяли на него новую поручную запись, обязав его «двор поставить бессрочно совсем, а овин и гумно устроить и пашня вся распашать, и устроив двор, жить самому Ивану, а наездом не пахать»¹⁴.

¹² ЦГАДА, ф. 1209, К-486, л. 763, об. — 765.

¹³ Отдавались на льготу в первую очередь запустевшие повытья в жилой деревне, нередко даже бывшему ее владельцу. Вот один из таких случаев. В 1625 г. при переписи Вожбальской волости в дер. Мишуковой был пустой двор крестьянина Ф. Е. Толстого, а к двору переложной земли 2 чети. «А та полевая земля и с двором дана старому жильцу Фарадейку Толстому изо льготы на три года, со 133-го года сентября 1 числа до 136 года сентября по 1 число, а льготы дана ему для дворовые поделки и земляные роспашки и для его бедности что он обнищал, бродил в миру, а тот его жеребей лежал впусе». После льготных лет платить подати с живущей 1/8 выти. (ЦГАДА, ф. 1209, К-480, лл. 555 об. — 557 об.).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, К-486, лл. 877 об. — 899 об.

Начиная осваивать пустошь, крестьяне в первую очередь ставили овин, гумно, избу, а затем уже завершали строительство двора со всеми жилыми и хозяйственными постройками, огородами, хмельниками. Выдача на льготу оговаривалась обязательным условием двору поставить и землю распахать, сенокосы расчистить. Вот характерный пример по Молской волости (1625 г.) «Пустошь Сметанино на речке на Моле на верхотине, а на ней житница да овин. Пашни паханой худые земли и с тою рощистью что на речке на Кулое 4 чети да лесом большим поросло 20 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по пустоше и на речке Вотче по обе стороны речки Сосновки 20 копен да на сенной же покос указано расчистить из лесу на выть на 40 копен. Лес вопче у всей волости. Дана та пустошь на льготу Молские волости крестьяном Коняшке Окиньюфиеву на 10 лет, со 127 по 137 год. А в те льготные лета на той пустоши двор поставить совсем и пашню всю в трех полях распахать, и жильца во дворе посадить. А сеного оброку в те льготные лета по урочной год платить по пол-полтине на год. А как льготные годы отойдут, Коняшке велено с того починка платить всякие государевы подати с живущего с полуторы выти».

В данном случае пашня еще не вся распахана, лишь определены ее общие размеры, дано задание расчистить в лесу (видимо, на старой лесом поросшей пашне) сенокосов на 40 копен. Но льготчик Окиньюфиев за 6 лет владения этой пустошью двор не поставил и «пашню в трех полях не распахал». Писцы теперь уже за порукою десяти крестьян оставили эту пустошь за ним; же и за Сидором Онтипьевым и обязали их в оставшиеся 4 года «двор поставить, и овин и гумно устроить, и пашню всю в трех полях распахать и жильца во дворе посадить», и «отжив во льготе в пустоте того починка не покинуть»¹⁵.

На починке, что стал строиться на пустоши Чуцкой в 1617 году со льготой до 1627 г., был поставлен только овин. Пашни исчислено 10 четей в поле, сена 20 копен, лесу пашенного 30, непашенного — 42 дес. По условию льготного пользования крестьяне Молской волости В. Задевин и Н. Попов обязались за 10 лет «двор поставить и совсем устроить, и жильца посадить, и пашня вся распахать и поля огородить», а после льготных лет платить с 4¹/₄ вытей с живущего. В 1623—1625 гг. писцы записали здесь 6 жилых дворов, в них первым показан Н. Попов, а В. Задевина в составе жильцов нет. Пашни паханой уже 54 чети, лесом поросшей 14 четей, сена 20 копен, «да на сенные ж покосы помечено расчистить из лесу на выть с четью на 50 копен». Лес в общем владении с волостью. Починок дан «испуга в жило». Писцы отметили, что дворы поставлены «совсем», а пашни всей в трех полях не распахали». Так как льготный срок еще не закончился, то указано всю землю распахать, в обеспечение этого

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, К-486, лл. 777, об. — 779. Это не единичный случай. Таких примеров много по Стрелецкой и другим волостям.

условия взята по ним порука¹⁶. Источники не позволяют определить, сколько из 54 четей уже было распаханно. Судя по тому, что срок не был продлен, не были применены и санкции, кроме поручных записей, вероятно, устройство трехпольного хозяйства завершилось.

Приведенные примеры могут служить основанием для характеристики роли и места различных типов пашни в трехпольном хозяйстве, а отсюда и для определения площадей пахотных угодий. Во-первых, до тех пор, пока не истекал срок льготного пользования и пока полностью все три поля перелого не были распаханы, льготная пашня писцами не включалась в фонд тяглой пашни паханой, используемой по системе трехпольного хозяйства. Поэтому весь фонд тяглой пашни паханой писцовых книг можно считать полностью входившим в трехпольное хозяйство. Во-вторых, площадь обрабатываемой пашни трехпольного хозяйства была по размерам больше той, которая показана в писцовых книгах, так как были льготные починки и займища, где от 30 до 70% пашни на момент учета уже обрабатывалось по трехпольному принципу.

Наезжая пашня вызвала в свое время в дореволюционной литературе большую полемику, в которой приняли участие А. С. Лаппо-Данилевский, Н. А. Рожков, В. И. Сергиевич, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский и другие. По мере дополнительного ввода в научный оборот писцовых книг и актового материала, все более проясняется понимание исследователями сущности этого вида пашни, особенно по вопросу о том, рассматривать ли наезд как признак регресса или как признак прогресса сельскохозяйственного производства. Прежде всего, нужно отметить довольно незначительный удельный вес пашни, обрабатываемой наездом на льготно-оброчном держании в XVI в. В следующем столетии положение меняется. С ростом площадей пустующих угодий расширяется и практика обработки их наездом. Поскольку многие наездом обрабатываемые пашни находились на льготно-оброчном содержании, то в источниках они редко выделены отдельно от других типов угодий; вероятно, их было больше, чем

¹⁶ Там же, К-479, л. 196 об.—197; К-486, лл. 767—769. Вызывает интерес встречающееся выражение в обязательстве «и жильца посадить». В данном случае Задевин и Попов выполнили это условие. Хотя сам Задевин куда-то исчез, но Попов «посадил» вместе со своим двором еще пять дворов. Это интересный пример, дающий основание для предположения, что, вероятно, и в Поморье была практика строительства крестьянских поселений силами отдельных крестьян, своеобразных поморских «слободчиков, институт которых получил такое развитие в Сибири (см.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 212—215). В связи с этим представляет интерес высказанное предположение насчет происхождения некоторых северных слобод, например, в Коми крае, как свободных поселений, куда приходило русское население, спасаясь от «притеснений правительства», о выдаче «слободских грамот» устроителю Цильмы и т. д. (Н. П. Воскобойникова. Писцовые и переписные книги конца XVI — начала XVIII в. как исторический источник по социально-экономической истории и географии Яренского уезда. Рукопись кандидатской диссертации, стр. 103).

показано в писцовых книгах, во всяком случае около 1% всех пахотных угодий.

Наезжая пашня была на тяглой земле, на пустошах и на явочным путем захваченных полянках и рощистях в «государевых» лесах. В первом случае наездом пахались доли пашни недавно запустевшего двора с его жеребьем в полях, которые до нового описания еще числятся в фонде вытной полнотяглой пашни. Во втором случае наездом пахается земля на пустошах, на которых начинается строиться починок. Наконец нередко тайком велось наездом хозяйство в лесу (на подсеке) до тех пор, пока это не обнаруживалось и не включалось в состав льготных владений¹⁷.

Мы более определенно относим наезд к той форме землепользования, которая является признаком прогресса. Безусловно, правительство из фискальных соображений относилось различно к наезду. Поддерживая наезд для «ожиления», оно ревниво относилось к пашне наездом на монастырских пустошах, законно видя в этом опасность отвлечения крестьян от распашки волостных пустующих земель, а значит, и уменьшения сумм податей. Но отвлекаясь от этих узко фискальных интересов, государство объективно было заинтересовано в развитии наезда как средства к превращению пустых земель в обрабатываемые, облагаемые податями.

Вот пример превращения обрабатываемых наездом угодий в живущее. Запустевшую деревню Домажирово Окслогородной волости Тотемского уезда в 1619 г. пахали наездом крестьяне дер. Черепановой А. Шумилов, Я. Степанов и В. Матвеев. Всего было 4 чети пашни паханой и сена 9 копен. Платежи были определены с чети выти. В 1625 г. здесь 3 чети пашни паханой, 1 четь перелога, сена 20 копен. Пахут наездом те же крестьяне, продолжая жить в дер. Черепановой. Платят с живущей с $\frac{3}{16}$ выти и с пустоты $\frac{1}{16}$ выти. В 1679 г. это уже тяглая деревня, в которой попрежнему 4 чети пашни паханой «и с припашми» (распахали 1 четь перелога), сена 10 копен. В живущем — четь выти¹⁸.

Следующим видом старопахотных земель, которые все еще мало подвергнуты изучению, являются усадебно-огородные земли. Факт наличия огородов (капустников) в хозяйстве крестьян даже самых северных районов Поморья в XVI в. бесспорен. Подтверждением этому служит описание двора Козьмы Юкшеева в волости Варзуге Двинского уезда: «А во дворе хором изба на змосте с комнатою, да клеть на подклете, да сени, да сенник на дву хлевах, да мыльня, да на другую сторону ворот горенка на подклете, да на улице против двора амбар, да на яме, где лодыи

¹⁷ Судебник 1589 г. ограничивает владение «наезжими» пашнями сроком не более трех лет. В XVII в. эти ограничения отпали.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, К-479, л. 69 об.; К-480, л. 184 об.— 185; К-482, л. 440.

пристают амбар, да огородец за двором, капустаник»¹⁹. Если капустаники были в Варзуге, у самого Белого моря, то тем более огороды, хмельники и конопляники имелись в большинстве крестьянских хозяйств других северных уездов. На их наличие указывает и Судебник 1589 г., этот правовой сборник, возникший в Устьянских волостях и отразивший нормы права всего Северного Поморья²⁰.

А вот размеры этих угодий в крестьянских хозяйствах мало известны. В итоговых записях большинства писцовых книг они не показаны. Только в тексте этих источников, да и то не во всех уездах, мы обнаруживаем интересующие нас записи. Такие сведения есть по Устюжскому, Сольвычегодскому уездам и по Устьянским волостям, причем по названным уездам эти сведения стали вноситься в писцовые книги только во время переписей 70—80-х гг. XVII в., а по Устьянским волостям площади под

По описанию 1645 г.

По описанию 1677—1681 гг.

Во дворе Роман Исаков с сыном Мишкой, владеет по писцовой книге; во дв. Василий Ермолин с сыном Василием, владеет по крепостям; во дв. Иван Неронов, владеет по старине да по купчим Дмитрея Фролова 152 году; двор пуст Якима Петрова, а он живет в половниках за Федором Строгановым; дв. пуст Симона Исакова; дв. пуст Якима Петрова, померли в 142 году. Пашни паханой 8 четей, перелога 9 четей в поле, сена 50 копен, старой примерной пашни 2 чети с осминою, за которую оброк платят 4 алт. 1 ден., поскотины 10 дес., леса 12 дес.²¹

Во дв. Иван Ерофеев Козлов с двумя сыновьями, в длину двора 9 сажень с полуосминою, поперег 5 сажень с полуосминою, к тому же двору конопляник в длину 14 саж., поперег 10 саж., во дв. половник И. Козлова Федор Ерофеев Козлов с двумя сыновьями, двор 11 $\frac{1}{2}$ на 9 саж., к двору конопляник 17 на 12 саж.; во дв. Митрофан Ермолин с сыновьями, двор 10 на 5 $\frac{1}{2}$ саж., конопляник 10 $\frac{1}{3}$ на 3 $\frac{1}{2}$ саж. «К тем же ко всем дворам 4 овина с огуменники на полевой пашенной земли». В деревне 2 пустых двора старой пустоты, что были Симона Исакова Козмина и Якима Петрова (10 на 7 и 13 $\frac{1}{2}$ на 6 $\frac{1}{3}$ саж.) Пустым двором и жеребьем Я. Петрова владеет Алексей Степанов, который сбежал в 183 г. в Яренский уезд. Далее перечисляются земельные угодья (пашни паханой 8 четей в одном поле, сена 50 копен, старой примерной пашни 2 чети с осминою, и оброка за нее 4 алт. 1 ден., поскотины 10 дес., леса 12 дес.)²²

¹⁹ Сб. ГКЭ, № 252, стр. 243. О наличии хмельников и конопляников в северных уездах, см.: Н. С. Чаев. Северные грамоты XV в.— «Летопись знамятый археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. 35, Л., 1929, стр. 145, № 33; Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 212—217; Сб. ГКЭ, № 68 (1531—1532 гг. Двинский уезд) и др.

²⁰ «Судебники XV—XVI вв.». М.—Л., 1952, стр. 402, 522—524.

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, К-451, л. 101.

²² Там же, К-501, лл. 213—215.

дворами имеются в описании 1645 г.²³ Сравним приведенное на стр. 137 описание дер. Тесовицы Окологородного стана Сольвычегодского уезда в 1645 и в 1677—1681 гг. (в свободном изложении, но полностью все цифровые показатели).

Сравнение двух описаний подтверждает, что в 1645 г., когда усадебно-огородные земли не выделялись, пахотные и другие угодья были по размерам такими же, как и позже, когда писец особо выделил площади под дворами и конопляниками. Это дает основание усомниться в правильности существующего в литературе мнения, что якобы писцовые книги потому ничего не говорят об усадебных землях, что эти земли были «необходимой принадлежностью четвертной пашни»²⁴.

Если они и были такой принадлежностью, то лишь с фискальной точки зрения, поскольку особым налогом усадебные земли в сельской местности не облагались (в городах и на посадах такие земельные площади учитывались, так как они могли быть использованы под облагаемые налогом лавки, кузницы и другие промыслово-ремесленные объекты, а пустые усадебные земли — под огороды, хмельники, пашенные и сенокосные полянки на оброчном владении). Фактически же усадебно-огородные площади уже в XV—XVI вв. стали отпочковываться от пахотных земель. По Судебнику 1589 г. личное пользование хмельником еще далеко не правило. Складнику, отселяющемуся особым двором, еще разрешалось ставить новый двор на любом месте, даже на хмельнике. Кроме Подвинья, Ваги, Устьянских волостей в большинстве других уездов Поморья преобладало общее владение садово-огородными землями, овинами, банями. В XVII в. меняется положение и в остальных уездах. Все больше индивидуализируется владение этими угодьями и постройками. Для чернососных и дворцовых крестьян эти земли представляли особый интерес, и не случайно актывые материалы полны спорных дел по поводу владения дворовыми и огородными земельными участками, особенно между чернососными крестьянами и монастырями²⁵.

Обособление усадебно-огородных угодий началось в общине давно. Выделение их в поземельном кадастре, как и практика учета раздельного заупустения двора (собственно дворовых построек) и причитающихся этому двору долей земельных угодий, является одним из показателей энергичного развития товарно-денежных отношений в северной деревне, разложения складнической формы землевладения и землепользования. А. И. Копанев

²³ В дер. Конятинской Ростовской волости во дв. Т. Ф. Кузнецов с тремя сыновьями, «в дл. двора 9 сажень без чети, поперег 5 саж. без полчети», размеры двора Н. Я. Резанова 11 на $9\frac{2}{3}$ саж., вдовы О. Кошутинной — 7 на 6 саж., остальных двух жилых дворов — $7\frac{1}{3}$ на $5\frac{2}{3}$ и $6\frac{2}{3}$ на $6\frac{1}{3}$ саж. (ЦГАДА, ф. 1209, писцовая кн. по Устьянским волостям, К-510, лл. 5, об. — 7).

²⁴ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 1, стр. 385.

²⁵ М. М. Богословский. Указ. соч., т. 1, стр. 165 и др.

на основании показаний двинских актов делает вывод, что уже в XVI в. предметом купли и продажи, без каких-либо ограничений, являются не только целые деревни, но и части деревень, «полосы, лоскуты, лужки, части пожен и пожни целиком... Единые владения, скажем деревни, делятся на жеребьи, последние, в свою очередь, делятся на доли, совладельцами родственников становятся посторонние покупатели; эти покупатели, в свою очередь, делят свои прикупленные «доли» и «лоскуты» между наследниками. В общем, земля находится в оживленном круговороте, и владения то сливаются, то дробятся. Все это приводит к усложнению структуры крестьянского землевладения»²⁶.

Так было в Двинской земле, в этом районе наиболее раннего изменения структуры крестьянского землевладения, наиболее раннего воздействия на сельское хозяйство товарно-денежных отношений. В других уездах Центрального и Восточного Поморья такой процесс отмечается несколько позже. Дворы стали отчуждаться отдельно от земельных угодий, а компоненты двора — хмельники, огороды, овины, бани, колодцы — также стали объектом сделок. Стала количественно увеличиваться группа сельских жителей — бобылей, которые имели дзсыры или избы с приусадебной землей и огородами, но не имели пашни.

Разорявшиеся совладельцы деревень и угодий не всегда одновременно бросали дворы и угодья и уходили искать лучшей жизни. Нередко полной потере прав на двор и земельные угодья предшествовала потеря частей этих угодий. Ранее приведенные примеры на этот счет дополним еще одним по Важском уезду. Так, двор и тягло Сафрона Прокофьева запустело одновременно в 1708 г., а вот о владении Григория Григорьева сказано: «запустел тот двор в 1705 г., а тягло в 1709 г.»²⁷

Таможенные книги также фиксируют продажу дворов не только «со всеми угодьями», но и раздельно тех или иных хозяйственных построек, земельных угодий, что также подтверждает факт разрушения старинных взглядов на единство двора и земли²⁸.

Для выяснения размеров земель под дворами, огородами, конопляниками и хмельниками мы воспользовались, кроме материалов по Сольвычегодскому уезду и Устьянским волостям, также писцовой книгой Устюжского уезда 1676—1683 гг., наиболее полно и подробно отразившей необходимые сведения²⁹.

Нами сделаны подсчеты размеров всех 210 жилых и 8 пустых дворов Окологородного стана этого уезда, общая площадь

²⁶ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв.— В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 451.

²⁷ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 2, лл. 65, 66, 163, 165 об., 180 об. и т. д.

²⁸ Ниже мы остановимся на этом подробнее. Сейчас отошлем читателя к интересной в этом плане статье Ю. А. Тихонова о землевладении посадских людей в Устюжском уезде в XVII в. См.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 270—279.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга Устюжского уезда, К-514; также см. приложение № 2.

которых выразилась в 13115 кв. сажен, или на двор по 64 кв. саж. Округляя эту цифру до 60 кв. саж. и принимая во внимание, что тогда во всех уездах насчитывалось около 200 тыс. жилых и пустых дворов, получим в итоге не менее 5 тыс. дес. земли, занятой под дворы и дворовые места. Конечно, эти подсчеты приблизительны, если учесть местные особенности на территории обширного края, что могло отразиться и на величине дворов.

В этом же стане на 54 жилых деревни под огородами и гумнами оказалось 33 десятины, в среднем по 1465 кв. сажен на селение. Беря в среднем по $\frac{1}{2}$ дес. и помножив на 25 тыс. все селений Поморья, мы получаем 12,5 тыс. дес. земли, предположительной для этих хозяйственных нужд. Это, конечно, и в данном случае приблизительные итоги. Вероятно, в эти годы не мало хмельников, гумен, огородов располагались еще на одном из трех полей тяглой пашни. Но в большинстве случаев эти угодья уже обособились³⁰.

Перелогов во всех северных уездах — бывшая пашня, по различным причинам оставленная ее владельцами, но всегда состоящая на учете. Удельный вес переложных и лесом поросших пашен в составе старопахотных земель не был неизменным. Были периоды (например, во второй половине XVI в.), когда перелог почти во всем Русском государстве преобладал над пашней паханой³¹. Иногда рост фонда переложных земель обуславливался местными причинами. Но независимо от общих и региональных причин, определявших колебание удельного веса перелога, этот вид пашни в XVI и до конца XVIII в. присутствовал всегда в составе старопахотных земель. О месте переложных земель в системе земледелия будет сказано ниже.

Несколько слов о припашных землях, о которых упоминают акты документы (купчие, закладные) и писцовые книги. В опубликованных нами материалах имеются сведения об отхожих пашнях, о пашенных полянках, новоросчистях и припашах³². В дер. Мануловица «пашни паханые худые земли и с припашми с поляною Вапуновой 68 четей», в дер. Фоминской «пашни паханые худые земли с припашными поляны 112 четей в поле, а в дву по тому ж»³³. В Сольвычегодском уезде в 70—80-х гг. XVII в. выделяются «пашенных поль отхожая пашня за межами тое же деревни на пострадах»³⁴. В Важском уезде в

³⁰ Подтверждением тому, что эти угодья обособились и в тех уездах, по которым писцовые книги их не выделяют, служит запись писца, описавшего Тотемский уезд в 1678 г. Он указывает, что за гостем Вас. Грудцыным в дер. Пономаревой «подворной и огородной земли в той деревне, что владел Якушко Шишиев, вдоль 36 саж., поперег 18 саж.», которой он владеет по купчей. (К-482, л. 411). В наши расчеты не входят земельные площади в населенных пунктах под улицами, дорогами и т. д.

³¹ Ю. В. Гогье. Замосковский край в XVII в. М., 1937.

³² «Северная Русь. XVII в.», стр. 95—102, 107 и др.

³³ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга по Тотмю 1625. К-486, лл. 593—593 об., а также лл. 733, 739 об., 878 об. и др.

³⁴ Там же, К-501, л. 447 об.

число пашни паханой включается и отхожая пашня³⁵. В волостях Чарондской округи упоминается отхожая пашня, но выделяется особо от пашни паханой. Так, в Коротецкой волости пашни паханой 309 четей и отхожей пашни 2 чети, в волости Шалга Бодунова отхожей всего 1,5 чети, в ряде волостей она не показана совсем. В тексте книг за некоторыми деревнями пашня паханая указана вместе «и с отхожею»³⁶. В Двинском, Кеврольском и Мезенском уездах такого рода пашня в источниках не указывается, в восточных уездах показаны «отхожие» пашни. Они находились в более отдаленных местах от «присельных». Росчисти и припаши, как и «отхожие» угодья, могли быть на участках, введенных в оборот за счет лесной целины, а также и на пустошах. В итоге они часто показаны вместе, и поэтому их наличие в районах ранней колонизации — не всегда свидетельство расширения пашенных земель за счет лесов.

Лес пашенный и непашенный отмечается источниками XVII в. и измеряется десятинами в Вологодском, Тотемском, Устюжском, Соликамском, Чердынском уездах, в Чарондской округе и в Устьянских волостях. В Устюжском уезде в среднем на деревню приходится леса примерно по 4,5 дес. пашенного и по 9 дес. непашенного, на двор по 1,5 дес. первого и по 3 дес. второго³⁷. Но если рассматривать степень обеспечения лесами деревни и двора в каждом конкретном случае, то какой-либо закономерности выявить невозможно. Например, дер. Ямкино Окологородного стана Устюжского уезда, имея 9 дворов, 18 четей пашни паханой, владеет семью десятинами леса пашенного, в дер. Онаньинской, имевшей 1 двор и 5 четей пашни — 6 дес. такого леса³⁸. Ничем не объяснимо разнообразие наделения этими лесами и в Тотемском уезде. Проследившая изменения земельных угодий Царевской волости по данным описаний 1619, 1625, 1679 и 1688 гг., мы обнаруживаем ту же картину. Самое интересное, что по 69 деревням, по которым проследивается движение угодий за весь XVII век, только в 9 обнаруживается уменьшение или увеличение этих угодий, в остальных деревнях и на пустошах они остаются неизменными³⁹. В Устюжском уезде в 1623 г. леса пашенного было 11805 дес., а в 1683 г. — 12085 дес., т. е. фактически изменений почти не было. Единственное упоминание о пашенном лесе в описании Яренского уезда в 1608 г. относится к владениям Сойгинского монастыря; нет указаний на наличие за деревнями леса и в сотных с писцовых книг 1585 г., зато здесь показаны «угодья» — места охоты в лесах, перечислены тысячи слопцов и перевесей (орудий охоты и лова).

В итоговых записях писцовых книг по тяглым станам Хлы-

³⁵ Дер. Шалимовская Кокшеньгской чети имеет «пашни паханой доброй земли 6 четей с полуосминою в поле, а в дву по тому ж, и с отхожею пашнею, что на речке Крутице».

³⁶ «Северная Русь. XVII в.». Чарондская округа, стр. 113—119.

³⁷ Примерно такая же обеспеченность и в Устьянских волостях.

³⁸ См. приложение 2.

³⁹ «Северная Русь. XVII в.». стр. 56—71.

новского и Орловского уездов о лесах пашенных и непашенных никаких сведений нет. Но в тексте при описании деревень встречаются леса пашенные⁴⁰. О непашенных лесах нет сведений в тексте источника, а в оброчных станах этих уездов нет указаний и на леса пашенные.

Источниками по Слободскому и Шестаковскому уездам в итоговых записях о земельных угодьях как тяглых, так и оброчных станом показан лес пашенный. Но такой лес имеется не у всех деревень, хотя в среднем на жилую деревню в тяглых станах получается по 7 десятин (видимо, за счет пустошей, которые также имели эти угодья), в оброчных станах — менее 1 дес.⁴¹.

В Сольвычегодском уезде в итоговых записях писцовых книг 1623, 1645, 1681 гг. нет указаний на наличие какого бы то ни было леса. Но в тексте источника за каждой деревней отмечен лес в десятинах, правда, без указания, какой лес: пашенный или непашенный. Зато особо выделена площадь поскотины в десятинах⁴². Мы сверили показания о лесе и поскотине по Пачеозерскому стану за 1645 и 1681 гг. За каждой деревней значится одинаковая площадь поскотины и леса (3 и 3,4 и 4,5 и 5 дес. и т. д.). Эта закономерность вызывает недоумение. Удивляет и то, что в Устюжском уезде почти всегда леса пашенного было в два раза меньше площади под лесом непашенным, а под поскотиной было примерно в 2 раза меньше, чем под лесом пашенным. При одинаковом соотношении площади поскотины и леса в Сольвычегодском уезде совершенно невозможно объяснить, почему за одной деревней по 3 дес., а за другой по 6 дес. В среднем на деревню в Пачеозерском стане оказалось по 4,5 дес. как поскотины, так и леса. Но обеспеченность отдельных деревень различна — от 2 до 10 дес.

В Важском уезде, в дворцовых волостях, выделен особо только лес пашенный, но учитывается он не в десятинах, а четями. О поскотине и лесах непашенных ничего не говорится. Как и в чернососных волостях, обеспеченность деревень этим лесом самая различная⁴³. В 20-е годы XVII в. в учтенных деревнях Шен-

⁴⁰ В дер. Юрловской Спенцинского стана Хлыновского уезда 3 пустых двора, переложной пашни 10,5 четей, сена 35 копен, «лесу пашенного 3 десятины во всех трех полях». Дер. Костяниково Орловского уезда: двор пуст Максима Олексева сына Вадиана. Максим сбежал безызвестно в 129 году; место пустое дворовое Никиты Титляного, Никита сбежал безызвестно во 120-м году. Пашни перелогом добрые земли 13 чети, лесом поросло 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена на отхожей пашне вниз по Вятке по левой стороне возле Василевской курьи 70 копен, лесу пашенного 2 десятины во всех трех полях». ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга тяглых станом Хлыновского, Орловского и Котельничского уездов 1628—1629 гг. К-90, лл. 43, об.— 44, 218—220).

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга Слободского уезда. К-89.

⁴² В Устюжском уезде особо выделены лес пашенный, непашенный, а также и поскотина.

⁴³ ЛОИИ, К-115, дд. № 306, 307, 310, 312. По Кокшеньгской чети — ГПБ, ф. 550, Г — IV, № 630.

курского стана на 195 жилых и пустых деревень было 1025 четей леса пашенного, в среднем по 5 четей на селение (по 2,5 дес.). В Ледском стане — почти по 6 четей (3 дес.) на селение. В 70—80-х годах в Шенкурской четверти на 302 жилых и пустых селения учтено 1651 четь леса, или около 5,5 четей на селение, в Верховажской четверти — по 6 четей леса, в Подвинской — примерно по 4 чети, в Кокшеньгской — около 6 четей (3 дес.).

В Чарондской округе писцы записывали лес пашенный десятинами (в среднем по 1 десятина на жилое и пустое селение). Лес непашенный отмечен только в волостях Солзе и Полченге, всего 31 десятина. Вместе с этим в волостях Чаронды источники указывают на другие категории лесов. Это, прежде всего, «лес-болото». В некоторых волостях просто значится «лес-болото», в других говорится о лесе-болоте «животинным выпуске», то есть о поскотине, а иногда встречается запись «лесу пашенного и непашенного болота». И, наконец, почти во всех волостях есть лес поверстный, часть которого за деревьями, а часть принадлежит «ко всей волости»⁴⁴.

В итоговых записях и в самом тексте писцовых книг по Кеврольскому и Мезенскому уездам за 20-е и 70-е годы XVII в. о лесах пашенных и непашенных ничего не сказано⁴⁵. В Двинском уезде за деревьями есть лес непашенный, всего писец учел 3420 дес., примерно по 3—3,5 дес. на жилое и пустое селение, но о пашенном лесе не упоминается.

М. М. Богословский высказал предположение, что лес пашенный писцовых книг — это, по-видимому, тот лес, который в Судебнике 1589 г. и в северных актах называется «молодыми» — прежними выпашами», то есть молодая поросль на перелог, на запущенной пашне⁴⁶.

С этим нельзя согласиться, тем более, если иметь в виду XVII столетие. Дело в том, что хозяйственное освоение лесных массивов протекало медленно и отражало соотношение промысловой и земледельческой деятельности. В начальный период заселения, когда использовались только естественно-пригодные площади под земледелие, лес был прежде всего местом и объектом промыслового хозяйства. Поэтому в Судебниках XV—XVI вв., в том числе и северном Судебнике 1589 г., нет ни слова о лесах пашенных и непашенных; говорится о «старых» лесах и «молодых», о «молоди прежних выпашей», несколько раз

⁴⁴ ДООИ. Коллекция АК № 2, д. № 44.

⁴⁵ Только заканчивая описание Кеврольского уезда в 1623 г., писец отмечает: «а леса в Кевроле во всех волостях большие черные по болотам и боры, в длину Двинского уезда Пенежского волока от лесов и от реки Кулуя вверх по реке Пенеге до Важских лесов на 300 на 60 верст, а поперек Двинского уезду от лесов до Мезенских и Еренского городка уезду лесов на 300 верст. И в тех лесах звериные и птичьи ловли, слопцы и чутики, владети им по старине безоброчно, то им в угодье». (К-185, лл. 324 об.).

⁴⁶ М. М. Богословский. Указ. соч., т. 1, стр. 173.

встречаем термин «черный» лес⁴⁷. Обратимся к северным писцовым книгам XVI в. В них все еще преобладает упоминание о лесах вообще с их «путиками», «слопцами» и т. д., то есть как о местах охоты. Вотчины Антониево-Сийского монастыря в Двинском и Важском уездах в 1578 г. имеют «лес большой с волостью вместе». В Каргопольском уезде по сотным письма 1561—1562 гг. хотя и не во всех волостях, но уже отмечен «лес пашенный». Причем понятие еще не унифицировано. Так, встречается «лес по пашне» (видимо, лесом поросшая пашня), но чаще такая запись: «В той волости лесу пашенного бору по смете в длину по полторы версты, а поперег на полверсты». В приписанной из Обонежской пятины к этому уезду Водлозерской волости имеется и прямое указание на лес пашенный, измеряемый десятинами. В XVI в. в Вологодском уезде во всех волостях есть перелог, лесом поросшая пашня, а также лес пашенный и непашенный⁴⁸.

В XVII в. общие недифференцированные записи о лесах встречаются на страницах писцовых книг по Кеврольскому, Мезенскому и Яренскому уездам, в которых земледелие еще слабо затронуло лесные массивы. В остальных уездах совершенно четко выделены все виды земельных угодий, в том числе и различные категории лесов, в закреплении которых за деревней или всей волостью заинтересованы крестьяне и уже не только для промыслов, но больше всего для земледелия.

Таким образом, наши наблюдения дают основание лесам пашенным писцовых книг XVII в. считать лес, расположенный вблизи деревни и находящийся в общем ее владении или всей волости. Он никакого отношения к перелогу и лесам поросшей пашне не имеет. Площади этого леса определились исторически и затем в писцовых книгах нашли закрепление. Такой лес определялся большей или меньшей пригодностью под пашню и сенокосы.

Лес непашенный, вероятно, использовался в большинстве уездов под покотины и сенокосы. В Устюжском уезде, в котором освоение земель, особенно в связи с активным развитием рыночных отношений, достигло больших размеров, покотина, видимо, уже в начале XVII в. стала обособляться, а в 70-е годы она записывается отдельно и в писцовых книгах.

Поверстный лес — это все леса в тех уездах, в которых особо большое значение играли охота и промыслы, при довольно малых площадях естественно-пригодной под пашню земли (Кеврольский, Мезенский, Яренский уезды).

В ряде уездов поверстный лес, покотина и лес непашенный настолько по своему назначению сближались, что разли-

⁴⁷ «Судебники XV—XVI вв.». М.—Л., 1952, стр. 358, 404, 405 («Краткая редакция» — статья 27, «Пространная редакция» — статьи 174, 175 и др.).

⁴⁸ «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 2. Вологда, 1972, стр. 212, 217 — Двинский и Важский уезды, стр. 312, 313, 325, 474—483 — Каргопольский уезд, стр. 6—177 — Вологодский уезд.

чить их по источникам было трудно (Чаронда, Вага). В Вологодском уезде был лес пашенный, непашенный и поверстный, но площади последнего явились показателем иного принципа учета угодий в поместно-вотчинных районах.

В целом же леса пашенные и непашенные были резервным фондом деревень и волостей, в том числе обеспечивали «дровяные и бревянные» нужды северного крестьянства. При таком понимании этих лесов будет удобнее выяснить и принцип классификации угодий во время Генерального межевания.

Сенокосные угодья с самого начала колонизации Севера составляли необходимую и важную принадлежность сельского хозяйства.

Цифровые показатели размеров покосов Н. А. Рожков пытался использовать для решения вопроса о системах полевого хозяйства на Руси в XV—XVI вв. Он считал, что для выяснения этого вопроса главным признаком должно служить соотношение между пашней и покосами. По его мнению, таким соотношением будет 10 к 1 (на 10 дес. пашни должна быть одна десятина сенокосов). Исходя из этого, Н. А. Рожков выводил следующее заключение о системе хозяйства: «В тех случаях, когда отношение было более благоприятно для сенокосной земли... мы вправе предполагать перевес скотоводства над земледелием в системе хозяйства...»⁴⁹. Это положение развивал исследователь Новгородской земли А. М. Гневушев⁵⁰. Еще в дореволюционное время Г. А. Максимович, позже Г. Е. Кочин и многие советские историки обосновали неправомочность определять характер системы сельского хозяйства на основе приводимых в писцовых книгах данных о размерах запашки и сенных покосов⁵¹.

Необходимо сказать, что современное состояние изученности вопроса об обеспечении крестьянского хозяйства сенокосами и кормами для скота в период феодализма все еще ставит перед исследователями немало и довольно сложных вопросов. Особенно это относится к определению площадей сенокосов. Показания источников о количестве копен сена не дают возможности определить ни площадей, ни валовых сборов, так как неизвестен вес копен, реально бытовавший в том или ином уезде. Необходима новая методика вычисления площадей под сенокосами. Принятая в литературе для этого формула 10 : 1 (десять копен на десятину) не может быть взята за единственный коэффициент для статистических подсчетов, особенно применительно к условиям географической среды лесных районов Русского государства.

Не претендуя на решение всех вопросов, мы попытаемся ра-

⁴⁹ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М., 1899, стр. 72—73.

⁵⁰ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве. Киев, 1905, стр. 196—198.

⁵¹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 273—278.

зобратъся в некоторых из них, используя все источники, относящиеся к изучаемому региону.

Начнем с типологической классификации. Сенокосные угодья писцовых книг в черносошных уездах подразделялись на вытные, завйтные («примерные»), оброчные и пустующие. Первые придавались к тяглой пашне в вытное письмо по самой различной норме на выть пашни. Если сенокосов оказывалось меньше принятой в данном уезде нормы, то недостача компенсировалась дополнительным наделением пашней паханой или переложной. Весь излишек сенокосов сверх вытной нормы учитывался особо; такое сено считалось завйтным, «примерным», которое давалось в пользование крестьян на правах оброчного владения, за дополнительную плату. Кроме завйтных оброчных сенокосов, числившихся за деревней и волостью, были еще оброчные покосы в индивидуальном или артельном пользовании крестьян.

При запусении деревни или двора в деревне, автоматически вместе с пашней в разряд пустых угодий переходили и сенокосы вытные и завйтные, записанные писцовой книгой за этой деревней или за двором. По мере увеличения фонда переложных пахотных угодий увеличивался фонд «пустых» сенокосов.

Как известно, система наделения сенокосными угодьями, а также их учета не была единой. Это относится и к Поморью, где наблюдаются различия почти во всех уездах, иногда в одной и той же волости.

Норма 10 копен на десятину покосов была включена в инструкцию Генерального межевания на основании наказа писцам 1682—1683 гг. Поместного приказа. Определение именно такой нормы имело свои основания. Вероятно, они в том, что приказ «примерялся» к состоянию этих угодий в центральных уездах, к тому времени уже лучше освоенных. Тем более, были основания взять эту норму во время межевания, когда многие сенокосные пожни, даже на Севере, укрупнялись за счет «припуска» малых, что давало возможность измерить, обмежевать площади под сенокосами, а не определять их, «примеряясь» на глаз и по сказкам выборных людей, показывавших, сколько ставится копен.

В условиях Севера до XVIII в. просто было невозможно определять сенокосные угодья в единицах площади. Пожни были разбросаны по заповьям, в лесах пашенных, непашенных, поверстных, на пустошах и переложных землях. Так, в писцовой книге Устюжского уезда 1678 г. за дер. Юрино «сена в полях и на Ключевском наволоке, и на Среднем и на Нижнем, и на Отхожем наволоке повыше Никольского погосту на Грачеве, по обе стороны реки Толшмы и на Верековке 150 копен»⁵². В селе Великое Пачезеро Сольвычегодского уезда сена на пожнях

⁵² ЦГАДА, ф. 1209, К-516, л. 92.

Новине, Орлихе, Итакове и Манухе 100 копен, да «оброчных сенных покосов меж поль и по заполю 115 копен»⁵³. В Важском уезде сено косили «в полях и по заполю», по пожням и речкам. Устав перечислять бесконечное количество пожени и поженок, писец ограничивался указанием, что сено «в разных местах».

Итак, копна до межевания остается почти единственной единицей измерения. Лишь в Приуралье, наряду с копной, в начале XVIII века указывается сено в возах. В Соликамском уезде по дзорной книге 1706 г. за посадом в городских полях числится «сена по 584 воза да по 625 копен», в уезде за ними же и гостями «сена по 2958 возов да по 575 копен, да в городских полях и в Усольском и в Чердынском уездах по 5639 возов...» Всего за ними в городских полях и в уездах «земли 290 четвертей с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена по 9181 возу да по 1200 копен»⁵⁴. За крестьянами в деревнях этого уезда сено учитывалось только возами. Всего за ними записано 3288 возов в своем уезде и 98 возов — в Чердынском⁵⁵.

За духовенством в личном пользовании сено учитывается также возами, но церковный сенной покос писцами показан в копнах. Так, в Введенском Яйвенском стане на погосте за полами «сена по 5 возов да церковного сенного покосу на 100 копен», а за крестьянами сена «по 271 возу»⁵⁶. Предлог «по» нужно понимать как указание на количество ежегодно собираемого сена. Как единица измерения валового сбора сена воз дает более конкретное представление. Обычно воз вмещал 20 пудов сена. А размеры копен бытовали разные.

Принято различать «мерную» большую копну весом в 15 пудов, «волоковую копну» — в 10 пудов и «малую волоковую» — в 5 пудов. Какая из них имеется в виду в писцовых книгах, какое количество копен выходило с десятины, — единого мнения в литературе нет. Н. А. Рожков, В. О. Ключевский, К. Н. Щепетов считали выход с десятины 20 копен. А. И. Никитский, Е. Д. Сташевский, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин определяли выход в 10 копен. Авторы «Русской метрологии» принимали точку зрения Г. В. Абрамовича о том, что «малая волоковая копна», вероятно, и служила писцам мерой сенокосных площадей, равною 0,1 десятины.

Мы также считаем, что указной нормативной копной была «малая волоковая» — пятипудовая. Это согласуется и с современными реальными выходами сена с десятины. Сейчас считается укос естественных трав с хороших лугов 120—140, а с обычных не более 60—70 пудов на гектар⁵⁷. Если взять указную

⁵³ ЦГАДА, ф. 1209, К-501, лл. 442 об., — 443.

⁵⁴ Там же, ф. 214. Сибирский приказ, К-1511, л. 413.

⁵⁵ Там же, лл. 699—700.

⁵⁶ Там же, лл. 559—559 об.

⁵⁷ «Справочник нормативов для сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР». Л., 1964.

пятипудовую копну, то на хороших лугах в зависимости от погодных условий их ставилось от 20 до 30 копен, на обычных — по 10—15 копен.

Хорошими лугами были заливные, но удельный вес таких лугов по статистике XIX в. составлял всего 5—10% общей площади сенокосов. Преобладали обычные луга, укос с которых вряд ли превышал 50—60 пудов с десятины. Самыми хорошими заливными были луга в Подвинье, в Холмогорской округе. По данным подворной переписи 1785 г., здесь преобладала копна в 5 пудов, а собиралось в приречных поймах с бобово-злаковым травостоем по 48—60 копен с десятины (по 220—240 пудов)⁵⁸.

Не всюду совпадали размеры нормативной и местной копны. В каждом уезде, а нередко и в пределах одного и того же уезда, бытовала своя местная копна, размерами значительно отличавшаяся от «указной». Писцы должны были «примеряться» к этому и соответственно определять количество копен на выть. Это объясняет встречающиеся в писцовых книгах многочисленные примеры самого различного количества копен сена, положенного на выть пашни. Приведем несколько таких примеров. В Стрелецкой волости Тотемского уезда в 1625 г. на 45 живущих вытей было 4086 копен сена, на выть почти по 90 копен, а на десятину пашни по 4 копны. В Молской волости на живущую выть пришлось по 63 копны, а в Печенгской — только по 29 копен. В целом по уезду непосредственно в черных деревнях на 541 живущую выть было 27190 копен, по 50 копен на выть, или по 2,1 копны на десятину.

Крестьяне Сольвычегодского уезда жаловались в 1625 г., что писцы числили у них на выть по 40 копен «малых летних волоковых, а у них тех малых копен кладется на один воз по 5 и 6 копен... а этого сена и на одну лошадь корму в год будет мало»⁵⁹. Видимо, в уезде бытовала не пятипудовая, а 2—3-пудовая копна, так как обычно на воз брали 20 пудов, что при норме на выть пашни (16 четей в поле, или 24 дес. в трех полях) 40 таких копен составляло всего 120—160 пудов сена. Если учесть, что на выти пашни в среднем сидело по 4—5 крестьянских хозяйств, то действительно лошадь прокормить было нечем. Конечно, фактически сена собиралось больше, но весь остаток сверх этой нормы зачислялся в завытное сено, за которое нужно было дополнительно платить налоги.

Вот и получилось, что в этом уезде в 1625 г. фонд вытного сена был определен в 35604 копны, а завытного—в 221632 копны. В писцовых книгах Кеврольского и Мезенского уездов писцы считали на десятину по 25 копен⁶⁰. При весе копны в 5 пудов это дает по 125 пудов сена с десятины. Следовательно,

⁵⁸ Ф. И. Резников. История Холмогорского скотоводства, стр. 21, 23, 28.

⁵⁹ С. В. Веселовский. Акты писцового дела, т. 1, стр. 210.

⁶⁰ Всего в Чакольской волости сена 478 дес., 11963 копны. (ЦГАДА, ф. 1209, К-186, лл. 309 об.).

при определении площадей сенокосных угодий в этих уездах необходимо число копен делить не на 10, а на 25.

В 1678 г. посадский человек Тотьмы А. Каплин взял за долги новоросчистные покосы «и по мере тех росчистей всех 5 дес., сена станет 30 копен»⁶¹. Получается всего по 6 копен на десятину, весом каждая по 10 пудов, а валовой сбор с десятины в 60 пудов. Для определения площади сенокосов в Тотемском уезде необходимо количество копен делить не на 10, а на 5 (с десятины собиралось по 50—60 пудов).

В качестве вывода необходимо отметить, что если писцовые книги дают близкие к истине показания о размерах пахотных угодий, то сведения о сенокосах занижены в 2—3 раза. Например, по данным подворной переписи 1785 г. (по веревным книгам) в Ракульской волости Холмогорского уезда было 318,7 дес. пашни и 205 дес. сенокосов, в Емецком стане пашни 536,4 дес., а сенокосов 804,6 дес., в Селецкой волости соответственно 333,8 и 395 дес. Только в Ракуле сенокосов меньше, чем пашни, в остальных волостях площади под сенокосами обширнее. В целом по Холмогорской округе под пашней было занято 44,1%, под сенокосами 55,9%. Если эти данные сравнить с показаниями писцовых книг XVII в., то получается, что размеры пахотных угодий остались почти на одном и том же уровне, а площади под сенокосами, если верить источнику, расширились в 10—20 раз. (В Ракульской волости было 22,1 дес., стало 205, в Емецком стане 45,7 и 804,6 дес.)⁶². Правда, прошло более 100 лет. Но исследования Ф. И. Резникова говорят, что холмогорская порода скота и кормовая база для него сложились уже в XVII в., поэтому и площади под сенокосами, вероятно, определились уже тогда⁶³.

3. Уровень хозяйственного освоения земель в начале XVII века

Определив наше понимание видов сельскохозяйственных угодий, попытаемся выяснить интенсивность ввода новых земельных площадей в сельскохозяйственное производство, темпы земледельческого освоения края. Возьмем за основу сведения о площадях земельных угодий, отложившиеся в писцовых книгах и других источниках за первую четверть XVII в.

Собранные цифровые показатели сведены нами в таблицу 15. В ней нет сведений по Кайгородскому уезду, не полные данные по Важскому, Каргопольскому уездам и по Заонежским погостам. Включены сведения о всех земельных угодьях, пу-

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209, К-482, лл. 469—469 об.

⁶² Архангельский областной архив, ф. 396, оп. 1, дл. 45—48; ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга Двинского уезда, К-10, лл. 120—158, 528—552.

⁶³ Ф. И. Резников. История холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957 г.

Земельные угодья в первой четверти XVII в.

№ пп.	Зоны и уезды	Пашня паха- ная тяглая	Пашня льготная и оброчная	Перелог и лесом поросшая	Всего пашни
I. Центральная					
1. Вологодский	а)	77059	—	143000 ²	220059
	б)	115588,5	—	214500	330088,5
2. Тотемский	а)	8939,5	1225,5	3232	13397
	б)	13409,5	1838,5	4848	20095,5
3. Устюжский ⁴	а)	31863,5	801,5	2992,5	35657,5
	б)	47795,5	1202	4488,5	53486
4. Сольвыче- годский	а)	11931,5	12148,5	2561,5	26641,5
	б)	17897	18223	3842	39962
5. Двинский ⁷	а)	8694	2	3014	11710
	б)	13041	3	4521	17565
6. Важский	а)	7184	204	329,5	7717,5
	б)	10776	306	494	11576
7. Устьянские волости	а)	6766	453	298	7517
	б)	10149	679,5	447	11275,5
<i>Итого по Цен- тральным уез- дам</i>	а)	152437,5	14834,5	155427,5	322699,5
	б)	228656,5	22252	233140,5	484049
II. Северо-Западная					
1. Чароцда	а)	7357	126	2571,5	10054,5
	б)	11035,5	189	3857,5	15082
2. Заонежские погосты ⁸	а)	6379	4379	7161	17919
	б)	9568,5	6568,5	10741,5	26878,5
3. Каргополь- ский ⁹	а)	20060	—	10130	30190
	б)	30090	—	15195	45285
<i>Итого по Северо- Западным уездам</i>	а)	33796	4505	19862,5	58163,5
	б)	50694	6757,5	29794	87245,5
III. Северо-Восточная					
1. Кеврольский	а)	3439	—	50	3489
	б)	5158,5	—	75	5233,5
2. Мезенский	а)	945	5	9,5	959,5
	б)	1417,5	7,5	14,5	1439,5
3. Яренский	а)	3253	—	210	3463
	б)	4879,5	—	315	5194,5
<i>Итого по Северо- Восточным уездам</i>	а)	7637	5	269,5	7911,5
	б)	11456,5	7,5	404,5	11868,5

(все категории владельцев) ¹

Сенокосы				Леса		
вытные	завытные обро- чные	пустые	итого	пашен- ные	непа- шенные	разные, поскоти- на
зона						
144193	—	200000 ²	344193	—	—	—
14419	—	20000	34419	9073	11466	—
22510	5900	4840	33250	—	—	1248 ³
2251	590	484	3325	5241	8408	1877
95899	116835	8640	221374	—	—	—
9590	11683	864	22137	12536	25067	8344 ⁵
35604	221632	—	257236	—	—	—
3560	22163	—	25723	7125	—	7125 ⁶
19086	—	5860	24946	—	—	—
1908	—	586	2494	—	4317	—
18820,5	13379,5	526	32726	3484	—	—
1882	1338	52	3272	5226	—	—
19626	5940	—	25566	—	—	—
1962	594	—	2556	1654	2535	—
355738,5	363686,5	219866	939291	—	—	—
35574	36369	21986	93929	40855	51793	17346
зона						
12080	2746	15000	29826	—	—	—
1208	274	1500	2982	704	31	1175
180000	—	—	180000	—	—	—
18000	—	—	18000	—	—	—
50780	13000	—	63780	—	—	—
5078	1300	—	6378	—	—	—
242860	15746	15000	273606	—	—	—
24286	1574	1500	27360	704	31	1175
зона						
43190	6000 ¹⁰	—	49190	—	—	—
4319	600	—	4919	—	—	—
16562	—	—	16562	—	—	—
1656	—	—	1656	—	—	—
42511	—	—	42511	—	—	—
4251	—	—	4251	—	—	—
102263	6000	—	108263	—	—	—
10226	600	—	10826	—	—	—

№ пп.	Зоны и уезды	Пашня пах- ная тяглая	Пашня льготная и оброчная	Перелог и лесом поросшая	Всего пашня						
						IV. Вятская				V. Приуральская	
1. Хлыновский	а)	10310	132 ¹¹	5285	15727						
	б)	15465	198	7927,5	23590,5						
2. Орловский	а)	2445	18	1204	3667						
	б)	3667,5	27	1806	5500,5						
3. Котельнич- ский	а)	2241,5	—	652,5	2894						
	б)	3362	—	978,5	4340,5						
4. Слободской	а)	4166	—	5687,5	9853,5						
	б)	6249	—	8531	14780						
5. Шестаков- ский	а)	416	—	1682	2098						
	б)	624	—	2523	3147						
Итого по Вят- ской земле	а)	19578,5	150	14511	34239,5						
	б)	29367,5	225	21766	51358,5						
Чердынский и Соликамский уезды с вла- дениями Стр- гановых	а)	13916	—	6154	20070						
	б)	20874	—	9231	30105						
Всего на Севере	а)	227365	19494,5	196224,5	443084						
	б)	341048,5	29242	294336	664626,5						
Усадебно-ого- родные в де- сятинах ¹²		17000			17000						
Предположи- тельно по не- достающим источникам	а)	18000	6000	4000	28000						
	б)	27000	9000	6000	42000						
Итого деся- тин		385048,5	38242	300336	723626,5						

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

¹ Источники те же, что и в таблице о населенных пунктах: «а» — пашня в четях, сено в копнах, «б» — в десятинах.

² В источнике дана вся пашня с перелогом. В таблице на основании опубликованных материалов по Заозерской половине взято такое же соотношение и для всего Вологодского уезда; так и сенокосы.

³ 78 вытей прибылого перелога (1248 четей) даны «крестьянам в угоды для животинного выпуска» (кроме того, дано 5 десятин «лесу под скотский выпуск»).

⁴ По подсчетам А. Ц. Мерзона («Рынок Устюга Великога...», стр. 161), пашни пах-ной 45673,5 дес., перелога 4946,5 дес. Расхождение за счет выделения нами оброчных земель и уточнения сведений по тексту писцовой книги. В указанной работе ошибочно к общему количеству вытного и завывного сена (198473 копны) вторично приплюсовано 108010 копен завывного, учтено не все монастырское сено, не учтены запустевшие сенокосы.

⁵ 8344 дес. покотинны. В источнике нет. Площадь показана по описанию 1678 г.

⁶ В итоговых записях писцовых книг по волостям и в целом по Сольвычегодскому

№ пп.	Зоны и уезды	Пашня пах- ная тяглая	Пашня льготная и оброчная	Перелог и лесом поросшая	Всего пашня	Сенокосы				Леса		
						вытные	завытные оброч- ные	пустые	итого	пашен- ные	непа- шенные	разные, поско- тина
IV. Вятская зона												
						29141	32308	16760	78209	—	—	—
						2914	3230	1676	7820	3200	—	—
						7630	8277	4200	20107	—	—	—
						763	827	420	2010	1100	—	—
						7360	5707	2160	15227	—	—	—
						736	570	216	1522	1000	—	—
						22364	9764	1459	33587	—	—	—
						2236	976	145	3358	1645,5	—	—
						4229	1063	1045	6337	—	—	—
						423	106	104	633	759,5	—	—
						70724	57119	25624	153467	—	—	—
						7072	5711	2562	15346	7705	—	—
V. Приуральская зона												
						83788	—	—	83788	—	—	—
						8378	—	—	8378	2099,5	—	—
						855371	442551	260490	1558412	—	—	—
						85537	44255	26049	155841	51363,5	51824	18521
						70000	120000	60000	250000	—	—	—
						7000	12000	6000	25000	10000	20000	5000
						92537	56255	32049	180841	61363,5	71824	23521

Уезду о лесах и покотине сведений нет. В тексте за каждой деревней показана покотина и примерно столько же леса. (Например, в дер. Берг «покотинны 6 десятин, лесу тож». К-451, л. 194 об.). В среднем взято по 5 дес.

⁷ В перелог не включены бывшие пашни, смытые водою рек и моря, 956 четей крестьянских и 118 четей монастырских.

⁸ По Заонежским погостам неполные данные.

⁹ Цифры выведены на основании сведений из платежной писцовой книги 1555 г. и сотной 1562 г.

¹⁰ Завытное сено Кевролы определено по приправочной книге. В Мезенском уезде по приправочной книге числилось завывного сена 3180 копен, которое в 1625 г. было «дано крестьянам на новоприбылые выти».

¹¹ По Вятским уездам оброчные земли показаны только по тяглым станам, пашня оброчных станом включена в графу пашни тяглой.

¹² На основании писцовых книг и других источников Устюжского, Сольвычегодского Уездов и Устьянских волостей взято по 60 кв. сажен на двор усадебной земли и по 0,5 дес. на каждое селение огородной земли.

щенных в хозяйственный оборот, как «живущих», так оброчно-льготных и запустевших, еще никем не взятых на льготное и оброчное владение во время описания. Использованы сведения не только о лесах пашенных и непашенных, но и поверстных. Сделана также попытка ориентировочно определить всю площадь угодий, которая числилась за землепользователями каждого уезда.

К сожалению, не всегда источники позволяли получить необходимые сведения о размерах различных видов угодий. В таблице не по всем уездам показаны льготно-оброчные пашни, хотя в первой четверти они были во всех вятских и приуральских уездах. Определение площадей под сенокосами традиционное, по формуле 10 : 1. Но поскольку поставлена задача выявить тенденцию развития, то и при этих дефектах собранных нами сведений они вполне для этого пригодны.

В таблице даны итоги по каждому уезду, по зонам и в целом по краю на основании показаний источников. Площадь всех видов пашни с усадебными землями 681626,5 дес., под сенокосами только 155841 дес., под лесами и покотинкой 121708,5 десятины.

В конце таблицы мы предположительно определили площади по тем уездам, по которым в нашем распоряжении не оказалось источников. Вероятно, цифры занижены. Если и эти показатели включить в наши итоги, то всех пашен с усадебно-огородными землями в конце первой четверти XVII в. было не менее 723 тыс. дес., а вместе с лесом пашенным — 784 тыс. дес. Показания источников о сенокосах мы считаем возможным увеличить на 250—300 тыс. дес. И это вряд ли будет далеко от истины, что подтверждается более поздними показаниями самих крестьян Архангельской губернии.

Всего к этому времени на изучаемой территории было введено в хозяйственный оборот более 1 млн. десятин, а с сенокосами, которых недоучли писцы, площадь таких земель составляла не менее 1,3 млн. десятин (без поверстных лесов).

Каково же было соотношение различных видов угодий? Отбросим поверстные леса, о которых у нас не всегда ясные данные, да и принцип учета земель не был однообразным в помещико-вотчинных и черносошных уездах.

Всей пашни паханой 723626 дес., из числа которой собственно тяглой пашни паханой с усадебными землями 385048 дес., или чуть более 53%. Это основной обрабатываемый фонд старопашотных и включенных в трехпольное хозяйство новоросचितных земель недавно построенных деревень. Вся площадь льготно-оброчных пашен составила 5,2%, фактически их было больше, особенно за счет оброчных станов Вятской земли. Наблюдались значительные колебания по уездам: в Тотемском уезде 9%, в Заонежских погостах — 25%, а в Сольвычегодском уезде — 45% от всего фонда пашенных земель. Перелог и лесом поросшие земли составляли 41,6%. Фонд переложных земель особенно ве-

лик в Вологодском уезде (65% всей пашни паханой). Судя по этому, поместно-вотчинное и монастырское хозяйство еще не оправилось от последствий хозяйственного разорения XVI в. и разорительных событий начала XVII в. Наиболее благополучное положение в Устьянских волостях (переложные земли составляли только 10%, из которых более половины уже было на льготе и оброке), а также в дворцовой Шенкурской чети Важского уезда (здесь переложных угодий всего 7%).

В приуральских уездах и вотчинах Строгановых таких земель оказалось 9231 десятина, или 36,4% всех пахотных угодий, в Вятской земле — 42,3%. Это чрезвычайно интересное явление. В Восточном Поморье наблюдались непрерывный прилив населения, возникновение новых селений, а интенсивное введение в оборот новых земельных площадей сопровождалось образованием самого значительного фонда перелога. Например, в Хлыновском уезде в Спенцинском тяглом стане на 1145 четей пашни паханой было 649 четей перелога и лесом поросшей пашни, в Березовском стане соответственно 1562 и 636, в Чепецком — 1251 и 453, в Бобинском — 135 и 525, в Волковском — 287 и 1222 и в Великорецком — 492 и 172 чети⁶⁴. И это не только показатель наличия здесь элементов переложной системы, но косвенный признак специфики заселения и хозяйственного освоения в этих зонах Поморья.

Описание поморских уездов начала XVII в. отразило более высокий уровень земледельческого производства на Европейском Севере в сравнении с сильнее разоренными тогда уездами Замосковского края. Так, в это время в 30 уездах Замосковского края было учтено всего 212 828 четей пахотной обрабатываемой земли в одном поле (319 242 дес. в трех полях). Огромные площади пахотных угодий были заброшены, стали переложными и лесом поросшими⁶⁵. В уездах Поморья площадь пашни полностью и льготно-оброчной составляла 385 тыс. четей в одном поле (до 580 тыс. дес. в трех полях).

4. Интенсивность освоения земель до XVII века

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению эволюции земельных угодий, совершим экскурс в более ранний период для выяснения интенсивности освоения земель до XVII в.

При изучении заселения время возникновения деревень подтверждалось показаниями писцовых книг предыдущих описаний. Время введения земель в сельскохозяйственный оборот выяснить сложнее. Но поскольку селения и земельные угодья до XVII в. были единым комплексом хозяйства, то и методика вы-

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1209, К-90, лл. 86—90, 118—120, 151 об.—153 об., 166 об.—168, 188—189 об., 206—208.

⁶⁵ Наши подсчеты по работе Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII в.», М., 1937, стр. 132—135.

яснения интересующего нас вопроса применена аналогично той, которая освещена в очерке о сельских поселениях.

В таблице, отразившей состояние земельных угодий на 20-е годы XVII в., всей пашни тяглой паханой трехпольного хозяйства значится без усадебной 341048 дес., не считая уездов, по которым из-за отсутствия источников мы назвали лишь предположительные цифры. За время после описаний 70—80-х годов XVI в. было введено в хозяйственный оборот за счет лесной целины не более 10% пашни. (Это подтверждают наши наблюдения за строительством селений). Если 10% (30—40 тыс. десятин) пашни разработано за счет черных лесов, в чем мы сомневаемся, ибо большая часть «новых» деревень и починков в конце XVI — начале XVII в. строились на пустошах, то и тогда не менее 300 тысяч десятин (около 90%) было освоено до середины XVI в. (в восточных уездах до начала XVII в.). Будет также логичным считать, что 294 тыс. дес. переложных и лесом поросших земель запустели в основном в период с середины XVI столетия и до переписи первой четверти следующего столетия, а до этого были пашней тяглой. В таком случае в поморских уездах к середине XVI в. пашня паханая составляла около 600 тыс. дес.

Проверим это на конкретных примерах отдельных волостей, по которым мы выяснили время строительства селений. В Селецкой волости Важского уезда в 1565 г. было учтено всего 662 дес. земли, пущенной в хозяйственный оборот, в том числе пашни паханой четвертной в трех полях имелось 336 дес., сенокосов — 123, лесу пашенного — 203 дес. В 1678 г. в ней было 615 дес. (на 47 дес. меньше), в том числе пашни тяглой четвертной — 267, перелога — 39, сенокосов — 145, лесу пашенного — 164 дес. Судя по переписной книге 1710 г., количество земли за этой волостью осталось на уровне XVI столетия. Произошло лишь перераспределение введенных в хозяйственный оборот угодий — уменьшилась пашня паханая, но увеличился фонд оброчных и пустых пашен, больше стало оброчных сенокосов.

По Кеврольскому уезду в писцовой книге 1623 г. даются сведения об угодьях по приправочной книге 1588 г. писца Б. И. Мезецкого и подьячего Р. Воронова. Приправочные книги не всегда точно и полно отражают сведения самих писцовых книг. И все же за отсутствием последних можно воспользоваться и этими источниками. В 1623 г. под пашней и сенокосами было 9477 дес., а в 1588 г. — 7891 дес. Получается, что в этом уезде до 1588 г. было введено в оборот 83,3% всех пахотных и сенокосных угодий. Но в 1623 г. уже были переложные пашни, запустевшие после письма 1588 г., что еще повышает удельный вес угодий XVI в.

В Тотемском уезде самая большая пустота падает на 1613 г., когда в XVII в. был проведен первый дозор. В это время во всем уезде было учтено 8572 дес. пашни паханой тяглой. В 1619 г. дозорщики насчитали 11 500 дес., а в 1623 г. — 13 535 дес. Вполне очевидно, что за 10 лет, с 1613 по 1623 годы, вряд ли воз-

можно было вновь расчистить в лесах почти 5 тыс. дес. пашни. Шел процесс восстановления трехпольного хозяйства на переложных землях. Но и после этого в 1625 г. оставалось еще пустующего и взятого на льготно-оброчных условиях 6636 дес. перелога и лесом поросших пашен. Можно считать, что в 1613 г. всего переложных земель было не менее 11 тыс. дес., из которых около 3,5 тыс. дес. запустело в 1550—1570 гг., а остальная пашня запустела позже. Это дает основание считать, что к середине XVI в. в уезде уже было освоено примерно 36 тыс. дес., или около 91% всех угодий, учтенных в 1625 г.

В соседних с Тотьмой и Устюгом Устьянских волостях в период с 1565 по 1645 г. площади пашни паханой выросли почти в три раза (с 2172 до 6553 четей в одном поле)⁶³. Но для сопоставления с 1565 годом из-за отсутствия источников взято описание почти середины XVII в., когда большая часть перелога уже была введена вновь в пашенное хозяйство, особенно под влиянием огромного спроса на продукты сельского хозяйства. Известно, что на 20—40-е годы падают большие закупки государством хлеба в присухонских уездах, в том числе и в Устьянских волостях.

Обратим наше внимание на Яренский уезд. Сохранились материалы описаний за 1586 и 1608 гг. Разрыв во времени не особенно велик. Сравнивая земельные угодья Глотовой слободы, Цылибской горы и Ужги, мы обнаруживаем, что по всем трем погостам почти все угодья (99,5%) были освоены до 1586 г.⁶⁷ Учитывая, что в 1586 г. перелог составлял всего около 3% ко всему фонду освоенных земель, можно также предполагать, что и в этих волостях Коми края начали интенсивно включаться удобные для земледелия площади в середине XVI в. Хозяйственное разорение второй половины XVI в. не затронуло Вымские и Вычегодские земли. В Яренском городке с уездом в 1586 г. на 1692 дес. пашни паханой перелога всего 152 дес., или 9%, а в 1608 г.— 6%.

5. Освоение земель во второй половине XVII — начале XVIII века

В 70—80-х годах XVII в. проводилось валовое описание. Но писцовые книги сохранились не все. Поэтому мы вынуждены проследить хозяйственное освоение земель только по некоторым уездам.

В Тотемском уезде (таблица 16) общая площадь земель без усадебно-огородных в 1678 г. в сравнении с 1625 г. увеличилась на 990 дес. (было 38946, стало 39936 дес.). Зато произошли ог-

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1209, К-510.

⁶⁷ За 1586 г. сотные напечатаны в «Северном археографическом сборнике», вып. 1, Вологда, 1970, за 1608 г.— см.: А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.

Земельные угодья всех категорий владельцев Тотемского уезда
(в 20—70-х гг. XVII в.)¹

Годы	Пашенная земля					Сенокосы	Леса			Общая площадь в дес.
	паханая тяглая	льготная	оброчная	перелог и лесом поросшая	всего пашни		пашен- ные	непашен- ные	пашен- ные, не- пашен- ные и по- скотина	
1623—1625										
а)	8939,5	1173	52,5	3232	13397	33250	—	—	—	—
б)	13409	1759	79	4848	20095	3325	5241	8408	1877	38946
1676—1679										
а)	7989	507	2677,5	3537	14710,5	41795	—	—	—	—
б)	11983,5	760,5	4016,5	5305,5	22066 ²	4179 ³	4413	6739	2539 ⁴	39936

* ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. «а» — четей, «б» — десятый.

2. Включены 17 дес. лесом поросшей пашни, показанной в источниках, особо в десятинах.

3. Включены 6 дес., что были выделены под рощистные сенокосы.

4. Поскотина в источнике не показана, взята по данным 1625 г. да включено 662 дес. леса.

ромные изменения в соотношении угодий. Уменьшилась на 17% площадь пашни паханой тяглой и льготной, вырос фонд угодий, используемый на условиях оброчного держания (с 79 до 4016 дес.). Причем, в период самого описания писцы отдали в оброчное владение из старой пустоты 753 чети пашни (видимо, числившейся в фонде переложных и лесом поросших земель уже в 1625 г.) и более 1000 четей пашни новой пустоты; остальная пашня была отдана на оброк.

Сенокосные площади увеличились всего на 854 дес. за счет оброчного владения. Только в одной Окологородной волости на обroke было около тысячи копен. Общий фонд пашни и сенокосов увеличился на 2825 дес., в основном за счет лесов пашенных и непашенных, площадь которых уменьшилась на 1835 дес.

Далее положение в этом уезде еще более ухудшилось. Об этом свидетельствует проведенное в 1687—1688 гг. по просьбе тотмичей новое описание. Тотмичи жаловались на «тяжелое» письмо писцов 1679 г., которое, по их словам, чрезмерно увеличило податное бремя и повинности, что и привело к разорению многих посадских людей и уездных крестьян. Правительство поручило провести новое описание воеводе Никифору Озерову и подьячему Ивану Гордееву. Результатом этого описания явилась писцовая книга 1687—1688 гг., с которой в ЦГАДА имеется два списка⁶⁸. Ее данные еще не вводились в научный оборот, а между тем содержащиеся в ней сведения представляют исключительный интерес.

Описание Н. Озерова вскрыло тяжелую картину состояния сельского хозяйства, массовое разорение крестьянства. Вряд ли проводившего описание воеводу можно заподозрить в особых симпатиях к крестьянам и посадским людям. Состояние экономики уезда было столь тяжелым, что воевода вынужден был отразить действительное положение дел. За прошедшие 6—9 лет после письма 1679 г. количество мужского населения на посаде уменьшилось на 43,5%, а в уезде из 8679 чел. осталось только 5555, или 64%. Разорившиеся крестьяне бросали свои дворы и угодья, уходили, бежали в Сибирь или становились бездворными бобылями и нищими людьми северной деревни. Даже в числе 5555 душ м. п., проживавших в своих дворах, было 514 нищих и 112 бобылей. В сравнении с 1679 г. по книге Н. Озерова пашни паханой тяглой и льготной за крестьянами уменьшалось на 23%, а в сравнении с 1625 г. — на 36%. Зато площадь переложной и лесом поросшей пашни как оброчной, так и пустой увеличилась с 9321 до 12 тыс. дес.

Обратимся к Устюжскому уезду, по которому источники также позволили выяснить эволюцию земельных угодий за 50 лет (табл. 17). Анализ полученных данных необходимо предварить некоторыми пояснениями. Хотя писцы и руководствовались при

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1209, К-891 (посад с уездом) и К-15048 — с материалами только по уезду.

Таблица 17

Земельные угодья Устюжского уезда в XVII в.
(все виды землевладения) *

Даты	Пашенная земля					Усадебно- огородная и под гумнами	Сено	Поско- тина	Лес			Общая площадь в деся- тинах
	полно- тяглая	льготная	оброч- ная	перелог и лесом поросшая	всего				пашен- ный	непашен- ный	всего	
1623 г.												
а)	31863,5	801,5	—	2992,5	35657	—	221374	—	—	—	—	—
б)	47795	1202	—	4488	53485	—	22137	8344	12536	25067	37603	121569
1676 г.												
а)	23574	1817	—	6747	32138	—	204268	—	—	—	—	—
б)	35376	2757	3333	10120,5	51586,5	2341	20426	8642	12704	25441	38145	121140,5

* «а» — пашня в четях, сено в копнах; «б» — в десятинах.

проведении описаний общими принципами, но, сталкиваясь на местах с практикой работы предыдущих переписчиков и с местными особенностями, они отступали от единой схемы. Если в Тотемском уезде площадь льготно-оброчных угодий дана в четях, то в Устюжском в 1626 г. сведения об этих угодьях показаны косвенно, через величину льготных вытей или суммы оброчных платежей, а в 1676—1683 гг. оброчная пашня показана не в четях, а в десятинах. Зато здесь даны сведения об усадебно-огородных землях и покотине.

Сравнивая результаты переписей 20-х и 70-х годов, обнаруживаем не увеличение, а даже небольшое уменьшение общей площади всех земельных угодий (было 121569, стало 121140 десятин). Можно допустить, что наученные горьким опытом предыдущих описаний крестьяне смогли больше утаить земель, что в использованном нами источнике не все учтены угодья, что за цифрами оброчных платежей скрыты от нас некоторые виды угодий и их размеры. Однако и при всем этом тенденция, выявленная нами на примере Тотемского уезда, ясно прослеживается и здесь. Фонд паханой пашни трехпольного хозяйства уменьшился за 50 лет на 12 тыс. десятин, а фонд переложных — возрос почти в 2,5 раза (с 4488 до 10120 десятин).

Только в уездах Вятской земли и Приуралья, где еще продолжался процесс освоения резервов естественно-пригодных под земледелие земель, идет увеличение площадей пашни паханой трехпольного хозяйства. Однако и здесь в старинных уездах источники не отражают большого расширения пашенных площадей. Так, в Чердынском и Соликамском уездах в 1707 г. в сравнении с 1678 г. площадь пашни паханой осталась на одном и том же уровне, только сенокосные угодья увеличились с 8,5 тыс. до 14 тыс. дес. Дозорные книги 1707 г. не указывают размеры переложных земель, но рост запустевших селений косвенно подтверждает их увеличение. Так, в Чердынском уезде на 1658 дворов и изб живущих писцы учли 1366 дворов и 41 избу пустых да 602 места дворовых⁶⁹.

Дозорная книга Соликамского уезда 1707 г. на 77 деревень и 47 починок живущих перечисляет 8 деревень и 3 починок пустых да в деревнях на 584 жилых двора — 201 пустой двор и 182 дворовых места⁷⁰.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214. Дозорная книга по Чердынскому уезду. К-1468.

⁷⁰ Эта дозорная книга, вероятно, является единственной, в тексте которой запись о пашне дается так: «Дер. Антипина, в ней во дв. Иван Васильев... во владении за ним тоя деревни в полях пашенные земли севу четверть с осминою в поле, а в дву по тому ж». В итогах по станам и уезду термин «севу» опущен («Земли у них 639 четвертей в поле»). Думается, что «севчей» землей они называли всю пашню тяглую пашенную, а не только засеваемую озимыми и яровыми культурами, иначе бы не было дополнения «а в дву по тому ж» (там же, К-1511, лл. 516, 698—700).

6. Классификация угодий и хозяйственное освоение земель в XVIII — первой половине XIX века

После валового описания 70—80-х гг. XVII в. до Генерального межевания в общегосударственном масштабе описания земель не было.

В конце XVIII в. закончилось межевание только в Вологодской и Олонецкой губерниях. Применительно к территориям XVI—XVII вв. это бывшие Вологодский, Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, частично Важский уезды и Устьянские волости по Центральной зоне Поморья, Заонежские погосты и Чаронда Северо-Западной зоны, Яренский уезд Северо-Восточной зоны.

В Вятской, Пермской и частично в Архангельской губернии (Шенкурский уезд) межевание проводилось в XIX в. По этим губерниям сохранились материалы камерального описания, проведенного в конце XVIII в., а также подворной переписи Архангельской губернии 1785 г. (см. приложение № 3).

Когда мы обращаемся к показаниям источников о земельных угодьях после Генерального межевания, то обнаруживаем несколько явлений, до сих пор трудно еще объяснимых. Во-первых, отмечается значительное увеличение пашни, закрепленной межеванием за дачами (помещичьими и крестьянскими владениями). Создается впечатление, что за какие-то 50—60 лет после петровских реформ пахотных угодья возросли в 2—3 раза, а интенсивность введения земельных площадей в сельскохозяйственный оборот достигла темпов XV — начала XVII в. Во-вторых, по материалам межевания можно подумать, что в России совершенно исчез перелог. Наконец, до сих пор трудно объяснить большое расхождение размеров пашенных угодий по Экономическим примечаниям и площади посевов по губернаторским отчетам.

Все это затрудняет решение и без того сложной задачи получить необходимые сопоставимые данные. Особенно эта задача усложняется тем, что классификация земельных угодий во время межевания была иной. Н. Л. Рубинштейн вынужден был признать, что для нас «неизвестны также принципы, по которым землемеры относили землю под пашню или под сенокос»⁷¹. Л. В. Милов также отметил, что «в нашей литературе никто не изучал принцип классификации угодий в Экономических примечаниях, в то время как классификация эта явилась по существу переверотом в традиционных для России принципах описания земель...» Далее Л. В. Милов отмечает, что «вся предшествующая система писцовых описаний XVI—XVII вв. неприменно включала в себя элемент хозяйственной оценки с точки зрения системы земледелия («пашня паханая», «перелог», «пашня лесом поросла», «лес пашенный» и т. п.). Напротив, Экономиче-

⁷¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 326.

ские примечания дают совершенно иную классификацию: «пашня», «сенокос», «лес», «неудобная земля» и земля «под поселением»⁷².

Материалы Экономических примечаний северных черносошных уездов использовались для получения некоторых данных (В. И. Семевский, Н. Л. Рубинштейн, А. С. Черевань, Н. П. Воскобойникова и др.). Но всестороннего исследования этих источников, аналогичного проведенному по уездам поместно-вотчинного землевладения Л. В. Миловым, фактически до сих пор нет. Изученные нами Экономические примечания по Тотемскому, Вельскому, Устюжскому, Сольвычегодскому, Красноборскому, Никольскому и Лальскому уездам, а также анализ сводных итогов межевания по северным губерниям дают основания подойти к выяснению земледельческого освоения края в XVIII в.⁷³

Земельные площади 12 уездов Вологодской губернии после межевания, закончившегося здесь в 1796 г., представлены в таблице 18. При общей площади губернии в 35 млн. дес. под пашней было 744337 дес. (2,1%), под сенокосами 378722 дес. (1,1%). Всего пахотных и сенокосных угодий с усадьбами землями в сельской местности учтено 1144703 дес. Из этого числа под пашней было 64,9%, под усадьбами землями — 1,8% и под сенокосами — 33,3%. Удельный вес сенокосов во всей этой группе угодий наиболее высокий в Яренском и Усть-Сысольском уездах (64—69%), затем в Сольвычегодском и Красноборском (47—49%), в Тотемском, Устюжском, Вельском, Лальском и Кадниковском — по 30%, в Вологодском — 25%, в Грязовецком и Никольском — по 22%. Самый высокий удельный вес пашни был в Вологодском уезде (27%), самый низкий — в Яренском и Усть-Сысольском уездах (менее 1%).

В 1797 г. Лальский и Красноборский уезды были ликвидированы, в Вологодской губернии осталось 10 уездов. Общая территория губернии, площади под земельными угодьями остались почти без изменений. Так, пашни было 744337 дес., стало 739230 дес., покосов было 378722 дес., стало 379007 дес. и т. д. Думается, что эти небольшие различия получились за счет неточности подсчетов⁷⁴.

В Олонецком уезде также было полностью проведено межевание в 1796 г. Всех усадьбных, пахотных и сенокосных угодий обмежевано 445321 дес., в том числе пашни 337686 дес., или 75,8%, усадьбных земель — 1,2% и сенокосов только 23%, при этом самая низкая обеспеченность сенокосами в Пудожском, Лудейнопольском и Повенецком уездах (16—18% общей площади пахотно-сенокосных угодий), самая высокая обеспечен-

⁷² Л. В. Милов. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.». Рига, 1963, стр. 279.

⁷³ См. опубликованные поуездные материалы Генерального межевания в сб. «Северная Русь. XVIII в.». Вологда, 1973, стр. 135—153.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20718.

Земельные площади Вологодской губернии по Генеральному межеванию на 1796 г.¹

№ пп.	Уезды	Число дач	Душ м. п.	Пахотной земли и сенокосов				Лесу строевого	Лесу дровяного	Неудобной земли	Всей земли
				усадебной	пашни	сенокосов	всего				
1. Вологодский ²	а)	1	2793	497	—	600	1097	—	672	245	2016
	б)	3321	30190	2761	93897	33271	129929	85	201894	13662	345572
Итого		3322	32983	3258	93897	33871	131026	85	202566	13907	347668 ³
2. Кадниковский	а)	1	100	35	260	45	340	502	1	49	893
	б)	3806	33388	2570	99429	44192	146191	397237	367722	68285	979437
Итого		3807	33488	2605	99689	44237	146531	397739	367723	68334	980330
3. Грязовецкий	а)	1	369	43	191	15	249	—	1374	372	1996
	б)	2287	29120	3187	113722	33131	150040	307865	185002	28472	671380
Итого		2288	29489	3230	113913	33146	150289	307865	186376	28844	673376
4. Устюжский	а)	13	2536	115	69	76	260	1	699	365	1325
	б)	1125	21765	1206	56442	24185	81833	1246292	87066	28535	1443726
Итого		1138	24301	1321	56511	24261	82093	1246293	87765	28900	1445051
5. Лальский	а)	2	444	60	20	243	329	—	465	81	870
	б)	628	18964	1454	46317	21365	69136	2429526	228501	33564	2760729
Итого		630	19408	1514	46337	21608	69459	2429526	228966	33645	2761599
6. Вельский	а)	1	90	22	32	5	59	—	358	25	442
	б)	1431	28885	2057	71810	30878	104745	1698704	248982	62886	2114520
Итого		1432	28975	2079	71842	30883	104804	1698704	249340	62911	2114962
7. Тотемский	а)	1	1069	44	—	251	295	—	—	30	327
	б)	677	17861	1634	67872	29157	98663	1239133	153891	151559	1643247
Итого		678	18930	1678	67872	29408	98958	1239133	153891	151589	1643574
8. Красноборский	а)	1	143	3	2	—	5	—	—	2	8
	б)	885	22511	1773	50991	50937	103701	3487751	21801	52966	3666219
Итого		886	22654	1776	50993	50937	103706	3487751	21801	52968	3666227
9. Сольвычегодский	а)	1	419	46	50	25	121	—	918	532	1574
	б)	720	9174	685	25650	25257	51592	703538	74238	24511	853879
Итого		721	9593	731	25700	25282	51713	703538	75156	25043	855453
10. Никольский	а)	2	117	18	405	82	504	1890	101	138	2637
	б)	214	20337	1583	83614	24676	109874	1671410	35327	86019	1902628
Итого		216	20454	1601	84019	24758	110378	1673300	35428	86157	1905265
11. Яренский	а)	1	405	62	68	185	315	—	961	40	1319
	б)	450	12295	615	14301	27058	41974	5401567	49903	58391	5551834
Итого		451	12700	677	14369	27243	42289	5401567	50864	58431	5553153
12. Усть-Сысольский	а)	1	881	549	802	1162	2513	10179	1346	800	14840
	б)	102	12686	620	13386	32385	46391	11503183	1153167	446272	13149013
Итого		103	13568	1169	14188	33547	48904	11513362 ⁴	1154513	447072	13163853
По губернии		15672	266543	21644	744337	378722	1144703	30098568	2814394	1057854	35115520

ПРИМЕЧАНИЯ к таблице. 1. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 3, лл. 1—2. Земельные площади в десятинах, сажени отброшены, поэтому общие итоги иногда не совпадают с построчными подсчетами.

2. «а» — городские земли, «б» — уездные.

3. Так в тексте, по подсчету надо 347588.

4. Не зачеркнуто, но ниже написано 12667875.

ность в Олонецком уезде — 28%. По отношению ко всей площади Олонецкой губернии пашня составляла, как и в Вологодской, 2,1%, а под сенокосами 101360 дес. (около 0,7%). В самом обеспеченном пашней Вытегорском уезде пахотные земли составляли всего около 5%.

По данным камерального описания⁷⁵ в конце XVIII в. в Архангельской губернии было всего пашни 35661 дес., сенокосов 48069 десятин. В том числе по уездам: Кольский — 39 дес. пашни и 1584 дес. под сенокосами; Шенкурский — соответственно 2497 и 1795; Мезенский — 4999 и 9107; Архангельский — 5415 и 7536; Онежский — 6680 и 12153; Пинежский — 6801 и 4848; Холмогорский — 9228 дес. пашни и 11044 дес. сенокосов⁷⁶.

За время с 20-х годов XVII в. и до окончания Генерального межевания и камеральных описаний конца XVIII в. площади пахотных земель на Европейском Севере расширились примерно в 1,5 раза.

Иные показатели по сенокосным угодьям. Если в Вологодском и в группе центральных уездов (Тотемский, Устюжский и др.) расширение сенокосных площадей выразилось примерно в 1,5 раза, то в Подвинье, в Архангельской губернии — почти в 4,5 раза. По подсчетам Н. П. Воскобойниковой сенокосные угодья Яренского уезда с 1608 по 1796 г. расширились в 9 раз. Как будет показано ниже, к этим сведениям необходимо отнести критически, во-первых, уже потому, что данные писцовых книг XVII в. явно занижены.

Итак, источники показывают увеличение в XVIII в. площадей как пашен, так и сенокосов. Причин обнаруженного увеличения земельных угодий несколько. М. М. Громыко и авторы «Истории Сибири» выделяют некоторые факторы, сыгравшие роль ускорителя в этом процессе. Представляют интерес указания сибиреведов на влияние начатой в стране подготовки к Генеральному межеванию и самого межевания. «Угроза межевания», которая закрепит границы держаний, побуждала состоятельных крестьян спешить с расширением запашки за счет новых земель. Хлебопашцы же, имевшие земли меньше, чем они могли освоить, получили законное основание требовать дополнительного наделения⁷⁷.

Вероятно, как в Сибири, так и в уездах Европейского Севера проведенная в 1764 г. секуляризация церковных земель со-

⁷⁵ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. 482, лл. 42—44. См. приложение 3.

⁷⁶ Пользуясь материалами камеральных описаний, необходимо учитывать, что они не проводились на землях удельных и помещичьих крестьян. В связи с этим по некоторым уездам необходимы значительные поправки. Так, в Шенкурском уезде, где преобладали удельные крестьяне, пашни и сенокосов было в несколько раз больше, чем показано в использованном нами деле о результатах камерального описания в этом уезде. В Шенкурском уезде в это время было экономических крестьян 1213 чел., черносошных — 824, а удельных 19461 чел. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18560).

⁷⁷ М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 138.

действовала расширению угодий у монастырских (экономических) крестьян. В указе о секуляризации было велено передать крестьянам все земли, которые ими обрабатывались на монастырь (кроме находившихся далее 20 верст от деревни), земельный надел был определен по 3 дес. пашни на душу м. п. в трех полях. По данным Генерального межевания (на 1796 г.) экономические крестьяне Вологодской губернии имели по 3,3 дес. пашни, по 1 дес. сенокосов, по 18,7 дес. леса⁷⁸.

Хозяйственная заинтересованность крестьян, ставших свободными от эксплуатации монастырей, не могла не влиять на расширение пашен.

«Угроза межевания» сказалась на расширении пашенно-сенокосных угодий и в черносошной деревне. Государственные крестьяне стремились закрепить за собою в первую очередь и новоросчитные земли, расширить их за счет подсеки. Опасения крестьян насчет возможного отмежевания в казну таких земель имели основания. Так, в Тотемском уезде после секуляризации в казенное ведомство отошли запустевшая дер. Дудино, хотя она располагалась не далее 20 верст от других бывших монастырских деревень, а также более 50 пожен, многие из которых были вблизи от деревни. Таких примеров много по Устюжскому и другим северным уездам.

После Генерального межевания только в одной Окологородной волости Тотемского уезда за Вологодской казенной палатой оказалось около 1800 дес. земли, в основном сенокосов (163 пустошей и пожен)⁷⁹. Часть из них была отрезана от черносошных деревень на том основании, что у крестьян был излишек земель сверх установленной «пропорции»⁸⁰. Опасения потерять земли особенно велики были у зажиточных крестьян, захвативших много пахотно-сенокосных угодий (купленных, закладных, на условиях оброчного владения). Не случайно беднота столь настойчиво требовала в XVIII в. передела земель, в первую очередь заложенных и проданных, а затем и всех остальных⁸¹. А захват разработанных крестьянами земель начался уже в XVII в. В 1625 г. в Тотемском уезде за Ольгой Строгановой числилось 2 деревни с четырьмя дворами половников да «пустошь, что был погост Спасское на реке Леденге» и несколько пожен в разных волостях, да за монастырями и церквями числилось около 300 десятин пашни и 400 десятин сенокосов. В 1688 г. только в руках зажиточных людей посада уже оказалось около 1500 дес. пашни и примерно столько же сенокосов. По подсчетам Ю. А. Тихонова, в Устюжском уезде в 1670 г. за 76-ю посадскими людьми по крепостям во владении находи-

⁷⁸ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т II, СПб., 1901, стр. 841.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1355, д. 169, лл. 3—36.

⁸⁰ От черносошных крестьян деревни Дьяково было отмежевано 3144 дес. 1296 саж. строевого и дровяного леса. (Там же, д. 86, л. 96 об.).

⁸¹ В. И. Семевский. Указ. соч., т. II, стр. 621 и др.

лось 26 полных деревень и доли в 204 деревнях⁸². Это только владения по купчим, закладным и другим актам, но за ними были еще крупные владения «особь статьею» по писцовым книгам. В 1679 г. только за Г. Д. Строгановым, Анной Строгановой и В. И. Грудцыным писцы записали более 5000 копен сена и 700 дес. пашенного и непашенного леса⁸³.

Экономические примечания отмечают дальнейший захват земель дворянами, купцами и мещанами.

В алфавитном списке Тотемского уезда всего 770 дач, из них 94 находились в смешанном владении, а из 676 остальных дач за помещиками, купцами и мещанами было 204, или 30%⁸⁴.

В таблице 19 показано распределение пашни и сенокосов между различными категориями землевладельцев после Генерального межевания в черносошных уездах⁸⁵.

За черносошными и экономическими крестьянами оказалось от 66 до 92% пашни и 52% сенокосов. В Сольвычегодском уезде за крестьянами было всего 24,1% сенокосных площадей, в то время как за дворянами и купцами их оказалось 38,2% и за казенными ведомствами — 37,7%. В Устюжском уезде дворянство и купечество захватили 41,8% покосов. В Красноборском уезде за ними было 8% да за казенной палатой — 31,2% сенокосов. Правда, часть пашни и сенокосов находилась у крестьян в совместном владении с купцами и мещанами, но их доля в таком совладении обычно была незначительной.

В XVIII в. в черносошные уезды начинают активно вклиниваться и захватывать пашни, сенокосы и особенно леса дворяне из местных губернских и уездных чиновников. За княгиней Шеховской и бароном А. Н. Строгановым в одном Сольвычегодском уезде более 3 тыс. дес. пашни, свыше 6 тыс. дес. сенокосов и 17800 дес. лесов, а с неудобными землями более 30 тыс. дес. земли. Среди дворян Тотемского уезда — полковник Бахметев, дворяне Волоцкие, Олешевы, Родичевы, Ушаковы, в Никольском уезде — Саблины, Лихаревы, Бутурлины, Дружковы, князь Енгальшев и др.

Хорошо прослеживается генеалогия землевладельцев из числа купечества. Абсолютное их большинство уже в XVII в. являлись владельцами деревень и угодий, обрабатываемых силами полowników и наемных людей. В Тотемском уезде — это бывшие купцы и солевары Мясниковы, Чулошниковы, Поповы, Рохлецовы, Сухомесовы, Каплины, Потемины и другие. В Сольвычегодском уезде — Мезенцевы, Ковригины, Костромины. В XVII в. Бобровские фигурируют как крупные купцы Лальска, регистрировавшие в таможенных книгах торговые опера-

⁸² Ю А. Тихонов. Землевладение посадских людей в Устюжском уезде XVII в. — «Ежегодник... 1964 г.», стр. 271.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1209, К-512, лл. 193—255.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1355, д. 87.

⁸⁵ Подсчеты по Экономическим примечаниям. (ЦГАДА, ф. 1355, дд. № 84, 87, 127, 136, 147, 158).

Распределение пашни и сенокосов после Генерального межевания *

Уезды	Всего десятин		В том числе:					
	Пашни	Покосы	Пашни			Покосов		
			крестьян	дворян, купцов, церковников	казенных ведомств	крестьян	дворян, купцов, церковников	казенных ведомств
1. Лальский	<u>46100</u>	<u>20800</u>	<u>30570</u>	<u>9510</u>	<u>6020</u>	<u>9080</u>	<u>5960</u>	<u>5760</u>
	100,0	100,0	66,3	20,6	13,1	43,7	28,6	27,7
2. Устюжский	<u>56400</u>	<u>24130</u>	<u>38300</u>	<u>16800</u>	<u>1300</u>	<u>10000</u>	<u>10120</u>	<u>4060</u>
	100,0	100,0	67,9	29,8	2,3	41,4	41,8	16,8
3. Сольвычегодский	<u>25600</u>	<u>25200</u>	<u>19900</u>	<u>5440</u>	<u>265</u>	<u>6100</u>	<u>9600</u>	<u>9500</u>
	100,0	100,0	77,7	21,3	1,0	24,1	38,2	37,7
4. Тотемский	<u>67800</u>	<u>29200</u>	<u>58400</u>	<u>6700</u>	<u>2700</u>	<u>20800</u>	<u>4500</u>	<u>3900</u>
	100,0	100,0	86,0	10,0	4,0	71,2	15,4	13,4
5. Никольский	<u>83600</u>	<u>24600</u>	<u>75700</u>	<u>5900</u>	<u>2000</u>	<u>15700</u>	<u>2000</u>	<u>6900</u>
	100,0	100,0	90,6	7,0	2,4	63,8	8,1	28,1
6. Красноборский	<u>50945</u>	<u>50930</u>	<u>47300</u>	<u>2330</u>	<u>1315</u>	<u>30970</u>	<u>4020</u>	<u>15940</u>
	100,0	100,0	92,8	4,6	2,6	60,8	8,0	31,2

* Числитель — десятины, знаменатель — %.

ции в поморских городах и в Сибири, а в конце XVIII в. за ними более 7 тыс. дес. земли и 7 деревень с дворами половников⁸⁶. Лальские купцы Норицын, Горяиновы, Юрьевы, Басановы вели в XVII в. крупную торговлю в Поморье и в Сибири, имели деревни с половниками, а в конце XVIII в. они также возглавляют купеческую корпорацию Лальска и владеют в уезде тысячами десятин пашни, сенокосов и особенно лесов⁸⁷. За одними Горяиновыми в личном и совладельческом пользовании числилось несколько деревень и более 10 тыс. десятин земли.

Особенно характерна эволюция тотемских купцов Пановых, ставших в XVIII в. дворянами, во владении которых в уезде сотни крепостных и более 50 тыс. дес. земли⁸⁸. Но возвратимся к выяснению причин увеличения площадей под пашнями и сенокосами во время межевания. Одной из главных причин все же были новые принципы классификации земельных угодий. Так, при описании земель черносошных уездов в XVI—XVII вв. писцы заносили в книги только пашенные угодья и сенокосы, которые были введены в хозяйственный оборот. Нередко эти угодья, особенно пожни, были разбросаны в разных местах, по берегам рек, озер и в лесах. Учитывали писцы и все земельные площади за пределами этих пашен и пожен, которые исторически тянули к деревням, леса пашенные и непашенные, леса поверстные, площадь которых определялась приблизительно, подчас с оговоркой «а инде больше, инде меньше».

При межевании в XVIII в. землемеры с большой точностью измеряли и межевали дачи, включая в них площади не только обрабатываемых угодий, но и все земли, пригодные под пашню и сенокосы. Достаточно просмотреть составленные тогда планы и сравнить их с показаниями писцовых книг, чтобы увидеть, как округлялись, объединялись когда-то разрозненные пожни и прилегающие к ним земли. В основу была взята положенная «пропорция» общей площади земель на ревизскую душу. Обычно такой нормы надела не доставало, но сам принцип сохранялся. Поэтому при межевании отпадала необходимость учитывать хозяйственную пригодность угодий, особо выделять пашни переложные, лесом поросшие, лес пашенный. В результате определилась новая классификация, обобщавшая и выделявшая угодья по их общему назначению: «усадебные земли», «пашня», «сенокосы», «леса» и «неудобные земли». В силу этого в «пропорцию» попадали не только разработанные участки, но и все между ними малопродуктивные земли.

Особенно это относится к сенокосным угодьям. Что разме-

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 136, дачи № 4, 30, 45, 52, 90, 119, 120 и др. за XVII в. см. «Таможенные книги...», т. III, стр. 29, 33, 289, 390 и др.

⁸⁷ Там же, дачи № 25, 39, 40, 41, 57, 64, 65, 66, 75, 81 и др. «Таможенные книги...», т. III, стр. 128, 174, 258, 448, 449, 461 и др.

⁸⁸ Там же, д. 87, дачи № 303—317, 599 и др. В Вологодском областном архиве в фонде помещиков Пановых имеются материалы, рисующие превращение купца-предпринимателя в помещика-предпринимателя.

ры сенокосов в обмежеванных дачах обычно значительно больше площади, с которой собственно собирается и копнится сено, это скажет любой пожилой крестьянин и сейчас, помнящий еще единоличное хозяйство. Невозможно определить, какой процент прибавки падает за счет обмеров всей площади угодий, а не только производительной, но думается, что в черносошных северных уездах он был немал. Чем чересполоснее были полянки и пожни, располагаясь небольшими островками на необъятных просторах лесного океана, тем было больше применено земель к числящимся по писцовым книгам угодьям. Не случайно в Экономических примечаниях северных уездов, перечисляя сенокосы некоторых дач, составители делали пометы: «покошу и по нему дровяного лесу», «а на пожне лес растет дровяной, еловый, осиновый и березовый», «отхожие пожни, принадлежащие дер. Луновой с мелким дровяным лесом, сена 4 дес. 1707 саж.»⁸⁹. Таких записей много.

Таким образом, резкий скачок в цифрах, отражающих размеры земельных угодий до и после Генерального межевания, прежде всего, связан с изменением принципа учета земель. Это обстоятельство важно подчеркнуть, чтобы не получилось искажения фактического положения дел.

Наконец, несколько слов о дальнейшей эволюции земельных угодий после межевания. Для этой цели сравним данные материалов межевания и поземельного статистического обследования 1887 г. Вологодской губернии. В 80—90-е годы XVIII в. всего было обмежевано 744337 дес. пашни (без усадебных земель), а в 1887 г. — 841686 дес. Увеличение за очередное почти полное столетие на 97349 дес., или на 11,4%. Безусловно, за это время произошло огромное перераспределение земельного фонда, изменилась социальная принадлежность земель не в пользу крестьянской массы. Не останавливаясь подробно на этом, мы пока считаем необходимым отметить, что в составе 841686 дес. по переписи 1887 г. было 71515 дес. (8,2%) переложно-залежных земель (не считая сенокосов и пастбищ). За вычетом этих площадей собственно под пашней остается 771171 дес., почти столько же, сколько было и во время межевания. Таким образом, и в пореформенное время ввод в хозяйственный оборот новых площадей шел медленно.

Расширение пахотных угодий за счет расчистки лесов, ранее еще не использованных, более интенсивно шло в восточных уездах, начиная с Яренского, и затем особенно в Вятских уездах и новых Приуральских. В Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях шло освоение резерва переложных земель. Упоминание в документах XVIII — первой половины XIX в. рощистей не всегда указывает на расширение пашни за счет лесной целины. Чаще всего и в этот период прибегали к подсеке на участках, когда-то заброшенных. Это относится и к сенокосам.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1355, д. 787, дача № 57 и др.

Так, межевщики Устюжского уезда выделили дачу «мирская старинная поскотина, что ныне сенные покосы»⁹⁰.

В результате начавшее возникать уже в XVII в. малоземелье позже продолжало усиливаться, приобретая все более угрожающий характер.

7. Классификация земельных угодий с точки зрения систем земледелия

Мы рассмотрели классификацию угодий по их роли и хозяйственного освоения земель. Группировка земельных угодий с точки зрения системы земледелия помогает нам подойти к выяснению роли переложных земель для сельскохозяйственного производства в лесной части Русского государства на различных исторических этапах. Такой принцип группировки дан в схеме 3. Все угодья сгруппированы по их месту в господствовавшей трехпольной системе земледелия. За пределы трехполья вынесены элементы подсечной и переложной систем, все переложные земли, а также вновь вводимые в сельскохозяйственный оборот. Вопрос о системах земледелия будет рассмотрен в следующем очерке. Сейчас мы главное внимание обратим на переложные земли, вызвавшие в литературе законный интерес и разноречивое толкование в связи с выяснением многих проблем аграрной истории России.

Н. Л. Рубинштейн причину большого расхождения размеров пашенных угодий по Экономическим примечаниям и площадей посевов по губернаторским отчетам объяснял «переходом крестьян в ряде районов от хлебопашества к промышленно-промысловой деятельности и ростом отходничества»⁹¹.

Схема 3

Классификация земельных угодий с точки зрения систем земледелия в XVI — начале XIX в.

Трехпольная система	За пределами трехполья
---------------------	------------------------

1. В XVI — начале XVIII в.

1. Пашня паханая в трех полях — полностью 2. Пашня льготно-оброчная и наезжая, обрабатываемая по системе трехполья	1. Льготно-оброчные переложные и лесом поросшие, еще не включенные в трехпольное хозяйство 2. Подсечные пашни, не включенные в трехпольное хозяйство

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1355, д. 87, дача № 123.

⁹¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 233.

Трехпольная система	За пределами трехполья
3. Сенокосы и леса к этим пашням	3. Пустые переложные и лесом поросшие пашни 4. Сенокосы и леса к этим пашням
<i>2. Вторая половина XVIII — начало XIX в.</i>	
1. Пашня под посевами	1. Подсека и перелог
2. Третье поле к этим пашням	2. Льготно-оброчные и арендуемые угодья в казенных дачах
3. По разным причинам не засеянные пашни трехпольного хозяйства	3. Различные варианты комбинированных систем земледелия
4. Льготно-оброчные пашни в казенных дачах трехпольного хозяйства	4. Казенные леса (корабельные дачи и другие)
5. Леса и сенокосы.	

Л. В. Милов подметил слабость этого объяснения, так как оно вступает в противоречие с фактом широко известного малоземелья и наличия переложных земель. Выясняя роль перелогов в русском земледелии второй половины XVIII в., Л. В. Милов пришел к интересным наблюдениям. Во-первых, наличие в это время массивов переложных земель «вовсе не означает существования при этом переложной системы земледелия...», «скорее всего мы имеем дело лишь с элементами переложной системы, которые неразрывно сочетаются с трехпольем»⁹². Мы можем согласиться, что, вероятно, и на Севере, особенно в уездах Вятской земли, элементы такой комбинированной системы имели место. А вот точка зрения на происхождение перелогов, на их роль в земледелии вызывает сомнения, если распространить ее на земледелие в лесной части Европейской России. Л. В. Милов пишет, что в конечном счете переложные земли были «не чем иным, как необходимым средством поддержания режима трехполья... поддержания жизнеспособности трехполья», были резервом пашенных земель. Далее автор статьи в соответствии с изложенными выше соображениями трактует и корни так называемого «кризиса трехполья» — с исчезновением в конце XVIII—начале XIX в. резерва пашенных земель в виде перелогов и залежей исчезают главные источники восстановления структуры и ее плодородия⁹³.

⁹² Л. В. Милов. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961». Рига, 1963, стр. 284—285.

⁹³ Там же, стр. 287—288.

Самым уязвимым местом изложенной концепции является предположение, что, несмотря на малоземелье, землевладельцы-феодалы сознательно, из самых рационалистических соображений, а землепользователи-крестьяне из соображений крестьянской агрономии периодически, кроме пара трехпольного хозяйства, запускали в перелог от 20 до 60% всей пашни. Вероятно, что в Зауралье, в некоторых местах Сибири, в южных районах страны это так и было. Например, такая практика в Зауралье подтверждается исследованиями А. А. Кондрашенкова, который приводит примеры, когда часть земель оставалась «на перемену для роздыха»⁹⁴. Это подтверждают авторы многотомной «Истории Сибири», М. М. Громыко и другие сибиреведы⁹⁵. Наблюдения такого порядка изложены в работе В. В. Дорошенко по аграрной истории Латвии в XVI в.⁹⁶

В уездах черносоловья Севера мы не обнаруживаем этого явления. В составе тяглой пашни паханой переложных земель как «одного из пахотных полей» не было. Если бы таковые в нее входили, то писцовые, веревные, разрубные книги и акты-вые документы как-то отразили бы это. В практике северного земледелия тягла пашня становилась переложной только в том случае, когда владелец вынужден был по каким-то причинам прекратить ее обработку. Забрасывались после ряда лет использования участки на подсеках, да и то не всегда, но это уже другая категория пашен. Правда, по подсчетам Н. П. Воскобойниковой в Яренском уезде в 1608 г. 20,3% всех перелогов были в селениях, не имевших пустых дворов. Такая группа перелогов есть и в других уездах. Не является ли это подтверждением высказанных предположений о сознательном, из агрономических соображений запуске какой-то части пашни в перелог для восстановления плодородия почв? Наблюдения за эволюцией переложных земель, в том числе и в деревнях, не имеющих пустых дворов, не подтверждают существования такой практики в крестьянских хозяйствах Европейского Севера. Например, дер. Исаковская в 1688 г. не имела пустых дворов, но за ней, кроме пашни паханой, записано 2 чети перелога и 2 чети лесом поросших пашен. При просмотре писцовых книг 1619, 1625 и 1679 гг. выясняется, что эти пашни выпали в перелог еще в начале XVII в. в связи с разорением их владельцев. Дер. Козловка в 1688 г. также не имеет пустых дворов, но за ней 16 четей перелога и лесом поросших пашен. Здесь перелоги появились также в начале этого столетия, затем площадь их изменялась в зависимости от экономического положения дворохозяйств. В 1673 г.

---

⁹⁴ А. А. Кондрашенков. Развитие земледелия в Зауралье и Западной Сибири в XVII в.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 343.

⁹⁵ «История Сибири», т. II, Л., 1968, стр. 69; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965, гл. V.

⁹⁶ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960, стр. 111.

было 7 дворов, а в 1688 г. число полнотяглых дворов уменьшилось за счет перехода одного хозяйства в разряд бобыльских, а другого — в нищие, что и дало увеличение переложных земель на 4 чети. Дер. Ярковская была построена на пустоши на льготных условиях, на 6 четей старых переложных земель (из 12 четей всей пашни), но два крестьянских двора так и не распахали перелог⁹⁷.

Что тяглая земля автоматически становилась переложной после забрасывания ее владельцем, подтверждают писцовые книги всех поморских уездов. Приведем несколько примеров. «Деревня Корчево стоит надвое на ручью: во дворе Максимко Терентьев, во дворе Семенка Семенов, пашни паханные худые земли с новоросчистями 8 чети в поле, а в дву по тому ж; двор пуст Калинки Осипова, Калинку убили литовские люди во 127 году, пашни перелогом и лесом поросло 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена в Корчеве на болоте, на Кумине починке 30 копен. Лесу пашенного 5 десятин, а непашенного 7 десятин. В живущем полвыти, а в пусте четь выти... Деревня Горка, Оксеново тож на речке на Моле: во дворе Васка Офонасьев, во дворе Досадко Григорьев сын Полетова, во дворе Ивашко Михайлов сын Букин. Пашни паханные худые, земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке по Моле 15 копен. Лесу пашенного 5 десятин, а непашенно 7 десятин. Полвыти»⁹⁸.

Как видим, в дер. Корчево за пустым двором было 4 чети земли, которая стала переложной после смерти ее владельца. В дер. Горке пустых дворов и перелога нет совсем.

Увеличивать число примеров вряд ли есть смысл, они повторяются во всех источниках. Отсюда и наш вывод, что расхождение в размерах пашенных земель и посевных площадей нельзя объяснить наличием фонда переложных земель, сознательно предназначенного для обновления плодородия почв.

Во-первых, перелог — явление относительно позднего происхождения, производное не столько от системы земледелия, сколько от общих социально-экономических процессов в стране.

Не случайно же, что в начале XVI в. фонд переложных паханых угодий еще не велик. Сотная с писцовых книг 1562 г. Каргопольского уезда по большинству волостей совершенно не указывает на существование перелога. Даже при наличии в жилой деревне пустых дворов ничего не говорится о перелогe, а вся пашня считается четвертной, тем более, что обычно жеребьи пустых дворов, как и большинство угодий пустых деревень, пашутся наездом. Миграция еще небольшая. Вся введенная в хозяйственный оборот земля обычно обрабатывается. В волостке Личкова Шалга всего 6 жилых деревень и 1 селище припущено в пашню (селищем здесь называлась пустошь), в них 21 двор. Есть одна пустая деревня и одно селище, на которых 18,5 чети

⁹⁷ «Северная Русь. XVII в.», стр. 60—67.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, Дозорная книга Тотьмы с уездом 1619 г., К-479, лл. 183—184.

перелога и 21 копна сена. Писцы приказали городовому приказчику и волостному старосте отдать деревню и селища на льготу на 5 лет, а если их никто на льготу не возьмет, то отдать косить сено «в наем, а найму от сена иметь 3 алтына 3 деньги, с копны по деньге». И, наконец, если в аренду («в наем») никто не возьмет, то косить всей волостью за эту же сумму оброка. Все это говорит о том, что как писец, так и сами крестьяне исходили из того, что перелог как пустующая пашня явление временное, социальное, а не агротехническое⁹⁹.

Только примерно с середины XVI в. положение начинает меняться. Особенно большое увеличение перелога в черносошной деревне мы наблюдаем в XVII в. Казалось бы, что увеличение народонаселения вообще исключало бы наличие переложных и лесом поросших земель. Но вступали в права другие факторы, уже социально-политические, которые нейтрализовали естественный процесс развития сельскохозяйственного производства и приводили к росту пустоты.

Не случайно, а именно в силу изменения социальной структуры северной деревни, писцы уже в 70—80-х годах XVII в. дают довольно дробную классификацию земельных угодий, в том числе и переложных земель¹⁰⁰.

Если в 1623 г. в Тотемском уезде все переложные земли подразделялись только на 4 группы (льготная паханая, льготная нераспаханная, пустая переложная и лесом поросшая), то в 1678 г. писцы дают более десяти градаций по их отношениям к системе земледелия и к формам землепользования. Это различные виды льготных пашен, преимущественно из запустевших угодий, полученных в пользование по воеводским и писцовым отводам. Далее перечисляются самые разнообразные виды оброчных земель. Доказательством тому, что все они даны во владение не из целины, служит прямое указание о передаче угодий в оброчное владение «из старой» и «из новой» пустоты. В первом случае говорится об использовании фонда запустевшей пашни по данным письма 20-х годов, а во втором речь идет о вновь образовавшейся пустоте в период между описаниями.

8. Социальные факторы и хозяйственное освоение земель

В ходе хозяйственной колонизации все большее значение, начиная с конца XVI в., приобретают социальные факторы. Особенно их влияние возрастает в XVII столетии. Группировка земельных угодий по характеру землепользования позволяет выявить этот процесс.

В схеме 4 к первой группе отнесены все полнотяглые и льгот-

---

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 137, кн. по Каргополю № 1, лл. 104—330; волость Личкова Шалга, лл. 201, об.—228.

¹⁰⁰ «Северная Русь. XVII в.», стр. 96—97.

но-оброчные угодья, владение которыми определяло основные платежи и повинности, исправное несение коих гарантировалось системой круговой поруки и другими мерами.

Во вторую группу включены все угодья, используемые на условиях индивидуального льготно-оброчного держания, а также покупные и все когда-то бывшие в хозяйственном обороте, но никем не взятые в пользование.

Наконец, третья группа земель составляла государственные земли. В XVII в. в черносошных уездах это государственные «черные» леса, отписанные «на государя» угодья, а в XVIII в. — государственные корабельные и другие лесные дачи, земли на оброке и предназначенные для сдачи в оброчное владение разным лицам пашни, сенокосы и леса.

Схема 4

Группировка земельных угодий по характеру землепользования

I. Полнотяглые и льготно-оброчные угодья деревни, волости	II. Льготно-оброчные и покупные угодья за отдельными лицами и пустующие земли	III. Казенных ведомств земли
---	---	------------------------------

I. XVI — первая половина XVIII в.

1. Пашня паханая	1. Усадебно-огородные на оброке	1. Пашни, перелог и лесом поросшие земли
2. Усадебно-огородные земли	2. Пашни льготно-оброчные, подсечные участки	2. Усадебные участки запустевших дворов
3. Пашни льготно-оброчные в долевым и общем пользовании	3. Сенокосы завитные и оброчные в индивидуальном владении	3. Сенокосы
4. Сенокосы вытные, завитные и оброчные, выгоны в общем пользовании	4. Леса оброчные	4. Леса
5. Леса	5. Пустые, никем не взятые в пользование угодья, ранее бывшие в хозяйственном обороте	

II. Вторая половина XVIII — начало XIX в.

1. Усадебные земли	1. Оброчные пашни из фонда казенных дач за отдельными лицами	1. Земельные угодья за казенными палатами и другими учреждениями, никем не взятые в арендное владение
2. Пашня	2. Оброчные сенокосы и леса	2. Корабельные леса и другие государственные земли

I. Поднотяглые и льготно-оброчные угодья деревни, волости	II. Льготно-оброчные и покупные угодья за отдельными лицами и пустующие земли	III. Казенных ведомств земли
3. Сенокосы	3. Оброчные сенокосы и леса за отдельными лицами	
4. Леса		
5. Неудобные земли		

Для выяснения социальной структуры землепользования основное значение имеет вторая, а в XVIII в. и третья группа угодий нашей схемы, а среди них — оброчные угодья. Известно, что практика владения «из оброка» в черносошных и дворцовых волостях довольно широко применялась.

Рассмотрим систему оброчного держания запустевших земельных угодий. С. Б. Веселовский справедливо отметил, что пустые выти и пустая земля «есть очень условная пустота». В действительности их распахивают и косят на них сено, с них платят оброки или выделный хлеб, а пустыми они являются только для пососного обложения, то есть они не положены в «живущее». Действительно, размеры пашни и сенокосов на пустошах, переложных и лесом поросших землях, используемых на оброчных условиях, в черносошных и дворцовых деревнях довольно велики, площади под ними все время возрастали. Так, в Тотемском уезде в 1619 г. было 6 четей оброчных пашен, в 1625 г.—42, в 1679 г. на оброке старой и новой пустоши было уже 2650 четей. Не все писцы, описывавшие северные уезды, одинаково квалифицировали и выделяли оброчные земли, поэтому получить сопоставимые данные трудно. Это объясняется тем, что было льготное держание с обязательством построить деревню и завести трехпольное хозяйство. В установленный для этого срок землепользователь вносил оброчные платежи.

Но была еще одна группа оброчных пашенных и сенокосных угодий, которая не являлась льготной. Это те перелог и пустоши, которые отдавались на условиях оброчного пользования без требований заводить трехпольное хозяйство, а пользоваться «до жильца», до того, как это угодье кто-либо возьмет на льготу, или до переобработки кем-либо «из наддачи» за более высокую арендную плату. Нередко писцы обе группы оброчных угодий объединяли (Двинский, Мезенский, Кеврольский и др. уезды)¹⁰¹. В Сольвычегодском уезде оброчные пахотные угодья попали по разряду «примерных пашен», которых всего по уезду в 1682 году оказалось 6329 четей в одном поле. Зато здесь выделено особо около 100 оброчных деревень и починков.

¹⁰¹ «Северная Русь. XVII в.», раздел 2.

В Вятских уездах станы и волости делились на тяглые и оброчные. Это разделение не носило территориального характера. Оброчные и тяглые деревни размещались чересполосно в одном и том же стане. Для нас пример Вятских уездов интересен тем, что в оброчных станах на оброке преобладали не запустевшие земли, а вводимые в хозяйственный оборот целинные земельные площади. Именно в оброчных станах больше починков и займищ. Оброчные владения — показатель интенсивности использования пастоты и введения в хозяйственный оборот новых земельных площадей. Оброчные пашни и сенокосы были на старопашотных землях и на новоросчистных. С оброчных угодий государство собирало большие доходы¹⁰².

Отдавая в льготное пользование пашни и сенокосные угодья, писцы, воеводы и волостной мир, как мы уже знаем из приведенных выше примеров, устанавливали сумму оброчных платежей. Это оброк с льготных угодий. Льготчик за установленный срок обязан был пустошь «ожилить», привести ее в соответствие со всеми требованиями к жилой тяглой деревне.

Оброчное владение не всегда обуславливалось такими требованиями. Но было одно условие, обязательное во всех случаях как срочной, так и бессрочной аренды — найма угодий из оброка — это держание «впредь до жильца и до перекупщика». По появлении желающего взять оброчный участок на льготу или в тягло арендатор из оброка обязан передать ему это угодье. Правительство в лице воевод и писцов могло объявить по своей инициативе переобработку, своеобразные торги «из наддачи» на оброчные угодья, передавая их во владение тем, кто согласится держать эти земли за более высокий оброк.

Чаще всего на оброчном владении были сенокосы, рыбные езы (участки для рыбной ловли), мельницы, но в XVII в., особенно со второй половины этого столетия, все чаще встречаем в источниках указания на оброчное держание пашни. В Уфтыгской волости Тотемского уезда перечислено 5 пустошей, которые расчищали, пахали наездом и сено косили там крестьяне безоброчно. Писцы положили на всех оброк до тех пор, пока на эти пустоши «жилец из тягла будет»¹⁰³. С середины XVII в. в этом уезде много пашни на оброке на повывах запустевших дворов. Зажиточная часть деревни в первую очередь прибирает к рукам недавно запустевшую пашню, не требующую еще трудоемких работ по расчистке от леса. А наличие большого поголовья скота в этих хозяйствах давало им возможность поддерживать плодородие на старопашотных землях, не прибегая к подсеке.

Особенно велики площади оброчных сенокосов (завытных и других оброчных). Это важно иметь в виду и при определении количества собираемого сена на один двор. Для этого необходимо раздельное исчисление сена вытного и завытного, как сделано

¹⁰² С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 1, стр. 471—472.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 1209, К-480, лл. 378 об.— 381 об.

это нами в таблице 20. В ней дано среднее количество копен того и другого сена, приходящегося на двор. Обеспеченность вытным сеном, за исключением Слободского уезда, везде почти одинакова (от 9,1 до 13,5 копны на двор). Зато более значительные колебания норм завытного оброчного сена — от 2,4 копны в Тотемском уезде до 48,8 копны в Сольвычегодском. Если нормы всего сена на двор определяют состояние в крестьянском хозяйстве

Т а б л и ц а 20

Сено в копнах на крестьянский двор в 20-е годы XVII в.

Уезды	Учтено дворов	На двор копен сена		
		вытного	завытного	всего
1. Тотемский	2439	9,2	2,4	11,6
2. Устьянские волости	1889	10,4	3,2	13,6
3. Важский	1438	12,4	8,5	20,9
4. Устюжский	7084	13,5	16,4	29,9
5. Слободской	947	23,3	7,8	31,1
6. Кеврольский	390	—	—	35,3
7. Сольвычегодский	3346	9,1	48,8	57,9

кормовой базы для животноводства, то нормы завытного, особенно других видов оброчного сена, позволяют глубже раскрыть социально-экономические явления в северной деревне. Вытная пашня, как и вытные сенокосы, распределялась между дворами в соответствии с долей деревенского владения, оброчные угодья сосредоточились в руках лишь небольшой части крестьян деревни. Это хорошо прослеживается по писцовой книге Сольвычегодского уезда, составители которой в 1625 г. в отличие от многих своих коллег, описавших другие уезды, четко выделили вытные и собственно оброчные угодья. Например, за дер. Княжей Пачеозерского стана, состоящей из 4-х дворов, на живущие 1,75 выты записано 60 копен вытного сена. А вот как распределялось завытное оброчное сено за крестьянами этой деревни. За Х. Ивановым пожня Веретейко «чищена вново» 2 десятины, за С. О. Чирковым, видимо, совместно с другими — 240 копен, да за ним отдельно по купчим — 59, 95 и 105 годов пожня Мухина Веретея — 50 копен, за Ф. Егуповым «с товарищи» пожня Лог и в разных местах 120 копен, да за ним же совместно с крестьянином из другой деревни — 15 копен, за С. Кирильевым — 25 копен, да за ним же «с товарищи» пожня Осока — 100 копен¹⁰⁴.

В XVI в. сена в оброчном владении еще мало. В тех случаях, когда объявлялись пустоши, то сенокосы, как и пашню запустев-

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1209, К-446, л. 169 об.— 170; 184 об.— 185, 192 об.— 196, 195 об.—196.

ших селений, предписывалось отдавать желающим во владение на льготных условиях. По мере роста пустоты все сложнее стало находить льготчиков, и начала преобладать практика оброчного владения.

Значительный рост сенокосных угодий, находившихся в оброчном пользовании, начинается с середины XVII в. Так, в Тотемском уезде в 1625 г. писцы завытное сено не выделяли. Судя по сумме оброчных платежей за сено, можно из общего количества 28410 копен выделить завытного всего 5900 копен (20,7%). В 1678 г. фонд завытного сена уже составил 32,3%, да, кроме этого, было на оброке 1532 копыны и предназначено передать в оброчное владение 1605 копен. В 1688 г. общее количество сенокосов уменьшилось почти на 16000 копен, но удельный вес завытного и оброчного сена поднялся с 32,3 до 36%¹⁰⁵.

По Важскому уезду в 20-е годы XVII в. по сохранившимся источникам Шенкурского стана и некоторых волостей других станов всего учтено 31347 копен, из них оброчных 13379, или 42%. От описания 1677—1685 гг. по этому уезду сохранились более полные писцовые книги. Всего в них значится 111006 копен, из них всех видов замерного и оброчного сена 57881 копына, или 52,5%. Такая же картина наблюдается во всех северных уездах.

Во время Генерального межевания отмежеванные у крестьян угодья вошли в фонд казенных оброчных земель. Так, в Тотемском уезде после межевания в числе оброчных угодий оказалось 32 деревни, более 130 пустошей и около 300 сенокосных пожен, наволоков и полян¹⁰⁶. Без Шуйской и Верховской волостей здесь на оброке было 2340 дес. пашни (4,4%), 3967 дес. сенокосов (16,7%), а также лесов и неудобных земель 384 тыс. десятин, всего 490503 дес., или 35,7% от общего фонда земель уезда. Из этого числа лесов, еще не отданных в оброчное владение, — 462 тыс. дес.

В Устюжском уезде удельный вес таких земель еще выше. Всего обмежевано 1443820 дес., из них сенокосов и лесов, не переданных во владение крестьянам, 911340 дес., или 63,1%, да сданных на оброк 63895 дес., или 4,4%, а всего 67,5%. В составе оброчного фонда пашни и усадебных земель 1240 дес. (2,1% к общему фонду всей пашни), сенокосов 4302 дес. (17,8%).

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1209, К-891, Список с писцовой книги Тотьмы с уездом 1687—1688 г.

¹⁰⁶ Например: «Казенная оброчная деревня Кокуева, что была пустошь, состоящая под ведомством Вологодской казенной палаты, 3 двора, 6 муж., 5 жен., под поселение 1400 саж., пашни 21 дес. 113 саж., сенного покосу 10 дес. 100 саж., лесу дровяного 90 дес. 1252 саж., неудобных мест 1 дес. 600 саж., всего 123 дес. 1065 саж.» (ЦГАДА, ф. 1355, д. 87, лл. 186 об.—187).

Наши выводы сводятся к следующему. Весь изучаемый период продолжалось хозяйственное освоение края. С точки зрения развития производительных сил в сельском хозяйстве можно выделить следующие три основных периода.

1. Время с начала славянской колонизации и до первой четверти XVII в. было периодом земледельческого освоения преимущественно естественно-удобных земельных площадей для сельского хозяйства. Тогда было освоено (с площадями «лесов пашенных», в ходе межевания обычно включаемых в «пашню») около 800 тыс. десятин под пахотные угодья и около 400 тыс. десятин под сенокосы (вместе с «лесами непашенными» и покотинами). Причем в первых трех зонах Поморья по темпам ввода в сельскохозяйственный оборот естественно-удобных земель можно выделить два этапа. До середины XVI в. наблюдается наиболее интенсивное освоение земель. К этому времени было введено в хозяйственный оборот в уездах ранней колонизации Поморья до 80—90% всех учтенных писцовыми книгами в конце первой четверти XVII в. угодий. В восточных уездах Поморья удельный вес освоенных для сельского хозяйства земель был ниже в 1,5—2 раза. Период с середины XVI в. до конца первой четверти следующего столетия характерен снижением темпов хозяйственного освоения лесной целины в силу использования наиболее пригодных для сельского хозяйства площадей, так и в связи с все возрастающим воздействием политических и социально-экономических факторов.

В практике землепользования в этот период получили дальнейшее увеличение до этого лишь эпизодически встречавшиеся новые типы земельных угодий (переложные и лесом поросшие пашни).

2. XVII—начало XVIII в.— это новый период в ходе хозяйственной колонизации земель края, характерной особенностью которого было завершение освоения большинства естественно-пригодных под сельское хозяйство земель во многих северных уездах. До этого сельское хозяйство развивалось экстенсивным путем. Преобладали по характеристике того времени средние по качеству пашни, еще мало выпаханые и требующие менее удобрений. В этих условиях объективно со всей остротой стала альтернатива — либо перейти к интенсивному ведению сельского хозяйства на уже пущенных в хозяйственный оборот землях, либо продолжать вести его экстенсивным путем, то есть расширять пахотные площади. А это требовало уже активного вторжения в «раменные» леса, требовало распашки лесной целины.

Под влиянием социально-экономических процессов, протекавших в Русском государстве и на Севере, происходило изменение социальной структуры северной деревни, совпадавшее с завершением освоения естественно-пригодных для сельского

хозяйства земель. Это усилило процесс перераспределения земельных угодий в пользу зажиточной части деревни и торгово-промышленных людей посадов. В первую очередь ими захватывались «пустые», заброшенные разорявшимися крестьянами пашни и сенокосы на условиях льготно-оброчного владения.

3. С середины XVIII в. до середины XIX в. — третий период хозяйственного освоения земель на Европейском Севере. Отмеченное к концу XVIII столетия расширение площадей пахотных и особенно сенокосных угодий отразило не только развитие производительных сил в сельском хозяйстве, но и было следствием иных принципов классификации во время межевания.

Источники не дают основания согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, согласно которой переложные пашни периода межевания были средством поддержания режима трехполья. В условиях Европейского Севера, а вероятно, и всей лесной части Русского государства, выпадение пашни паханой в перелог было следствием прежде всего социальных причин, вынужденной мерой, а не агротехническим мероприятием.

Межевание способствовало усилению ранее возникшего относительного малоземелья в северной деревне, созданию более широких возможностей для сосредоточения в руках зажиточной части крестьянства и купечества земель за счет фонда «казенных оброчных» угодий, содействовало усилению малоземелья, которое столь ярко характеризовало аграрный вопрос в XIX в.

РАЗВИТИЕ АГРИКУЛЬТУРЫ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Без тщательного и всестороннего выяснения закономерностей и особенностей развития всего комплекса производительных сил — этого «высшего критерия общественного прогресса»¹, без знаний конкретного исторического опыта в организации сельскохозяйственного производства невозможно в полной мере изучить сущность и эволюцию аграрных отношений.

Изучение исторического опыта земледелия — самой консервативной, по выражению К. Маркса, сферы материального производства, имеет не только научно-познавательное, но и практическое современное значение, когда происходит перевод многих сельскохозяйственных отраслей на промышленную основу. При этом советская историко-агрономическая литература исходит из того, что развитие производительных сил в сельском хозяйстве было, как неоднократно подчеркивал К. Маркс, исходным основанием возникновения и роста как материальной, так и духовной культуры всех древних народов.

В развитие производительных сил сельского хозяйства России северное крестьянство внесло немалый вклад, а сложившийся здесь опыт был широко использован в других районах страны, прежде всего за Уралом, на просторах Сибири. Свободный от личной крепостной зависимости черносошный крестьянин имел значительно больше возможностей для самостоятельного хозяйствования, совершенствования орудий земледельческого труда и агротехники. Борьба за совершенствование агрикультуры велась в сложных природно-географических условиях, в условиях тормозящего воздействия системы государственного феодализма с его неизбежными крепостническими тенденциями.

Вкладывая в понятие «агрикультура» весь комплекс мероприятий по совершенствованию сельского хозяйства, мы отобрали для рассмотрения такие ее стороны, которые убедительно характеризуют особенности развития производительных сил в сельском хозяйстве на Европейском Севере. В их числе история систем земледелия, соотношение и степень влияния на развитие систем земледелия плотности населения и земледельческих орудий, эволюция агротехники и др.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 220.

1. К истории систем земледелия на Европейском Севере

Учение о системах земледелия в России возникло во второй половине XVIII в. и продолжает развиваться в наши дни. Этой проблеме в последние 15—20 лет были посвящены докторская диссертация В. М. Слободина, монография Ф. С. Крохалева и специальная работа о подсечном земледелии В. П. Петрова². Эти вопросы получили отражение и в ряде частных исследований А. Л. Шапиро, Ю. М. Юргиниса, Ф. И. Резникова, Х. П. Стродса, В. М. Суринова, Н. А. Горской, Л. В. Милова и др.³ Грандиозные задачи, осуществляемые в социалистическом хозяйстве, стимулируют поиски наиболее оптимальных вариантов эксплуатации земли. В связи с этим понятен интерес к изучению истории систем земледелия, к разработке научных основ современного ведения полевого хозяйства⁴.

Однако в историко-агрономической литературе определились не только неоспоримые положения, но и существенные разногласия, в том числе в трактовке самого понятия «система земледелия»⁵. Большинство исследователей вкладывает в это понятие способ восстановления и повышения плодородия почвы. Но некоторые из них в «способ» восстановления почвенного плодородия включают только агротехнические приемы, а другие подразумевают под ними также и организационно-хозяйственные (экономические) мероприятия. Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, В. М. Слободин и др. исходят из того, что важнейшим фактором, влияющим на развитие и смену систем земледелия, является рост производительных сил общества, одно из проявлений которого состоит в развитии и совершенствовании земледельческой техники. Есть и иная точка зрения, считающая рост плотности населения и изменение рыночных условий главной причиной смен систем земледелия. Вероятно, необходимо учитывать все указанные факторы, в том числе и комплекс природных условий, от которых во многом находилось в определенной зависимости развитие производительных сил сельского хозяйства на первом этапе его становления.

² В. М. Слободин. История систем земледелия от их возникновения на территории СССР до Октябрьской революции. Свердловск, 1952. Работа частично опубликована в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.». Вильнюс, 1964, стр. 158—166, и в сборнике «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства», вып. IV, М., 1952, стр. 9—65; Ф. С. Крохалев. Системы земледелия. М., 1960; В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

³ Большинство работ опубликовано в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы» за 1959—1971 гг.

⁴ В 1967 г. междуузловская научная конференция уделила внимание классификации систем земледелия. В 1973 г. АН СССР и Академией ВАСХНИЛ проведена Всесоюзная научная конференция по изучению систем земледелия, их истории и современной практики. Опубликованы пока только тезисы этой конференции.

⁵ В. М. Суринов. Система земледелия как объект и элемент научного исследования.— «Ежегодник... 1966 г.», Таллин, 1971, стр. 286—297.

Обращаясь к системе земледелия на Европейском Севере, исследователи больше внимания уделяли подсеке. Это особенно характерно для работ, выполненных специалистами сельского хозяйства и краеведами дореволюционного периода. Они собрали богатый фактический материал о практике организации подсечного земледелия в северных губерниях в XIX в., безоговорочно распространив свои наблюдения и выводы на весь предшествующий период. На том основании, что подсечные участки земли после нескольких посевов забрасывались, а для новых подсек выбирались удобные места за 5—10, иногда и за 25—50 верст от заброшенных, делался безоговорочный вывод о прямой зависимости форм поселений от типа земледелия, о своеобразном полуоседлом образе жизни северного крестьянина. В третьем очерке мы приводили одно из самых примечательных высказываний на этот счет, принадлежащее П. П. Чубинскому⁶.

В другой работе полуоседлый образ жизни распространяется не только на коми и пермяков, но делается более широкое обобщение: «Забрасывание под заросль новин, с которых снимают только по одному урожаю, было довольно обычным явлением, когда жители Севера вели полуоседлую жизнь (разрядка наша. — П. К). Они занимали какое-либо урочище, истощивши земли, переселялись в другое урочище, поступая с ним так же, как и с первым. Лет через 50—55 они возвращались к первому месту жительства⁷.

Взгляды И. П. Щекотова и точки зрения таких дореволюционных исследователей подсечного хозяйства Европейского Севера, как С. А. Приклонский, А. Лалош, М. А. Большаков, Г. И. Куликовский, И. Н. Смирнов и другие⁸, опирались на известную дворянско-буржуазную теорию «бродяжничества» русского крестьянства, о которой мы уже говорили. С этой теорией тесно связана и точка зрения на подсечную систему земледелия, как на систему «бродячего земледелия», которой якобы сопутствовал и особый тип сельского поселения — починок. И только по мере утверждения пашенного земледелия «формируется переходный, промежуточный вариант, когда переселение с подсеки на подсеку, с починка на починок отходит в прошлое. Место поселения становится неизменным, приобретает стабильный характер. Починок преобразуется в деревню⁹.

С этим нельзя согласиться. Если бы это было так, то до

⁶ В. М. Суринов. Система земледелия как объект и элемент научного исследования, — «Ежегодник... 1966 г.», Таллин, 1971, стр. 131.

⁷ И. П. Щекотов. Лесопольная система хозяйства, — «Сельское хозяйство и лесоводство», 1884, № 11, стр. 184:

⁸ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884; А. Лалош. Сельская община в Олонецкой губернии. — «Отечественные записки», т. 112, № 2, 1874; М. А. Большаков. Община у зырян. — «Живая старина», 1906, кн. I—IV; Г. И. Куликовский. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. Петрозаводск, 1897; И. Н. Смирнов. Пермяки. Казань, 1890.

⁹ В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 1968, стр. 15.

конца XV в. источники отмечали бы абсолютное преобладание починков. И поскольку подсека в Карелии и Коми крае в XVIII—XIX вв. чуть ли не преобладала или, во всяком случае, как утверждают историки, занимала почти равное положение с паровым земледелием, тогда в этих районах и в XIX столетии должны были преобладать починки, а сама деревня была бы хозяйственно-неустойчивым типом сельского поселения. Но этого не было. Как нами показано в третьей очерке, экономическая и историческая устойчивость северной деревни определилась уже в XIII—XV вв. Факт интенсивного сельского строительства в конце XIII—XIV вв., когда земледелец, «отказываясь от подсеки... переходил к паровой системе земледелия», подтверждается исследованием Г. Е. Кочина и авторами первого тома аграрной истории Северо-Запада России¹⁰.

Исходя из всего сказанного, нам думается, что есть необходимость в первую очередь обратиться к выяснению особенностей исторического развития систем земледелия в этом регионе страны. Такая постановка вопроса не отвергает признания общей закономерной цикличности развития систем земледелия в лесной части Русского государства, в том числе и на изучаемой территории. Но земледельческое освоение Севера, осуществлявшееся благодаря народной колонизации из Ростово-Суздальской и Новгородской земель, где уже в то время определялась трехпольная система земледелия, вносило свои коррективы в развитие и соотношение различных систем земледелия. Переселявшиеся сюда крестьяне привносили в местную практику более высокую культуру земледелия.

О времени утверждения паровой системы земледелия в форме трехполья в лесной части Русского государства, включая различные районы Европейского Севера, о соотношении в период феодализма подсеки и паровой системы в исторической литературе до сих пор единого мнения нет¹¹.

---

¹⁰ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 129; «Аграрная история Северо-Запада России...», гл. 7 и 8.

¹¹ А. Д. Горский и Л. В. Черепнин считают, что уже в XIV—XV вв. подсека только сосуществовала трехполью, являясь одним из главных средств разделявания новых земель из-под леса (А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 37; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М., 1960, стр. 166—178). А. Л. Шапиро, интерпретируя акты материалы XIV—XV вв., приходит к выводу, что «при скудности и неопределенности показаний источников невозможно говорить о господстве трехполья или подсеки до конца XV в. (см. его статью в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы. 1963», Вильнюс, 1964, стр. 130). Г. Е. Кочин полагает, что со второй четверти XV в. наблюдается господство паровой зерновой системы с трехпольным севооборотом на большинстве территорий Северо-Восточной и Северо-Западной Руси («Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства». М.—Л., 1965, стр. 129—154). Авторы «Очерков истории Карелии» (т. I, Петрозаводск, 1957, стр. 83) считают, что в Карелии в XVI в. существовали две системы земледелия — трехпольная и подсека и т. д.

Общепризнано, что подсека как система земледелия в пределах лесных зон Восточной Европы предшествовала пашенному полевому земледелию¹². Как средство расширения пахотных угодий за счет лесных участков подсека на Севере существовала до XX в. Но развитие от нее к полевому земледелию в каждом районе происходило неодинаково. В том числе исторические, природно-географические и социальные особенности заселения и земледельческого освоения Европейского Севера могли определить и несколько иные стадии развития систем земледелия, а отсюда и иную степень их соотношения, чем это было в центре страны.

Нами в печати уже высказана гипотеза об ином цикле систем земледелия на Севере¹³. Суть ее в том, что крестьяне, приходившие сюда из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, в которых уже внедрялась трехпольная паровая система земледелия, стремились и на новых местах в первую очередь внедрять эту систему¹⁴. Это облегчалось тем, что на Севере было много рек и озер, по берегам которых располагались безлесные или поросшие кустарником земельные участки, естественно-пригодные под сельское хозяйство. В первую очередь здесь строились деревни, заводилась пашня. Историки животноводства признают, что местные северные породы скота выводились на базе тех пород, которые переводились сюда из мест выхода переселенцев. Поэтому для заведения пашенного земледелия сразу создавалась и животноводческая основа. В силу этого уже в первые века земледельческого освоения этого края отпадала необходимость заводить только подсеки земледелия, подсека начала сразу же применяться как средство расширения пашен за счет целины, а затем и для организации подсечного хозяйства на отдаленных от селений участках, наиболее пригодных для этих целей. И первое и второе не является классическим образцом подсечно-огневой системы земледелия, так как она здесь не была единственной, исторически не предшествовала русскому земледелию, а в лучшем случае сосуществовала с паровой системой (двухпольная, трехпольная), а затем и с плодосменом¹⁵.

¹² П. Н. Третяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 7, Л., 1932, стр. 1—39; В. П. Петров. Подсечное земледелие, Киев, 1968.

¹³ П. А. Колесников. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма. — «Материалы по аграрной истории Европейского Севера», вып. 3. Вологда, 1970, стр. 66—93.

¹⁴ Академик Б. Д. Греков, обратив внимание на различие ранними славянскими источниками озими и яри, счел основанием говорить «о пашенном устойчивом земледелии, весьма возможно, о трехпольной системе уже в XI—XII вв. (См.: «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.». М.—Л., 1946, стр. 37).

¹⁵ М. М. Богословский, прекрасно изучив Поморье XVII в., осторожно высказывается по поводу систем земледелия, а относительно подсечной он исходит из альтернативы: «Было время, когда по-видимому подсечная система земледелия была единственно практиковавшаяся в Поморье... (Указ. соч., т. I, стр. 166).

Мы согласны, что аборигены — финно-угры до прихода сюда славян занимались, главным образом, подсечным земледелием. Состояние орудий труда вынуждало начинать земледелие с подсеки новгородских и других славян в лесной зоне первоначального ареала расселения, что убедительно подтверждает древний славянский календарь с его «сичнем», «березозолом» и другой аналогичной терминологией. Но мы хотим подчеркнуть, что финно-угры и славяне были вынуждены с этого начинать и что это было задолго до XIV—XVI столетий, на которые падает наиболее интенсивное освоение земель под пашню на Европейском Севере.

В. В. Мавродин, рассматривая развитие производительных сил в земледелии восточных славян, указывает, что, «продвигаясь на север, северо-запад и северо-восток, заселяя обширные пространства лесной полосы Восточной Европы, обитатели более южных земель, Приднестровской и Приднепровской лесостепи — славяне — принесли сюда, в леса, на север, порожденные иными условиями жизни земледельческие орудия труда, формы земледелия, культурные злаки и т. п.»¹⁶. В такой же степени позже славяне Приильменья и Ростово-Суздальской Руси, заселяя обширные пространства Европейского Севера, принесли сюда как орудия труда, так и паровую систему земледелия. Потом, уже в конце XVI в., поморские крестьяне несли за Урал свой сельскохозяйственный опыт.

Можно прийти к выводу, что на изучаемой территории с самого начала стали находить распространение различного рода комбинированные системы земледелия. На это, кажется, впервые указал Л. В. Милов¹⁷, но он понимает такие системы, прежде всего, как сочетание трехпольного севооборота с периодическим забрасыванием почвы в перелог для восстановления ее естественного плодородия. Северные источники не отражают этого варианта, но сочетание трехполья, подсеки, элементов лесного перелога (последнее в Приуральских и южных вятских уездах) присутствовало. Такое сочетание обуславливалось природными условиями и социальными факторами.

Против очевидного факта существования подсеки на Севере до самой коллективизации возражать нельзя, это так и было. Даже в первые годы коллективизации, когда еще колхозы были мелкими, расширение пашни средством подсеки велось по такой же технологии, как и в старину. Отличие заключалось в том, что в XIX—XX вв. это расширение велось путем включения в пашню лесной целины. В XVI—начале XVIII в. — как за счет лесов, обычно расположенных вблизи «присель-

¹⁶ В. В. Мавродин. К вопросу о развитии производительных сил в земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытно-общинных отношений. — «Проблемы отечественной и всеобщей истории», изд. ЛГУ, 1969, стр. 38.

¹⁷ Л. В. Милов. О роли переложных земель... стр. 286.

ных» и «горных» пахотных угодий, так и за счет лесом поросших пашен на пустошах, на давно запустевших угодьях. Примеры того и другого варианта изобилуют во всех писцовых книгах, в актовой документации. В деревне Зыковке в 20-х годах XVII в. было 6 четей перелога и лесом поросшей пашни, к 70-м годам весь перелог распахан и расчищено еще вблизи от селения 4 чети. В дер. Ратчино за это время было вновь введено в трехпольное хозяйство большим лесом поросшего перелога 2 чети, в дер. Каликино — 2 чети, в дер. Исаево — 1 четь и т. д.¹⁸

Необходимо указать еще на одну роль подсеки, заключающуюся в том, что она являлась средством организации «новинного» земледелия в лесу, на отдельных от селений участках. Подготовив выбранный участок («новину»), крестьянин 1—3 года засеивал его льном, рожью, использовал под репище, а затем, после истощения почвы, забрасывал. Иногда навсегда, а некоторые такие места через 20—50 лет, когда выросал большой лес, вновь использовали для подсечного хозяйства¹⁹. В XVIII—XX вв. эта роль подсеки как раз была основной. Вся многочисленная литература о подсеке знает, в первую очередь, именно такое подсечное хозяйство. Но как нам представляется, неправомерно относить его к особой подсечной системе земледелия. Употребляя термин «подсечное хозяйство», мы подчеркиваем его лишь подсобное назначение на севере, хотя и играющее здесь огромную роль. В XVI—XVII вв. такие участки не всегда попадали в учет, затем до Генерального межевания во второй половине XVIII в. общей переписи земель не было, поэтому в источниках столь скудны сведения о площадях подсечных земель. Потом правительство стало запрещать выжигать леса, однако крестьяне продолжали вести подсечное хозяйство, так как все усиливающееся относительное малоземелье принуждало их к этому. В Яренском, Усольском, Олонецком и других уездах в XVII—XIX вв. подсека становилась не только важным, но прямо-таки необходимым средством расширения пашни, о чем свидетельствуют и источники XIX в.

Изучавшие во второй половине этого столетия, в период капитализма, состояние сельского хозяйства Вологодской губернии, отмечали рост малоземелья, нищету северной деревни, но не находили выхода из того кризиса, в котором находилось северное сельское хозяйство. Понимая архаичность подсечного хозяйства, учитывая его нерентабельность с точки зрения государственной экономики, агрономы, обследовавшие состояние земледелия в Яренском, Устьсысольском и Сольвычегодском уездах, в своем отчете все же писали: «Подсечное хозяйство можно признать при здешнем суровом климате более надежным и рациональным, чем трехпольная система хозяйства. Вот

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1208, К-486, лл. 482—553; К-483, лл. 5—87.

¹⁹ См.: В. П. Петров. Указ. соч., стр. 191—205.

главная причина, почему крестьяне, несмотря на строгие запрещения и преследования со стороны лесного ведомства, так упорно ведут его и дорожат им. По их отзывам, а также и местных других жителей, подсечное хозяйство очень много помогает в приобретении средств для пропитания и уплаты податей и если бы крестьяне им не занимались, то при наличном недостаточном количестве трехпольных пашен, они постоянно бы голодали...»

И далее они продолжают: «Ввиду такой существенной важности этого хозяйства в экономической жизни крестьян этих уездов, а особенно Устьсысольского, как более северо-восточного и холодного, следовало бы подсечное хозяйство не подвергать преследованию, а по возможности обусловить его тем, чтобы оно, сделавшись дозволенным со стороны правительства, не причиняло бы тех опустошений в лесах пожарами, какие до сего времени бывали. Можно положительно сказать, что при лесной пустынности и обширности северо-восточного края, не допускающей возможности прекращения самовольного производства подсек, и при той существенной важности, какую они имеют в экономической жизни крестьян, подсечное хозяйство как прежде производилось, так и на будущее время будет производиться крестьянами, какие бы меры правительство ни употребляло для прекращения этого хозяйства... так как, во-первых, в этом суровом климате урожай на подсеках гораздо вернее, чем на трехпольных пашнях, и, во-вторых, при производстве дополнительных наделов нет возможности отвести из казенных лесов, не делая большой чересполосности, такие сплошные пространства казенного леса, приграничивающие к наделенной земле, на которых бы крестьяне на будущее время могли вести подсечное хозяйство и не имели больше нужды для этого самовольно переходить за черту казенных лесов»²⁰.

Как видим, представители министерства ничего иного в тех условиях и не могли предложить, кроме рекомендаций узаконить сложившуюся практику подсечного хозяйства.

Длительное бытование подсеки, кроме уже перечисленных причин, объясняется еще и благоприятным фактором времени. Наибольшее напряжение труда в трехпольном хозяйстве на Европейском Севере падает на два периода летнего цикла, во-первых, на май — начало июня, во-вторых, на конец июня — сентябрь. Наиболее трудоемкие процессы при подготовке подсечного хозяйства выполняются в другое время года. Сохранившиеся хозяйственные книги северных монастырей и помещичьих имений, свидетельства современников²¹ указывают,

²⁰ ОПИ ГИМ, ф. 14, д. 4417. Отчет полностью опубликован Е. И. Индовой в «Северном археографическом сборнике», вып. 3. Бологда, 1973, стр. 235—299.

²¹ ГАВО, ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь), 673 — помещиков Межаковых, 11600 — помещиков Пановых. Сводные выборки из опубликованных работ смотрят в указанной монографии В. П. Петрова.

что рубка леса на выбранных подсечных участках проводилась зимой, но чаще всего в июне. Кстати, этот месяц отводился для рубки не только потому, что наступало относительно более свободное время от прочих земледельческих работ; многовековой опыт подсказал крестьянину, что от леса, срубленного летом, получается больше золы. Осенью, после жатвы, начиналось «теребление» поваленного леса, когда обрубают сучья и ветви, выбирают необходимые для хозяйства бревна и жерди, а затем равномерно по всей площади участка разбрасывают все, что будет сжигаться. Архангелогородец А. Фомин писал в трудах Вольного экономического общества еще в 1790 г., что «Сей срубленный лес остается на месте до того времени следующего лета, когда, по просушке его, придет, крестьянин с семейною помощью лес оный зажигает»²².

Но вернемся вновь к Генеральному межеванию, которое привело к росту малоземелья, хотя иногда и наделяло крестьян, казалось бы, высокой «пропорцией» земель — по 15 десятин на ревизскую душу.

Дело в том, что до Генерального межевания участки под подсеку и под росчисти для сенокосов крестьяне находили чаще всего вдали от деревень, иногда верст за 20—25. Это диктовалось потребностью выбрать наиболее пригодные для этих целей лесные поляны, а также запрещением властей использовать казенные леса для нужд крестьянского хозяйства. При межевании из таких земель были образованы казенные оброчные угодья. Крестьянам же отводились земли в размере 15-десятинной пропорции цельными дачами вокруг селений, поэтому многие прежние их росчисти оказались за пределами вновь нарезанных дач. Правда, и при этом крестьяне некоторых сельских обществ имели даже более 15 дес. на душу. Так, в Сольвыгодском уезде получили свыше 15 дес. 4,2% из общего числа деревень, в Яренском — 12,1%, в Устьсысольском — еще больше. Были селения, в которых на ревизскую душу приходилось от 16 до 60 дес., а в одной из дач Кайгородской волости даже по 79 дес.²³ И это на ревизскую душу. Целое богатство! Но крестьяне, увы, получив такие земельные площади, стали еще беднее. Они потеряли с таким трудом разделенные пашни и сенокосы вдали от деревень и получили вблизи лежащие малопригодные, просто неудобные площади. В результате, при таких больших наделах собственно культурной земли — постоянных пашен и сенокосов — стало меньше, чем было до межевания.

Выясняя эти вопросы, специалисты-агрономы отмечали, «что большая часть земель в таких многоземельных селениях, особенно в Устьсысольском уезде, состоит из лесных пространств, или болотистых, или же с чисто боровой бесплодной

²² «Труды ВЭО», ч. 10, СПб., 1790, стр. 123—138.

²³ ЦГАДА, ф. 1355, дд. № 158, 161 и др. Подсчеты по Экономическим примечаниям.

почвой, вообще неудобных ни для обращения под пашни, ни для сенокосов и даже малоудобных для пастбы скота... Поэтому крестьяне этих общин, нуждаясь в удобных землях для посева хлебов и в сенокосах, изъявляют готовность исключить из своих крестьянских дач и передать в лесное ведомство все те лесные пространства, которые негодные для пашен и сенокосов, чтобы взамен таких площадей получить из казенных дач, хотя и в меньшем количестве, но лесные площади более удобные. Так, 15 селений Кайгородской волости 4-х общин многоземельных, имеющих в своих дачах от 48 до 79 десятин на душу, желают, чтобы весь излишек сверх 15-ти десятин порции был отрезан в лесное ведомство, а взамен им даны были бы необходимые для них удобные земли в количестве всего 75 десятин из казенного леса. Крестьяне 11 селений, волостей — Керткеровской и Мординской, тоже желают, чтобы вся излишняя лесная площадь в количестве 15 тыс. была обратно передана в казну, а взамен даны крайне необходимые для них сенокосные угодья из оброчных статей, а также лесные площади, удобные для разработки под постоянные пашни и для подсечного ржаного хозяйства, а именно для крестьян Керткеровской волости 4197 десятин, а для Мординской 11274. Остальные многоземельные селения Устьсысольского уезда, нуждаясь крайне в сенокосах и в лесных пространствах, удобных для подсечного ржаного хозяйства, желают получить из казенных дач прирезки именно этого рода угодий, а из своих дач часть уступить в казну»²⁴.

Северный крестьянин готов был расстаться со своим «богатством». Но правительство не шло на это ни в XVIII в., ни позже. Вот почему открыто и тайно от лесного надзора велось подсечное хозяйство, без которого на одном трехпольном в наиболее северных поморских уездах прожить было невозможно.

Поэтому и соотношение трехпольного и подсечного хозяйств было разным. В Карелии и Коми краях оно если не было в пользу подсеки, то последняя имела более высокий удельный вес, чем в других районах. Но основной системой земледелия на Севере было, повторяем, трехпольное хозяйство. И крестьяне стремились расширять именно площади постоянных пашен.

Несколько слов о лесном переломе. Такой системы земледелия, самостоятельно существующей на Севере, не было. Если где и встречались случаи, которые близки к такой системе, то они были эпизодическим явлением, также вынужденным. Переломная система как бы дополняла подсеку. Под такой практикой в условиях Европейского Севера специалисты казенных палат XIX в. понимали использование площадей, разработанных средством подсеки, то есть когда подсечные участки не за-

²⁴ Указанная публикация Е. И. Индовой, стр. 281—282.

брасывались, а держались на учете. Через несколько лет после того, как на этом участке выросал кустарник и даже лес, его вновь рубили, выжигали, а участки засевали. Чаще всего такого рода практика использовалась при культивировании льна. Только в приуральской зоне Поморья лесной перелог как система земледелия, сопутствовавшая полевой системе хозяйства с трехпольным севооборотом, вероятно, имела место уже в XVII в. Во всяком случае, в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию и к камеральным описаниям мы находим указания на такого рода практику на «отхожих» землях. Наличие больших лесных массивов, пересекаемых реками, с естественно-удобными площадями под пашню на далеком расстоянии от селений позволяло применять лесной перелог. (См. приложение 3).

В камеральном описании Чердынского уезда мы читаем: «Пашенная земля песчаная и камениста, удабривают навозом они только приближенные к селениям поля через каждые два года, а прочие за отдаленностью и недостатком в наземе, также и по неспособной почве к хлебородию оставляют по снятии одного и двух высевов не паханными 10, 15, 20 и более лет, но потом опять употребляют под хлебопашество; орут простыми сохами на пласты два раза, боронят однажды»²⁵. Такие же записи по Осинскому и Оханскому уездам.

Высокие урожаи в первые 1—2 года на подсеке, конечно, не подвергаются сомнению. Но это все же не является доказательством ее преобладания, даже ее равного положения с пашенным земледелием. Подсека как система земледелия была не только глишком трудоемка, но и в уездах с наличием естественно-пригодных под пашню земель была экономически нерентабельна, что подтверждается сравнением затраченного труда и доходов с одной и той же площади пашенного и подсечного поля. «Севооборот», или период использования расчищенных изпод леса подсечных участков для посева хлебов, определялся 3—4 годами (а нередко, всего 1—2 годами).

В отличие от полевых систем колебание урожайности при подсечном земледелии чрезвычайно велико. В первый год посева на новине рожь давала урожаи сам-10—15—20 и более. Для поморских уездов в XVI—XVIII вв. наиболее типичная группа подсек была с урожайностью сам-8—12. Зато во второй, а тем более в третий годы урожайность все больше снижается, составляя в конечном итоге всего сам-1—2. После этого подсека при близком расположении от деревни использовалась под выгон для скота, более дальние участки — под сенокос или запускались под лес. Нормы высева на новине значительно меньше. Густота посева определялась правилом: «Сеите три зерна в конское копыто», что примерно требовало около 3 пудов ржи или пшеницы и, видимо, не более 6 пудов овса на

²⁵ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. I, д. 482, л. 62.

десятину. При трехпольном севообороте густота высева была в два раза выше²⁵.

Валовой сбор зерна с 1,5 десятин пашни трехпольного и подсежного хозяйства показан в табл. 21. В первый год цикла явное преимущество за подсекой, с нее получают 45 пудов ржи при норме высева в 4,5 пуда. С десятины трехпольного клина можно собрать 37,5 пудов при норме высева 14 пудов зерна. Во второй год с подсеки собирается только 30 пудов овса или ячменя при сборе 42 пудов зерна с трехпольного клина.

Словом, за три года на равной площади при подсежном земледелии можно было получить зерна 95 пудов, а при трехполье — 117 пудов. При цикле в четыре года соответственно: 105 и 159 пудов. При большем или меньшем урожае будут различны абсолютные величины, но тенденция остается одна.

Казалось бы, неисчерпаемые лесные просторы давали широкие возможности для разделки леса под пашню и получения высоких валовых сборов зерна. Но этими возможностями крестьяне просто не могли воспользоваться даже в те времена, когда они свободно могли делать займки под подсеки. Главным препятствием к этому была трудоемкость работ. Сопоставляя число рабочих человеко-дней, затрачиваемых на обработку десятины посева при подсежном и переложном земледелии, П. Н. Третьяков пришел к выводу, что «экономически является более выгодным обработать две десятины перелога, чем десятину при подсежном земледелии»²⁷. Еще разительнее затраты труда на десятину подсеки и обработку десятины пашни, вошедшей уже в трехпольное хозяйство. На расчистку десятины мелколесья в одну неделю требовалось от 16 до 24 человек. А вот расчет затраченного труда на обработку одной десятины лядины в середине XIX в.:

- 1 — Вырубка леса — 45 летних рабочих дней;
- 2 — Выжиг срубленного леса и уборка сгоревшего крупного леса для вторичного выжига — 45 ранневесенних рабочих дней;
- 3 — Вторичный выжиг и очистка лядины — 6 рабочих дней;
- 4 — Вспашка лесной сохой — 7 конных рабочих дней;
- 5 — Посев на лядине — 1 рабочий день;
- 6 — Боронование засеянной нивы — 3 конных рабочих дня;
- 7 — Уборка хлеба — 6 рабочих дней;
- 8 — Вывоз урожая, обмолот — 12 рабочих дней.

Всего 125 рабочих дней, из них 10 дней работы с лошадью. В другом случае было затрачено около 100 человеко-дней, но было больше работ с лошадью. Стоимость работ в денежном исчислении составляла от 96 до 150 руб.²⁸ Таким образом,

²⁵ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 177—183.

²⁷ П. Н. Третьяков. Подсежное земледелие в Восточной Европе. — «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 7, Л., 1925, стр. 36.

²⁸ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 187—191. В. И. Гомилевский. С Крайнего Севера Европейской России. — «Сельское хозяйство и лесоводство», 1878, № 5, стр. 50—51.

Валовой сбор зерна с 1,5 дес. пашни пахотной трехпольного хозяйства и с такой же площади подсеки (в пудах) *

Система земледелия	Севооборот	Цикл в 3 года						Цикл в 4 года					
		Рожь, пшеница			Овес, ячмень			Рожь, пшеница			Овес, ячмень		
		норма высева	урожай в самах	валовой сбор	норма высева	урожай в самах	валовой сбор	норма высева	урожай в самах	валовой сбор	норма высева	урожай в самах	валовой сбор
Подсечная	1 г.	4,5	10	45	—	—	—	4,5	10	45	—	—	—
	2 г.	—	—	—	10	3	30	—	—	—	10	3	30
	3 г.	—	—	—	10	2	20	—	—	—	10	2	20
	4 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	1	10
Итого		4,5		45	20		50	4,5		45	30		60
Полевая с трехпольным севооборотом	1 г.	5	3	15	9	2,5	22,5	5	3	15	9	2,5	22,5
	2 г.	5	3	15	9	3	27	5	3	15	9	3	27
	3 г.	5	3	15	9	2,5	22,5	5	3	15	9	2,5	22,5
	4 г.	—	—	—	—	—	—	5	3	15	9	3	27
Итого		15		45	27		72,0	20		60	36		99,0

* На подсеке вся площадь в 1,5 дес. засеивается одной из культур, в трехпольном хозяйстве 0,5 дес.— рожью, 0,5 дес.— овсом или ячменем и 0,5 — пар. Нормы высева на подсеке ниже, чем на постоянной пашне.

высокие урожаи на подсеках действительно факт неоспоримый. Но, увы, урожаи эти всего один год. Если разработанная лядина не пускается в трехпольное хозяйство, то она не только не рентабельна, но и убыточна.

Мы, конечно, не впадаем в ту крайность при оценке роли подсеки в истории земледелия, когда она рассматривается только как архаический пережиток, как архаическая форма ведения земледельческого хозяйства, при которой варварски уничтожались леса. В условиях лесного Севера подсека была основным средством экстенсивного развития земледелия.

Прогрессивный характер паровой системы земледелия в форме трехполя в начальный период своего внедрения никем не оспаривается. Она дала возможность иметь постоянную пашню и благодаря этому повысить производительность труда, получать больше продукции с одной и той же площади при меньших затратах. По подсчетам академика С. Г. Струмилина затраты на 1 дес. посева при паровой системе были почти в три раза меньше, чем при подсечной с применением конной вспашки (в сравнении с начальным этапом подсеки, когда не применялась конная вспашка, разница еще значительнее)²⁹.

Как ни сложно было вести пашенное земледелие, но оно заводилось во всех северных уездах, даже в самых суровых условиях по берегам Белого моря, о чем хорошо свидетельствуют сохранившиеся разрубные и веревные книги. В этих документах учитывались участки земли в каждом из трех полей. Неизбежно повторяющееся добавление после указания количества четей земли в одном поле «а в дву по тому ж» в документах XVI—XVII вв. не есть простое перенесение этого выражения документами из практики центральных уездов. Это отражает действительное наличие паровой системы земледелия в форме трехполя. Это, безусловно, не означает, что паровая система земледелия существовала только в форме трехполя. Были и другие различные типы севооборотов, ломавшие традиционное трехполье, о чем мы скажем несколько позже.

Прогрессивные черты паровой системы в форме классического трехполя вряд ли теперь кто отрицает. Но нельзя отрицать и тот факт, что вскоре после ее утверждения естественное плодородие почв трехпольного хозяйства стало быстро уменьшаться. Даже наличие парового поля не спасло от снижения качества пашни на близлежащих к селениям полях. Пашни «лучшие» становились «средними», а эти выпаживались и превращались в «худые». Например, при описании Устюжского уезда в 1625 г. 30044 чети пашни полностью пашенной земли было отнесено к категориям «средней», а 1808 — к «худой». Всего через 50 лет, при описании в 1678 г., к первой писцы отнесли только 3281 четь, но зато в категорию «худой» —

²⁹ С. Г. Струмилин. К истории земледельческого труда в России. — «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 56, а также «Очерки экономической истории России». М., 1960, очерк III.

более 20 тыс. четей. В Тотемском уезде за эти 50 лет площади «средних» земель уменьшились в два раза.

Особенно тормозило совершенствование трехпольного хозяйства чересполосное владение пашней. Веревные и разрубные книги Подвинья, фиксировавшие земельные владения каждого двора, иллюстрируют разрозненность различных хозяйственных объектов. Причина огромной разбросанности и дробности полей и сенокосов в том, что между небольшими участками пригодных под сельское хозяйство земель лежали неудобные для хозяйственного использования площади (болота, овраги, лесные лога и т. д.). К тому же лоскуты пашен, с таким трудом разделанные, имели неодинаковое качество почв, что вынуждало делить их еще и на полосы³⁰.

Чтобы ярче себе представить лоскутность полей, частей и полос, воспользуемся одним документом, относящимся к землепользованию крестьян дер. Котовальской Устьянской-Чадромской волости, расположенной южнее Двинского уезда. Первоначально здесь было два совладельца-складника: Федор Киселев и Лев Короткий. В 30-х годах XVII в. деревня находилась во владении складнического союза, состоящего из четырех лиц, проживающих в двух дворах. В одном дворе жили два внука Киселева, которые владели пашней сообща, в другом дворе — сын Короткого, владевший 1/3 деревни, и «новопришелец», приобретший долю в деревне и ставший членом складнического союза.

Пашня делилась на три поля: Каменное, Задворное и Верхнее у ручья. Каменное поле, в свою очередь, делилось на три полосы: головная, подголовок и озадонная. На головной полосе, принадлежавшей сыну Короткого, стоит его двор. Задворное поле состояло из двух частей: собственно поля и наволока у речки Глотовицы. Как поле, так и наволока разрезаны на три полосы: на полевой полосе внуков Киселева стоит их двор. Еще сложнее структура третьего, Верхнего, разделенного на две части дорогой «для проезду и для скотинного проходу», которое распадалось на пять частей, каждая из коих, в свою очередь, разбита на полосы: головные, подголовки и озадонные. Головные полосы считались лучшими, и поэтому они равномерно распределялись между складниками³¹.

✓ Скудные пашенные наделы, чересполосица трехпольного хозяйства, необходимость огромных трудовых затрат на разделке «новин» при все более жестких запретах государства выжигать леса под пашню → все это уже в XVII в. остро определяло объективную необходимость интенсификации земледелия,

³⁰ А. И. Копанев. Веревная книга Паниловской волости 1612 г. — «Северный археографический сборник», вып. 3. Вологда, 1973, стр. 380—401. См. также: М. В. Довнар-Запольский. Веревные и разрубные книги Северного края. СПб., 1905.

³¹ ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела ст. лет, 1631 г., д. 44; М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 166—167.

в первую очередь, совершенствования трехпольного хозяйства. ✓ Огромная заслуга в совершенствовании пашенного земледелия принадлежит черносошному крестьянству Центральной зоны Поморья. В суровых природных условиях Подвинья сложились благоприятные возможности для развития животноводства, что позволило хотя и на незначительных площадях, но уже в XIV—XV вв. вести зерновое хозяйство на основе паровой системы земледелия³². В XVI—XVIII вв. здесь господствующей системой была паровая с правильным трехпольем и с достаточным применением навозного удобрения.

Убедительным подтверждением этому служат материалы подворной переписи 1785 г. Архангельской губернии. Крестьяне Ракульской, Куростровской, Селецкой, Моржигорской и других волостей сообщали, что они «парят землю один год, а после не парят два года». И далее: «Насевают в первое (поле) рожь, во второе ячмень и более не засевают, а третье парят»³³. Крестьяне Зачачевской волости дают более пространный ответ о своей практике, учитывающей качество почв: «Которая матерая земля, то есть черноземная и суглины, то через три лета парят, а которая супесь и песчаная, то через два лета. А парят всякую севчую землю обыкновенно с весны и до июля месяца»³⁴.

На основании показаний подворной переписи Ф. И. Резников пришел к выводу, что уже в XVII—XVIII вв. в Придвинье постепенно складывалось и применялось 5 различных севооборотов.

1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип
Пар	Пар	Пар	Пар	Пар
Ячмень	Ячмень	Рожь-ячмень	Рожь	Рожь
	Ячмень	Ячмень	Ячмень	Ячмень
				Ячмень

При первом типе половина пашни не участвовала в производстве зерна, при пятом — только 25%. Преобладали 2, 3 и 4 типы, но развитие шло в направлении пятого типа севооборота. Здесь постепенно устанавливалась и соответствующая структура зернового хозяйства. В Холмогорской округе под рожью было 23%, под ячменем — 42,9%, под овсом — 0,1% и под паром 34%. Соотношение всех угодий в пользу сенокосов и высокоурожайные пойменные луга дали возможность вывести высокопродуктивную породу скота, иметь достаточно навоза для удобрений, получать высокие урожаи зерновых.

³² Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв. М., 1955.

³³ Государственный архив Архангельской области, ф. 396, оп. I, дд. 67, 68 и др.

³⁴ Там же, д. 68, лл. 47—55.

Крестьяне Устюженского и Тотемского уездов не имели таких высокоурожайных естественных лугов, какие были в Подвинье. Река Сухона с ее крутыми берегами, прорывая свое русло в мягком известняке, не образовала богатых лугами долин, не дала широких пойм. Поэтому в этих уездах зерновое хозяйство, уже в XVII в. втянувшееся в рыночные отношения и потому нуждавшееся в развитии пашни и в повышении урожайности, требовало особенно много удобрений. Но развитие скотоводства сдерживалось узкой кормовой базой. Все это побуждало крестьян не только расчищать новые площади под сенокосы, но и искать средства повышения валовых сборов сена с этих же площадей. В силу этого именно здесь впервые в России, да и во всей Европе, стали вводить травосеяние — посевы «палошника» (тимофеевки).

Вероятно, несколько позже, чем в Центральной зоне, начала меняться структура посевных площадей, вводится травосеяние и четырехпольный севооборот в Приуралье. Установлено, что с 20-х годов XIX в. в Сивенской экономике Всеволожских стали вводить с одними из первых в Прикамье посевы культурных трав (клевер, «тимотиграсс» — тимофеевка). Получив положительные результаты в травосеянии на своих полях, помещики старались распространить его и на крестьянские хозяйства вотчины³⁵.

В первое время травосеяние не нарушало традиционной системы трехпольного хозяйства, так как тимофеевку высевали на подсеках и переложных землях. Такая практика существовала и в 30—40-х годах XIX в. Она описана в отчете агрономов Астафьева и Целинского в связи с поездкой их в Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии для выбора места под северную учебную ферму.

Обследовав эти два уезда, относительно травосеяния они писали: «В упомянутых уездах производится это дело следующим образом: в лесу, на местах песчано-глинистых или глинисто-песчаных, вообще на местах низких и сырых, где растет в смешении ель, осина и береза, делаются подсеки и засеваются рожью с примесью тимофеевой травы. Трава эта родится прекрасно, дает в первые годы по снятии ржи от 100 до 150 пудов сена с десятины и даже более, и сенокос продолжается на хороших, т. е. несколько сырых и тучных местах лет до десяти, хотя изобилие его и уменьшается впоследствии. При настоящем положении нашего северного хозяйства от искусственного травостояния едва ли можно ожидать дальнейших успехов, потому что перевод его на постоянные пашни сопряжен, по нашему мнению, с большими затруднениями. В южной части Вологод-

---

³⁵ В. В. Мухин. Развитие сельского хозяйства в Уральской горнозаводской вотчине Всеволожских в первой половине XIX в. — В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, стр. 164—171.

ской губернии многие помещики ввели было в хозяйство свое сеяние кормовых трав, именно клевера, но большею частью оставили потом, найдя это для себя невыгодным. Причина этого заключается в том, что искусственное разведение кормовых трав, особенно клевера, требует почвы хорошо обрабатываемой, глубокой, и с так называемой старой силой. Только эти условия ручаются за успех травосеяния. Кроме того, что подобные почвы встречаются у нас довольно редко, уступив такую почву под травосеяние, необходимо уменьшить посев хлеба, потому что сеяние кормовой травы на одном паровом поле большей частью препятствует краткости нашего лета»³⁶.

Свои пессимистические выводы о включении травосеяния в севооборот агрономы подкрепляют ссылкой на бедность крестьянского хозяйства, на отсутствие средств для перестройки всей системы земледелия.

Вероятно, уже в XVIII в. в зажиточных крестьянских хозяйствах, имевших свои прикупные или арендованные земли, травосеяние включалось в трехполье, начинало ломать его, создавать первую попытку перейти к травопольному севообороту. Хотя это были единичные случаи, но они являются показателем интенсификации сельского хозяйства, показателем стремления перейти от обычного трехполья к более прогрессивным системам земледелия.

Представляет большой интерес выход в полевой клин такой пропашной культуры, как репа. Г. Е. Кочин, цитируя отрывок из переписной оброчной книги Важской пятины 1500 г. о культивировании репы не только на огородах, но и на полях, считает, что эти репища были на подсеках. Но опираясь на источники по другим пятинам, он допускает возможность разведения репы уже в XV в. и не на подсеках³⁷. О том, что репы выращивалось много во всех поморских уездах, свидетельствуют многие источники и показания крестьян во время подворной переписи в 1785 г. и записей об этом в примечаниях к камеральным описаниям. Указание на выращивание репы находим в анкетах всех волостей Подвинья. Причем крестьяне Зачачевской волости прямо указывают, что они «репу сеют на парах»³⁸. Составители камеральных описаний по Архангельскому уезду указывают, что в уезде «пашенная земля черная, серая, песчаная, глинистая и местами весной поднимается водою; удабривается навозом, ...летом орут ее и боронят по 3 и 4 раза. Сеют ячмень; часто рожь, репу и редьку»³⁹. Все это дает

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 389, оп. 5, д. 826, лл. 229 об.—230. Весь отчет опубликован Ф. И. Резниковым в кн.: «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. I. Вологда, 1971, стр. 328—343.

³⁷ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 88—89.

³⁸ Государственный архив Архангельской области, ф. 396, оп. I, д. 86.

³⁹ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. I, д. 479, л. 42. Также см. примечания по другим уездам, лл. 43—44.

основание считать, что репа в Архангельской губ. сажалась и в полевом клину, что было попыткой перехода к плодосмену.

2. Земледельческая техника в XVI — первой половине XIX века

Орудия труда в сельском хозяйстве и агротехника в современной литературе рассматриваются в тесной связи с развитием производительных сил в целом, учитывается взаимное влияние производительных сил и производственных отношений, исследуется разделение труда, изучается участие в изобретении новых орудий и во внедрении положительных агрономических приемов самого крестьянства. Исследователями применяется методика сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия⁴⁰.

В изучаемый период все сельскохозяйственные орудия по своему характеру относились к ручному производству. Отсюда, кроме выяснения истории изобретений и усовершенствований орудий, необходимо выяснить развитие процесса общественного и технического (внутрипроизводственного) разделения труда, так как «на базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»⁴¹.

Применительно к сельскому хозяйству Европейского Севера можно говорить, что тенденция к специализации обнаруживается уже в конце XVI в., когда спрос на продукты сельского хозяйства широко поднялся в самом Поморье как для своих нужд, так и для государства и купеческих корпораций (снабжение Сибири, промыслово-ремесленного люда городов и других пунктов, монастырей). Животноводческая специализация в Подвинье и в Присухонской долине, льноводство и хмелеводство в присухонских уездах, развитие во всех районах зернового хозяйства, производство продуктов на рынок в хозяйствах зажиточных крестьян, купечества и монастырей — все это требовало совершенствования трехполья, что трудно было сделать без совершенствования земледельческой техники.

Относительно того, какие усовершенствования орудий обработки почв сыграли решающую роль в переходе к паровой системе и определили ее относительно прогрессивный характер, в литературе имеется две основные точки зрения. По нашему мнению, правы те исследователи, которые придают в этом процессе

---

⁴⁰ Сошлемся на положительный опыт такого рода исследований: «Аграрная история Северо-Запада России...»; статья Н. А. Горской и Л. В. Миловой «Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII—второй половины XVIII в.» («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964», стр. 173—192).

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 428.

большое значение сохе с двумя широкими, снабженными «перьями» сошниками и с полицей, игравшей роль отвала⁴². Археологи во многих местах обнаружили части сошников с полицами от двузубых сох XIII—XV вв. Таким образом, в период перехода к трехполью такая соха с полицей уже широко использовалась. Она могла обрабатывать пахотный слой на достаточно большую глубину, успешно выполнять работу по заваливанию удобрения и по заделке семян⁴³.

После дополнения к сохе полицы усовершенствование пахотных орудий для лесных зон Русского государства продолжалось, хотя и медленно. Для выяснения эволюции сохи, как и вообще всей сельскохозяйственной техники, обратимся к изданному в 1967 году Институтом этнографии АН СССР историко-этнографическому атласу⁴⁴. Обобщая накопленный археологией и историей материал о развитии пахотных орудий, авторы дают яркую картину их эволюции от разных конструкций бесполичных сох к сохам с полицами, а от них — к сохам-косулям с более крупным лемехом, резцом и отвалом. (Косуля позволяла пахать на 9—7 см глубже, а ширина пласта увеличивалась с 27 до 32 см. Ею можно было успешно пахать более плотные почвы, поднимать новину, выгонные земли).

Появление сохи-косули засвидетельствовано документами уже с первых лет XVII в.⁴⁵ По существу на этом и завершается конструирование принципиально новых моделей пахотных орудий для лесной полосы Русского государства в период феодализма. К тому же сохи-косули, стоимость которых была в 5—6 раз выше стоимости обычной сохи, не всегда были по средствам для рядового крестьянского хозяйства. Но северные крестьяне стремились усовершенствовать пахотные орудия. Творческая конструкторская мысль северного земледельца проявила себя в создании различных вариантов той же сохи и ее деталей. И каждая новая деталь была плодом длительного обдумывания, практического опыта, приспособления к порайонным условиям поморского земледелия. Почти в каждом уезде была своя конструкция сохи. Так, холмогорская косуля отличалась от вологодской формой лемеха — более широкой — с кривым изгибом и отвалом из деревянной доски. В уездах, где основными пахотными орудиями были соха-односторонка и косуля, вместе с ними употребляли и ряд вспомогательных орудий. Например, в Сольвычегодском уезде для окучивания картофеля в XIX в. использовали соху

⁴² Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907; В. М. Слободин. Указ. соч., стр. 160—161; подробно обзор литературы см.: Г. Е. Кочин. Указ. соч., гл. 2.

⁴³ В. П. Левашева. Сельское хозяйство.—Труды ГИМ, т. 32; стр. 20—75.

⁴⁴ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Серед. XIX — нач. XX в.). М., 1967 (в дальнейшем «Русские».)

⁴⁵ Приходно-расходные книги 1608—1609 гг. Спасо-Прилуцкого монастыря (Г. Е. Кочин. Указ. соч., примечание на стр. 72).

с одним сошником треугольной формы («ординарец» или «соха одиношная»). В Вологодском и Холмогорском уездах для рыхления земли, вопаханной косулями, в качестве культиватора применяли трех- и пятизубые сохи. А сколько вложено конструкторской мысли при изготовлении различных типов сошников, ральников, лемехов! И все с учетом типа почв, назначения пашущих орудий⁴⁶.

Каждое конструктивно более удачное решение являлось вкладом в прогресс, в поступательное развитие сельскохозяйственной техники. Практика и вековой опыт показали самодеятельным конструкторам наиболее удачные решения. Все они, безымянные создатели той, для нас сейчас уже примитивной техники, но тогда достаточно совершенной, заслуживают огромного уважения. И не только одного уважения. Думается, что и конструкторам современных пахотных и уборочных сельскохозяйственных орудий не мешало бы еще и еще раз вдуматься в принципы, какими руководствовались северные умельцы. Этот учет каменистости и структуры почв, умение выбрать нужный строительный материал и максимально облегчить орудие в целях экономии силы лошади и землепашца и т. д. Даже борона, та самая борона, которая вызывает сейчас столько полусочувственной иронии по отношению к тем, кто ею когда-то пользовался, как она разнообразна по конструкции и своему назначению. Трудно придумать более подходящее орудие для обработки подсечного участка в первый год после выжиги леса, чем борона-суковатка. «Длинные и эластичные зубья такой бороны, только что сделанной из свежесрубленной ели или предварительно замоченной, проходили без облома у самых пней, над пнями, вокруг них, не оставляя ни одного необработанного кусочка... В связи с этим слово «примитивная», нередко прилагающееся к суковатке, не кажется нам оправданным. Простота не всегда равнозначна примитиву»⁴⁷.

Такова же эволюция и остальной сельскохозяйственной техники периода господства трехполья. В. И. Ленин, говоря с первобытной и средневековой технике, отмечал, что она «прогрессировала... с чрезвычайной медленностью»⁴⁸. Эта замедленность развития упиралась не столько в созидательные, конструкторские способности земледельца, сколько в общие социально-экономические и культурно-технические возможности. В силу этого создание и дальнейшее усовершенствование орудий и способов уборки, молотьбы и веяния развивалось по восходящей линии также в основном до середины XVIII в., до тех пор, пока трехполье и земледельческие орудия соответствовали друг другу.

⁴⁶ С. П. Жегалова. Материалы по истории земледелия и земледельческой техники Европейского Севера XIX в.—В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, стр. 475—500.

⁴⁷ С. П. Жегалова. Указ. соч., стр., 478—479.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597.

К этому времени были уже разработаны все известные основные модели, освоен технологический процесс. А далее уже шли лишь частичные изменения, принципиально мало меняющие ранее утвердившиеся схемы и модели.

Ручной способ жатвы оставался господствующим в хозяйстве северных крестьян и в период капитализма. Главным орудием жатвы были русские серпы зазубренной формы, известные уже в X—XIII вв. Хотя они непрерывно совершенствовались, но это не приводило к коренным изменениям производственного процесса уборки хлебов, который оставался все время ручным. Древнейшая форма косы — «горбуша» была известна уже в IX в. Модифицировался лишь нож горбуши, да и то за счет увеличения его размеров (в древности они были короче). Возможно, какое-то небольшое влияние на развитие сельского хозяйства, главным образом на создание кормовой базы, оказала коса-литовка, которая стала вытеснять горбушу в XV—XVI вв.

Складывание скошенных и сжатых хлебов в период позднего феодализма также претерпело мало изменений. Вероятно, до XVII в. снопы укладывались в крестцы, а с этого столетия преобладает укладка в «бабки» или суслоны. На Севере в дождливые лета снопы сушили на кольях, изгородях и других приспособлениях, в овинах. Молотьба все тысячелетие земледелия на Севере осуществлялась ручными орудиями. Безусловно, сами орудия и способы обмолачивания совершенствовались.

И в этом огромная заслуга той же пылливой мысли крестьянина, его опыта. Нельзя умалять важности самого небольшого усовершенствования, любого нового приема. Первоначально это было хлестание снопов о стойки, затем стали применяться вырубленные из березы сучья определенной формы, получившие наименование кичиги. На севере кичига применялась и в начале XX в. Наконец, своеобразной вершиной технического усовершенствования молотильного ручного орудия в большинстве крестьянских хозяйств стал цеп. И не вина, а беда крестьянина, что в условиях феодального способа производства технический прогресс был весьма ограниченным.

Только в конце XIX в. и в северных уездах, особенно в вятских, пермских, а также в Вологодском, Кадниковском и Грязовецком, стали появляться ручные, а затем и конные молотилки. Их владельцами были зажиточные крестьяне.

Веяние осуществлялось лопатой и решетом. Ручные и конные веялки в северных уездах у зажиточных крестьян появились только в самом конце XIX в. — начале XX в.

Гумно, гуменники как места для обмолаота известны со времен «Русской правды», и за тысячелетнее свое существование они остались в северных уездах почти без изменений. Ручные жернова были в каждом дворе. Ветряные мельницы появились, видимо, в XV в., а водяные упоминаются в документах XVII в.⁴⁹

⁴⁹ «Русские...», стр. 33—130.

Итак, конструктивные модели сельскохозяйственных орудий определялись и определились в период, когда паровая система земледелия в форме трехполья еще имела прогрессивное значение. Дальнейшее усовершенствование как системы земледелия, так и орудий труда в конце XVIII—первой половине XIX в. упиралось в необходимость изменения общественных отношений в стране.

3. Агротехнические приемы в полеводстве

Рост потребительной стоимости земли в связи с уменьшением естественно-пригодных земель для сельского хозяйства и ростом народонаселения диктовали необходимость целой системы агротехнических нововведений. Агротехника все время совершенствовалась, все время накапливался положительный народный опыт, немалая доля которого вошла в фонд русской агрономии.

Специализация сельскохозяйственного производства и связь с рынком ускоряюще влияли на внедрение новых агротехнических приемов. Так, выжившаяся уже в XVII в. тенденция на развитие животноводческой специализации в Придвинье создавала условия для высокой культуры земледелия и более устойчивой урожайности.

Особенно большое внимание уделялось изысканию средств на повышение плодородия почв путем применения навозного и других удобрений. На вопросы анкеты подворной переписи 1785 г. о системе удобрений крестьяне давали обстоятельные ответы. В Прилуцкой волости «унаваживают поле под всякой насев обоего хлеба скотским навозом», также «унаваживают болотную тундрою и мхом, только, во-первых, наваживают из болот во дворы и продержится тундра и мох во дворе годичное время или менее, и вывозят на пашню. Однако перед скотским навозом площе»⁵⁰. Крестьяне Зачачевской волости поясняют: «которые крестьяне за скудостью и недостатком сена, то возят из болот мох и черную из-под мху называемую тундру во дворы и надстилают скотского в поларшина рядом и скотом мнут с навозом. Через три недели и более и как сомнут так и потомуж другие ряды надстилают. И по крайней мере через полгода с навозом соединяется, у других и целый год. И так навоз вывозят на поля. Токмо скотского навозу хуже бывает»⁵¹. Применение торфа для приготовления своеобразных компостов и для удобрений отмечается в большинстве волостей Архангельской и Холмогорской округ, вероятно, отсюда компостирование стало распространяться и в другие районы страны, хотя и не получило широкого распространения до XX в.

⁵⁰ Государственный архив Архангельской области, ф. 396, д. 68, лл. 35—41.

⁵¹ Там же, л. 50.

В Мезенском уезде торф на удобрения не применялся. Видимо, естественные луга здесь удовлетворяли лучше потребность в кормах скоту, отсюда и был большой выход навоза⁵². О благополучном положении с сенокосами в Мезенском уезде можно судить по соотношению их с пашней (в это время там на 4999 дес. пашни было 9107 дес. сенокосов, а в Архангельском соответственно 5415 и 7536 дес.⁵³ В волостях, расположенных вблизи Архангельска, «черной земли и мхом не удобряют, а возят из Соломбалы и города летцину»⁵⁴.

Если просмотреть опубликованные статьи в трудах Вольного экономического общества за вторую половину XVIII в., посвященные вопросам удобрений полей, то наибольшее число местных авторов было из северных губерний (А. Засецкий, А. В. Олешев и др.)⁵⁵. А. Фомин из Архангельска опубликовал специальную статью «Описание изобретенного поселянами Архангельской губ. удобрения пашен торфом, называемым тундрой»⁵⁶.

Камеральные описания приуральских и вятских уездов отмечают давнюю практику навозного удобрения в трехпольном хозяйстве⁵⁷.

Народное почвоведение при выборе мест под пашню в лесу включало необходимость учитывать весь комплекс условий географической среды. И северное крестьянство накопило такой опыт, который вошел и в современную агрономическую науку. Этот опыт включал не только учет почвенных условий, но и топографическое положение, рельефа местности. На севере «даже на наилучшей почве нет урожая в непосредственной близости лесов». Этому мешало затенение от высоких деревьев, отсутствие необходимой циркуляции воздуха, вымерзание хлебов. Но и топографическое положение пашенного участка — не единственное благоприятное условие для земледелия. При выборе места под зерновые и лен крестьяне обращали внимание на породу леса, которая в свою очередь находится в тесной зависимости от плодородия и механической структуры почвы и ее влажности⁵⁸.

В присухонских уездах уже в XVII в. довольно четко определялась льно-хмелеводческая специализация, которая содействовала изменению традиционных форм трехпольного хозяйства и повышению производительных сил в сельском хозяйстве. Большая в этом заслуга крестьян Вологодского, Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского уездов. Накопленный льно-

⁵² Там же, ф. I, оп. 2, дд. 99—109.

⁵³ ЛОИИ, ф. 36, оп. I, д. 482, лл. 42—45.

⁵⁴ Государственный архив Архангельской области, ф. I, оп. I, д. 72, л. 4 об. (По В. Далю лещадь — плоская, гладкая и твердая мель; подвояная площадь из плитняка, оголяемая отливом; сланец, который колется).

⁵⁵ Труды ВЭО, 1766 г., тт. 2, 5, 1773 г., ч. XXIII и др.

⁵⁶ Там же, 1790 г., ч. X.

⁵⁷ ЛОИИ, ф. 36, оп. I, д. 482, лл. 52—56.

⁵⁸ И. П. Щеголов. Лесопольная система хозяйства. — «Сельское хозяйство и льноводство», 1884, № 10, стр. 71.

водами этих уездов многовековой опыт заслужил одобрение агрономов в XIX в. В одной из записок специалистов мы находим подробное описание этого опыта. Выдержки из этого документа мы считаем необходимым здесь дать, поскольку многое из сказанного применялось северными льноводами и в 20—30-х годах нашего времени.

«Для посева льна выбирались преимущественно лесные пространства с хорошей суглинистой почвой, поросшей лиственным лесом не старше 20-летнего возраста и имеющей на поверхности мало мха. На это последнее обстоятельство крестьяне главным образом обращают внимание при выборе места для посева льна, так как при толстом моховом покрове очень трудно выжигаются верхняя почвенная поверхность и урожаи льна бывают не надежны. Площадки, засеваемые льном (льнища — кулиги) обыкновенно бывают по своим размерам очень невелики, не более 1/3 десятины, и очень много таких, которые равняются 1/15 и даже менее, так что у одного и того же домохозяина таких льнищ бывает несколько. Никогда льнища не составляют сплошных пространств, а всегда отделяются одно от другого или участком небольшим леса или же безлесным пространством, на котором недавно был посеян лен и заброшенным под лесозарращение до известного возраста. Эти последние через 2—3 года после снятия льна зарастают травой и косятся до полного зарращения лесом. Вообще льняные подсеки всегда разбросаны незначительными отдельными площадками и занимают поэтому огромное пространство. После снятия одного урожая льна возвращаются обыкновенно на то же место через 15 и даже 30 лет, смотря по тому, как скоро вырастает лес...

Самый процесс обработки льнища заключается в следующем. Весной после окончания яровых посевов в половине мая срубают лес и при этом стараются срубить его пониже, оставляя пни не выше 1/4 аршина. Разложивши срубленный лес правильно, сплошь по всему льнищу, оставляют его сохнуть до следующего года. На другой год тоже с половины мая начинают выжигать подсеку и при этом прибавляют еще сухих дров, нарочно для этого заготовляемых, чтобы лучше выжечь поверхность льнища. Для этой последней цели поленья во время их сгорания не оставляют на одном месте, а стараются постепенно двигать по льнищу или, как крестьяне говорят, катать до тех пор, пока прогорит хорошо дерн. Работа эта, по словам крестьян, очень тяжела — необходимо несколько часов сряду пробыть среди огня, копоти и дыма, причем неизбежны ожоги тела и порча платья и обуви. Для такой удушливой работы необходим большой навык, и к ней крестьяне привыкают с малолетства. После выжигания поверхности льнища, уборки недогоревших поленьев и тщательной очистки слегка взрыхляют землю железными граблями и сеют лен. Дальнейшего ухода за льном не требуется почти никакого, и даже очень редко его

полют, так как сорных трав почти не бывает. Уборка производится с 15-го до конца августа. Урожай, смотря по погоде, бывает на пуд посева от 100 до 400 снопов, а со 100 снопов от одного до двух пудов чистого волокна. Лен здесь, кроме редко бывающих засух, ни от чего больше не страдает...»⁵⁹

Обработка пашни (вспашка, боронование) все время совершенствовалась. Характеристика состояния агротехники обработки пашни в хозяйстве черносошных и экономических крестьян отражена в материалах подворной переписи 1785 года и в кратких экономических примечаниях к камеральным описаниям. Сравнивая эти данные со свидетельством актового материала XVI—XVII вв., мы обнаруживаем известный прогресс в приемах обработки пашни, особенно в хозяйствах черносошных и экономических крестьян. В то же время можно прийти к выводу, что многие агротехнические приемы, перечисленные в конце XVIII в., использовались уже в XVII и даже в XVI в.

В 1785 г. крестьяне Архангельской губернии сообщают, что они применяют дву- трехкратную пахоту и многократное боронование. Глубина вспашки зависит от почв. В Ступинской волости Холмогорского уезда «земля песчаная, суглинистая, есть и черноземная, взаривает оную 3 вершка», а в Борисоглебской Матигорской волости почвы песчаные и глинистые потому «иные крестьяне взаривают оную на 5 вершков»⁶⁰. В целом преобладает вспашка в 3—4 вершка. В камеральных описаниях сообщается, что в Архангельском уезде пар летом «орут и боронят по 3—4 раза», в Холмогорском уезде «орут и боронят по 3—4 раза», в Холмогорском уезде «орут и боронят под озимой осенью и летом по дважды по трижды, а под яровой весной по одному и по два раза», в Мезенском уезде пар «орут и боронят по три и четыре раза»⁶¹. В Вятском уезде пашут землю «сохами под рожь по три, а весной под яровой по одному разу, боронят по столько же»⁶².

Троекратное вспахивание поля подтверждают поморские источники XVI в.⁶³ В порядных XVII в. встречаем обязательства «пары орати летом четырежды»⁶⁴. Интересны в этом отношении показания половничьих порядных в хозяйствах посадских людей и зажиточных крестьян. В них более подробно перечисляются все обязанности половников, которые определялись практикой агрономических приемов в собственно крестьян-

⁵⁹ «Северный археографический сборник», вып. 3, стр. 271—272.

⁶⁰ Государственный архив Архангельской области, ф. 396, оп. I, д. 68, лл. 7—17.

⁶¹ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. I, д. 479, лл. 43—45.

⁶² Там же, д. 482, лл. 52—56.

⁶³ В. П. Шляпин. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. I. Великий Устюг, 1912, стр. 155—156 (рядная дельная запись 1567 г.).

⁶⁴ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря XVI—XVII вв. — «Исторический архив», т. VIII, 1953, № 6, стр. 111.

ских хозяйствах⁶⁵. Вероятно, уже в XVIII в. в Подвинье стали применять занятый пар (в паровом поле сеяли репу). Совершенствовались свои местные сорта зерновых культур. Например, местный сорт ячменя в Архангельской губернии отличал короткий вегетационный период (90—105 дней), что особенно было важно для северной зоны. Примечателен с научной точки зрения факт, что в низовьях Северной Двины на протяжении веков имело место бессменное культивирование ячменя с применением навоза в пару⁶⁶.

Определился в изучаемый период ассортимент выращиваемых в крестьянском хозяйстве технических и огородных культур. Лен высевался не только на подсеках, но кое-где и на полях. Конопля и горох в небольших размерах высевались почти во всех северных уездах. На огородах выращивались капуста, лук, чеснок, редька, морковь, свекла, репа (последняя и в пару), в вятских уездах — огурцы и хрен. Почти одновременно с петербургским очагом картофелеводства, а возможно, и ранее, возник беломорский, куда картофель проникал с английских кораблей уже в середине XVIII в. (и не только в Архангельский, Холмогорский, Онежский уезды, но и в Каргопольский, вокруг Олонца)⁶⁷.

4. Вклад северного крестьянства в развитие животноводства

Животноводство и земледелие всегда были двумя взаимосвязанными отраслями сельскохозяйственного производства любой природно-экономической зоны. Исследователи сельского хозяйства Северо-Западной и Северо-Восточной Руси с большой убедительностью показали, что животноводство уже в XIII—начале XVI в. было необходимой частью крестьянского хозяйства. Лошадь на Руси в указанный период была основной тягловой силой во всем народном хозяйстве. Крупный рогатый скот — коровы, быки и молодняк (телята), имевшие в летописях общее наименование «скот», также имели повсеместное распространение.

Естественно, что заселявшие Европейский Север крестьяне, переводили сюда и скот. Вероятно, обвинская порода лошадей берет свое начало из Новгорода и Пскова⁶⁸. На новом месте — в Приуралье, в бассейне р. Обвы, эти лошади уже в XVI в.

⁶⁵ А. В. Камкин. Порядные крестьян-половников поморских уездов в XVI—XIX вв. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. 3. Вологда, 1970, стр. 100—107.

⁶⁶ Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины..., стр. 90.

⁶⁷ В. С. Лехнович. К истории культуры картофеля в России. — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II, М., 1956, стр. 275.

⁶⁸ М. Е. Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. М.—Л., 1954, стр. 30.

пользовались заслуженной славой. Начало развития скотоводства в Каргопольщине, в Двинской и Важской землях, первое появление крупного рогатого скота на Печоре связано с заселением этих мест славянами, приходившими сюда из района Новгорода и с Верхней Волги.

Проведенные обследования северного лесного скота дают возможность выделить ареалы распространения на Европейском Севере аборигенного крупного рогатого скота, берущего свое происхождение от древнефинского и древнерусского. Я. И. Хавесон высказал мнение, что такие группы аборигенных животных, как ленская по реке Вычегде, пермяцкая, повенецкая, кокшенигская — преимущественно древнефинского происхождения. «С другой стороны, выделяются группы скота преимущественно новгородского и верхневолжского древнерусского происхождения. К такого рода животным приходится отнести истобенский скот бывшей Вятской губернии, ярославский домшинский — бывшей Вологодской губернии и шелонский — бывшей Новгородской губернии»⁶⁹.

В специальном исследовании, посвященном холмогорскому скотоводству, Ф. И. Резников убедительно опроверг долгое время главенствующий в зоотехнической и исторической литературе взгляд, что холмогорский скот является продуктом скрещивания нижнедвинского скота с голландским, и доказал его аборигенное происхождение. Автор указывает, что начало развития скотоводства на С. Двине связано с заселением Севера славянами, что холмогорский скот, изменяясь и совершенствуясь, сыграл большую роль в образовании некоторых отечественных пород крупного рогатого скота, в том числе тагильской и истобенской⁷⁰.

На основании показаний источников и специальной литературы сейчас уже можно воссоздать многовековой исторический опыт двинского крестьянства в животноводстве. Начальный период формирования холмогорского скота относится к XVI—XVII вв., когда уже определялся местный прогрессивный опыт кормления, содержания, ухода и характера использования скота.

Богатые заливные луга Придвинья использовались под сенокосы и пастбища. Сено с заливных лугов по урожайности и питательности, как считают специалисты, не уступает искусственным лугам с многолетними травами. Кроме сена, в корм крупному рогатому скоту давалось немного ячменя в запаренном виде и ржаной муки для присыпки, утром давали парево или заварку из сена, прибавляя к ней гущи и соли. Возникновение способа приготовления сена запариванием горячей водой на

⁶⁹ Я. И. Хавесон. К истории северного лесного скота. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, стр. 378. Также: П. А. Рочев. История развития молочного животноводства на Печоре. Л., 1967.

⁷⁰ Ф. И. Резников. История холмогорского скотоводства. Архангельск, 1957, стр. 3.

Двине подтверждается писцовой книгой М. Вильяминова за 1623—1624 гг., в тексте которой среди крестьянских построек названо специальное помещение для приготовления теплого корма скоту — «паревная». Крестьяне не только знали о необходимости солевой подкормки, но и правильно определяли нормы соли для скота. Конечно, в неурожайные годы использовалась в корм и солома, однако последняя не являлась основным кормом, как это было в крестьянских хозяйствах центральных губерний. Не случайно, что при разведении холмогорского скота, вывезенного в дворцовые села, стремились воссоздать для него условия, существовавшие на его родине⁷¹.

С учетом суровых климатических условий складывался опыт содержания скота в зимнее время. Для этого строились хорошо приспособленные теплые помещения для животных. Содержание скота на навозе с подстилкой из соломы и торфа, непосредственное соседство с жилым домом обеспечивало тепло в помещении. Уже в XVII в. начался практиковаться откорм телят молоком для продажи, сложились эффективные приемы выращивания молодняка. С середины XVIII в. практиковалось выкармливание телят как предназначенных на мясо, так и особенно на племя не подсосным методом, а выпойкой. Были выработаны приемы кормления и содержания быков-производителей.

Холмогорский скот вывозился не только в другие губернии страны, но и за границу. В середине XIX в. был предложен проект учреждения казенного племенного завода холмогорского скота, однако он был отвергнут Архангельской палатой государственных имуществ, которая считала, что без выписки иностранного скота невозможно дальнейшее улучшение отечественной породы.

Сейчас холмогорская порода скота одна из самых продуктивных молочных пород. И в этом огромная историческая заслуга двинского крестьянства.

5. Северная учебная ферма

Во второй четверти XIX в. со всей очевидностью стало проявляться кризисное состояние феодально-крепостнического хозяйства дворянской империи. Крепостнические производственные отношения тормозили развитие производительных сил и были основной причиной отсталости страны, в частности важнейшей отрасли ее экономики — сельского хозяйства. В этих условиях правящие круги, особенно наиболее дальновидные представители их, пытались предотвратить дальнейшее углубление этого кризиса. Даже такая одиозная фигура царизма, как граф

⁷¹ Ф. И. Резников. История холмогорского скотоводства, стр. 40—42.

А. Бенкендорф, в конце 30-х годов говорил о необходимости сверху «начать когда-нибудь и с чего-нибудь».

В поисках этого «чего-нибудь» предпринимались и некоторые меры по улучшению сельскохозйствeнного производства. Вольное экономическое общество, отражавшее интересы дворянства, в 1824 г. изменило свой устав. В этом и последующих уставах предусматривалось «более широкое использование всех возможностей для распространения практических знаний в области сельского хозяйства», открытие земледельческих и «рукодельных» школ, организация сельскохозйственных выставок и др.⁷²

Президент этого общества граф Н. С. Мордвинов, являясь автором одного из крепостнических проектов о государственных крестьянах, все же понимал необходимость распространения знаний, принятия срочных мер к повышению производительности земледелия. В неурожайном 1833 г. он подал царю очередную записку; в ней, как и в записке, поданной незадолго до восстания декабристов, рисовалась мрачная картина состояния сельского хозяйства России, в частности, указывалось, что русские крестьяне «пашут, сеют, жнут, как пахали, жали за столет тому назад». Мордвинов ходатайствовал о выделении Вольному экономическому обществу 78 тыс. рублей ассигнациями для обучения молодых людей практической агрономии в России и за границей. В результате был учрежден Комитет об усовершенствовании земледелия в России под председательством Мордвинова. Комитет пришел к заключению о необходимости издания земледельческой газеты, открытия нескольких сельскохозйственных учебных заведений с опытными усадьбами, создания особого «департамента земледелия»⁷³.

В 1837—1841 гг. была проведена первая в России крестьянская реформа. Она касалась только государственных крестьян. Управление этой категорией крестьянства было изъято из ведения Министерства финансов и передано созданному в конце 1837 г. Министерству государственных имуществ. В компетенцию нового министерства входило «попечительство» над государственными крестьянами, а также «приведение в действие хозяйственного устава, составление хозяйственных капиталов для измерения земель, для устройства образцовых ферм и для поощрения земледелия... покровительство обществам сельского хозяйства, распространение новых более эффективных агрономических методов»⁷⁴.

28 мая 1841 г. было утверждено положение «Об учреждении учебных ферм» — низших сельскохозйственных учебных заведений. На них возлагалась задача «путем ведения образцо-

⁷² В. В. Орешкин. Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. М., 1963, стр. 23.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 560. Общая канцелярия министра финансов, оп. 12, д. 64.

⁷⁴ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М., 1946, стр. 524—526.

вого хозяйства распространить усовершенствование сельского хозяйства вообще и в особенности между государственными поселениями». Первоначально было открыто пять учебных ферм, а затем их число было доведено до восьми, в том числе и Северная (Вологодская) учебная ферма, которая была учреждена в 1842 г., а официально открыта в 1843 г.⁷⁵

Учебные фермы создавались на средства Министерства государственных имуществ. Число воспитанников устанавливалось на каждой ферме по 75—150 человек из государственных и по 25—50 человек — из помещичьих крестьян. Первые обучались бесплатно, вторые — за небольшую плату, которую должны были вносить помещики. Предписывалось набирать сначала желающих, а потом сирот и одиночек в возрасте 17—20 лет. Срок обучения был определен в 4 года. Правительство предполагало также устраивать образцовые крестьянские усадьбы первоначально по одной в губернии, затем — в каждой волости и даже в каждом сельском обществе, в которых следовало селить выпускников ферм, чтобы они показывали пример ведения улучшенного хозяйства окружающим крестьянам.

Департамент сельского хозяйства пытался организовать такие усадьбы, особенно в северных губерниях. Так, для усадьбы выпускника Вологодской фермы П. Кренделева был разработан четырехпольный севооборот по 2 дес. в каждом клоне (пар с картофелем — рожь — яровые — клевер). Кроме избы на каменном фундаменте, усадьба должна была иметь скотный двор, амбар, овин, гумно, баню. На устройство усадьбы предполагалось выделить 65 рублей серебром.

Однако уже с первых шагов эти планы сельскохозяйственного просвещения и организации образцовых усадеб вступали в противоречие с жизнью. Крестьяне неохотно отдавали детей для обучения на ферме, видя в этом своеобразную стеснительную повинность. Принудительная разверстка на выделение воспитанников в ряде случаев была толчком для возмущения государственных крестьян, которые, как известно, ответили на реформу 1837—1841 гг. серией бурных протестов и волнений. Помещики также неохотно отдавали своих крестьян в обучение. В результате за все время существования ферм ни одна из них не была укомплектована полностью. Особенно большие трудности возникли в связи с организацией образцовых усадеб.

Управляющий Северной фермой Ф. С. Кен сообщал департаменту, что общинное землепользование и господствовавшие трехполье и чересполосица затрудняли применение новых севооборотов и усовершенствований в хозяйствах выпускников фермы, а для устройства особых образцовых усадеб сельские общества обычно отказывали выделять земельные участки. По

⁷⁵ Подробнее: П. А. Колесников. Северная учебная ферма. В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР, сб. VII, 1969, стр. 239—264.

этим причинам планы создания показательных хозяйств осуществлялись с большим трудом. Постигла неудачу и попытка учредить усадьбу для П. Кренделева.

За все время существования учебных ферм в России было организовано всего восемь образцовых усадеб. На Севере имелось лишь одно такое хозяйство — в Уржумском уезде Вятской губернии. Организовал образцовую ферму зажиточный государственный крестьянин М. А. Максимов. Это было крупное хозяйство, имевшее 84 дес. земли, в том числе под пашней 31 дес., под сенокосом — 15, под огородом и фруктовым садом — 4 дес. Наличие в хозяйстве 10 голов лошадей, 15 голов крупного рогатого скота холмогорской и тирольской пород и более 40 овец позволило получать необходимое количество навоза, хорошо удобрять землю и собрать довольно высокие урожаи. В 1855 г. урожаем озимой ржи (канадской и шведской) составил в среднем сам-12, кубанской пшеницы — сам-10, овса арабского — сам-11. Высевались сибирская чечевица, горох, греча, лен, конопля. Это было типичное предпринимательское хозяйство, которое велось наемными рабочими. Постоянных наемных годовых батраков имелось 10 человек, в том числе 6 мужчин и 4 женщины, да в период жатвы нанималось по 16 сезонных рабочих в день. Хозяйство было рентабельным. Общий годовой доход составил 521 руб. 20 коп., а чистая прибыль — 31 руб. 82 коп.⁷⁶

Хотя итоги «просветительного попечительства» в общегосударственном масштабе были незначительны, мы не вправе игнорировать конкретный опыт сельскохозяйственных учебных заведений того времени. История этих учреждений позволяет в известной мере ознакомиться с сельскохозяйственным опытом предреформенной России.

Под Вологодскую ферму было отведено из Борисоглебской казенной лесной дачи 1348 дес. 1341 кв. сажень. В основном эта дача состояла из леса, частично расположенного в низине. Распаханной земли было только 10 дес. и около 70 сухих лугов и лесных полей. Отводя эти земли, требующие больших затрат труда и капиталов, устроители ее исходили из того, что ферма должна показать пример хозяйства в лесистом крае и на большой площади.

Подготовительные работы велись целый год. После сооружения жилых и учебно-хозяйственных помещений были приняты на ферму первые 28 воспитанников.

Во главе учебно-хозяйственного учреждения, имевшего около 1400 дес. земельных угодий и более 100 воспитанников, в штате административно-должностных лиц было всего три человека: управляющий, его заместитель и письмоводитель. В 1853 г., когда было 117 воспитанников, в штате состояли учитель русской грамматики, арифметики и закона божьего Якубов, ветеринар Фрост, фельдшер Никитин. На штатной службе

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 20, 1856 г., д. 6827, лл. 21—29.

состояли пчеловод Яновский, надсмотрщик полевых работ Емашевич, надсмотрщик полевых работ и льновод Козлов, надзиратель за воспитанниками Маслов.

Структура сельского хозяйства фермы отражала специфику земледелия Севера России того времени. На первом месте стояли полеводство и животноводство. Луговое хозяйство должно было обеспечить кормами скот, а огородничество, садоводство и пчеловодство имело подсобный опытный характер, хотя эти отрасли хозяйства и достигали по тем условиям значительных размеров.

Начиная эксплуатацию отведенных под ферму низменных, болотистых земельных угодий, организаторы уделяли особое внимание освоению севооборотов. При этом в основу был положен принцип, чтобы севообороты служили образцом для окрестных крестьянских и помещичьих хозяйств нечерноземных губерний и удовлетворяли бы нужды самой фермы. Уделяя большое внимание животноводству, при выборе севооборотов особое внимание обращали на возделывание кормовых трав, «дабы пополнить недостаток летнего и зимнего корма скоту». В то же время на запашках предполагалось оставить достаточно места для посева зерновых, разведение которых в этом климате возможно и сбыт которых обеспечивается местной потребностью. Первоначально намечалось освоить три севооборота. Это семипольный севооборот по 20 дес. в каждом поле (пар удобренный, рожь с красным клевером в смеси с тимофеевкой, травы на укос, еще травы на укос, выгон, еще выгон, овес и лен). Затем осваивался пятипольный плодосменный севооборот по 10 дес. в каждом поле (картофель по удобрению с осени, яровое с клевером, клевер на укос, пар с половинным удобрением, рожь). Чтобы можно было наглядно показать преимущество многополья, были заведен и обыкновенный трехпольный севооборот по 10 дес. в паровом, озимом и яровом полях.

К началу 50-х годов XIX в. расчистка и распашка земель в соответствии с намеченными севооборотами были завершены. Вместе с этим опыт выдвинул необходимость пересмотреть севообороты. Особенно неудобным был признан пятипольный плодосменный севооборот, который требовал удобрения навзном ежегодно 10 дес. под картофель, к тому же клевер после яровых оставался на укос только на один год, а между тем на второй год он часто давал более обильный урожай, чем в первый.

В 1853 г. Департамент сельского хозяйства одобрил предложение об устройстве следующих севооборотов (табл. 22)⁷⁷.

Кроме того, было два трехпольных севооборота: один простой на площади в 6 дес., второй улучшенный на площади в 9 дес. Представляет интерес улучшенный трехпольный севообо-

⁷⁷ ЦГА СССР, ф. 398, 1853 г., д. 5641, лл. 1—59; Ф. С. Кен. Обзор действий Северной учебной фермы Вологодской губернии с основания до 1854 г. СПб., 1856, стр. 5—10.

рот с травосеянием, который рекомендовался для образцовых хозяйств (табл. 23).

Конечно, с точки зрения современных требований можно предъявить ряд обоснованных критических замечаний в адрес фермерских севооборотов. Особенно это можно адресовать к шестипольному севообороту, к столь расточительному использованию пласта клеверища, после которого следовал пар. К сожалению, имевшиеся в нашем распоряжении документы не дают возможности выяснить детального обоснования каждого севооборота. Но и при всех видимых недостатках в ведении хозяйства мы вправе высоко оценить достигнутые в сравнительно короткие сроки успехи в трудных условиях Севера. Имея первоначально только 10 дес. пашни, здесь довольно быстро освоили и закрепили пять севооборотов общей площадью более 200 десятин.

Т а б л и ц а 22

Севообороты Северной фермы в середине XIX в.

Семипольный выгон	Шестипольный плодосменный	Пятипольный
Пар удобренный	Картофель по полному удобрению	Пар, удобренный с осени
Рожь с красным клевером в смеси с тимофеевкой	Яровые с клевером	Весной вико, а по снятии ее — рожь с травами
Травы на укос	Клевер на укос	Травы на укос
» » »	» » »	» » »
Выгон	Пар без удобрения	Овес
»	Рожь	
Овес и лен		
В каждом поле по 20 десятин	В каждом поле по 5 десятин	В каждом поле по 4 дес.
Всего 140 дес.	Всего 30 дес.	Всего 20 дес.

Большой интерес представляют соотношения культур по площади. В табл. 24 частично включена площадь под огородом и опытными полями (около 4-х дес.), где выращивались картофель, овощи, многолетние травы, но не включена земля под садом (12 дес.)

Как видим, структура посевных площадей отражала специфические особенности нечерноземной зоны вообще и конкретные особенности земельных угодий фермы (низинное расположение полей), а также обосновывалась агротехническими соображениями. Последние довольно продуманны, особенно если учесть, что ферма должна была вести свое хозяйство рента-

Улучшенный трехпольный севооборот с травосеянием

Год	Клин 1		Клин 2		Клин 3	
	Участок а	Участок б	Участок а	Участок б	Участок а	Участок б
1	Пар с обычным удобрением	Пар сильно удобрённый		Р о ж ь	Яровое	Яровое с клевером
2		Р о ж ь	Яровое	Яровое с клевером	Пар сильно удобрённый	Клевер на сено, а потом пар
3	Яровое	Яровое с клевером	Пар сильно удобрённый	Клевер на сено, а потом пар		Р о ж ь
4	Пар сильно удобрённый	Клевер на сено, а потом пар		Р о ж ь	Яровое с клевером	Яровое
5		Р о ж ь	Яровое с клевером	Яровое	Клевер на сено, а потом пар	Пар сильно удобрённый
6	Яровое с клевером	Яровое	Клевер на сено, а потом пар	Пар сильно удобрённый		Р о ж ь

белно в сочетании с широкой программой учебно-опытной деятельности.

Можно сказать больше: эта ферма в середине XIX в. определила и обосновала такую структуру земледелия, которая вызывает известный интерес и в наши дни борьбы за повышение интенсивности земледелия и создания прочной кормовой базы. Так, удельный вес кормовых культур, включая выгон, составлял не менее 50% всей пашни в обработке, в том числе только сеяные травы занимали 30—39%. Необходимо также отметить, что 40 дес. выгона представляли в большинстве своем окультуренные пастбища, засеваемые смесью тимофеевки с сенной трухой, красным и белым клевером, райграсом. Заслуживает внимания и малый удельный вес чистого пара⁷⁸.

⁷⁸ Сеяные травы учхоза «Молочное» Вологодской области в 1963 г. составляли 29,9%, а в хозяйстве опытной станции — 31,8%. Чистый пар в колхозах и совхозах Вологодской области в этом же году составлял 9,2% всей пашни в обработке (Ф. И. Резников, Т. П. Феньшина. Вопросы экономики производства кормов в колхозах и совхозах Севера. — В кн.: Больше продукции при меньших затратах. Сб. статей, Вологда, 1964, стр. 50).

Структура посевных площадей Северной фермы

Культуры	Площадь, дес.		% к общей пашне в обработке	
	1857 г.	1860 г.	1857 г.	1860 г.
Зерновые — всего	69,5	67,0	33,4	33,5
В том числе:				
озимая рожь	28,2	31,0	13,5	15,5
яровые	41,3	36,0	19,9	18,0
Технические (лен, конопля)	2,0	2,5	1,0	0,9
Картофель и овощи	4,0	6,0	2,0	3,5
Кормовые — всего	108	100	52,1	50,1
В том числе:				
сеяные травы (клевер, тимофеевка, райграс)	62,0	78,0	30,0	39,1
корнеплоды (турнепс, картофель для кормления скота)	3,0	3,5	1,4	1,8
Выгонные земли в севообороте	43,0	18,5	20,7	9,2
Пар	24,0	24,0	11,5	12,0
Вся пашня в обработке	207,5	199,5	100,0	100,0

Исходя из того, что «главным двигателем хозяйства служит скотоводство», руководители фермы стремились привести в точное соответствие количество скота и севообороты с полной потребностью в органических удобрениях. Считалось, что в семипольном севообороте требовалось удобрять ежегодно навозом 20 дес.; в шестипольном севообороте поле под картофель — 5 дес. и в остальных севооборотах, на опытных полях, в парниковом хозяйстве и на огороде — еще около 10 дес. Учитывалась особенность дерново-подзолистых почв, бедных запасами элементов питания для растений, требующих обязательного применения органических удобрений, которые, с одной стороны, увеличивают количество питательных веществ в почвах, а с другой — улучшают ее физические свойства.

Учитывалось также и то, что если под рожь необходимо было вывозить по 1400—1500 пудов навоза (около 25 тонн), то под картофель требовалось до 35 тонн на десятину; парники набивались главным образом конским навозом. В 1860 г. было употреблено всего 64 170 пудов разного навоза. Распределялся он так: на 30 дес. «экономического поля» — 55 170 пудов (примерно по 30 тонн на десятину), на опытное поле — 4 тыс. пудов, на огород и в парники — 5 тыс. пудов. В отдельные годы на все

удобряемые поля вывозилось до 82 тыс. пудов высококачественного навоза⁷⁹.

Чтобы получить столько удобрений, было необходимо иметь не менее 3 голов крупного рогатого скота на десятину удобряемого поля под рожь, не менее 5 голов — на десятину удобряемого поля под картофель, не считая лошадей, овец, свиней. И руководство фермы постепенно привело в соответствие количество скота как с потребностью в удобрениях, так и с количеством производимых кормов и, разумеется, с задачами учебно-опытной деятельности хозяйства.

В начале 50-х годов здесь существует небольшой конный завод.

Накопление навоза, хранение и применение его было постоянной заботой фермы. Для подстилки применялась не только ржаная солома, но и дерн, срезанные с лугов кочки, древесные опилки. Приготавливались компосты. Навоз вывозился на поля зимой и складывался в большие кучи. При этом навоз в кучах перекладывался послойно снегом для того, чтобы не было перегорания. В начале июня навоз разбрасывался и в этот же день запахивался косулями, чем и достигалось его эффективное использование. Кроме навоза и компоста, для удобрения собиралась зола. Как видим, руководители фермы принимали всевозможные по тому времени меры к повышению плодородия северных подзолистых почв.

На ферме уделялось много внимания улучшению естественных лугов. Низменные и мокрые луга осушались, производилась ежегодная расчистка от кустарников, на лугах проводился подсев семян тимофеевки с последующим заборонованием. Главным источником кормов были сеяные травы: красный клевер, тимофеевка, вика, вико-овсяная смесь, райграс. Ими засеивалось первоначально по 18—20 дес., а в 50-е годы — по 65—80 дес.

Летом скот получал дополнительную ночную подкормку: зеленые корма накашивались на ближайших специально отведенных лугах и вдоль канав и дорог. Зимой скот кормили не только луговым клеверным сеном и яровой соломой, но и давали заварку из ржаной рубленой соломы, обливаемой разваренным картофелем (на одну голову крупного рогатого скота выдавалось по 5 фунтов картофеля). Заваренная таким образом солома приводилась в брожение в течение 12 часов и затем скармливалась скоту. Ежедневная норма сена на взрослую холмогорскую корову составляла 25 фунтов, на местную — 20 фунтов при шести дачах корма в сутки и при дойном поении скота слегка подсолненной водой.

Хорошо удобряя почву и выдерживая установленные севообороты, на Северной ферме уделяли также большое внимание

---

⁷⁹ Эти нормы почти полностью соответствуют современным агротехническим требованиям. Минеральные удобрения тогда не применялись, но навоз был высокого качества.

обработке полей, срокам посева и уборки, нормам высева. Здесь испытывали и обосновывали применение различных сельскохозяйственных орудий. Для вспашки поля из-под клевера и хлебов применялись простой и улучшенный фландрский плуг и американский плуг, для запахивания навоза и предпосевной вспашки — ярославская косуля, для посадки и окучевания картофеля — гогенгеймский распашник, для прополки картофеля — конная мотыга, для боронования — американская складная борона и различные другие бороны. Сено косили рижскими косами; кроме ручных граблей, применялись и бельгийские конные грабли⁸⁰.

Зерновые убирались серпами, но не менее одной трети всех посевных площадей скашивалось косами Друманда, тогда только что вводившимися в употребление. Скашивание начиналось еще до наступления полной зрелости, чем ускорялась уборка и уменьшались потери; к тому же скашивание требовало в два раза меньше рабочей силы (на уборку десятины ячменя и овса серпами требовалось 10—12 человек, а косами — 2 косца и 3 вязальщика). Сельскохозяйственные орудия не только покупались, но изготовлялись и даже конструировались в мастерских самими воспитанниками.

На ферме велись ежедневные метеорологические наблюдения. С учетом этих данных, опыта окружающих крестьян и своей фермы было установлено, что посев ржи и яровых надо начинать на пять дней раньше принятых в данной округе сроков. Лучшими сроками посева озимой ржи считалось время с 25 июля по 5 августа по старому стилю (более поздний посев уже не дает возможности растениям укрепиться), сроки сева ячменя — не позже 20 мая, льна — около 15 мая.

Ферма ставила своей целью внедрить на Севере садовые, плодово-ягодные и овощные культуры. На площади в 12 дес. земли был разбит обширный сад с парком, прудом, плодово-ягодным питомником, дендрарием, хмельником, оранжереей и теплицей. В питомниках выращивались, а затем высаживались в парке и раздавались желающим помещикам и крестьянам саженцы липы, клена, лиственницы, канадского и серебристого тополя, сибирской акации, пихты, вяза, ясеня, боярышника, калины, различных сортов сирени, татарской жимолости. В саду имелось более 300 привитых и неprivитых яблонь, свыше 2 тыс. кустов смородины, малины, крыжовника; кроме того, были многочисленные гряды земляники; культивировался хмель как местных сортов, так и брауншвейгского, бельгийского, баварского. На грядах и в оранжереях выращивались не только цветы, но и разные сорта лекарственных растений (русская и английская мята, обыкновенная крымская ромашка, ревен, шалфей, заячья лапка, анис, горчица, просвирняк, лекарственная валериана).

⁸⁰ Луговое сено первоначально складывалось в малые копы весом в 3 пуда, а затем свозилось в стога или сеновалы; клевер сушили на вешалах с последующим складыванием в стога.

Под огородом было занято 1,5 дес. Он обеспечивал необходимым количеством овощей воспитанников и служащих фермы, способствовал пропаганде малоизвестных еще тогда многих огородных культур. Выращиваемая в парниках (было до 100 рам) рассада капусты и брюквы продавалась окрестным крестьянам. На огороде выращивались цветная капуста, репа, свекла, морковь, редис, редька, лук репчатый, горох и турецкие бобы, салат, щавель, шпинат, укроп, петрушка, спаржа, сельдерей, цикорий, тмин. В парниках и на грядках росли русские и голландские огурцы, в парниках созревали арбузы и дыни. В 1857—1860 гг. от продажи овощей, огородных семян и рассады ферма выручала по 138—150 руб.; в 1860 г. было продано арбузов и дынь на 11 руб. 80 коп.⁸¹

Пасека фермы насчитывала в разные годы от 20 до 46 ульев. Пчеловодство фермы вызвало интерес у окрестных помещиков. Некоторые из них каждое лето отдавали своих крепостных людей для обучения уходу за пчелами и стали заводить по примеру фермы втулочные ульи.

Проводились различные опыты не только по выявлению лучших севооборотов для северной зоны России, но и по многим вопросам агротехники как по заданию департамента сельского хозяйства, так и по инициативе руководителей фермы. Это были прежде всего опыты по посевам озимой ржи и яровых культур в разное время, чтобы определить лучшие сроки с учетом местных условий и данных многолетних повседневных метеорологических наблюдений.

На полях фермы акклиматизировались различные сорта зерновых культур, осуществлялась проверка посевных смесей: овса с горохом, ячменя с рожью, клевера с викой, вики с овсом и т. д. Значительный интерес представляют опыты посевов «удобренными семенами», т. е. посев семенами ячменя, которые до этого в течение 18 часов находились в навозной жиже. Урожай от этих семян оказался на 25% выше, чем с поля, засеянного сухими семенами.

Большое число опытов проводилось с применением разных удобрений; приготовление компостов, удобрение золой и различными растворами кислот и щелочей и, наконец, опыты с применением коровьего, конского, овечьего навоза и т. д. Самую высокую урожайность ржи давало поле, удобренное телячьим навозом (сам- 15—17, т. е. 22—25 центнеров с десятины), а самый высокий урожай овса получали с поля, удобренного еловой золой. Но более крупное и тяжеловесное зерно ржи получалось с поля, удобренного коровьим навозом (вес четверика ржи 1 пуд 6 фунтов), а конским навозом — 1 пуд 2 фунта.

---

⁸¹ Самарская ферма получала от огорода по 320 руб., Горыгорецкая и Казанская — по 210—260, за ними шла Вологодская; остальные фермы — от 70 до 145 руб. В 1858 г. доход от огорода на Северной ферме составил 7,4% к общему доходу от хозяйства (ЦГИА СССР, ф. 398, 1859 г., д. 8471, лл. 1—20).

Поскольку проблема кормов была важнейшим вопросом сельского хозяйства северной зоны России, поэтому на Вологодской ферме много внимания было уделено выяснению выгоды скашивания ржи и овса на сено. Для этого засеивалось по три одинаковых опытных участка под рожь и овес. На первом участке рожь косилась в продолжение года три раза, как только начинала идти в трубку. На втором участке рожь косилась на сено один раз, а вторичные всходы оставались до созревания зерна, на третьем участке получали только семена. Таким образом поступали и с тремя участками, засеянными для этой цели овсом.

Проводя неоднократно эти опыты, руководители фермы пришли к выводу, что кошение ржи и овса на сено даже при недостатке сенокосов невыгодно, что гораздо рентабельнее расширять посевы клевера, тимофеевки и других кормовых трав⁸².

В использованных нами источниках нет достаточных сведений для выяснения сущности опытов по приготовлению «самопрелого корма» для скота, но возможно, что это были опыты по силосованию. В документах подробно описаны опыты дренажа, т. е. «подземного осушения почвы». Кроме открытых канав, в самых низменных местах на глубине в 1,5 аршина были проложены трубы из осинника с боковыми отверстиями для всасывания воды. Трубы сверху покрывались еловыми ветвями для предохранения от засорения отверстий и засыпались землей. Концы дренажных труб выводились в открытую канавку, куда и стекали подпочвенные воды. Урожай на таких участках были значительно выше, так как дренажирование уменьшало количество излишней воды, а в засушливые годы позволяло корням растений свободно углубляться в нижние слои почвы, где было достаточно влаги для произрастания растений. Кстати, большинство проводимых на ферме опытов были известны северным крестьянам. К чести руководителей этого учебного хозяйства надо отнести их внимательное отношение к местному опыту.

Упразднение Северной фермы мотивировалось неудачным ее расположением, малым плодородием почвы. Но действительные причины, безусловно, были иными. Пореформенный период выдвигал новые требования. Отпадала необходимость в политике «просветительного попечительства» в том виде, как это представлял один из главнейших ее творцов граф П. Д. Киселев. Из восьми существовавших ферм было закрыто четыре, в том числе и Северная. Волнения, возникшие в 1862 г. на ней, ускорили принятие решения о ее упразднении.

Но эта ферма, разумеется, оказала определенное влияние как на развитие сельскохозяйственного образования, так и на внедрение в практику передовой агротехники, на расширение

⁸² В 1850 г. сено стоило 10 коп. пуд, рожь — 3 руб. четверть, овес — 1 руб. 50 коп. четверть, ржаная солома — 4 коп. пуд, овсяная солома — 6 коп. пуд.

травосеяния, на развитие холмогорской породы скота и романовской породы овец, на распространение в крестьянских хозяйствах новых плодово-ягодных и овощных культур.

К сожалению, материалы не позволяют проследить судьбу каждого воспитанника. Видимо, лишь единицы могли оказывать положительное влияние на своих односельчан, на развитие опытничества. Среди награжденных участников сельскохозяйственных выставок были выпускники ферм. Так, на второй Вологодской выставке в 1853 г. получил награду за оригинальные модели земледельческих орудий крестьянин Великоустюжского уезда первый выпускник фермы Петр Полуянов⁸³. Но абсолютное большинство выпускников оказалось предоставленным собственным силам. Министерство фактически мало сделало, чтобы обеспечить реализацию знаний, приобретенных воспитанниками как Северной, так и других ферм⁸⁴.

Однако интерес к деятельности фермы, особенно со стороны государственных крестьян, был, бесспорно, велик. В отчетах указывается, что крестьяне приходили за сотни километров, чтобы посмотреть на скот, поля, огороды, приобрести семена, молодняк улучшенной породы скота. В период с 1847 по 1855 г. было продано крестьянам 54 головы бычков и телок холмогорской породы и 20 — местной улучшенной; отсюда продавалось по 100 голов ягнят романовских овец. В 1845 г. на ферме был открыт случной пункт с жеребцами обвинской, лифляндской и эзельской пород, а также случной пункт с быками холмогорской породы. Это способствовало улучшению местного поголовья скота. Недаром на всех губернских выставках, а также на выставках в Петербурге и Ярославле основную массу участников составляли не помещики и их крестьяне, а государственные крестьяне.

Например, на первой губернской сельскохозяйственной выставке в Вологде в 1848 г. из 319 ее участников 299 (93%) были государственными крестьянами. На этой же выставке после Северной фермы лучшую рожь представили государственные крестьяне Скороходов, Куклин и другие, лучший ячмень сорта гималайский, лучшие экспонаты гороха, льна, конопли также были из хозяйств государственных крестьян. На второй выставке в 1853 г. и на третьей в 1858 г. много государственных и удельных крестьян было награждено за оригинальные модели земледельческих орудий, масляного завода, водоочистительной машины. В 1850 г. 10 крестьян из Вологодской губернии были награждены медалями за участие в сельскохозяйственной выставке в Петербурге. Большая группа северных крестьян была в том же году награждена за участие в Ярославской сельскохозяй-

---

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2599, лл. 47—49; «Вологодские губернские ведомости», 24 октября 1853 г., № 43, часть неофициальная, стр. 376.

⁸⁴ Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. 2, стр. 239—242.

ственной выставке⁸⁵. Но большинству крестьян Севера в условиях царской России доставалась доля угнетенного, задавленного нуждой труженика, судьбу которого не могли решить отдельные удачные эксперименты.

* * *

Подводя итоги, мы отмечаем заметный вклад северного крестьянства в совершенствование трехпольного хозяйства и сельскохозяйственных орудий. Порайонная специализация земледелия и животноводства, определившаяся в этом крае уже в XVII в., была проявлением прогресса в развитии сельского хозяйства, содействовала введению таких усовершенствований, которые отсюда стали распространяться и в другие районы Русского государства (травосеяние, компостирование, холмогорская порода скота и т. д.). С другой стороны, специализация составляла основу развития товарного производства, отражала уровень развития рыночных отношений, образование условий для зарождения, а затем и развития капитализма в сельском хозяйстве. И в обстановке все еще преобладавшего натурального хозяйства со свойственным для него рутинным характером техники, происходило хотя и медленное, но неуклонное совершенствование навыков земледельческого производства.

Но феодально-крепостнические производственные отношения тормозили развитие производительных сил в сельском хозяйстве. В таких условиях развитие систем земледелия и агрономии упиралось в непреодолимую преграду. Не только крестьянство, но и организованная учебная ферма, действовавшая довольно удачно, не могли перешагнуть этот барьер.

⁸⁵ «Вологодские губернские ведомости», 18 декабря 1848 г., № 51, стр. 576—578; 26 ноября 1849 г., № 48, стр. 484—485; 5 мая 1851 г., № 18, стр. 199—200; 11 октября 1858 г. № 41, часть неофициальная, стр. 381—382.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ. РОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ В XVI—XIX вв.

1. Источники

Вопросы миграции населения Поморья нашли свое отражение в ряде исследований еще дооктябрьского периода. Ф. Щербина, С. Щепотьев, П. Иванов, М. Богословский связывали миграции только с особенностями землевладения (долгое отсутствие общинного землевладения с уравнительными переделами и относительная свобода крестьян в распоряжении земельными участками, по мнению этих исследователей, порождали передвижения крестьян, стремившихся найти пригодные земли под сельское хозяйство)¹. Такое одностороннее понимание не позволило дворянско-буржуазным историкам раскрыть подлинные причины миграций.

Исследованиями советских ученых (Н. В. Устюгов, А. А. Преображенский, А. Ц. Мерзон, А. Ю. Тихонов, А. И. Комиссаренко, В. П. Червяков, Н. М. Дружинин, И. В. Власова, А. С. Черевань и других)² доказано, что переселения крестьян с XVII в. становятся массовым явлением главным образом в связи с развитием товарно-денежных отношений, с изменением социально-

¹ Ф. Щербина. Сольвычегодская земельная община. — «Отечественные записки», 1879, ССXLV, № 7, 8; С. Щепотьев. Законодательство и старинные формы землевладения на Севере. — «Северный вестник», СПб., 1886, № 2; П. Иванов. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. — «Древности», т. I, вып. 3, 1899; М. Богословский. Указ. соч., тт. 1—2.

² Н. В. Устюгов. Указ. соч.; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVII — начале XVIII в., М., 1956; Его же. К вопросу о миграциях населения на Урале и Зап. Сибири в XVII — нач. XVIII в. — В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966, стр. 72—86; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. М., 1960; В. П. Червяков. Миграция населения в Русском государстве в XVII — первой четверти XVIII в. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР», вып. I, Вологда, 1970, стр. 90—108; А. И. Комиссаренко. Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII в. (по материалам Хлыновского уезда) — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 3. Вологда, 1970, стр. 121—136; Н. М. Дружинин. Указ. соч., тт. 1—2; А. С. Черевань. Формирование сословия государственных крестьян на Урале и Европейском Севере России. Петрозаводск, 1960; И. В. Власова. Миграция устюжских крестьян в XVIII — первой половине XIX в. — «Русское население Поморья и Сибири. Сборник статей памяти В. И. Шункова». М., 1973, стр. 249—260.

экономического положения северного крестьянства в условиях все возрастающего гнета со стороны феодального государства. Миграция (уход, бегство, переселения) были своеобразной формой классовой борьбы. Конечно, особенности землепользования способствовали миграциям, но свобода распоряжения землей вела к ее концентрации в руках зажиточной верхушки северных посадов и деревень, а также и монастырей. Обезземелившаяся часть сельского населения вынуждена была искать средства к существованию путем продажи своей рабочей силы. Стали создаваться своеобразные рынки рабочей силы в Вологде, Тотьме, Устюге, Архангельске, Чердыни и в других городах. Многие уходили за пределы Поморья, главным образом, в Сибирь.

Степень изученности миграций различных районов Поморья неодинакова. До сих пор нет и обобщающих работ по миграциям северного крестьянства в XVI — первой половине XIX в. В данном очерке предпринимается попытка дать такого рода исследование.

Фронтальное изучение миграционных процессов в столь широких хронологических рамках потребовало и соответствующей источниковедческой базы. За основу взяты писцовые и переписные книги XVI—XVII вв., ландратские книги начала XVIII в., материалы ревизий XVIII — первой половины XIX в., списки населенных мест, а также обширный актовый материал.

Сибиреведческая литература использована для сопоставления с показаниями собственно поморских источников. Последние же дали возможность составить динамические ряды статистических чисел, характеризующие миграционные процессы по уездам, зонам и в целом по региону.

Конечно, исследователь, пользующийся писцовыми и переписными книгами, встречает немало трудностей. Так, в итоговых записях дозорных и писцовых книг первой четверти XVII в. указано только общее количество пустых поселений и дворов. Чтобы получить конкретные сведения о времени и причинах запустения каждого двора и о судьбах дворовладельцев, необходимо провести детальный текстуальный анализ каждой книги. К тому же о судьбах дворовладельцев и направлении миграции в источниках начала XVII в., как правило, сказано в самых общих выражениях: «сшел безвестно», «сшел в мир» и в редких случаях встречаются указания на места, куда выбыли люди. Правда, иногда встречаются записи и о членах семьи: «двор пуст Ивашки Иванова, Ивашку убили литовские люди в 121 году, а жена ево и дети бродят меж дворы»³.

Значительно полнее отражены миграционные процессы и причины, определявшие все возрастающую подвижность населения, в первых переписных книгах (40-е годы XVII в.). В них чаще встречаются указания на такие причины миграции, как обнищание «от навального письма» предыдущих описаний, пол-

³ ЦГАДА, ф. 1209, К-479, л. 85.

ное разорение всей семьи после смерти главы двора, разорение от притеснений прожиточных «горланов и ябедников». Указываются год ухода или бегства и судьба всех членов семьи: «Разбрелись в мир безвестно в 138 г., жен и детей не осталось», ... «сшел с женою безвестно в 150 г.», ... «сшел с сыном Исачком и с женою на Ветлугу в 153 г.», ... «сшел в Сибирь в 140 г.»⁴ Особенно часты примеры, когда после смерти главы семьи жена и дети, бросив тягло и двор, скитаются «меж дворы». Но все эти показания относятся к уже запустевшим дворам. К сожалению, мало приводится сведений о миграции людей из живущих. А что уход из тяглых семей сыновей, братьев и других родственников был, это бесспорный факт, признанный в нашей литературе. В этих источниках редко находим сведения о прибывшем в описываемый уезд населении.

По писцовым и переписным книгам 70-х годов XVII в. лучше прослеживается влияние на миграцию социально-экономических причин, но и в них недостаточно сведений о пришлоем населении. Исключения составляют лишь книги по Соликамскому, Чердынскому, частично Двинскому, Важскому и некоторым другим уездам. О пришедших людях в уезд можно получить сведения в «крестоприводных книгах», то есть в книгах, содержащих перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя. Больше всего сохранилось такого рода данных за 1682 г., когда население приводилось к присяге Петру I⁵.

Особое место занимают переписные и так называемые ландратские переписные книги первой четверти XVIII в.

П. Н. Милюков пытался по переписи начала XVIII в. выяснить причины убыли дворов в период между 1678 и 1710 гг. Он проследил судьбу 19 376 убылых дворов, из которых, по его подсчетам, 29% запустело по естественным причинам («умерли в своих домах»), 20,4% — под влиянием правительственной деятельности, 37,2% — от побегов и т. д.⁶ Эти сведения собраны из итоговых данных переписных книг уездов различных районов страны, куда, видимо, попали и уезды Поморья. Собственно миграционные процессы здесь отражены недостаточно.

М. В. Клочков, анализируя перепись 1710 г., также главное внимание обратил на выявление количественных показателей убыли дворов⁷. При этом он не выделял из итоговых показаний об убылых после 1678 г. количество запустевших дворов, что и привело его к неверным выводам. В действительности в переписных книгах начала XVIII в. подсчитана общая убыль и оговорено количество пустых дворов. Например, в Подвинской чети

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, К-15049, лл. 44—45, 49 об., 56, 118 и др.

⁵ ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги: по Устьянским волостям № 3, по Пустозерскому № 1, по Чердыни № 4, по Яренскому № 2, по Соликамской № 5 и др.

⁶ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 205.

⁷ М. В. Клочков. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I, СПб., 1911, гл. III—IV.

Важского уезда по переписи 1678 г. учтено 2340 жилых крестьянских и бобыльских дворов, в 1710 г. — только 1122. Общая убыль выразилась в 1218 дворов, но пустых переписчик насчитал всего 371 двор. О судьбе остальных 847 дворов переписная книга умалчивает, ограничиваясь лишь фиксацией факта убыли⁸. Определяя причины убыли населения и выделяя «народные бедствия», как одну из них, М. В. Ключков не обнаруживает изменений социально-экономических условий жизни и обострения классовой борьбы в северной деревне. По его подсчетам, после 1678 г. мигрировало около 10% населения⁹.

По Кеврольскому уезду есть переписная книга 1709 г., скрепленная подписью Якова Гавриловича Селиверстова¹⁰. В начале книги идет перепись наличных живущих дворов, а с листа 52 — пустых. Учтено только мужское население. В 1710 г. полковником И. И. Перекрестовым проводилась перепись Кеврольского и Мезенского уездов на основе новой инструкции¹¹. Сличение двух переписей по Кеврольскому уезду позволило нам сделать два интересных наблюдения. Во-первых, количество и причины действительно запустевших дворов за время с 1678 года совпадают в обоих документах. А вот сведения о количестве живущих дворов резко расходятся (по учету 1709 г. дворов 895, людей 2691 душ м. п., в 1710 году дворов 1351, людей — 3224 мужчин и 2484 женщин).

Только в Пинежской волости количество дворов по второй переписи показано меньше. Во всех остальных указано увеличение в 1,5—2 раза. Получается, что в 1709 г. укрылось от учета 456 дворов, или более 33% от общего числа. В сравнении же с 1678 г. уменьшение выразилось в 233 двора, или на 20,4%. Безусловно, что в 1710 г. не все дворы были учтены, хотя в целом, в сравнении с 1678 г., по этому уезду значителен прирост 77 дворов (6,7%). И по Мезенскому уезду оказалось прибылых 90 дворов (10,2%). Кстати, сопоставление источников показало, что только эти два уезда всего Европейского Севера в 1710 г. дали прирост дворов. Возникает вопрос, как же могло происходить такое массовое уклонение от переписей? Конечно, Селиверстов да и полковник Перекрестов во время переписи не бывали во всех деревнях. (Например, в Важском уезде перепись проводили местные бурмистры). Вероятно, сведения собирались от выборных представителей крестьянских миров с последующей выборочной проверкой. В таких случаях вряд ли укрытие от переписей имело место без согласия всего мира деревни или волости. Допустимо предположить, сколь бурно протекали мирские сходы в это время, как не одинаковы были интересы, причины и побуждения к утайке дворов у различных социальных

⁸ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 744.

⁹ М. В. Ключков. Указ. соч., стр. 254.

¹⁰ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 25.

¹¹ Там же, д. 117 (есть список с нее — дело 121).

групп крестьянства. Не в такое ли время определялась дальнейшая судьба владельцев «утаенных» дворов.

В таблице 25 показаны результаты переписи по каждой деревне в волости Пилья Гора.

Т а б л и ц а 25

Сравнительные данные переписи по деревням волости
Пилья Гора *

Деревни	Живущих дворов		Укрылось от учета в 1709 г.	
	1709 г.	1710 г.	дворов	%
Булаево	3	5	2	40,0
Лушевская	3	6	3	50,0
Великодворская	3	5	2	40,0
Ефремовская	2	6	4	66,6
Крылова Гора	4	9	5	55,5
Чертково	1	4	3	75,0
Новинка	4	9	5	55,5
Олексеевская	2	6	4	66,6
Вижево	5	8	3	37,5
Репольская	3	7	4	57,1
ИТОГО:	30	65	35	53,7

Как видим, утайка в деревнях этой волости составила от 37 до 75%. Можно высказать предположение, что она была выявлена не только в результате более жесткого контроля со стороны представителя государственной власти. Вероятно, на это повлияли и возникшие противоречия по вопросам раскладки налогов и повинностей. Можно также предполагать, что жилые дворы не только укрывались от учета, но и объявлялись пустыми. Особенно вызывает сомнение пустота тех дворов, жители которых разбрелись в год переписей, переселились в другие дворы. Это было временной и заранее обдуманной мерой. Укрупнение дворов за счет вселения в них родственников подтверждается данными тех же двух переписей Кеврольского уезда.

Из всех просмотренных нами документов по переписи 1710 г. наиболее интересной является переписная книга Важского уезда 1709—1710 гг., особенно Шенкурской чети. Ее составители (бурмистры А. Едемский, Ф. Шилов, А. Тетеревлев) не просто дали сведения о жилых и пустых дворах на год учета, а и попытались выявить все перипетии в судьбах владельцев дворов и членов их семей после 1678 г., что убедительно иллюстрируется приводимым отрывком из документа:

«Дер. Даниловская и Рыбинская тож: двор Григорья Рыбина, он, Григорей, умре, а ныне тем двором и тягла треть и полмалой трети обжи владеет по наследию сын ево Федор... место

* ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 25, лл. 48 об—50, 98—105.

дворовое пусто, что был двор Ивана, Лариона, Артемья Федоровых детей, запустело то дворовое место и тягла полтрети и пол-полмалой трети обжи в 205 г., они умре, детей никого не осталось; двор Лариона да Михаила Даниловых детей, Ларион умре, а Михайло скитаецца в мире, а ныне тем двором и тягла четь и малая треть обжи владеет по крепостям Леонтей Иванов, он, Леонтей, сорока четырех лет»¹².

Несколько подробнее остановимся на показаниях так называемой ландратской переписи, материалы которой до сих пор фактически не вводились в научный оборот для изучения миграции населения в первой четверти XVIII в. и совсем не использовались для изучения масштабов мобилизации податного населения при Петре I. Эта перепись в основном проводилась в 1716 и 1717 гг.; но в ряде уездов страны, в том числе и на Севере, она продолжалась даже в 1719 г., когда ее результаты уже потеряли практическое значение, поскольку к этому времени оформилось решение начать подушную перепись и перейти к ревизскому учету¹³.

Для изучения миграции населения ландратские переписные книги являются наиболее ценным источником. В итоговых данных этих книг по станам и волостям, а также в целом по уезду сравниваются сведения ландратского учета с переписными книгами 1678 года и с результатами переписей в начале XVIII в.

Формуляр сводных данных в основном встречается в двух вариантах. В ландратских книгах по Вологодскому, Важскому, Соликамскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому, Двинскому, Хлыновскому, Орловскому, Котельничскому уездам и Чарондской округе итоговые сведения даются в текстуальном изложении, без итоговых таблиц. Причем, данные по своей полноте о выбывшем и переместившемся внутри уезда населении различны. В книгах по Вологодскому, Каргопольскому, Яренскому, Мезенскому и Двинскому уездам сведения о том, куда выбыли люди, можно получить только в тексте источника, так как в итоговых данных они отсутствуют¹⁴. В итоговой таблице

¹² ЛОИИ, ф. К-115, д. 306, л. 83. См. также «Северная Русь. XVIII в.».

¹³ Например, по Чаронде перепись в 1717—1718 гг. охватила только живущие дворы. Поэтом ландрат И. И. Ляпунов в 1719 г. переписал «пустоту» (ЦГАДА, ф. 350, д. 4743).

¹⁴ «Двор пуст Никифора Окулова, а он, Никифор, выслан в Санктпетербург в Адмиралтейство в работники в 1715 г. в генварский наряд и в дом свой не бывал и сведения о нем нет. А жена его Ирина Козмина дочь сошла безвестно в 1716 г.» (Ландратская книга по Каргополю, ф. 350, оп. 3, д. 1347, лл. 23—23 об.); «Двор пуст Семена Наумова Волкова, а он с женою Анной Дмитриевой дочерью в 1709 г. умре, а дети их: Андрей в Санктпетербурге на государевой работе в 1716 г. в майском наряде умре, Иван выслан в Санктпетербург в работу в 1717 г. в сентябрьский наряд и в дом свой не бывал, а жена его Иванова Марфа Степанова дочь с дочерью своей Парасковьей сошла безвестно в том же 1717 г.» (там же, лл. 27 об., 28); «Двор пуст Тарха Григория Клыкова, а он, Тарх, умре на государевой работе на Олонецкой верфи в 1704 г., а дети его, Карп и Федор, съехали в Сибирские города в 1706 г., от роду никого не осталось». (Там же, л. 595 об.).

книги Подвинской чети Важского уезда приведены данные об убыли населения не только по запустевшим, но и по жилым дворам (переписи 1678 и 1710 гг.). Например, после переписи 1678 г. в жилых дворах померло 3499 чел., взято в плотники в Таганрог — 29, к Архангельску — 7, в Петербург — 7, в Воронеж — 1 чел., взято «в работники» в Петербург 71 чел., сошло в Сибирские города 708 чел., к Соли Камской — 162, в Устюжский уезд — 12 чел., и т. д. Здесь же — сведения о рекрутских наборах. Затем подробно перечисляется население, выбывшее из дворов, что запустили с 1678 по 1710 г.

Второй вариант формуляра сводных итоговых данных встречается в ландратских книгах Устьянских волостей, Сольвычегодского, Устюжского и других уездов. Здесь итоги переписи даны в форме таблиц, формуляр которых не во всех источниках одинаков. Но везде более подробно, чем в текстовом изложении, даны сведения о наличии населения и его движении с 1678 г. Данные о выбывшем населении отражены в двух разделах таблицы. Первоначально приводятся сведения о выбывших «из жилых дворов, которые в нынешних переписных книгах написаны жилыми». Эти сведения классифицируются по категориям населения (черносошные, монастырские, частновладельческие и другие группы крестьян). Затем подводится итог общему количеству выбывших¹⁵.

Ландратские книги дают возможность получить сведения не только о дворовладельцах, но и о всех обитателях жилых и пустых дворов. В некоторых ландратских книгах есть сведения и о прибывших в уезд людях. Так, по тем же Устьянским волостям «той губернии из разных городов и уездов и вышеобъявленных волостей с других жеребьев скитались» 635 мужчин, 883 женщины.

Материалы о миграциях мы находим в ревизских сказках 1719, 1747 и 1762 гг., причем, не только того времени, когда они составлялись, но и более раннего. По другим ревизиям интересные нас сведения представлены меньше.

2. Пустота и миграция в XVI—XVII веках

Одним из показателей движения населения является дворовая пустота. Конкретный анализ мы и начнем с изучения ее эволюции.

Сохранившиеся сотные с писцовых книг северных волостей и уездов с конца XV в. до 70-х годов XVI в. показывают, что пустота здесь была еще незначительней. Так, в Шунгском погосте в 1496 г. в 149 деревнях со 168 дворами не было ни одной пустоши, зато в числе живущих деревень было 10 починков.

¹⁵ См. опубликованное извлечение из ландратской книги Устьянских волостей и сводную итоговую таблицу. (Северная Русь. XVIII в., стр. 59—105).

В 1563 г. здесь уже было 14 пустых дворов и мест дворовых (9,0% к числу всех дворов). По Устьянским волостям в 1554 г. удельный вес пустых дворов составил 5,0%, в Кодимской волости Подвинской чети Важского уезда в 1565 г. на 123 живущих было всего три пустых двора, или 2,3%. Такая устойчивая оседлость северного населения в XV в. — первой половине XVI в. подтверждается и данными о земельных угодьях (см. очерк 3 и 4).

Конечно, само по себе отсутствие «пустоты» еще не всегда безусловный показатель отсутствия и миграции населения. Известно, что до середины XVI в. Восточное Поморье заселялось выходцами из западных уездов того же Поморья. Возникает вопрос, чем объяснить малую «пустоту», с одной стороны, и наличие передвижения поморского крестьянства, в том числе, в Приуралье — с другой? Объясняется это тем, что до середины XVI в. уезды раннего освоения Севера были такими же перевалочными районами для мигрировавшего сюда населения из центра и Новгородской земли, какими позже сами восточные уезды стали для населения, направлявшегося в Сибирь. Новые пришельцы в Заонежье, Подвинье, В. Устюг в конце XV — начале XVI в. находили уже меньше свободных естественно-пригодных для сельского хозяйства земель и уходили дальше. «Старожильцы» же еще более или менее прочно удерживали свои позиции в деревне; также и соседская община-волость с некоторыми реликтами родовой общинной организации была еще прочной. Ликвидация новгородской боярщины и вхождение края в состав Московского государства, с одной стороны, усиливало общинные начала с ранее сложившимся реальным безраздельным правом общины и общинников-алладистов на землю, а с другой — «государственное устройство» оказывало все большее воздействие на развитие общины чернокунских и оброчных (с середины XVI в. черносошных) крестьян.

Примерно с середины XVI столетия начинает все отчетливее проявлять себя социальная окраска жизни соседской общины-волости, а вместе с этим признаки колонизационных, тем более миграционных процессов. «Государственное устройство», усиленное земской реформой Ивана IV, довольно быстро завершило трансформацию безраздельной собственности крестьян на землю в разделенную собственность феодального государства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины с крестьянами — с другой. Все возрастающая тяжесть фискальной политики феодального государства и дальнейшее сосредоточение власти в органах самоуправления в руках зажиточной части населения вело к ослаблению общинных начал. К тому же уже сам дуализм земельной собственности общины все явственнее становилась источником ее разложения. Все это поколебало экономическую устойчивость позиций многих старожильцев северной черносошной деревни. Превращение Поморья в один из значитель-

ных торгово-промышленных районов Русского государства сыграло большую роль в этом процессе.

В результате, удельный вес пустых, заброшенных крестьянами дворов стал все время подниматься. (См. таблицу 6). Правда, на образование пустоты оказывали свое влияние интервенция, неурожай и сборы чрезвычайных налогов правительством Михаила Романова. Однако независимо от этого пустота росла под влиянием прежде всего внутренних социально-экономических процессов, происходивших в черносошной деревне.

В Вещозерской волости Чарондской округи после литовских набегов, от «литовского разорения» в 1615—1617 гг. количество жилых дворов снизилось на 60%. Но Двинский уезд не подвергался такому разорению, хотя в нем количество пустых дворов составило почти 15%. Пустота в Вятской и Пермской землях также составляла от 12 до 30%. Хлынувшие туда массы крестьян из центрального и западного Поморья не миновали восточных «перевалочных» уездов на пути в Сибирь. Это содействовало возникновению новых поселений. Но этот же поток, продолжая двигаться дальше, подхватывал не только непрочно осевшие контингенты пришлого люда, но и многих старожилов. Главным направлением отходов из поморских уездов во второй половине XVI в. и в первой половине XVII столетия была Сибирь. Например, по переписи 1646 г. из Яренского уезда количество ушедших в Сибирь составляло 762 чел. (почти 12% всего мужского населения уезда).

Вместе с этим, как ни велико было движение в Сибирь, но значительная масса «лишнего» в сельском хозяйстве населения, двигаясь туда, оседала и в уездах Поморья. Тотемский воевода А. Головин в 1647 г. сообщает в Устюжскую четь, что в волостях Дмитриев Наволок и Уфтыогской разбежалось много крестьян. Поскольку сразу же начались розыски, то удалось выяснить, что 11 дворовладельцев выехали в Важский уезд и живут там на подворьях, 3 — выбыли в Бобровский ям и в Городищенскую волость соседнего Устюжского уезда, а часть сошла «безвестно»¹⁶. Розыски в Вожбальской волости в 1645 году выявили следующее. Из 37 дворов и мест дворовых «новой пустоты», то есть образовавшейся после 1625 г., 40 чел. крестьян померли, а «их братья и детей и племянников, обеднев, на Тотьме работою кормятся»; сошло в Сибирь 6 человек; «обеднев же и устарев» 14 чел. скитаются по миру в своей и в других волостях, 16 человек сошли безвестно; после «иных умерших крестьян... жен и детей не осталось»¹⁷. Такая же картина и по Устюжскому, Яренскому и другим уездам.

Промыслы и ремесла, обслуживание речного и гужевого транспорта поглощали большое число разорившихся крестьян и «гуляющих» людей. По подсчетам В. П. Червякова, из 1172 чел.,

¹⁶ ЦГАДА, ф. 141, 1647 г., д. 27, ч. I, лл. 1—16.

¹⁷ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. 2, стр. 320—321.

прибывших в Соликамский уезд в период с 1678 г. по 1710 г. и все еще проживавших на посаде и в черносошных станах во время переписи 1710 г., устроились на работу и продолжали быть «работниками» 39,7%, записаны подворниками, подворниками-нищими — 43,3%, стали половниками 13,6%¹⁸. Невозможно учесть, сколько за эти годы прошло через Соликамский уезд, не задерживаясь или временно устраиваясь на работы, однако и по вышеприведенным цифрам можно судить о масштабах вовлечения в производственную деятельность этой категории населения. Таким образом, переселившиеся люди содействовали развитию производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в промышленности на территории прежде всего Европейского Севера России.

Но возвратимся к начатому выяснению причин запустения дворов в XVII в. По переписи 1646 г. в Тотемском уезде с посадом было учтено 396 пустых дворов. Нередки случаи, когда бросали двор и уходили «со всей семьей», «с братьями и племянниками», часто смерть главы семьи была началом разрушения хозяйства. Если брать только по 3 души м. п. на двор, то и при этом по разным причинам порвали с постоянным местом жительства около 1200 чел., или 16% всего мужского населения уезда. Из 396 случаев время запустения показано по 304 дворам, из них с 1623 по 1631 г. — 53, с 1632 по 1641 гг. — 144, с 1642 по 1645 гг. — 107. Убыль идет все время по среднегодовой нарастающей (в первое время забрасывалось по 7—8 дворов в год, во второй период — по 14, в третий — по 22 двора).

Исследователь не может пройти мимо того факта, что сами переписчики, эти представители государственной власти, в большинстве случаев образование пустоты объясняли разорением крестьян или смертью главы семьи с последующим обнищанием от непосильного «тяжелого письма».

В связи с этим С. Б. Веселовский выдвинул и обосновал мнение, «что основным признаком тягла в XV—XVII вв. была его посильность». По его мнению, как только писцами на месте нарушался этот принцип, так и нарушалась устойчивость крестьянского хозяйства, образовывалась пустота, что наносило «урон казне государевой»¹⁹. Отчасти это было так, ибо, безусловно, увеличение феодальной ренты способствовало обнищанию части крестьянства. Но это лишь одна сторона сложной и многосторонней проблемы. Установлено, за сколь высокую цену купило себе поморское население право на самоуправление при Иване IV, как нарушился тогда «принцип посильности». Однако это не оказало такого огромного влияния на социальные процессы, какое стала оказывать фискальная политика государства в XVII в. Причины в том, что начали действовать уже другие силы, более глубокого порядка, чем нарушение писцами принципа посильности.

¹⁸ В. П. Червяков. Указ соч., стр. 105.

¹⁹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, стр. 340—355.

В переписных книгах 40-х годов XVII в. мы впервые встречаем записи о наемных людях в хозяйстве зажиточных крестьян и купцов, владевших землями. Правда, удельный вес этой категории еще не велик, но сам факт их регистрации мы не должны игнорировать. Из эпизодических фактов постепенно формируется их система, определяется тенденция.

Переписчики записывали в книги наемных людей, указывая откуда и на какой срок они порядились. Так, в Тотемском уезде в 1646 г. за гостем Бахтеяром Булгаковым в дер. Федотовской жили его «деловые люди Федорко да Ефимко Евсеевы с Мезени, Ивашко Юрьев. Вондокур. «...Во дворе крестьянина М. И. Титова живет «наемный работный человек Пашко Васильев Незнахин из Вотченской волости, нанят до срока до Дмитриева дня Салунского 155 году»... «Во дворе Иева Кубасова живут наймиты Иван Никитин пинежанин и Генка Кокшар, наняты до Покрова 155 году». В Окологородной волости в дер. Брагинской во дворе П. Брагина «работный наемный казачок Сидорко Иванов» с сыном, у других крестьян этой волости «работных наемных» 4 чел., из них один из своих же односельчан. Кроме того, здесь учтено 23 двора нищих крестьян и около 50 чел. подворников, обычно также являвшихся работными людьми в сельском хозяйстве. В Старототемской волости названы 32 пустых двора, многие из недавних владельцев которых разбрелись безвестно, часть живет в подворниках или в качестве работных наемных людей. Здесь же проживают пришельцы из других уездов (в дер. Назаровской И. Михайлов из Заонежской пятины, П. Незнахин из крестьян Вотченской волости Тотемского уезда). В Стрелицкой волости у крестьян в наймах живут крестьяне этой же волости: О. Иванов — из дер. Алексеевой, Л. Савельев и А. Тимофеев — из дер. Кольсеевой. В ряде случаев прямо указывается, что «в наймах» живут сыновья крестьян или бобылей (в дер. Олексеевой Стрелицкой волости в наймах сын бобыля И. Дмитриев у крестьянина Ф. Огафонова, а сын бобыля Я. Перфирьев — у Т. Ильина). Всего в тексте источника отмечено 40 чел. наемных работных людей, из которых 29 чел. из своего уезда, или 72% (сюда вошли и 14 чел., место выхода которых не указано, но они также местные, так как все случаи прибытия из других уездов обычно писец старался отметить), из Кокшеньги 4 чел., из Устюжского уезда — 3, с Мезени, Пинеги, Вологодского, Белозерского и Галицкого уездов — по одному человеку²⁰.

В Окологородной волости и в Пачеозерском стане Сольвычегодского уезда в 1645 г. было 48 пустых дворов. Из числа выбывших 3 чел. записались в половники, 6 человек жили в подворниках, 21 чел. обнищали и бродят в миру, 3 — «сошли» к Соли Камской и в Вятские уезды, 6 чел. «сошли безвестно».

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, К-15049. Переписная книга Тотемского уезда, лл. 20, 23, 28 об., 34—35 об., 80 об., 86 и др.

3. Движение населения в конце XVII — первой четверти XVIII века и правительственная мобилизация

Этот период характерен дальнейшим усилением в недрах черносошного мира имущественного расслоения, переходившего в расслоение социальное, которое выталкивало часть населения из деревни. Продолжается массовое передвижение северного крестьянства в Сибирь. Впервые доказал огромное значение крестьянской колонизации Сибири В. И. Шунков, который подчеркнул давние связи Севера и Сибири. Историки-сибиреведы показали, какой значимый вклад внесло поморское черносошное крестьянство в развитие производительных сил Сибири, в развитие ее экономики. Русские промышленные люди из Поморья знали путь в Сибирь задолго до похода Ермака. Во второй половине XVI в. они проникали в Обскую губу и далее по р. Таз на восток в низовья Енисея, то есть за 40—50 лет ранее основания правительством Енисейска. В 1597 г. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов начал прокладку новой дороги в Сибирь (от Соликамска через горные перевалы на верховья р. Туры, где в 1598 г. был поставлен Верхотурский городок). Эта дорога на протяжении всего XVII в. была «главными воротами в Сибирь», через которые шли официальные сношения Москвы с Зауральем. Но поморянам были известны и другие дороги, по которым население могло пробираться, минуя заставы.

О преобладании поморского населения в составе русских переселенцев в Енисейском уезде в 1629—1691 гг. убедительно говорят данные, приведенные В. А. Александровым. Из общего числа учтенных переселенцев в Енисейский уезд, на долю поморян приходится в 1630—1631 гг. 81,6%, в 1648 г. — 74,6%, в 1666—1667 гг. — 79,8%, в 1690—1691 гг. — 91,7%²¹. Это общая тенденция, согласующаяся с данными поморских источников с все возрастающей миграцией вообще, в Сибирь — в особенности.

Вероятно, косвенным подтверждением влияния зарождавшихся в Поморье буржуазных отношений на миграционные процессы в северной деревне могут служить приведенные В. А. Александровым данные и о том, из каких уездов прибыли в Сибирь промышленные и «гуляющие» люди Европейского Севера. Например, из Двинского, Кеврольского и других уездов, в которых заметнее стали проявляться связи сельского хозяйства с рынком, в Мангазейский уезд в 1631 г. пришло 281 чел., или 53,9% от числа всех сюда прибывших. В Енисейский уезд в 1629—1630 гг. из этого же района Поморья прибыло 42 чел., или 11%, а в 1690—1691 гг. — 34 чел., или 9,4%. Преобладание двинян в Мангазее понятно, это для них давно известный район

²¹ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964, стр. 143—144.

Сибири. Интенсивный приток населения в Сибирь из указанных поморских уездов подтверждается огромной в них миграцией уже в первой половине XVII в. Так, с 1639 г. по 1645 г. только из Кеврольского и Мезенского уездов ушло около 1295 чел., из них более 48% переселились в Сибирь.

Из Тотемского, Устюжского, Важского и Сольвычегодского уездов в 1630—1631 гг. в Мангазейский уезд прибыло 187 чел., или 35,9%, в Енисейский — 308 чел., или 80,0%. Прибывшие из Поморья в Мангазею в 1651—1657 гг. составили 54,2%, а прибывшие в Енисейский во все годы, за которые есть данные, в том числе и за 1690—1691 гг., составляли от 72,4 до 78,8%. Эти данные могут также служить косвенным подтверждением «выталкивания» из северной деревни малоимущих слоев населения. Не случайно преобладание среди приходцев из наиболее затронутых рыночными отношениями Устюжского и Сольвычегодского уездов, которые во все годы поставляли не менее 50% всех прибывших из Центрального Поморья.

В. И. Шунков по переписным книгам Камышинской и Арамилской слобод, Колчаданского и Катайского острогов 1695 г. и долматовских деревень 1669 г. выявил 872 чел., указавших местность, откуда они пришли в Западную Сибирь. Выход из Поморья (включая Кунгурский уезд и вотчины Строгановых) показали 571 чел., или 65,5%. Из этого числа устюжан — 64, тотмичей — 12, важан, устьянцев и сольвычегодцев — 44, а всего 120 чел. (21%). Из восточных уездов и владений Строгановых было 402 чел. Но необходимо учитывать, что значительная часть населения вотчин Строгановых, Приуралья и Вятской земли была заселена выходцами из тех же центральных уездов Поморья и поэтому у нас достаточно оснований предполагать, что в числе указанных 402 чел. далеко не все были коренными жителями восточных поморских уездов, часть из них, вероятно, там проживала только временно. Факт подвижности населения восточных уездов Поморья установлен Н. В. Устюговым. В период с 1678 по 1710 гг. только в черносошных станах уездов Восточного Поморья заустело 39,5% всех дворов и забросило свои земельные угодья 1210 душ м. п., из которых «сошло» в Сибирь 102 чел., в Кунгурский уезд 77 чел. и в вотчины Строгановых 45 чел., а оттуда в Сибирь.

Исследования сибиреведов достаточно убедительно показали роль поморского черносошного крестьянства и ремесленников в заселении Сибири. Но не меньшая его роль и в развитии производительных сил в этом огромном регионе страны.

«Одной из самых замечательных страниц истории освоения Сибири русским населением в XVII в. было создание им основ сибирского пашенного земледелия, превратившего позднее край в одну из основных житниц России», — читаем мы эти строки во втором томе «Истории Сибири»²². Поскольку

²² «История Сибири», т. 2, стр. 69.

установлено, что основной фигурой, заселявшей и осваивавшей в это время Сибирь, было черносошное крестьянство Поморья, то можно признать и ведущую его роль в создании там земледелия. Вероятно, не меньшая роль северного крестьянина и ремесленника в развитии сибирских промыслов и ремесел.

Вместе с производственными навыками и традициями поморские крестьяне и ремесленники несли в Сибирь и свою высокую по тому времени культуру. Под воздействием местных экономико-географических и климатических условий привносимая культура получила свое дальнейшее развитие и приобретала местное своеобразие. Большое влияние северных традиций в культуре земледелия, в устном народном творчестве и в народном театральном искусстве, в живописи и архитектуре, в одежде и быте²³.

Наконец, «ведущей силой, обеспечившей, прежде всего, единство социально-экономического развития» Европейской и Азиатской России в пределах Европейского Севера, Урала и Западной Сибири, были трудовые массы крестьянства, которые сыграли решающую роль в том, что в Сибири сложилась «смягченная» форма феодализма, что там распространение крупного крепостнического землевладения оказалось невозможным в XVII—XVIII вв.

Вернемся к поморским источникам.

По переписи 1678 г. количество пустых дворов и мест дворовых увеличилось примерно в два раза. Однако катастрофический рост пустоты относится к началу XVIII в. В таблице 26 показаны только пустые дворы (сюда не вошли выпавшие из жилого фонда по не известным для переписчиков причинам). В сравнении с первой четвертью XVII в. удельный вес пустых дворов поднялся почти в 5 раз.

П. Н. Милюков и М. В. Ключков среди причин запустения дворов и угодий в Поморье в конце XVII в. — начале XVIII в. не обнаружили социально-экономического фактора. «Естественными» причинами запустения дворов (по Милюкову они составляли 29% всей пустоты) они считали смерть жителей, относя всех их к дворам выморочным. В действительности, как нам удалось выяснить по тексту источников (а не только по итоговым таблицам), собственно выморочных дворов в северных уездах было не так много. Чаще всего в эту группу попадали такие, когда смерть дворовладельца в силу экономической слабости крестьянского хозяйства приводила вскоре к полному разорению и запустению двора.

В таблице 27 дана группировка причин запустения дворов и убыли населения. Здесь рассмотрены причины убыли более 90 тысяч душ м. п., примерно из 30 тыс. пустых дворов и нескольких тысяч жилых. Из 23 северных уездов источники позволили сде-

---

²³ Сошлемся на интересное исследование А. Н. Копылова «Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв.». Новосибирск, 1968.

Дворовая пустота (1707—1717 гг.)

Уезды и год переписи	Всего дворов	Из них:		% пустых дворов	% пустых дворов в нач. XVII в.
		жилых	пустых		
Яренский в 1710 г.	1921	1497	424	22,0	16,0
Мезенский в 1717 г.	1546	967	579	37,4	1,8
Устьянские волости в 1717 г.	2015	1122	893	44,3	2,8
Вотчина Строгановых в 1715 г.	10446	5589	4857	46,5	—
Чердынский в 1707 г.	3658	1658	2000	54,7	—
Подвинская четъ Важского уезда в 1717 г.	2709	1224	1485	54,8	4,6
Кубенская треть Вологодского уезда в 1710 г.	4846	1966	2880	59,4	38,2
Каргопольский	8633	3361	5272	61,1	—
ВСЕГО:	35774	17384	18390	51,4	9,6

лать выборки по 16 уездам. Северо-Западную группу уездов (Олонецкий, Каргопольский уезды и Чарондская округа) сближают историческое прошлое, природные условия, а также и то, что все они в начале XVIII века были приписаны для корабельных работ к Адмиралтейству. Сюда можно было бы отнести и Кольский уезд, сведения по которому, однако, отсутствуют.

По Центральному Поморью нет сведений только по Тотемскому уезду. По Северо-Восточной зоне мы располагаем данными по трем и по остальным зонам — только по четырем уездам. Необходимо также отметить, что по ряду уездов нет полных сведений за время с 1678 по 1717 годы. В материалах по Важскому уезду нет данных по Кокшеньгской чети, по Устюжскому и Каргопольскому уездам получены материалы лишь по нескольким станам и волостям, по Соликамскому уезду мы располагаем сведениями в основном по вотчинам Строгановых да и то только за 4 года, с 1711 по 1715 гг. По Кеврольскому, Орловскому, Слободскому, Шестаковскому, Каргопольскому уездам получены сведения о судьбах только дворовладельцев.

Обработывая полученные сведения, мы выделили 4 основные группы причин запустения дворов. В первую вошли все случаи, когда в качестве основной причины источники указывают смерть главы семьи и последовавшее за этим разорение и уход жильцов. Таких оказалось 35,8%. Сколь же была велика в то время хозяйственная неустойчивость значительной части крестьянских хозяйств, когда достаточно было смерти главы семьи, чтобы за этим следовали заклад, продажа, а то и просто забрасывание земельных угодий, обнищание, уход из родных

Причины запустения крестьянских дворов в конце XVII — начале XVIII в.

Причины запустения дворов	Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)							Северо-Западные уезды			
	Вологодский	Устюжский	Сольвычегодский	Устьянские волости	Важский	Двинский	Итого	Олонечский	Каргопольский	Чаронда	Итого
1. Смерть главы семьи с последующим разорением двора	1797*	2236	9148	3052	9536	1103	26872	1787	1368	554	3709
2. Обнищание	1528	1083	4999	2429	4781	2751	17571	10020	1787	527	12334
3. Переход в посад, в другие сословия	292	512	345	10	140	302	1601	—	38	—	38
4. Разорение в результате правительственной мобилизации:											
а) на работы	692	75	149	205	938	157	2216	17	1326	642	1985
б) в армию	675	133	358	273	952	118	2509	15	127	77	219
Итого	4984	4039	14999	5969	16347	4431	50769	11839	4646	1800	18285

* Здесь и всюду — число душ м. п.

Продолжение таблицы 27

Причины запустения дворов	Северо-Восточные уезды				Восточные и Приуральские уезды					Всего	% к общему числу
	Кев-роль-ский	Мезен-ский	Ярен-ский	Итого	Слобод-ской	Орлов-ский	Шеста-ков-ский	Соли-камский	Итого		
1. Смерть главы семьи с последующим разорением двора	210	770	108	1088	420	468	31	1343	2262	33931	35,8
2. Обнищание	328	1059	213	1600	2505	775	334	14870	18484	49989	52,8
3. Переход в посад, в другие сословия	31	115	3	149	9	33	—	293	335	2123	2,2
4. Разорение в результате правительственной мобилизации:											
а) на работы	60	141	216	417	33	93	9	43	178	4796	5,1
б) в армию	1	112	93	206	42	24	21	821	908	3842	4,1
Итого	630	2197	633	3460	3009	1393	395	17370	22167	94681	100,0

мест! Запустение дворов в результате перехода в другие сословия и на посадки составило незначительную долю — 2,2%. Разорение и образование пустоты в результате правительственной мобилизации дало 9,2% выбывших людей. Это мобилизованные, которые умерли на работах, по разным причинам домой не вернулись, а семья обнищала и забросила свой двор и угодья. Наконец, в источнике выделены дворы, о которых прямо сказано, что их владельцы «обнищали», «скитаются», то есть разорились. Число выбывших составило 52,8%, больше половины всех учтенных.

Дворовая пустота начала особенно быстро увеличиваться в последней трети XVII в., еще задолго до Петровских войн и преобразований. Мобилизация населения для армии и строительства городов, заводов, верфей при Петре I ускорила процесс имущественного и социального неравенства, создавала условия для обнищания одних и обогащения других. И все же, как видно из таблицы, не мобилизации были главной причиной запустения дворов и миграция населения.

Попытаемся теперь проследить направления миграции.

Безусловно, что основной поток уходившего крестьянства двигался в восточном направлении. Интенсивность миграции в восточном направлении не снижается до конца XVII в., что достаточно отражено в «крестоприводных книгах». Так, даже по не полностью сохранившейся крестоприводной книге Чердыни 1682 г., в которой учтено 162 пришлых «гулящих», 130 указали место выхода, из них: 27 важан, 18 устюжан, 11 пинежан, 5 вологжан, 7 — из Усольского уезда, 7 — из Двинского, Мезенского и Каргопольского уездов, а всего из северных и центральных поморских уездов 109 человек, или 83,8%²⁴.

В соседнем Соликамском уезде за 1647—1678 гг. учтено 808 прибывших людей, в том числе из Поморских уездов 746 (92,4%). Из них 370 из центрального и северного Поморья (50%), и остальные — из вятских городов, Яренска и Чердыни²⁵. За время с 1678 г. по 1726 гг. по этому уезду учтено с указанием места выхода 1260 человек, в том числе из поморских уездов — 1139 человек (90,4%), а в их числе из центральных и северных уездов — 722 чел. (63,4%)²⁶.

В таблицу 28 сведены данные о движении населения по тем же 16 уездам, что и в предыдущей таблице, но исключены все умершие. Всего подвергнуто анализу 60748 душ м. п. Вероятно, значительно больше выбыло женщин, так как нередко уходили семьями, особенно много женщин скиталось по миру, нищенствовало. Выделено две группы покинувших дворы. В первой — переселения, главным образом, под воздействием внутренних социально-экономических причин (экономическая неустой-

²⁴ ЦГАДА, ф. 137, Город. кн. по Чердыни, № 4, 1682 г.

²⁵ Подсчеты сделаны: Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 188.

²⁶ В. П. Червяков. Указ. соч., стр. 108.

Передвижение сельского населения Поморья в конце XVII — начале XVIII в.
(душ м. п.)

Направление миграций	Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)							Северо-Западные уезды			
	Вологодский	Устюжский	Сольвычегодский	Устьянские волости	Важский	Двинский	Итого	Олонецкий	Каргопольский	Чаронда	Итого
<i>I группа</i>											
1. Передвижение внутри волости-уезда:											
а) Скитаются в мире	435	233	716	546	963	1490	<u>4383*</u> 17,6	4020	147	213	<u>4380</u> 29,7
б) Записались в половники	—	478	145	—	230	270	<u>1123</u> 4,4	—	—	—	—
в) Перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости-уезда	292	407	1667	268	806	279	<u>3719</u> 14,8	—	742	26	<u>768</u> 5,2
2. Выбыли за пределы уезда:											
а) Ушли в соседние поморские уезды	—	143	287	219	357	142	<u>1148</u> 4,6	—	32	15	<u>47</u> 0,3
б) «Сошли» в «Сибирские города»	—	139	1738	886	1288	27	<u>4078</u> 16,3	—	153	81	<u>234</u> 1,6
в) «Сошли» в Замосковные и другие уезды	—	—	79	36	37	226	<u>378</u> 1,5	—	3	—	3
г) «Сошли» и «съехали» безвестно	801	261	712	483	1541	698	<u>4496</u> 18,1	6000	748	192	<u>6940</u> 47,2
Итого	1528	1661	5344	2438	5222	3132	<u>19325</u> 77,3	10020	1825	527	<u>12372</u> 84,0
<i>II группа</i>											
Выбыли в результате правительственной мобилизации:											
1) Умерли на работах в разных местах	—	52	100	168	665	64	1049	81	1099	459	1639
2) Переселены на «вечное жительство» в С.-Петербург	18	13	3	12	30	61	137	—	—	7	7
3) Мобилизованы на работу и домой не вернулись	674	10	46	25	245	60	1060	17	227	96	340
4) Взятые в армию	675	733	558	373	949	118	3406	15	227	77	319
Итого	1367	808	707	578	1889	303	<u>5652</u> 22,7	113	1553	639	<u>2305</u> 16,0
Всего	2895	2469	6051	3016	7111	3435	24977	10133	3378	1166	14677

* В знаменателе — % ко всем выбывшим в своей зоне.

Направление миграций	Северо-Восточные уезды				Восточные и Приуральские уезды					Всего	% к общему числу
	Кевроль-ский	Мезен-ский	Ярен-ский	Итого	Слобод-ской	Шеста-ковский	Орлов-ский	Соли-кам-ский	Итого		
<i>I группа</i>											
1. Передвижение внутри волости-уезда:											
а) скитаются в мире	36	69	12	$\frac{117}{5,3}$	330	26	24	1895	$\frac{2275}{12,0}$	11155	18,4
б) записались в половники	—	93	9	$\frac{102}{4,6}$	33	—	24	26	$\frac{83}{0,4}$	1308	2,2
в) перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости-уезда	58	156	24	$\frac{238}{10,8}$	212	62	114	195	$\frac{583}{3,1}$	5308	8,8
2. Выбыли за пределы уезда:											
а) ушли в соседние поморские уезды	6	36	21	$\frac{63}{2,9}$	117	13	21	92	$\frac{243}{1,3}$	1501	2,4
б) «Сошли» в «Сибирские города»	211	338	45	$\frac{594}{27,2}$	120	63	—	102	$\frac{285}{1,5}$	5191	8,5
в) «Сошли» в Замосковные и другие уезды	—	7	—	$\frac{7}{0,3}$	—	—	6	1	7	395	0,7
г) «Сошли» и «съехали» известно	51	553	51	$\frac{655}{30,0}$	1680	180	273	12585	$\frac{14718}{77,7}$	26809	44,1
Итого	362	1252	162	$\frac{1776}{81,1}$	2492	344	462	14896	$\frac{18194}{96,0}$	51667	85,1
<i>II группа</i>											
Выбыли в результате правительственной мобилизации:											
1. Умерли на работах в разных местах	—	121	18	139	17	5	12	43	77	2904	4,8
2. Переселены на «вечное жительство» в С.-Петербург»	—	6	—	6	—	—	—	—	—	150	0,2
3. Мобилизованы на работу и домой не вернулись	60	14	39	113	26	15	81	—	122	1635	2,7
4. Взятые в армию	10	112	36	158	52	18	24	415	509	4392	7,2
Итого	70	253	93	$\frac{416}{18,9}$	95	38	117	458	$\frac{708}{4,0}$	9081	14,9
Всего	432	1505	255	2192	2587	382	579	15354	18902	60748	100

чивость). Таких учтено 51667 чел., или 85,1%. Среди них 17771 чел. ушли из родных деревень, но не покинули своего уезда. Они скитаются в мире, работают по найму, записались в половники, перешли жить в другие деревни и на посадки. Большинство же выбыло за пределы уезда. Переписчики на основании показаний самого населения учли выбывших в другие уезды Поморья 1501 чел., или 2,4%, «съехавших» в Сибирь — 5191 чел., или 8,5%, а 44,1% всех убывших сошли и съехали «безвестно». Можно предположить, что абсолютное большинство таких «безвестных» из северо-западных и центральных уездов направлялись в восточные, а из восточных уездов в Сибирь. Всего выбыло за пределы уездов 55,7%. Чем восточнее уезд, тем о большем числе людей показано, что они выбыли в Приуралье и Сибирь. Например, по источникам северо-западных уездов удельный вес крестьян, сказавших о выезде в Сибирь, составил всего 1,6% (от всех выбывших по этой зоне), из центральных уездов — более 16%, из северо-восточных — 27,2%. Из Соликамского уезда показали о выбытии в Сибирь всего 0,2%, но число «съехавших безвестно» составило 12585 чел., или более половины всех, не указавших мест переселения. Близость к Сибири и принимаемые тогда правительством запретительные меры на уход в Сибирь заставляли крестьян скрывать свои намерения.

Уход северных крестьян в Замосковные уезды был незначителен. Черносошного крестьянина, считавшего себя свободным, не манили районы с тяжелой формой крепостнического угнетения.

Во вторую группу сведены данные о выбывших в результате правительственной мобилизации. Они составили 14,9%. Мобилизованных на работы и не возвратившихся домой с переселенцами на «вечное» житье в столицу учтено 1785 чел. Большинство из них оставалось на новых местах, порвав навсегда с северной деревней. И это в основном были выходцы только из запустевших дворов (их семьи обнищали и разорились). Значительно больше людей не вернулось на родину из жилых дворов. Видимо, не будет преувеличением определить в целом для всего Европейского Севера России количество по разным причинам не возвратившихся мобилизованных в 5—7 тыс. душ м. п., а с учетом умерших на работах и переселенных на «вечное» житье в новую столицу и другие места — в 12—15 тыс. человек. Этот отлив падает в основном на конец XVII в. и на первые 15—17 лет следующего столетия, так как до этого времени, хотя мобилизация ремесленников из северных уездов и осуществлялась, но она была не столь значительной.

В таблице использованы данные о мобилизованных в армию в основном только из тех дворов, которые после этого обнищали. Фактически мобилизация имела более широкие масштабы. Проверка новой пустоты в 1671 г. по уезду Устюга Великого выявила, что за 50 лет было взято в солдатскую службу 2474 чел. В конце XVII в. — начале XVIII в. в армию было мобилизовано

еще больше²⁷. По подсчетам П. Н. Милюкова, в 1700—1709 гг. было взято в армию с территории всего государства не менее 200 тыс. человек²⁸, т. е. почти 4—5% от всего мужского населения страны. Если принять такой же процент и для поморских уездов, то получается, что отсюда было взято в рекруты не менее 20 тыс. чел. только за указанные годы²⁹.

Свидетельства переписных книг первой четверти XVIII в. об огромных масштабах мобилизации податного населения северных губерний на различные государственные работы дополняются сведениями, которые мы находим в актовой документации того времени.

Так, в 1710 г. правительством было предписано выслать из Архангелогородской губ. в столицу на вечное жительство 555 семей ремесленников, в том числе столяров и токарей — 14, кузнецов, котельников, медников, слесарей — 13, плотников — 496, каменщиков — 19, живописцев — 1, а также гончаров, портных и людей других специальностей. Из этого числа надлежало отправить из Вологды 167 семей, из Устюга — 50, с Ваги и Устьянских волостей — 63, из Архангельска 23 семьи. На содержание переселяемых приказано на местах было собрать 12210 рублей³⁰.

Одновременно шла мобилизация пососных, т. е. временно набираемых мастеровых людей для отбывания трудовой повинности. В 1707 г. было предписано послать с Вологды, Галича и Кинешмы на работу в Петербург 6234 чел. (отправлено 5813 чел.). В 1708 г. с Двины, Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, Кеврольского и Мезенского уездов приказано послать от каждого 15 дворов по одному человеку (всего 1555 чел.) и собрать на прокормление этих людей во время работы 7293 руб. 20 алтын. Вологда должна была послать еще 5766 чел. (отправлено 4015). Причем, мобилизация шла ежегодно. В 1709 г. Архангелогородской губернии предписано было послать 6508 чел. и собрать на их содержание 23665 руб. 26 алтын 4 деньги. За три года (1707—1709) было фактически послано на работу 10010 чел. м. п. и собрано 30817 руб. 3 алтына 4 деньги³¹.

Люди умирали в дороге и на работах, многие разбежались. Но в адрес Архангелогородского губернатора князя П. А. Голицина ежегодно шли грозные предписания «работников в Санкт-Петербургскую губернию к городскому делу выслать на указанные сроки сполна без задержания, перепоруча круглою порукою дабы дорогой не разбежались и приставить над ними тех вотчин или деревень приказчиков... и приказать им накрепко, чтобы они за работниками смотрели, и над ними добрых отставных дворян

²⁷ ЦГАДА, ф. 137. Город. кн. по Устюгу Великому, № 191, 1671 г.

²⁸ П. Н. Милюков. Указ соч., стр. 131—183.

²⁹ Первой ревизией учтено (без городов) на изучаемой территории примерно 450 тыс. душ м. п. (В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII в. — первой пол. XIX в. М., 1963). В 70-х годах XVII в. мужское население составило почти 400 тыс. душ м. п., т. е. 5% от этого числа и дает 20 тыс. чел.

³⁰ ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 229, лл. 1—8.

³¹ Там же, дд. 82, 96, 156, 165, 175, 183, 220, 308, 312 и др.

или воевод, которые дорогою за приказчиками смотрели ж и здесь сполна работников отдавали».

В 1711 г. назначено выслать на работу 5048 чел., из них в «первую» перемену 3689 чел., во вторую, в майскую — 1359 чел., из этого числа с Вологодского уезда 1502 чел., с Ваги и Устьянских волостей 477, с Устюжского уезда — 371, с Тотемского — 93 чел., и т. д.³²

Кроме Петербурга, люди направлялись в Воронеж и Азов, на строительство крепости на Двине у Архангельска, для проведения каналов (в 1719—1731 гг. шло сооружение Ладожского канала). Например, на возведении Двинской крепости в апреле 1710 г. только из Двинского уезда работало 227 чел.³³

Все это дает основание утверждать, что наибольшие тяготы в начальный период петровских реформ по строительству Петербурга, каналов и верфей, металлургических и оружейных заводов, крепостей на севере и юге страны в первую очередь пали на крестьян и ремесленников Петербургской, Архангельской, Вологодской, Новгородской и Олонецкой губерний. Это объяснялось их близостью к столице и ко многим объектам строительства, многообразной ремесленной специализацией населения, а также преобладанием в этих губерниях государственных и дворцовых крестьян, составивших первый и ближайший резерв для различных государственных мобилизаций.

Принудительная мобилизация коснулась также населения приуральских и вятских уездов. В марте 1702 г. приказано было выслать с Вятки к Архангельской крепости 1999 работных людей с кирками, заступами и лопатами, а также 982 лошади. Не все из назначенных явились, а 121 чел. бежали уже из Архангельска. В наказание 380 семей (всего 910 чел.) было сослано в Азов. В 1706 г. с населения тех же мест велено собрать деньгами по 1 руб. с двора, да с каждых 5 дворов по каменщику и кузнецу, направив людей и деньги в Архангельск. Неоднократно посылались с Вятки люди на строительство новой столицы, а в 1710 г. предписывалось выслать на постоянное поселение и работу 91 семью, в том числе 50 каменщиков, 30 плотников, слесаря, медника, котельника и т. д.³⁴

4. Социальные аспекты миграционных процессов

Уже в XVII в. переселенческое движение из Поморья начинает серьезно тревожить правительство.

Принимаются самые разнообразные меры для борьбы с бегст-

³² ЛОИИ, ф. 10, оп. 3, д. 229, лл. 13—20.

³³ Там же, д. 341, лл. 1—6. Полностью все эти документы опубликованы в сб. «Северная Русь. XVIII в.», стр. 16—40. О приписке в 1707 г. 79983 дворов для работы на Олонецкой верфи и на строительство Петербурга, Котлина, Шлиссельбурга см. П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 203.

³⁴ П. Н. Луппов. История г. Вятки. Киров, 1958, стр. 122—124.

вом, в том числе запрещение «неуказных» дорог через Урал и учреждение специальных застав для поимки и задержания беглецов. На территории Поморья проводятся сыски беглых частновладельческих и монастырских крестьян³⁵. Материал о политике и практике сыска беглых черносошных крестьян на Урале и Западной Сибири обобщен А. А. Преображенским, который пришел к выводу, что правительство и его местные органы оказались бессильными осуществить возвращение беглых поморских крестьян на старые места. Комментируя обнаруженные отпускные письма, выдававшиеся в XVII в. на руки крестьянам, покидавшим деревню, А. А. Преображенский сделал интересное наблюдение о том, что среди массы «беглых» были не только самовольно ушедшие из общины, но и легально отпущенные люди. С. И. Сакович опубликовала несколько кормежных, наемных и жилых «памятей» крестьян-отходников конца XVII в. из вологодских монастырских и помещичьих вотчин³⁶.

Рассматривая вопросы миграции, необходимо принимать в расчет, как справедливо подметил А. А. Преображенский, принципиальную разницу в подходе к проблеме перемены места жительства у крестьян, с одной стороны, и у правительства, с другой. То, что в глазах властей было криминалом и оценивалось как бегство, для черносошных крестьян обозначало довольно естественное и жизненно важное состояние и вместе с тем право на сравнительно свободное перемещение. Надо добавить, что даже писцы и переписчики, проводившие описания северных уездов в XVII — начале XVIII в., объясняя причины пустоты и выбытия людей из деревень, не употребляли термин «бежал», «в бегах» и т. д. Они отразили в документах перемену места жительства не в интерпретации правительства, а самого черносошного крестьянства: «сшел», «съехал», «сбрел», «покинул» и т. д. Например: «сшел известно в 142 г.»; «сшел в Сибирь в 142 г.»; «сшел в 150 г., в мире кормится христовым именем»; «съехал в Сибирь»; «сбрел безвестно»; «разбрелись по уездам и в Сибирь»; «а после него владел и в пусто покинул» и т. д.³⁷. Термин «бежал» встречен только в некоторых вятских и особенно приуральских уездах, а также в ландратской книге по Чаронде. В первом случае употребление этого термина объясняется близостью к Сибири, наличием вотчин Строгановых, а Чаронда переписывалась уже в 1719 г., когда стала повсеместно применяться правительственная «указная» терминология, вошедшая в словарную номенклатуру ревизского учета, когда всякий выбывший без разрешения властей считался «в бегах», «беглым» и т. д.

³⁵ В ЦГАДА, ф. «Приказные дела старых лет» отложился материал о розысках в поморских уездах беглых частновладельческих крестьян из центральных уездов.

³⁶ С. И. Сакович. Памяти кормежные, наемные и жилые крестьян-отходников конца XVII в. — «Археографический ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 166—173.

³⁷ ЦГАДА, ф. 1209, К-451, 1645 г., лл. 357, 360, 416; ЛОИИ, ф. 10, д. 2, лл. 647, 706 об. и др.

Во всех челобитных на имя царя, образно рисуя картину разорения, обнищания населения и роста пустоты в результате чрезмерной тяжести налогов и повинностей, посадские люди северных городов и крестьяне черносошных уездов обычно заканчивали свои послания сообщением, что «от тех денежных зборов крестьяне оскудали, врозь бредут»... «разбрелися врозь». В собственно крестьянской актовой документации термин «разбежались» встречается лишь в связи с жалобами на действия воевод, которые, собирая налоги, брали от каждой волости по несколько человек крестьян «на правеж», то есть сажали в тюрьму и держали их там до тех пор, пока волость не внесет всю сумму налога или накопившихся недоимок за прошлые годы. Здесь крестьян ежедневно подвергали экзекуции, пороли розгами, иногда забивали насмерть. «Стоявшие на правеже» крестьяне нередко поднимали бунт и разбежались, а иногда, как это было в 1639 и 1646—1648 гг. в Тотьме, «непослушание» этих своеобразных заложников явилось непосредственным толчком к восстанию³⁸. Объясняя причины, вызвавшие непослушание и борьбу, крестьяне сами квалифицировали уход с правежа как бегство, употребляя выражения: «разбежались», «находятся в бегах». Такая же терминология в воеводских отписках, сообщающих о непослушаниях, бунтах и восстаниях крестьян. Но когда, например, тотемскому воеводе Никифору Озерову в 1687 г. поручили провести новое описание уезда, то в его писцовой книге все покинувшие дворы не охарактеризованы беглыми, а указано, что они «сбредли от скудости», «сошли», «разбрелись» и т. д.

Итак, люди обычно переселялись, не скрывая своих намерений перед «миром» деревни, волости. Трудно себе представить, что «мир» сравнительно небольшой северной волости, тем более — деревни, не знал бы об уходе своего согражданина. Практически невозможно было «бежать» целой семье, нередко со скотом, инвентарем, запасом хлеба и одежды. Все думы и мысли такого «беглеца», побуждения к бегству не были секретом. Не случайно, что при опросе крестьян о выбывших они нередко говорили, отчего и куда ушли люди. Встречаемое «сшел безвестно» говорит чаще всего о том, что сам уходивший еще точно не определился, куда он идет и где остановится. Вероятно, именно в составе этой группы выбывших и были «самовольно» покинувшие двор и угодья. Чаще всего среди них были попавшие в различные отношения кабальной зависимости и задолженности, оказавшиеся на той степени обнищания и потери уверенности в возможном восстановлении своей хозяйственной самостоятельности, когда оставалось одно — покинуть все и «брести безвестно».

Но среди массы уходивших из родных мест членов северной крестьянской общины было немало таких, которые «выталкива-

³⁸ П. А. Колесников. Восстания в Тотьме и Тотемском уезде в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1951, стр. 272—283.

лись» зажиточной частью «мира». Такое выталкивание не обязательно могло оформляться отпускными документами. У сильных общины было немало способов прибрать выпадавшие из ослабевших рук односельчан земельные угодья, а затем и «посодействовать» обедневшим покинуть деревню.

Правительственная мобилизация взрослого мужского населения в конце XVII — первой четверти XVIII в. создала зажиточной части крестьянства еще более благоприятные условия для «чистки» северной деревни от численно все возрастающего, экономически неустойчивого населения. Волостные миры и ранее освобождались от этих элементов, прежде всего направляя их в рекруты и на работу по правительственным указам. В 1671 г. по заданию правительства в Устюжском уезде «досматривалась новая пустота», которая обнаружила яркую социальную сущность «выбраковки» из миров тяглецов из малоимущих слоев населения. Например, в Шемогодской волости было взято на солдатскую службу 10 чел., и все они были «нищие бедные оскуделые». В Ивановской волости все семьи солдат разорились, скитались в мире и сошли безвестно, а одна семья ушла в Сибирь. Жены и дети, братья и родители, не имея возможности обработать землю, закладывали или продавали свои дворы и земли.

В просмотренной нами «Описи взятых в солдат и пустоты в деревнях Устюжского уезда» приводится пример, который типичен для большинства хозяйств людей, мобилизованных в армию. После отправки в солдаты Михаила Семенова остались два брата — Павел и Иван. Вскоре Павел «четвертый жеребей с деревнишка свой спродал» своему односельчанину М. Шуклину и половнику А. Чупрякову, а сам с женой и детьми «съехал в сибирские города». Другой брат ко времени проведения досмотра сильно «оскудал». В целом по Устюжскому уезду взято на солдатскую службу 2474 чел., да из пустых дворов было «сошлых и умерших» 2351 чел. Запустело 398 вытей. Родственники лиц, взятых в солдаты, обнищали и «жеребьишки свои позакладывали», а некоторые пустые земли «люди наездом пашут»³⁹.

По мере втягивания зажиточной части крестьян в производство продуктов на рынок, увеличивалось их стремление избавиться от экономически неполноценных тяглецов. К тому же владельцам торгово-земледельческих хозяйств было выгоднее захватить уже пущенные в пахотный и сенокосный оборот угодья и даже взять на себя часть платежей, чем расширять хозяйство за счет расчистки лесных массивов. Даже более того, торгово-промышленные люди и зажиточные крестьяне неохотно брали запустевшие «запереложевшие» (поросшие лесом) крестьянские земельные участки, хотя за пользование ими новые владельцы

³⁹ ЦГАДА, ф. 137. Город. кн. по Устюгу Великому, № 191, 1671 г., лл. 37—37 об. По переписной книге 1678 г. в сельских местностях Устюжского уезда проживало около 22 тыс. душ м. п., а по досмотру вышло 4825 чел., или более 20%.

освобождались от податей на 5—10, а нередко и на 20 лет, с обязательством выплачивать в основном лишь годовой оброк. Эти пашины необходимо было расчищать от выросшего на них леса, на что требовались время и немалые затраты труда. Поэтому в оборот включались прежде всего освоенные, пригодные к немедленному использованию под сельское хозяйство земли. Так, в Устюжском уезде в 1670 г. проводилась ревизия прав духовенства и посадских людей на владение тяглыми землями в уезде. Не вся коллекция документов, которые предъявлялись во время проверки, сохранилась до наших дней. Изучавшему эти материалы Ю. А. Тихонову удалось отобрать и подвергнуть дипломатическому анализу 228 актов, из них только пять — на приобретение запустевших крестьянских участков по данным от волостных людей. Широко втянутые в рыночные отношения богатеи этого уезда предпочитали вести торговое земледелие прежде всего на купленных землях (в коллекции 42 купчих), на захваченных по закладным кабалам и попустыням «памятям»⁴⁰.

По данным этих документов некоторые бывшие владельцы становились половниками, о многих ничего не сказано, но, вероятно, им ничего не оставалось, как уходить из деревни.

Сохранились материалы такой проверки прав владения тяглыми землями в 1651 г. в Тотемском уезде. Правда, результаты дошли до нас не в форме самих актов, а в записи опроса населения о времени и условиях перехода крестьянских тяглых участков в руки духовенства и посадских людей. Сохранилась также книга со списками купчих и закладных, но это сделки только между посадскими людьми⁴¹. Относительно многих владений опрошенные показали, что им неизвестно, на каких условиях перешли крестьянские участки в руки посадских людей. Выяснено право пользования пятью полными деревнями и сорока двумя долями в деревнях восьми волостей. Только двое владели по данным памятям запустевшими участками (один по «данной» воеводы, второму «дали миром пустой жеребей тяглый»), 28 чел. владели по купчим и 17 — по закладным.

Вот что показали крестьяне Тиксенской волости о путях перехода земель в руки торгово-промышленных людей: «А покупали они и в заклад имали те тяглые деревни у волостных крестьян на малые деньги, а в купчих и в закладных поимали денег вдвое и втрое, чтобы тяглецы крестьяне тех своих тяглых деревень и впредь не выкупали... И устроили в тех государевых тяглых деревнях своих половников и пашины, и всякие заводы большие, и в хлебе и во всяких деревенских заводах изыскали себе богатство великое. А которые в тех государевых тяглых деревнях жили тяглые крестьяне, и те все разбрелись в дальние сибирские

⁴⁰ Ю. А. Тихонов. Землевладение посадских людей в Устюжском уезде XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории...», Кишинев, 1966, стр. 270—279.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 141, 1651 г., д. 59; ф. 137, Город. кн. по Тотьме, № 31, список купчих и закладных с 1627 по 1651 гг.

и в иные города, и бродят в миру, а иные разошлись жить по тем же их купленным и закладным деревням в половники»...⁴²

Комментарии излишни. Необходимо добавить, что в числе торгово-промышленных лиц были не только посадские люди, но и разбогатевшие волостные крестьяне. Так, крестьянин Окологородной волости А. Д. Клушинец, приписанный к посаду и ставший солеваром, жил в деревне Федотовской, имел деревни и доли деревень в четырех волостях, землю обрабатывал наемными людьми и половниками. Только озимой рожью он засевал около 25 дес., имел более 30 лошадей, 24 коровы, овец, свиней. Его сыновья за один год (1653/54) продали «своих деревень» 300 четвертей ржи и овса.

Крестьяне брали займы деньги под заклад своих участков не только у посадских людей, но и у своих волостных людей. В дошедших до нас делах о смене воевод перечисляется огромное количество решенных и нерешенных дел, связанных с закладными операциями. Например, в одном таком деле середины XVII в. указано, что солевар Иван Сухомесов имел кабал только на крестьянах нижней половины Толшемской волости на 122 руб. да предъявил иск «в убытках» на 40 рублей. Здесь же перечислены судебные иски по кабалам богатых крестьян к своим односельчанам, причем по тому времени на крупные суммы, до 25—30 рублей⁴³. Обычно крестьянам не удавалось вернуть взятые деньги, и отдаваемые в залог участки в конце концов «в зачет» долга переходили в руки богатеев.

Убедительное тому подтверждение можно привести по Царевской волости Тотемского уезда, где в 30—40-х годах XVII в. на этой почве между беднотой и зажиточными крестьянами борьба приобрела такую остроту, что обратила на себя внимание Москвы и вызвала вмешательство воеводы. Стоявшие во главе волости зажиточные В. Шихов, Е. Самойлов, Д. Дулепов, Д. Кондратьев и др. захватили «многие» пашни и сенокосы разорившихся и покинувших деревни крестьян. Они пустые жеребья стали отдавать в оброчное владение, а собираемые деньги приписывать «в подмогу в свое тягло». Молодые и бедные крестьяне в 1639 г. послали в Москву жалобу, за что сильно поплатились. Х. Шалгина, Ф. Матвеева и других, подписавших челобитье, теперь, как они вновь писали, «гонят из волости вон». Чтобы избавиться от тех, кто сам добровольно не ушел, названные выше земский староста и целовальники, подкупив воеводских приставов, стали ставить их на правож «сверх их жеребья и бить без милости». Расследование подтвердило это, причем у многих «у левых ног берца перебиты... и по головам и по рукам биты же». И вновь мольба на имя царя

⁴² ЦГАДА, ф. 141, 1651 г., д. 59, л. 25—26.

⁴³ ЦГАДА, ф. 141, 1652—1656 гг., д. 18, лл. 98, 101, 102, 172 и др. Если учесть, что самые квалифицированные кузнецы, повара-солевары в XVII в. зарабатывали от 1 до 3 копеек в день, а выполнявшие «черную» работу — от 1/2 до 1 копейки, то станет понятным, почему взявший займы 3—5 рублей не мог вырваться из кабалы и разорился.

защитить их, иначе им придется «пометав свои домишки и жеребья, разбрестися врозь»⁴⁴. По переписной книге 1646 г. в этой волости при 113 живущих дворах учтено 44 пустых, крестьяне которых разбрелись, скитаются в миру.

Вероятно, не без влияния крестьянской войны под руководством С. Т. Разина беднота северной деревни активизировала все формы противодействия захватническим тенденциям зажиточной части общины. В том же Тотемском уезде в Царевской и других волостях в неурожайные 1667—1671 гг., когда, по сообщению воеводы, крестьяне «голодную смертью помирают», а многие «от хлебного недороду разбрелись», зажиточные даже под заклад земельных участков не стали «бедным и скудным людям» давать хлеба на пропитание и на посев. Зато цены на хлеб они подняли до 3—4 руб. за четверть ржи. Воевода Андрей Непейцин в начале июля 1671 г. пишет в Москву, что он предписал богатым ссужать бедных зерном, чтобы те могли посеять рожь к 1672 г., но богатые хлебом «не ссужают и под заклад и в займы в письменные крепости не дают»⁴⁵. Позиция зажиточных последовательна: прямо или косвенно избавиться от экономически неустойчивых элементов, и с этой целью оформление сделок на земельные участки предпочитали в форме купчих, а не закладных.

В сложившихся условиях для бедноты оставался один выход — продать если не весь жеребей своего владения, то хотя бы какую-то долю в нем. Те, кто после ликвидации своего хозяйства направлялись из Центральных и Западных уездов в Пермь, особенно уходившие в Сибирь, получали отпускные письма.

Показателем все возрастающего влияния социально-экономических причин на миграцию служит соотношение количества крестьян, уходивших из запустевших и из жилых дворов. Как известно, стремясь к заселению и освоению Сибири, правительство уже в конце XVI в. начало поддерживать добровольное переселение туда поморского чернососного крестьянства, даже организовывало набор «охочих, гулящих людей» из поморских уездов. Правительство при этом требовало, чтобы в Сибирь уходило нетяглое население: «от отца сын и от брата брат, а от дяди племянники, и от суседа сосед». Но практика переселения в Сибирь в XVII в. разошлась с этими планами правительства, так как в Сибирь хлынуло податное тяглое население⁴⁶.

В ландратских книгах начала XVIII в. по некоторым северным уездам переписчики особо выделяли выбывших из жилых и из запустевших дворов. Из первых выбывали только некоторые члены семьи или складники двора, и после их ухода двор не переставал быть тяглым, хотя выбытие из таких дворов трудоспособного мужского населения также подрывало экономическую устойчивость двора и нередко в дальнейшем при-

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 141, 1639 г., д. 45, л. 280; 1641 г., д. 71, л. 2

⁴⁵ Там же, ф. 141, 1669 г., д. 342, лл. 85—88; 1671 г., д. 129, лл. 1—2; 1671—1673 гг., д. 74, лл. 1—34 и др.

⁴⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири... стр. 45—56.

водило к его запустению. Если же выбывал глава семьи или уходили все жители тяглого двора, то последний становился пустым.

Необходимо остановиться еще на одной особенности миграции сельского населения Поморья, заметно проявлявшейся во второй половине XVII в. В это время замечается усиление перемещения населения внутри самого уезда или отдельных районов Поморья. На это обратил внимание А. А. Преображенский, рассматривая миграцию на Урале и в Западной Сибири. По данным таблицы 28, количество крестьян, мигрирующих в пределах своих уездов, в целом по 16 уездам составляет 29,4%. По группе северо-восточных уездов их было 20,7%, по группе северо-западных — 34,9%, по центральным — 36,8%. Из Подвинья разоряющиеся крестьяне уходили на заработки в Архангельск. По переписным книгам Двинского и Важского уездов 1710 г. «кормятся» работою в Архангельске и в своих волостях более 12% всех убывших из деревень крестьян.

Таким образом, миграция XVII — начала XVIII в. не только явилась следствием изменившихся условий общественной жизни, но и сама не могла не оказывать влияния на социальные отношения. Она содействовала разрушению общинных, архаических форм артельно-складнических отношений в сельском хозяйстве и на промыслах. Миграция облегчала захват зажиточной частью крестьянства пахотных земель и сенокосов у разорявшихся односельчан. «Избыток» людских резервов в северной деревне выбрасывался за пределы Поморья, главным образом, в Сибирь, а также использовался в качестве наемной рабочей силы на месте.

5. Переселение и отходничество в XVIII — середине XIX века

Переселения крестьян продолжают во второй половине XVIII в. и на протяжении всего последующего периода до Октябрьской революции. Однако миграционные процессы, которые мы прослеживаем до реформы 1861 г., в отличие от предыдущего периода носят уже иные оттенки, имеют иные направления, протекают в других социально-экономических условиях.

Укрытые от переписей и бегство в период I—III ревизий были еще велики. Анализ ревизских сказок дает возможность представить, как все еще по старой традиции крестьяне и ремесленники пытаются бежать. Теперь и терминология, определявшая самовольный уход, вполне устойчива: на административном языке и на языке самих крестьян — это бегство. Даже скудные источники, ярко рисуя побуждения вступить на такой столь рискованный путь, как побег, отражают то беспокойно-лихорадочное состояние, в каком находилась мечущаяся «ревизская душа», задавленная тяжеловесным гнетом всей системы «государственного феодализма», властью и экономической мощью местного богача.

Трудно объяснить, пользуясь только пометами в ревизских

сказках, чем было вызвано, например, бегство нескольких семей из Тотемского уезда накануне второй ревизии, затем возвращение их в 1750-х гг. и новое бегство в 1752 г. В период между II и III ревизиями по этому уезду всего записано 436 чел. беглых, причем большая часть бежала в 1756—1760 гг.⁴⁷

По Олонецкому уезду в период между I и II ревизиями учтено беглых по посаду 53 чел., с Петровских заводов — 194, в чернососшных волостях — 595, в помещичьих и монастырских вотчинах — 51, итого 893 ревизских души, или 16% от всего числа выбывших в рекруты, в другие волости, мобилизованных на стройки и т. д.⁴⁸, не считая умерших. Как видим, процент довольно велик. И это несмотря на жесточайшие наказания за бегство.

Изучающий историю крестьянства вятских уездов А. И. Комиссаренко выявил, что в начале XVIII в. среди причин запустения дворов на первом месте стояло бегство крестьян, вызванное бедственным положением и усилением феодального гнета (44,87% пустых дворов). В 1743—1747 гг. во время второй ревизии были собраны сведения об убыли населения Хлыновского уезда более чем за 20 лет (1722—1747 гг.). Бежавших с посада оказалось 147 чел., из уезда — 1327, в том числе в 1722—1730 гг. бежало 837 крестьян (63,7%), в 1735—1740 гг. — 421 (31,72%) и в 1741—1747 гг. — 69, или 5,21%. Спад волны побегов явный, что объясняется как в этом уезде, так и во всем Поморье все возрастающей централизацией и налаженностью местного правительственного аппарата и переходом крестьян к другим формам борьбы, особенно к массовому отказу нести повинность. В период между II и III ревизиями (40—60-е годы) по станам и волостям Хлыновского уезда (по которым имелась возможность провести подсчеты) из 24658 ревизских душ, ушедших, то есть переселившихся на новые места и продолжавших платить подушные подати, учтено 910 чел., а бежавших оказалось всего 159 чел., то есть значительно меньше, чем в 20—30-х годах⁴⁹.

В XVIII в. количественно все возрастает узаконенный и поощряемый отход государственных крестьян на заработки по билетам и паспортам. Вопрос об отходничестве остается одной из ведущих проблем при исследовании хозяйственной жизни крестьян как для выяснения социально-экономических изменений в северной деревне, так и для изучения переселений, миграционных процессов. Отходничество уже в XVII в. привидело к временному, а нередко и постоянному отрыву крестьян-отходников от собственного хозяйства. Тем более это характерно для XVIII в.

В 1779 г. Яренская воеводская канцелярия получила запрос, имеются ли среди зафиксированного по третьей ревизии населения отходники, не вернувшиеся на места своего жительства, как

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 350, д. 4523.

⁴⁸ Там же, оп. 3, дд. 2562, 2564.

⁴⁹ А. И. Комиссаренко. Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII в. — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 3, Вологда, 1970, стр. 121—136.

ушедшие легально (по паспортам), так и беглые. Крестьян-отходников первой группы оказалось 542 чел., второй — 129, итого 671, да горожан 17, всего 688 чел., или 2,7% общего числа мужского населения этого уезда. В сравнении с имеющимися данными о сходках в середине XVII в. невозвращенцев 50—70-х годов XVIII в. было примерно в 3 раза меньше. В середине XVIII в. наблюдается уменьшение (по сравнению с XVII в.) общего отлива населения из коми деревни. Характерна еще одна деталь, которая представляет определенный интерес. Оказывается, что и в XVIII столетии, хотя миграция в Сибирь и уменьшилась, но оседание невозвращенцев в сибирских уездах все еще было значительным. Установлено, что из 416 невозвратившихся крестьян 134 осели в сибирских уездах (уезды не названы) да 164 остались в Иркутском, Тобольском, Нерчинском, Томском и в других, вплоть до Камчатки, а всего в Сибирь направилось 298 человек, или 71,6%⁵⁰.

В 1801 г. правительство издало указ, разрешавший купцам, мещанам и государственным крестьянам покупать ненаселенные земли, оформляя купчие «каждому от своего имени»⁵¹. Одновременно идет процесс перехода общинных крестьянских земель, индивидуальных крестьянских наделов в руки зажиточных общинников. В наказах крестьян в Уложенную комиссию перечисляются формы захвата земельных участков, причем не новые, только все чаще применяемые. На заемные деньги для уплаты подушной подати и на покупку хлеба беднота вынуждена оформлять векселя на малые сроки с записью в обеспечение «у кого какие есть оставшие пахотные и сенные покосы». При неуплате заемных денег векселя опротестовывались, земли разными путями, в том числе и по купчим, попадали в руки кредиторов.

Шел стихийный процесс переселения крестьян в пределах волостей, уездов, губерний. Правительство пыталось взять его под контроль. Во-первых, оно выделяло районы для организованного заселения, во-вторых, любое переселение требовало разрешение общины, с которой в течение определенного времени не снималась уплата податей за выбывающих, в-третьих, в 1812 г. было запрещено переселение до того времени, когда земли, отводимые для этих целей «будут приведены в известность». Но все это не смогло прекратить миграцию. Так, с 1801 по 1809 гг. из Пермской губ. в Оренбургскую переселилось более 7 тыс. душ государственных крестьян, в эту же губернию самовольно переселялись крестьяне из Вологодской и Вятской губерний⁵².

Шли переселения внутри губерний, в места, где были еще свободные казенные земли. Так, в Вологодской губернии таким

⁵⁰ Н. Ф. Демидова. Памятник местной статистики о крестьянских отходах в XVIII в. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 1, Вологда, 1970, стр. 165.

⁵¹ ПСЗ, т. XXVI, № 20075.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 625, л. 1.

районом был Никольский уезд. Туда переселялись крестьяне из соседнего Котельничского уезда Вятской губернии, а также правительством направлялись на поселение крестьяне и солдаты за различные преступления из южных губерний (Таврической, Полтавской и др.)⁵³.

Вместе с переселениями увеличивалось и отходничество. Внутренняя миграция содействовала дальнейшему хозяйственному освоению земель и природных богатств Севера. Отходничество в пределы края и в другие губернии страны обеспечивало спрос промышленности на рабочую силу. Работные люди северных солеваренных, железоделательных и других промыслов, отходники в промышленные центры были резервом формирования кадров предпролетариата и российского рабочего класса. Ярким подтверждением этому служат материалы по генеалогии (происхождение и история) работных людей Леденгского усолья, выдвинувших из своей среды немало кадровых рабочих и выдающегося революционера Ивана Васильевича Бабушкина⁵⁴, одного из тех «рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию»⁵⁵.

---

⁵³ ГАВО, ф. 276, оп. 1, д. 2584, л. 4; дд. 1163, 1165—1177 и др.

⁵⁴ П. А. Колесников. Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина. — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 3. Вологда, 1973, стр. 91—106.

⁵⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 20, стр. 81.

УРОВЕНЬ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

1. Постановка вопроса. Литература

Одним из важнейших показателей состояния земледелия является уровень производства сельскохозяйственной продукции на душу населения.

Изложенная выше история заселения Европейского Севера, выявленная динамика ввода в хозяйственный оборот земельных площадей, периодизация всех этих процессов подготовили читателя к восприятию предложенного в этом очерке материала о динамике земледельческого производства.

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» определил совокупный показатель высоты производительности общественного труда в земледелии, которым является величина чистого сбора хлебов (валовой сбор за исключением расходов на семена) в расчете на душу населения. В этой работе показана динамика чистого сбора по 50 губерниям Европейской России с 1864 по 1905 г.

Сделав вывод о повышении производительности земледельческого труда в пореформенное время, В. И. Ленин отметил, что величина чистого сбора возрастала почти везде быстрее, чем величина посева. Так, если в период с 1864 по 1905 г. чистые сборы увеличились в 2,6 раза, то площадь посева — всего в 1,43 раза. Во-вторых, доля населения, занятого земледельческим производством, «постоянно уменьшалась вследствие отвлечения населения от сельского хозяйства к торговле и промышленности, а равно и вследствие выселения крестьян за пределы Евр. России¹.

Эти выводы В. И. Ленина являются методологической основой при изучении уровня земледельческого производства в России и на Европейском Севере, где в изучаемый период было большое отвлечение населения к промыслово-ремесленной деятельности, сопровождавшееся постоянной миграцией крестьянства.

Определением уровня земледельческого производства феодальной России стали заниматься сравнительно не так давно. В 50-х годах появилось несколько специальных исследований,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 248.

посвященных этой проблеме. Во-первых, это монография Н. Л. Рубинштейна о сельском хозяйстве России второй половины XVIII в., в которой автор показывает обеспеченность страны хлебом и подводит итоги развитию хлебопашества за вторую половину этого столетия. По данным ведомостей губернаторов о посеве и урожае за 1770—1790 гг., по материалам сенатской анкеты 1767 года, топографических описаний и других источников им собраны сведения о посеве и урожае, об урожайности в большинстве губерний. Здесь имеются материалы и по Европейскому Северу. По Вологодской губернии — только за 1798 год, по Архангельской и Олонецкой — за 1795 год, по Пермской — за 1793, 1794 и 1796 гг., по Вятской губернии ведомости о посеве и урожае автором не были найдены². Отрицательный хлебный баланс отмечен во всех северных губерниях. Исследователь отмечает также, что в отличие от Центрального и Северо-Западного районов в северных губерниях большую роль играет внутригубернский отход, ведущий к сокращению внутреннего потребления хлеба.

В 1958 г. в Таллине на первой сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы этой проблеме были посвящены доклады К. В. Сивкова и И. Д. Ковальченко. Предпринимая попытку подвести некоторые итоги зернового производства на рубеже XVIII—XIX вв., К. В. Сивков для этих целей использует «Генеральные ведомости» 1801—1803 гг. Цифровые показатели о высеве и валовых сборах зерновых хлебов даны суммарно по всем 25 нечерноземным и 19 черноземным губерниям. Северные губернии особо не выделены, но автор отмечает «относительно высокие средние урожаи озимых и яровых хлебов» в уездах Архангельского и Вологодского наместничеств (до сам-5) и объясняет это «обычно хорошими урожаями ячменя, который был здесь ведущей культурой, а может быть, более обильным унавоживанием, так как благодаря обилию лугов эти местности были сравнительно хорошо обеспечены скотом»³. И. Д. Ковальченко исследовал уровень земледельческого производства России первой половины XIX в.⁴ Чистые сборы хлебов и картофеля в четвертях на душу населения автором показаны в среднем по десятилетиям с 1802 по 1860 г. (1802—1811, 1812—1820, 1821—1830, 1841—1850, 1851—1860). Статистические показатели извлечены из губернаторских отчетов (посевы в четвертях, урожайность в «самах», валовые сборы — в четвертях). В число исследованных

² Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 374—380 и приложения на стр. 444—483.

³ К. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1598». Таллин, 1959, стр. 21—32.

⁴ И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — «История СССР», 1959, № 1, стр. 53—86.

губерний включено и 5 северных; по Вологодской губернии приведены динамические ряды только за время с 1841 по 1860 г.

Обработанные материалы привели И. Д. Ковальченко к следующим выводам: «Данные по концу XVIII в. хотя и охватывают всего пятую часть губерний Европейской России, но показывают высокий рост чистого сбора на душу населения по губерниям разных районов и поэтому позволяют полагать, что в конце XVIII в. — начале XIX в. имело место общее повышение уровня земледельческого производства, рост производительности труда, прогресс в развитии основной отрасли хозяйства страны»⁵. В дальнейшем уровень земледельческого производства в ряде районов и губерний стал падать. Его падение, по мнению автора, произошло как за счет сокращения посевов на душу, так и в еще большей степени за счет снижения урожайности, что отмечается и в северном районе (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии).

В. К. Яцунский, изучая размещение земледелия в Европейской России с конца XVIII в., валовые сборы зерна и производство на душу населения показывает только с 1802 г.⁶

На основании сведений, содержащихся в губернаторских отчетах, А. С. Черевань попытался определить посевы и валовые сборы хлебов по уездам северных губерний в первой половине XIX в. Но сведения даны за один год (по уездам Вологодской губернии за 1805 г., по Архангельской — 1816 г. и т. д.). Это не позволило автору определить динамику уровня земледельческого производства⁷.

В последние годы появились новые исследования о земледелии и животноводстве в хозяйстве черносошного и других категорий северного крестьянства, отдельных монастырских вотчин, торгово-промышленных людей северных уездов в период позднего феодализма⁸. Среди них публикации о хлебном бюджете крестьянского хозяйства⁹. Особый интерес в плане нашей

⁵ Там же, стр. 72.

⁶ В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Сб. статей к 75-летию акад. Н. М. Дружинина, М., 1961.

⁷ А. С. Черевань. Из истории земледельческого хозяйства государственных крестьян Карелии, Европейского Севера России и Урала во второй половине XVIII в. — первой трети XIX в. — «Вопросы истории», Вып. 1. Петрозаводск, 1961, стр. 68—106.

⁸ См. обзор публикаций: П. А. Колесников, М. Н. Никольская, Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы (к XV сессии в Вологде в 1974 г.). — «Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни», вып. IV. Вологда, 1973, стр. 371—384.

⁹ Л. С. Прокофьева. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в.; Т. И. Осминский. Бюджет крестьян Пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.). Обе статьи в сб. «Вопросы аграрной истории», Вологда, 1968, стр. 345—376.

темы представляет уже называвшееся коллективное исследование ленинградских историков¹⁰. В нем предпринята попытка определить хлебный баланс по новгородским пятинам около 1500 г. Подводя итоги, авторы считают, что при среднем урожае сам-4 «Водская, Бежецкая и Шелонская пятины не только прокармливали себя, но накапливали некоторый резерв хлеба для продажи. В Деревской и Обонежской пятинах хлеба с полевой запашки не хватало. Но вряд ли крестьяне здесь покупали привозной хлеб. Скорее они компенсировали нехватку за счет подсеки». И далее: «Новгородская земля могла прокормить население своих городов... У нас, таким образом, нет оснований считать Новгородскую землю потребляющим районом. Этот вывод представляет интерес, так как проливает свет на характер географического разделения труда в XV — начале XVI в.»¹¹.

Нами предпринимается попытка исследовать развитие уровня земледельческого производства на Европейском Севере с XVI до конца XIX в. Основными источниками раннего периода взяты писцовые книги и акты материалы. Для более позднего времени (XVIII — первая половина XIX в.) использованы те же виды источников, что и в указанных выше трудах, то есть губернаторские отчеты, анкеты, топографические описания. Известна критика этих источников, но мы считаем возможным и необходимым ими пользоваться по соображениям, высказанным Н. Л. Рубинштейном, И. Д. Ковальченко и др.¹² За вторую половину XIX в. имеются отчеты Центрального Статистического комитета, материалы земской статистики и различных переписей, широко использованные В. И. Лениным, а позже многими советскими историками.

2. Социальная структура северного крестьянства и удельный вес населения, непосредственно занятого в земледелии

Для определения уровня земледельческого производства необходимы следующие компоненты: сопоставимая территория, общее число жителей и количество населения, непосредственно занятого в сельскохозяйственном производстве, размеры площади пахотных земель и земельная обеспеченность крестьянства, посевные площади под озимыми и яровыми, нормы высева, урожайность, валовые и чистые сборы хлебов. Наконец, важное

¹⁰ «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.». Л., 1971; «Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские народы». Л., 1974 г.

¹¹ Там же. Л., 1971, стр. 349.

¹² Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 327—329; И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 57—61; В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.». М., 1961, стр. 30—51.

значение имеет социальная структура крестьянства, ее изменение и влияние на развитие производительных сил в стране.

Некоторые из перечисленных компонентов мы уже рассмотрели: определены сопоставимые территории по уездам и выделенным исторически сложившимся районам; выяснены общее количество населения и динамика его движения в период феодализма; извлечены также площади различных земельных угодий в изучаемое время. Изучение остальных вопросов начнем с выяснения доли сельского населения, непосредственно занятого в земледелии, и социальной структуры северного крестьянства.

К населению, не занятому в земледелии, относятся посадские люди (и горожане вообще), жители ремесленно-промысловых слобод, а также непашенные бобыли и сельские нищие, если они не работают по найму в хозяйствах зажиточных крестьян. Сюда же относим церковный причт, мобилизованных в рекруты и взятых на государственные работы на весь сезон полевой страды. Из расчетов исключаем занятых весь год на морских и других промыслах и иные категории сельского населения, род занятий которых не имеет отношения к земледелию. Имущественное неравенство, перераставшее в социальное расслоение, содействовало отрыву от земледельческого производства новых групп крестьянства.

Конечно, определение количества населения, непосредственно занятого в сельскохозяйственном производстве, связано с большими трудностями, особенно если мы обращаемся к процессам в XVII—XVIII вв. И все же мы предпринимаем такого рода попытку в надежде, что это по крайней мере позволит выявить некоторые тенденции процесса, а фактический материал явится основой для дальнейших исследований.

Выяснение удельного веса населения, не занятого в земледелии, начнем с Подвинья, где занятия промыслами и отрыв от земледелия были наиболее значительны как в силу специфических почвенно-климатических условий для сельского хозяйства, так и в результате отвлечения на морские промыслы не только зимой, но и в период полевых работ, в силу большой экономической дифференциации среди крестьян, обусловившей, с одной стороны, возрастание числа безземельных крестьян и бобылей, с другой — образование того слоя сельского населения, которое формировало кадры сельской буржуазии¹³.

В исследованиях А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер и других советских историков приведены убедительные подтверждения вышесказанному¹⁴. В XVII в. имущественная дифференциация

---

¹³ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

¹⁴ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968, стр. 442—464 и др. его работы; Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.

еще ярче. Например, в 1623 г. 49,8% всех дворовладельцев Кеврольского уезда имели самые ничтожные участки пашни, от 0,15 до 2,25 дес., в то же время 9,5% крестьян владели по условиям этого уезда крупными участками от 5 до 15 дес.; за ними было почти 30% всех пахотных угодий¹⁵. В это же время в уезде проживало 110 бобыльских семей (7% от числа крестьянских и бобыльских дворов). Таким образом, уже в начале XVII в. создавался даже в этом промысловом уезде относительный избыток населения, порывавшего с земледельческим производством. С 1639 по 1645 г. из Кеврольского и Мезенского уездов ушло и не возвратилось 1295 чел., большинство из которых (около 46,3%) выбыло в Сибирь.

По переписной книге 1678 г. в Двинском уезде учтено 15112 душ м. п. Из них 2869 жили на посадах, 622 бобыля — на погостах и в деревнях, 575 вдов, их детей и подсоседников, 586 чел. церковного причта, 25 чел. таможенных и земских подъячих и их детей в волостях. Итого 4877 чел., или 32,2%. Сюда не вошли подсоседники, жившие в крестьянских дворах, так как они учтены с детьми крестьян и, вероятно, участвовали в земледелии как наемные или находившиеся в разной степени зависимости у крестьян. Таким образом, в этом уезде в сельском хозяйстве было занято 67,8% мужского населения. Причем уже в XVII в. основной отраслью сельского хозяйства здесь было животноводство¹⁶.

Наличие сохранившихся материалов подворной переписи 1785 г. по Архангельскому и Холмогорскому уездам позволяет выяснить происшедшие за 100 лет изменения. По данным этой переписи, в Холмогорском уезде, без посада, учтено 4925 дворов. Только промыслами были заняты жители 373 дворов (7,5%), все они не имели посевов. Преимущественно сельским хозяйством занимались семьи только 101 двора (2,3%), все остальные сочетали промыслы с земледелием. Среди них (принимая в расчет отхожие промыслы, которые отвлекали мужскую рабочую силу на период сельскохозяйственных работ) было учтено 1324 двора, или 26,9%. Вероятно, женская часть населения, или половина трудовой силы, занималась сельскими работами, так как большинство дворохозяев имело земли и рабочий скот. В таком случае необходимо взять не 26,9%, а лишь половину, т. е. примерно 13—14%. По анкетам переписи было беспашенных 285 бобыльских дворов (5,4%). Итак, только по этим данным не менее 25% населения совсем не было занято в земледелии или привлекалось к сельскохозяйственным работам лишь эпизодически.

По Архангельской округе в перепись 1785 года попало 4152 двора. Из них 280 беспашенных бобыльских и 800 дворов без-

¹⁵ Подсчеты по писцовой книге (ЦГАДА, ф. 1209, К-185).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1209, К-16051 (Переписная книга Двинского уезда, 1678 г.).

лошадных крестьян абсолютное большинство не имело посевов (23,6%). Почти все трудоспособное мужское население 969 дворов (23,3%) было занято отхожими промыслами, в том числе 477 дворов связано с морскими промыслами, 225 — с работой на судах и «артельщиками» в сезон полевых работ. Получается, что полностью или частично мужское население 2049 дворов не участвовало в земледельческом производстве. Сюда не вошло население посадов. Если учесть и его, то по Холмогорской и Архангельской округам такого населения было не менее 40%¹⁷.

По переписи 1678 г. всего в Тотемском уезде числилось 11052 души м. п. Из них 1055 чел. посадских жителей, 245 чел. церковного причта в волостях, 351 чел. бобылей и нищих, 131 чел. рабочих людей в Леденгском устье, 29 вкладчиков монастырских, 10 чел. приказных людей гостей и людей гостинной сотни, всего 1821 чел., или 16,5%. Таким образом, в этом уезде на земледельческое производство по этим данным приходится 83,5% всего населения (кроме собственно крестьян и половников, сюда вошло более 80 чел. наемных рабочих людей в крестьянских хозяйствах). Но фактически этот процент еще ниже, так как немало крестьян, особенно в Присухонских волостях, весь период полевых работ было занято на речном транспорте в качестве бурлаков и речных лоцманов (носников и кормщиков), в судостроении и на солеваренных промыслах¹⁸.

На материалах этого уезда хорошо прослеживается изменение социальной структуры северной деревни в XVII — первой четверти XVIII в., а следовательно, отрыв от земледельческого производства, социальное расслоение (см. табл. 29). Число бобылей, нищих, половников и разных категорий наемных людей с 5,6% в 1625 г. увеличилось по официальной статистике до 26,8% — в 1721 г. Характерно возрастание группы обнищавших людей (за 100 лет в 5 раз!). И это несмотря на огромную миграцию (см. очерк VI).

Исследователи социально-экономической истории крестьянства много уделяли внимания рассмотрению происхождения и эволюции различных категорий сельского населения, но такая группа, как нищие конца XVII и начала XVIII века фактически осталась вне поля зрения. М. М. Богословский, оперирующий главным образом статистическими данными о количестве дворов, к тому же в пределах лишь до 80-х годов XVII века, почти не учитывал недворовладельцев. Лишь там, где нищие фигурировали как владельцы дворов, он указывал и на эту категорию населения. Так, в Соли Камской в 1678 г. было 55 дворов и 96 изб нищих людей, что составляло 22,4% к общему числу

¹⁷ Подсчеты по опубликованным материалам переписи 1785 г. и по анкетам (Архангельский гос. архив, фонды № 1 и 396).

¹⁸ Н. В. Устюгов. Рабочие люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. — «Исторические записки», 1940, № 6, стр. 180—193; П. А. Колесников. Организация Нижнесухонских носников в XVII в. В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, стр. 181—200.

Категория сельского населения (душ м. п.) Тотемского уезда
в XVII — первой четверти XVIII в.

Годы	Всего сельского населения мужского пола	В том числе полнотяглых крестьян						Остальных категорий сельского населения									
		черносошных		вотчинных ¹		Итого крестьян		половников		бобылей		нищих		наемных людей		Итого	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1625	4050	3659	90,4	162	4,0	3821	94,4	88	2,1	126	3,1	нет данных		15	0,4	229	5,6
1646	4461	3571	80,3	254	5,4	3825	85,7	84	1,8	336	7,7	159	3,6	57	1,2	636	14,3
1678	9741	8506	87,3	325	3,4	8831	90,7	117	1,2	502	5,7	29	0,3	262	2,1	910	9,3
1679	9274	8271	89,2	247	3,2	8568	92,4	139	1,5	282	3,1	87	0,9	198	2,1	706	7,6
1688	6037	4387	81,0	257	4,3	5144	85,3	57	0,9	116	1,9	564	9,3	156	2,6	893	14,7
1721	8468	6008	71,0	188	3,2	6196	73,2	49	0,6	420 ²	5,0	1486	17,5	317 ³	3,7	2272	26,8

¹ В XVII в. это главным образом монастырские крестьяне.

² Бобылей 64, подворников — 42 и 314 — «солдатских отцов», близких по своему имущественному положению к бобылям и нищим.

³ Более 50 человек в черносошных деревнях, остальные — в усадьях и монастырских хозяйствах.

дворов. В 1688 г. на Тотемском посаде было учтено 126 дворов и изб нищих, что составляло 49% от общего числа дворов и изб собственно посадского населения. И это не считая изб и келий нищих, стоящих на церковной и монастырской землях, не считая тех из них, кто скитался по миру, не имея даже изб.

Нищие в волостях черносошных уездов — это разорившиеся крестьяне, потерявшие возможность использовать свою долю деревенского поветья, в большинстве своем продавших, заложивших свои земельные угодья зажиточным крестьянам. Впервые нищие крестьяне выделены отдельно от полнотяглых крестьян во время переписи 1646 г. По описи 1688 г. в волостях Тотемского уезда ни один двор за нищими не записан, но выделено 412 изб в тяглых крестьянских деревнях, где проживало 514 человек нищих. В 1721 г. в черносошных деревнях проживало уже 1444 человека нищих (17% всего мужского состава сельского населения уезда), да нищих в кельях и бродящих по миру было учтено 42 человека.

То, что нищие в черносошных деревнях были разорившиеся крестьянами, подтверждает анализ двух писцовых книг второй половины XVII в. В Царевской волости в 1688 г. было учтено 27 семейств нищих. Смотрим писцовую книгу 1676—1679 гг. и находим, что все эти 27 хозяйств числились крестьянами-дворовладельцами. Во время переписи 1688 г. они, хотя и живут в этих же деревнях, но уже не в дворах с земельными угодьями, а в избах, без пашен, а некоторые и без сенокосов¹⁹. Это довольно подвижная группа сельского населения. Примером могут служить нищие той же Царевской волости. Из 27 семей, что жили там в 1688 г., через 34 года осталось только 8. Остальные 17 семейств, или 70%, выбыли. Нищие — это одна из самых малосемейных групп сельского населения. Если на один двор (избу) в 1679 г. приходилось у черносошных крестьян по 2,6 души м. п., у половников — по 2,3, то у нищих, проживавших в деревнях — всего по 1,7. В семьях нищих смертность выше, почти все взрослые сыновья уходили из деревень в поисках работы. Именно из числа крестьян-нищих в первую очередь комплектовались кадры наемных работников в солеваренных промыслах, в кузнечном ремесле, для обслуживания речного транспорта.

Отсутствие упоминаний о нищих в документах после 1725 г. отнюдь не говорит об исчезновении этой группы населения, а является результатом изменившегося учета населения и системы податного обложения. Официальная статистика XVIII—начала XX в. стыдливо умалчивала о них. Община с уравнительным переделом земель как бы уравнивала и все имущественные категории ее членов, чем вводила в заблуждение народников и земских статистиков. Это затрудняет определить

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, К-483, лл. 9об. — 10, 12об. — 13; К-891, лл. 254—254об., 256—256об.

удельный вес населения, порвавшего с сельским хозяйством. И все же материалы V—X ревизий позволяют получить данные для сопоставления с показаниями источников XVI—начала XVIII в. Так, по X ревизии в 1858 г. в Тотемском уезде городское население, рабочие Леденгского усолья, духовенство и другие группы населения, не занятого в земледелии, составляли 7% мужского населения. Число отходников и преимущественно занимавшихся промыслами еще давало 10—15% душ м. п.

Обратимся к материалам по Яренскому уезду. Здесь была значительная группа бездворных бобылей, а также сельских бобылей, чаще всего имевших только огороды, сенокосы и скот. В 1646 г. эта группа составила 25,5% всего мужского населения, в 1678 г. — 23,5%, а с захребетниками, соседями, подсоседниками, вдовами — 26,5%²⁰. Железодельные промыслы, судостроение и солеварение занимали здесь не менее 3% в XVII в. и до 8% мужского населения в следующем столетии (см. очерк II).

В Олонецком уезде в конце XVII в. усиливается отрыв значительной массы крестьян от земледелия, особенно под влиянием правительственной мобилизации и приписки в XVIII в. к казенным заводам.

В Устьянских волостях, не имевших ни одного посада, в 1645 г. в числе 6920 душ м. п. бобылей в деревнях учтено 254, церковного причта, бобылей и нищих — 315, а всего не занятых земледельческим трудом 569 человек (8,2%). На этом уровне структура населения волостей сохранилась в 1678 г., а в начале XVIII в. число нищих и скитающихся бездворных оказалось 28,5% (на 2602 души м. п. по ландратской переписи 1717 г. их было 743 чел.). Вероятно, немало из них скрывалось и только временно отключалось от сельского хозяйства, но и при этом отрыв от земледелия увеличивался и в этих чисто сельскохозяйственных волостях²¹.

Приуральский Соликамский уезд с середины XVII в. начал отвлекать все большее число сельского населения на обслуживание солеварения. По подсчетам Н. В. Устюгова, за время с конца 70-х годов XVII в. до 1707—1708 гг. отмечено 132 случая перехода соликамских крестьян на постоянное жительство к соляным промыслам, или 11,2% по отношению ко всему взрослому населению уезда. По некоторым погостам отрыв крестьян от средств производства с переходом их к работе в промышленности составлял 14,5%²². Но и среди оставшихся в деревнях,

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, К-143 — переписная книга за 1646 г. и К-15057 — за 1678 г. Подробнее о составе населения Яренского уезда по этим переписным книгам см.: Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — «История СССР», 1961, № 6, таблица на стр. 68—69.

²¹ ЦГАДА, ф. 1209. Писцовая книга К-510, Переписная — К-15042. За 1717 г. см. ЦГАДА, ф. 350, д. 4513 (также «Северная Русь. XVIII в.», стр. 59—105).

²² Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 194—195.

например, в Городищенском погосте, по нашим подсчетам, 7% всех дворовладельцев не имели земли (нищие, бобыли, половники)²³.

В Хлыновском уезде по переписи 1710 г. около 20% крестьян не могло самостоятельно вести хозяйство; они стали половниками, бобылями, нищими и наемными людьми. В 1766 г. только из Орловского уезда на заработки ушло около 2000 крестьян. В середине XVIII в. вятские купцы ежегодно нанимали в станах и волостях Вятского края от 7,5 до 11 тыс. подвод с извозчиками²⁴.

Разорявшиеся крестьяне покидали деревню совсем или уходили на заработки, что также снижало рабочие возможности крестьянского двора. По IX ревизии в Вологодской губернии числилось 234 тыс. душ м. п. разных категорий государственных крестьян. В 1846—1853 гг. ежегодно выдавалось отходникам, уходившим на заработки, до 6 тыс. паспортов и от 20 до 29 тыс. билетов. Таким образом, до 14—15% мужского населения на различные сроки уходили из деревни²⁵.

Выясняя особенности социальной структуры северного черносошного крестьянства, мы не можем умолчать о половниках, об институте половничества, как известно, сохранившемся в XVII—XIX вв. только на Европейском Севере России. Половничеству посвящено много работ дореволюционных и советских историков (см. очерк I). Обращено внимание на выяснение в судьбе крестьянина-половника (обычно работавшего на землях монастырей, торгово-промышленных людей и зажиточных крестьян «исполу», за половину или треть урожая) трех моментов: а) начальная стадия половничества, вернее, положения крестьянина накануне перехода в половники; б) период самого половничества; 3) дальнейшая эволюция этой группы крестьян.

В литературе больше всего сказано о втором периоде. Что в этот момент действует феодальный способ эксплуатации труда — все это бесспорно. Но уже здесь, в этом состоянии половника, много такого, что дает основание для современников называть его наймитом. Гость Кирилл Босой, владевший деревнями в Устюжском уезде и эксплуатировавший труд половников, жаловался в 1646 г. на сыщика, вывозившего из Устюжского уезда беглых крестьян Заонежских погостов, и при этом следующим образом охарактеризовал положение половников: «А в наших, государь, местах живут у нас в деревнишках наших крестьяне твои государевы вольностью на урочные лета, хто

²³ ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, № 1511, лл. 416—525.

²⁴ А. И. Комиссаренко. Вятское крестьянство в 20—60-е годы XVIII в. Автореферат, канд. диссертация, М., 1966.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 19, 1856 г., д. 26491, л. 253.

на сколько лет уговоритца жить, иные на два и на три годы, как кому в которых местах поживётца. А как, государь, им урочные годы отойдут, и они, государь, переходят в иные деревни к иным хозяевам; а кому, государь, не живётца, и они и до урочных лет отходят. А сильно, государь, у нас никого не дёржат, а живут, что наймиты. А хлеб, государь, пашут на своих жонях исполу: нам половина, а им другая»²⁶. Правда, К. Босой ни словом не обмолвился о том, что договор половника очень часто осложнялся денежной ссудой, без возвращения которой половник не имел права покинуть обрабатываемый им участок.

В исследованиях В. Л. Бушуевой, Н. Ф. Демидовой, Г. Н. Лохтевой, З. А. Огризко, Ю. А. Тихонова и других приведены многочисленные факты наследственного половничества. Половник, взявший ссуду, часто не мог в течение всей жизни вернуть ее и оставлял свой долг в наследство сыну. Умирал и хозяин половника, а его права по наследству переходили к его сыну. Таким образом сменялось поколение половников и их владельцев, а отношения зависимости оставались. В таком случае половников едва ли можно рассматривать как наймитов. Здесь создавалась прочная феодальная зависимость. Тем не менее М. М. Богословский исходил из того, что поморский половник, — это фактически сельскохозяйственный рабочий, «обрабатывающий чужую землю на известных условиях»²⁷. Б. Д. Греков отмечает, что половник «оказывается очень близким к наемному на известный срок работнику, вынужденному наниматься на очень тяжелых условиях»²⁸.

Но нас больше интересует первый и третий периоды половничества. Возьмем крестьянина накануне поряжения в половники. Как он дошел до такой жизни, почему он потерял землю, скот и орудия труда, нет ли здесь закономерно действующих факторов? Б. Д. Греков справедливо указывает, что половник «это несомненный продукт разорения и обезземеления крестьянства», что половничество заметно стало расти со второй половины XV в.» в связи с ростом товарно-денежных отношений и имущественного расслоения деревни»²⁹. Чем глубже этот процесс, тем больше разоряется черносошных крестьян в Поморье, тем больше становится и половников. По нашим подсчетам, на территории бывшей Вологодской губернии в 20-х гг. XVII в. было около 6 тыс. душ м. п. половников, в 70-х годах этого столетия — более 7 тыс. чел., во время III ревизии в 1762 г. — 9141 чел. (около 9% всех черносошных крестьян). Во всех северных губерниях в это время их было более 12 тыс. душ м. п.

²⁶ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 152—153.

²⁷ М. М. Богословский. Указ. соч., т. 1, стр. 133.

²⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2, М., 1954, стр. 145.

²⁹ Там же, стр. 138, 146.

Только после Генерального межевания эта категория северного крестьянства начинает уменьшаться³⁰.

Выяснение судеб таких крестьян показало, что абсолютное их большинство перед переходом в половничество было в числе экспроприированного крестьянства. Современники называли их наймитами не столько по характеру оплаты труда, сколько по происхождению, как людей, которые потеряли собственные средства существования и вынуждены были куда-то бежать или попытаться еще удержаться на земле, но уже в качестве половника. Во многих случаях разорившийся крестьянин поряжался в полovníки тут же в своем бывшем поветье. Например, гостиний сотни торговый человек Семен Харламов завладел в деревне Скребехово жеребьем крестьянина этой деревни Максима Литвинова да купил часть деревни у крестьянина Петра Емельянова. Максим Литвинов порядился в полovníки к Харламову и продолжал жить в своем бывшем дворе, а Петр Емельянов неизвестно куда ушел³¹.

Но проследим дальнейшую эволюцию половника. Здесь важно учесть два момента: общий и частный. Общим для судеб полovníков было прикрепление их указами 20-х годов XVIII в. к государственному тяглу. В XIX в. предпринимается попытка поселить полovníков на государственных землях и влить их в состав крестьянских общин. Окончательно такое устройство было завершено только после реформы 1861 г., хотя и значительно позже мы встречаем порядные на полóвь, но уже чаще «не исполу» в прежней традиционной форме, а в перерасчете на деньги³².

Судьбы отдельных полovníков различны. Только самое небольшое число их вновь переходило в число самостоятельных крестьян. По материалам Тотемского уезда таких примеров не обнаружено, все учтенные нами полovníки вскоре вновь и уже окончательно потеряли свою самостоятельность. Часть из них оказалась в числе беспашенных бобылей и работных людей у зажиточных крестьян, некоторые записаны в числе работных людей солеварения, а многие неизвестно где доживали свой век. Это подтверждается и приведенными в указанной монографии В. А. Огризко материалами о полovníках Устюжского уезда.

* * *

Итак, выявляется тенденция к неуклонному уменьшению населения, обслуживавшего нужды земледелия. Отрыв от сельскохозяйственного производства, отмеченный уже в конце

³⁰ По Вологодской губернии в конце XVIII в. — 5753 чел. (ГАВО, ф. 18, д. 31), по X ревизии — 3054 чел.

³¹ ЦГАДА, ф. 141, 1651 г., д. 59, л. 2.

³² О переселении полovníков с владельческих на казенные земли интересный материал в ЦГИА СССР: ф. 383, Первый департамент МГИ, оп. 3, дд. 2380, 2420, 3435 и др. и в ГАВО: ф. 276, оп. 1, д. 692 и др.

XVI—XVII вв., усилился в первой четверти следующего столетия под влиянием правительственной мобилизации. Зарождение и развитие капитализма, ускорявшего социальное расслоение в деревне, меняло социальную структуру северного крестьянства. Известные по источникам XVI — начала XVIII в. такие группы сельского населения, как бобыли и нищие, подворники, соседи и подсоседники, значительная часть половников и «худые», в XVIII — первой половине XIX в. частично были поглощены развивающейся в стране промышленностью и влились в ряды российского пролетариата, а остальные образовали количественно возрастающую группу деревенской бедноты, безлошадных и беспосевных крестьянских хозяйств.

С ростом народонаселения и уменьшением доли сельских жителей, занятых в земледелии, уже в XVII в. выдвигалась задача перехода в нечерноземной зоне России к интенсификации сельскохозяйственного производства. Однако такой переход мог быть осуществлен только в ходе коренных преобразований всего общественного строя.

3. Земельная обеспеченность северного крестьянства

Несмотря на неблагоприятные климатические условия, земледелие было обязательной составной частью крестьянского хозяйства почти всех северных уездов. Поэтому крестьянский надел, земельная обеспеченность являются основным материальным условием крестьянского сельского хозяйства, важнейшим показателем его экономики, одним из составных частей аграрного вопроса.

Экономика крестьянского хозяйства является предметом пристального исследования советской исторической науки. Подвергнуты убедительной критике работы буржуазных историков, которые при изучении крестьянского хозяйства переносили центр вопроса в правовую плоскость, на изучение законодательных положений и правительственной политики относительно различных по юридически-правовому положению категорий крестьянства. Отнюдь не игнорируя эти аспекты исследований, историки-марксисты обратили пристальное внимание на изучение имущественного неравенства и перерастание его в социальное расслоение, на возникновение внутри каждой категории крестьянства экономических групп и социальных прослоек и на проявление классовой борьбы в деревне.

Как уже говорилось, по данным В. И. Семевского, средний надел получился в несколько раз выше фактического³³. Особен-

³³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, СПб., 1901. Дополнение IV о количестве земли на душу в дворянских владениях, дополнение VIII — в экономических, дополнение XIII — в черносошных волостях и т. д.

но такие погрешности расчетов заметны при определении земельной обеспеченности северных крестьян, в надел которых были зачислены все неудобные земли. В. И. Семевский «сместал и механически отождествил» две принципиально различные проблемы: размер крестьянского надела и среднюю обеспеченность земель сельского населения. Подвергая критике эти исходные положения, Н. Л. Рубинштейн приводит среднюю обеспеченность не только пахотной землей, но и реальными посевами на душу м. п. в погубернском разрезе. Оказалось, что по Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниям в среднем пахотной земли приходилось 2,4 дес., а под посевами было всего 0,8 десятины; использование пахотной земли выразилось всего в 33%. В Вятской и Пермской губерниях использование земель под посевы составляло 25—35%. Анализируя все эти данные, автор приходит к выводу, что степень использования пахотных угодий там выше, где выше товарность земледелия; на степень использования пахотных угодий оказывают влияние природные условия, оттеснение земледелия другими хозяйственными занятиями³⁴.

Общегубернские средние показатели по обеспеченности пахотными угодьями и посевами на душу м. п. могут быть раскрыты в поуездных средних величинах, а Экономические примечания дают возможность подойти к выяснению этого вопроса по каждой крестьянской даче. К сожалению, эти источники не позволяют получить необходимые сведения по каждой деревне и по дворам, так как земельные угодья указывались за дачей в целом, владельцами которой нередко были крестьяне всей волости или сельской общины³⁵.

Сопоставляя показания писцовых книг XVII в. и Экономических примечаний конца XVIII в., мы обнаруживаем уменьшение площади пашни трехпольного хозяйства на душу м. п. черносочных и дворцовых крестьян в Тотемском уезде на 0,5 дес., в Устюжском — на одну, в Важском — на 1,1 дес. Если учесть, что крестьянская «пашня» Экономических примечаний использовалась под посев только на 25—40%, то станет очевидным, сколь расходились размеры крестьянского надела и средней обеспеченности землей, пригодной под пашню.

Неравномерность распределения земельных угодий проявлялась с самого начала заселения края. Первоначально она обуславливалась трудовыми возможностями каждого складника или складнических коллективов, создававшихся для ведения сельского хозяйства. Затем на неравномерность распределения угодий стали влиять другие факторы и, прежде всего, развитие товарно-денежных отношений и включение в товарный оборот пашни и сенокосов. Введение в хозяйственный оборот удобных

³⁴ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 209—210.

³⁵ Например, в Экономических примечаниях по Тотемскому уезду владельцами дачи № 149 были крестьяне 32 деревень Царевской волости. Таких примеров много. (ЦГАДА, ф. 1355, д. 87).

приречных и прибрежных участков земли, необходимость для дальнейшего расширения пахотных угодий трудоемких работ по разделке лесных участков, рост народонаселения — все это еще больше повысило стоимость земли, приводило к малоземелью и непрерывному уменьшению крестьянского надела пашней. Снижались размеры среднего надела, шло перераспределение земли между различными социальными группами деревни.

Малоземелье северной деревни, дававшее себя знать уже в XVII в., продолжало расти и в следующем столетии и ко времени межевания приобрело угрожающий характер. Так, по данным камерального описания на душу м. п. государственных крестьян приходилось пашни паханой (в десятинах): в уездах Архангельской губернии: Кольском — 0,01, Мезенском — 0,5, Архангельском — 0,5, Холмогорском — 0,6, Онежском — 0,7, Пинежском — около 1,0, Шенкурском — 1,2. В среднем по этим северным уездам — 0,6 десятины³⁶.

При составлении камеральных описаний в Архангельской губ., где не было межевания, руководствовались показаниями источников XVII в. и самих крестьян. Это дает возможность сопоставить площади пашни. Например, в первой четверти XVII в. в Шенкурской чети (в XVIII в. — Шенкурский уезд) в среднем на душу приходилось всей пашни по 2,5 дес., в 1679 г. — по 1,7 дес., а в 1794 г. — уже только по 1,2 дес.

В Центральном государственном военно-историческом архиве есть сведения Олонецкой казенной палаты о пашне и населении мужского пола, состоящего в окладе. Сравнение этих данных с краткой таблицей Генерального межевания Олонецкого наместничества по вопросу о наделении пашни дают предпочтение первым. Дело в том, что в таблицы межевания сведения о количестве различных категорий земель объединены, а в используемом нами документе особо выделены земли чернососных крестьян без оброчных государственных угодий. Так, в Каргопольском уезде на 19973 души м. п. было всего 51354 дес. пашни, в том числе 4550 десятин оброчной. Здесь наивысшая обеспеченность крестьян пашней — по 2,3 десятины. В остальных уездах на душу м. п. собственно пашни приходилось намного меньше. По подсчетам получается по 0,9 дес. в Пудожском уезде, по 0,8 в Вытегорском, по 0,7 в Петрозаводском и Повенецком, по 0,6 в Олонецком и по 0,4 в Лодейнопольском уезде. В целом в 1784 г. в Олонецкой губернии на 90 000 душ м. п. приходилось без государственных оброчных угодий 95022 дес. пашни, или в среднем по 1,05 дес. на ревизскую душу³⁷.

В первой половине XIX в. продолжается дальнейшее снижение как земельных наделов, так и площадей пашни, пригодной под посев. В нашем распоряжении имеется официальная ведомость, составленная Министерством финансов в 1828 г., но

³⁶ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 482, лл. 42—44. См. приложение 3.

³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18888, лл. 41, 51.

в ней, как полагает Н. М. Дружинин, выведенные нормы были завышены. Фактическое положение вещей в казенной деревне было значительно тяжелее, чем рисовали министерские сводки. Тем не менее эти сведения, как справедливо отмечает Н. М. Дружинин, все же отражают тенденцию усиливавшегося малоземелья в государственной деревне России, в том числе и у бывших черносошных, монастырских, дворцовых крестьян Европейского Севера. Даже в сопоставлении с преувеличенными средними показателями, выведенными В. И. Семевским, за 50—60 лет, от Генерального межевания до учета 1828 г., земельная обеспеченность всеми «удобными землями» сократилась в несколько раз. По Вологодской губернии по табели Генерального межевания всей земли на душу м. п. приходилось у экономических крестьян по 24 дес., у государственных — 35, у дворцовых — по 64 дес., а по ведомости 1828 г. в среднем у всех категорий государственных крестьян только по 24 дес., но здесь было очень мало пригодных под пашню земель, а еще меньше ее засевалось³⁸.

Всего через 10 лет после этого, в 1836—1840 гг., ревизоры Киселева отмечают дальнейшее снижение обеспеченности государственных крестьян как всеми, так особенно удобными землями. Н. М. Дружинин объяснил уменьшение площадей удобных земель не только понижением норм надела, но и тем, что в лесистых районах Северного Поморья, Приуралья и западного Полесья органы Министерства финансов в 1828 г. считали «за бесспорно удобные земли» не только усадьбы, пашни и сенокосы, но и лесные нерасчищенные уголья. Критерий ревизоров Киселева был более правильным и отвечающим действительности: они исключили из числа наделных земель нетронутые лесные массивы; вот почему северные и западные губернии оказались через 10 лет одними из самых малоземельных³⁹. Мы можем принять этот вывод и распространить его на время межевания, когда понятие «удобные земли» толковалось слишком расширительно. Ни одна из пяти северных губерний не имела установленную 8-десятичную норму, все они не располагали даже 5-десятичным наделом, считавшимся минимальным пределом земельного обеспечения. Если взять поуездные, поволостные и внутридеревенские нормы, то мы обнаружим еще большую неравномерность надела землей. Уменьшились и наделы лесов. Лесной площади, отведенной в пользование крестьян, в среднем на ревизскую душу в северных лесных Вологодской и Вятской губерниях приходилось всего около двух десятин.

После реформы Киселева 1837—1841 гг. малоземелье продолжало усиливаться. Оно могло бы быть приостановлено увеличением крестьянских наделов за счет государственного фон-

³⁸ Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. 1, стр. 90—91.

³⁹ Там же, стр. 319.

да земель, особенно за счет фонда оброчных. Но широко практиковавшаяся в XVIII в. раздача государственных земель дворянству продолжалась и в первой половине XIX века. В работе Н. М. Дружинина приведено много подтверждений этому. Добавим, что в 40—60-х гг. XIX в. только в Вологодской губернии было роздано во владение дворянам более 100 тысяч десятин земли. Не хотело расставаться государство и с казенными оброчными статьями, которые могли быть использованы для наделения малоземельных крестьян. Эти статьи приносили большой доход государству. Начатая нарезка и отвод дополнительных участков нуждавшимся крестьянам осуществлялись чрезвычайно медленно даже в северных губерниях, в которых Министерство в первую очередь намечало проведение этой работы. В Олонецкой губернии за 10 лет только 20% крестьян получили небольшие прирезки земель.

Вряд ли будет преувеличением считать, что за время с середины XVI в. и до реформы 60-х годов XIX в. средние нормы надела пахотных земель у северных крестьян уменьшились в 2—3 раза.

4. Пашня паханая, посевы и структура зернового хозяйства

Для получения сопоставимых данных необходимо знать размеры всей пашенной земли и посевных площадей. За XVII в. прямых данных об этом нет. Писцовые книги выделяют фонд пашни паханой тяглой, которую мы полностью можем отнести к обрабатываемым землям трехпольного хозяйства. Сюда можно отнести и пашню наезжую, обычно составлявшую 1—3% общих площадей тяглой пашни. Как выше указывалось, примерно половина учтенных льготных и оброчных земель уже была включена в трехпольное хозяйство.

Размеры посевных площадей, да и то по количеству высеваемого хлеба в четвертях, источники позволяют установить не ранее чем за 70-е годы XVIII в. За предыдущие столетия таких сведений не имеется. Для их получения необходимо воспользоваться данными источников о посевах озимых и яровых культур, сохранившимися по монастырским и помещичьим хозяйствам XVII в., сопоставить их с более поздними однотипными хозяйствами и определить формулу средних величин для посевных площадей XVII в.

Поскольку за XVII—XVIII вв. нельзя пока получить сопоставимые территории по всем уездам, возьмем для всех наших расчетов уже знакомые нам экономические районы. Для определения всей площади пашни паханой, обрабатываемой по трехпольной системе в первой четверти XVII в., используем сведения нами в табл. 15 (очерк IV) данные о всех земельных угодьях. С этой целью ко всей указанной в таблице площади тяглой

паханой земли прибавляем половину от фонда льготно-оброчных земель. В результате мы получаем следующие данные о всей пашне паханой трехпольного хозяйства на 20-е годы XVII в.

1) Центральное Поморье	— 259 тыс. дес.
2) Северо-Западное	— 66 тыс. дес.
3) Северо-Восточное	— 12 тыс. дес.
4) Вятские уезды	— 32 тыс. дес.
5) Приуральские уезды	— 20 тыс. дес.
Итого	— 389 тыс. дес.

Думается, что при самом скептическом отношении к показаниям писцовых книг можно сомневаться в одном: что эти показания занижены против действительного положения вещей. Крестьяне отнюдь не были заинтересованы в полном учете обрабатываемых угодий, поскольку это вело к увеличению податного бремени.

Трехпольное хозяйство обязательно требует наличия парового поля. Источники показывают, что площадь этого поля не всегда была равна $\frac{1}{3}$ всего фонда пашенной земли. Были отклонения в сторону увеличения и уменьшения от средней величины, особенно в отдельных крестьянских хозяйствах. Однако при определении соотношения пара и площадей под посевами на больших территориях лесной части Русского государства, в том числе и в Поморье, можно пользоваться средним отношением 1 : 3. Это подтверждается убедительным примером реального соотношения парового поля и под посевами в Холмогорской округе в 1787 г. По данным проведенного тогда опроса крестьян всего было учтено пашни 12507,7 десятин, из этого под паром 4249,2 десятины, или 34%⁴⁰. Есть основания считать, что такое отношение сложилось уже в XVI в. Взяв за основу это соотношение, выводим размеры посевных площадей (табл. 30).

Т а б л и ц а 30

Паровое поле и посевные площади в первой четверти XVII в. (в тыс. дес.)

Районы Поморья	Вся пашня паханая	В том числе	
		пар	площади посева
Центральный	259	86	173
Северо-Западный	66	22	44
Северо-Восточный	12	4	8
Вятские уезды	32	10	22
Приуралье	20	6	14
Итого	389	128	261

⁴⁰ Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины... стр. 79.

Несколько сложнее определить структуру посевных площадей.

На различное соотношение площадей под яровыми и озимыми, на различие структуры зернового хозяйства в начале XVII в. все еще решающее влияние оказывали природно-климатические условия. Чем севернее и суровее они, тем с большей необходимостью следовало подбирать зерновые культуры с коротким вегетационным периодом. Многовековой опыт двинского крестьянина выдвинул на первое место ячмень, как наиболее скороспелую культуру, наиболее же устойчивой культурой для всего Севера была рожь. Структура зерновых определялась не только общими природно-климатическими условиями, но и колебалась в крестьянских хозяйствах в зависимости от многих причин, включая и различные случайности. Нехватка посевного материала после неурожайных лет или особо разорительных людских и денежных мобилизаций со стороны правительства приводили к уменьшению доли засеваемых площадей.

Для выяснения этих вопросов мы возьмем сохранившиеся сведения о посевах различных культур. Хотя это и фрагментарные данные монастырских, помещичьих, дворцовых вотчин, но, собранные исследователями, они дают возможность выявить наиболее характерные показатели для различных уездов и экономических районов Поморья, определить тенденцию изменений. При этом необходимо иметь в виду, что сами по себе приводимые источниками сведения о величине посева той или иной зерновой культуры, исчисляемой в четвертях для измерения засеянной площади, требуют коррективов на вес четверти как меры сыпучих тел в различные периоды истории⁴¹ (к тому же с учетом и веса каждой зерновой культуры в применявшейся мере). Необходимо учитывать также эволюцию норм высева, которые определялись как естественным плодородием почв, так и агротехническими мероприятиями (удобрение, отбор качественного зерна для посева, выбор зерновых культур с учетом вегетационного периода и т. д.).

В литературе принято считать, что средние нормы высева в XVI в. были по 2 четырехпудовые четверти ржи, по 2,5 четверти ячменя и по 4 четверти овса на десятину⁴². Авторы «Очер-

---

⁴¹ До конца первой четверти XVII в. вес четверти ржи — 4 пуда, со второй четверти этого столетия до 1679 г. — 6 пудов, в 1679 г. 8 пудов. (Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 69). Л. В. Черепнин считает, что шестипудовая четверть как мера сыпучих тел вошла в обиход во второй половине XVI в. (Л. В. Черепнин. Русская метрология. Л., 1944, стр. 66—67).

⁴² Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М., 1899, стр. 260; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 32. См. также материалы, опубликованные в «Актах феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.». М., 1951; «Аграрная история Северо-Запада России в XVI в.». Л., 1974, стр. 15—19.

ков истории СССР», характеризуя сельское хозяйство XVIII в., приводят средние нормы высева ржи и пшеницы по 1,5—2 четверти, овса — по 2,5—4, ячменя — по 2—3⁴³. Если севчая четверть оставалась четырехпудовой, то получается даже снижение норм высева, а если в практику вошла восьмипудовая мера сыпучих тел, то повышение норм высева ржи и пшеницы до 16 пудов на десятину вряд ли возможно, так как такая норма никогда не применялась. Вероятно, севчая четверть бытовала различная, от 4 до 8 пудов, чем и объясняются расхождения в показаниях источников. Так, в Тотемском уезде в 70—80-х гг. XVII в. севчая четверть вмещала 6 пудов ржи (высевалось на десятину по 1,25—1,5 четвертей, или по 8—9 пудов). Это соответствовало практике густоты высева в этом уезде и в XIX в.; только в начале XX века стали высевать от 9 до 10,5 пудов ржи⁴⁴. А вот в Арсеньево-Комельском монастыре Вологодского уезда в середине XVIII в., вероятно, севчая четверть оставалась четырехпудовой, так как высевалось на десятину по 2 четверти ржи (если была четверть в 8 пудов, то густота высева составила бы 16 пудов, а такой нормы нигде не было). Можно высказать предположение, что в монастырских хозяйствах до самой секуляризации севчая четверть оставалась старой, четырехпудовой. Это подтверждается источниками Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологодой, Троице-Гледенского монастыря под Великим Устюгом⁴⁵.

По анкете 1785 г. в Архангельской, Холмогорской и Шенкурской округах высев на десятину яровых был несколько ниже нормы, к примеру, Вологодского уезда. Наличие значительного стада скота в Холмогорском уезде давало больше удобрений и повышало плодородие почвы. Поэтому здесь высевалось ржи по 1 четверти (8 пудов), овса по 1,5 четверти и ячменя по 2 четверти⁴⁶. На Вологодской учебной ферме в середине XIX в., где применялась по тому времени более передовая агротехника, отбирались сортовые семена, нормой высева озимой ржи обычно была I четверть, но вес четверти отборного зерна на ферме равнялся 9—9,5 пудов, норма высева овса — 2,5—3 четверти, или 12—15 пудов, ячменя и яровой пшеницы по 10—12 пудов, льна по 5—8 пудов⁴⁷. По данным Центрального статистического комитета, за пятилетие (с 1896 по 1900 гг.) средние нормы

⁴³ Очерки истории СССР. Период феодализма, XVIII в. М., 1956, стр. 75; Ю. В. Готье считает, что в XVII в., как и в предыдущие столетия, обычно высевалось на десятину по 2 четверти ржи и по 4 четверти овса. (Указ. соч., стр. 316).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 137, Городовые книги по Тотмю, № 61-А, Б, 66-Б и другие. ГАВО, ф. 17, л. 757, л. 3.

⁴⁵ ГАВО, ф. 519, л. 23; Б. И. Жучков. Вопросы экономического положения полоничества... — «Ученые записки МГПИ имени В. П. Потемкина», т. 76, вып. 4, М., 1957, стр. 33; З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 81—82.

⁴⁶ Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины... стр. 87—88.

⁴⁷ Ф. С. Кен. Обзор действий Северной учебной фермы Вологодской губернии. СПб., 1856, стр. 14—21.

высева на десятину по Вологодской губернии в пудах составляли: 8,6 озимой ржи, 12,8 — овса, 11,2 — ячменя, 9,4 — яровой пшеницы, 9,6 — гороха⁴⁸.

Итак, при индивидуальных колебаниях нормы высева имели ту же эволюцию, что и земледельческое производство в целом. До XVII в., в период заселения и сельскохозяйственного освоения, в период первичного ввода в хозяйственный оборот земельных площадей была меньшая густота высева. С XVII столетия отмечается увеличение норм высева, особенно по яровым культурам, что определялось выпашанностью почв, состоянием агротехники и животноводства. Однако в бедняцких хозяйствах обычно не оставалось необходимого количества для высоких посевных норм зерна, а в неурожайные годы такое положение складывалось и в среднем хозяйстве. В результате малоудобренные поля засевались некондиционным зерном и по самой низкой норме высева, что снижало чистые сборы хлебов. Таким образом, изучая эволюцию уровня земледельческого производства, необходимо учитывать и нормы высева.

Почти до конца XIX в. сведения о посевах в источниках даются по количеству высеянного зерна, исчисляемого в четвертях, лишь в редких случаях мы находим указания о засеянных площадях в десятинах или четях. Для вычисления засеваемых площадей обычно принято для XVII—XVIII вв. одну четверть (8 пудов) высеянной ржи считать соответствующей площади одной десятины, а по всем яровым на десятину берется 2 четверти. Если для определения посевных площадей в Центре Русского государства такая методика не вызывает особых возражений, то вычисление посевов под озимыми и яровыми в Поморье требует учета своеобразия структуры яровых культур, преобладание ячменя в северных уездах, значительные площади под овсом, которого высевалось по 3—4 четверти на десятину. Величина отношений по высеянному зерну и по засеянной площади не идентична. Например, в 1763 г. в Куровинской пустыни Арсеньво-Комельского монастыря на площадь в 7,5 дес. было высеяно 15 четвертей ржи, а 30 четвертей овса высеяли на 10 десятин. Отношение озимых и яровых по высеянному зерну 15 : 30, или 1 : 2, а по площади 7,5 к 10, или 1 : 1,3.

На основании опубликованных и архивных источников отношение между озимыми и яровыми в площадях для всего XVII в. можно выразить в северных уездах так:

1. Вологодский — 1 : 1,2.
2. Тотемский и Устюжский — 1 : 1,3.
3. Сольвычегодский — 1 : 1,4.

---

⁴⁸ Обзор Вологодской губ. за 1902 г., стр. 2. Кстати, принятые нормы высева сейчас в Вологодской области такие: ржи 10—11 пудов, ячменя — 12,5—15, овес 13,5—15 пудов, яровой пшеницы — 13,5—15 пудов, яровой пшеницы — 13—15 пудов на гектар (Справочник нормативов для сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР, Л., 1964, стр. 11).

4. Важский, Каргопольский, Яренский, Устьянские волости, Чарондская округа — 1 : 1,4.
5. Заонежские погосты — 1 : 1,8.
6. Мезенский, Кеврольский — 1 : 3.
7. Двинский — 1 : 4.
8. Соликамский и Чердынский — 1 : 1,2.
9. Все Вятские уезды — 1 : 1.

Пользуясь этим расчетом, определяем посевные площади под озимыми и яровыми в конце первой четверти XVII в. (табл. 31). Получаем 110 тыс. дес. под озимыми и 150 тыс. дес. под яровыми.

В XVIII в. соотношение продолжает изменяться в пользу яровых культур за счет увеличения посевов под ячменем, яровой пшеницей, льном и коноплей, а также за счет травосеяния в Устюжском и Тотемском уездах («палошника» — тимофеевки). В Вологодском имении Межаковых за 1784—1791 гг. высевалось в среднем ежегодно ржи на 51 дес., за 1792—1799 г. — на 95 дес., овса соответственно на 70 и 130 дес., ячменя — на 5 и 12, пшеницы — на 9 и 36 дес. и по несколько десятин занималось под льном, коноплей, огородами. Таким образом, соотношение посевных площадей под рожью и всеми яровыми для 80-х годов 1 : 1,7, а для 90-х — 1 : 1,9⁴⁹.

Для бывшей Архангельской губернии соотношение в пользу яровых, главным образом, за счет ячменя остается почти на том же уровне. По подсчетам Ф. И. Резникова, в Холмогорской

Таблица 31

Отношение озимых и яровых в 20—30-е годы XVII в.
(в десятинах)

Экономические районы	Вся посевная площадь	В том числе		Взято отношение
		озимые	яровые	
1. Центральное Поморье в том числе:				
а) Двинский уезд	8696	1739	6957	1 : 4
б) Остальные уезды	164360	71461	92899	1 : 1,3
2. Северо-Западные	44000	17600	26400	1 : 1,5
3. Северо-Восточные	8000	2000	6000	1 : 3
4. Вятские	22000	11000	11000	1 : 1
б. Приуральские	14000	6363	7637	1 : 1,2
Итого	261056	110163	150893	1 : 1,4

⁴⁹ Подсчеты сделаны по работе Л. А. Андреевского «Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере». Вологда, 1922, также ГАВО, ф. 673, дд. 6—101.

округе в 1787 г. структура трехпольного хозяйства выглядела так: под рожью было занято 23% всей пашни, под ячменем 42,9%, под овсом 0,1%, под паром 34%⁵⁰. Из этого видно, что отношение между озимыми и яровыми в земельных площадях здесь уже 1 : 1,9, то есть яровых высевается почти в два раза больше, чем озимых.

По данным анкеты 1785 г. рисуется еще более контрастная картина. По Холмогорской округе в центральной группе волостей (Куростровская, Троице-Ухтоостровская, Ровдогогорская, Курейская, Николаевско-Матигорская и др.) рожь занимала только 19,1%, а ячмень—80,9% (соотношение 1 : 4,2). В целом по Архангельской округе удельный вес ржи составлял всего 3,8%, а ячменя—96,2% (соотношение 1 : 25,3). По Мезенской округе соответственно 24,2 и 75,8% (1 : 3,1). Только, начиная с Шенкурской округи, в ее южных волостях удельный вес ржи поднялся до 42,9%, а ячменя снижается до 18,6%, зато овес занял 38,5%. Здесь соотношение между рожью и яровыми 1 : 1,3.

Для конца XVIII—первой половины XIX в. отношение между озимыми и яровыми нами высчитано по данным губернаторских ведомостей о посевах и урожае и по другим источникам (см. табл. 32). Это отношение по засеянному зерну в четвертях. Если перевести в засеянные площади (озимые I четверть высевалась на одну десятину, яровые — в среднем по две четверти), то отношение будет в два раза меньше. Однако и по засеянным площадям в северных уездах продолжает оставаться высокий удельный вес яровых за счет посевов ячменя и овса. Только в Вологодской губернии расширяются посевы ржи и льна, в восточных губерниях растут площади под посевами яровой пшеницы, гороха и других культур⁵¹.

Таблица 32

Отношение озимых и яровых посевов в конце XVIII—первой половине XIX в.
(в тыс. четвертей)

Годы	Губернии	Уезды	Посеяно		Отношение озимых к яровым	Источники
			озимых	яровых		
1795	Архангельская		11,5	43	1 : 3,7	<i>Н. Л. Рубинштейн</i> , Указ. соч., стр. 452—453
1811	*		12,2	42	1 : 3,5	ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18382

⁵⁰ *Ф. И. Резников*. Земледелие в бассейне Северной Двины в XVII—XVIII вв., стр. 79.

⁵¹ В первые пореформенные годы структура зернового хозяйства не претерпела кардинальных изменений, но отношения засеянных площадей под

Годы	Губернии	Уезды	Посеяно		Отноше- ние ози- мых к яровым	Источники
			озимых	яро- вых		
1816	Архангельская		11,4	53,1	1 : 4,7	А. С. Черевань, Указ. соч., стр. 76.
В том числе в 1816 г.:		Кольский и Кемский	0,2	1	1 : 5	
		Мезенский	0,3	2,7	1 : 9	
		Архангель- ский	0,2	9,6	1 : 48	
		Пинежский	0,9	6,1	1 : 6,7	
		Онежский	1,2	4,6	1 : 3,9	
		Холмогор- ский	2,1	8,7	1 : 4,4	
		Шенкур- ский	6,2	20,2	1 : 3,3	
1805	Вологод- ская		150,5	352,2	1 : 2,3	ГАВО, ф. 18, д. 189
В том числе:		Яренский	3,4	6,7	1 : 2	
		Устьмысль- ский	2,9	5,2	1 : 1,7	
		Никольский	20,7	36,6	1 : 1,7	
		Сольвыче- годский	9,6	18,7	1 : 2	
		Устюж- ский	13,2	28,9	1 : 2,1	
		Грязовец- кий	27,0	47,2	1 : 1,8	
		Вологод- ский	15,0	30,0	1 : 2	
		Тотемский	9,1	38,0	1 : 4,2	
		Кадников- ский	37,0	87,3	1 : 2,3	
		Вельский	12,3	53,4	1 : 4,4	

всеми озимыми и яровыми культурами продолжали изменяться в пользу яровых за счет картофеля, льна, трав. Так, в 1881 г. в целом по Архангельской губернии оно выразилось как 1 : 2,4 (в 1832 было около 1 : 2). В Вологодской губ. в этом же году отношение было 1 : 1,3. Так было и в 1844 г. Но уменьшились посевы овса. («Временник Центрального статистического комитета МВД. Посевные площади, принимавшиеся ПСК при разработке урожая в 1881, 1886, 1893—1899 гг. по 50 губерниям Европейской России», СПб., 1901).

Годы	Губернии	Уезды	Посеяно		Отноше- ние ози- мых к яровым	Источники
			озимых	яро- вых		
1806	Вологод- ская		150,6	318,0	1 : 2,1	ГАВО, ф. 18, л. 13
1833	»		131,0	276,0	1 : 2,1	<i>Н. Брусилов.</i> Опыт описа- ния Вологод- ской губ. СПб., 1833
1844	»		188,0	354,0	1 : 1,3	<i>И. Пушкарев.</i> Описание Во- логодской губ.
1795	Олонецкая		35,0	73,5	1 : 2,1	<i>Н. Л. Рубин- штейн,</i> стр. 452—453
1811	»		42,9	63,9	1 : 1,5	ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18382
1793	Пермская		362,7	428,3	1 : 1,2	<i>Н. Л. Рубин- штейн.</i>
1794	»		352,0	327,0	1 : 0,9	Там же
1796	»		346,6	357,8	1 : 1	Там же
1799	»		320,9	457,6	1 : 1,4	Хозяйство Пермской гу- бернии, ч. 1, стр. 116
1802	»		319,7	489,7	1 : 1,5	Там же
1807	»		312,2	429,2	1 : 1,4	<i>А. С. Чере- вань,</i> Указ. соч., стр. 79
В том числе:		Пермский	30,0	46,9	1 : 1,5	
		Кунгур- ский	32,2	26,2	1 : 0,7	
		Оханский	36,4	33,2	1 : 0,9	
		Соликам- ский	33,7	55,1	1 : 1,7	
		Чердын- ский	6,0	10,2	1 : 1,7	
1765	Вятская		69,0	160,0	1 : 2,3	<i>А. И. Комис- саренко.</i> Ру- копись дис- сертации, стр. 125.
1811	»		275,0	571,0	1 : 2	ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18382

Таким образом, для всей изучаемой территории на 20-е годы XVII в. площадь пашни паханой трехпольного хозяйства определена в 389 тыс. дес., из которой $\frac{2}{3}$, или 261 тыс. дес., — посевные площади. Зная соотношение между озимыми и яровыми и нормы высева, мы можем считать, что в это время озимыми, в основном рожью, засевалось 110 163 дес., а яровыми 150 893 дес. На основании статистических данных определяются посевные площади для XVIII и XIX столетий. Все это дает возможность подойти к определению динамики уровня земледельческого производства на всей территории Европейского Севера. Но прежде необходимо рассмотреть еще ряд вопросов.

5. Животноводство

Северный крестьянин всегда стремился обеспечить такое соотношение животноводства и земледелия, которое постоянно поддерживало бы плодородие почв, повышало урожайность, обеспечивало семью мясом и молочными продуктами и т. д. На связь этих двух отраслей сельскохозяйственного производства оказывали влияние природно-климатические условия, степень товарной специализации, интенсивность введения в сельскохозяйственный оборот новых пахотных и сенокосных угодий, уровень агротехники, рост народонаселения, уровень имущественного и социального расслоения, аграрная политика феодального государства и целый ряд других факторов. Некоторых из них мы уже касались (очерки IV и V), сейчас поставлена цель определить состояние животноводства и обеспеченность скотом крестьянского хозяйства в XVI—XIX вв.

Источники XVI—XVII вв. не позволяют определить общее поголовье и среднюю обеспеченность крестьянского хозяйства скотом. Безусловно, что количество лошадей, рогатого скота, овец, свиней и птиц все время увеличивалось. Косвенным подтверждением этому служит довольно оживленная торговля скотом и продуктами животноводства уже в XVII столетии. Тотьма, В. Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, вятские города и Кунгурский уезд были крупными центрами торговли скотом и кожами. Во всех этих городах продавалось и отсюда вывозилось ежегодно в Вологду, Ярославль и к Архангельску по 10—15 тыс. сырых, красных, дубленых коровьих, телячьих и других кож⁵².

⁵² Здесь и ниже подсчеты по таможенным книгам Тотьмы, В. Устюга, Сольвычегодска за XVII в., Яренска, Кевролы, Архангельска, Кайгородка, Верховажья, Благовещенской Ярмарки за XVIII в. Это подтверждается работами: *С. В. Бахрушин*. Научные труды, т. 1, М., 1952; *А. Ц. Мерзон*, *Ю. А. Тихонов*. Указ. соч., стр. 192—195; *М. Я. Волков*. О винокуренных заводах Поморья и Приуралья в 30 — начале 50-х гг. XVIII в. — «Аграрная история Европейского Севера СССР», вып. 3, Вологда, 1970, стр. 449—464. *П. А. Колесников*. Северная Русь. XVIII в., т. 1, стр. 4—5 и др.

В XVIII в. таможенные книги фиксируют продажу самими крестьянами и особенно скупщиками всех северных уездов больших партий скота, говяжьих кож и говяжьего сала. В XVII в. стали определяться районы развитого животноводства (Подвинье, Присухойская долина, Вятская земля).

Вероятно, до XVII в. животноводство в основном удовлетворяло потребности земледелия. Но так было не в силу опережающего развития скотоводства, а в силу того, что в период земледельческого освоения распахивались целинные, еще не утратившие плодородия земли, требовавшие меньше удобрения. Если считать, что в XV—первой половине XVI в. на Европейском Севере добавлялось в пашню каждые 10 лет в среднем по 40 тыс. десятин новых целинных земель, то количество старой выпашанной пашни, требующей удобрений, было не так уж велико⁵³.

В XVII в. включение в пашню целинных земель в уездах ранней колонизации сокращается. Расширение трехпольного хозяйства в основном идет за счет пустующих переложных земель. Правда, если в оборот включался старый перелог или лесом поросшая пашня, то на первых порах также требовалось меньше удобрений, но через несколько лет потребность в них опять возрастала. К тому же и с учетом введения в трехпольное хозяйство переложных земель с конца 20-х и до конца 70-х годов XVII в. (т. е. за полвека) ежегодно включалось в пашню целинных и отдохнувших переложных земель уже не по 4 тыс., а всего лишь по одной—две тысячи дес. И этот прирост почти целиком дают восточные уезды.

Для восстановления плодородия почвы требуется большое количество навоза. По современным агротехническим требованиям на десятину, засеваемую рожью, необходимо по 25—30 тонн навоза (1500—1800 пудов). Примерный выход навоза в год от одной головы скота составляет: от коров—7—9 тонн, быков-производителей—8—9; от нетелей—5—6, от рабочих лошадей—5—6, от жеребят—3—4 тонны⁵⁴. Для обеспечения навозом одной десятины поля под рожь необходима одна лошадь, две коровы, одна нетель, один жеребенок, несколько овец, или в пересчете, по 6 голов крупного скота⁵⁵.

По сведениям фрагментарного порядка, главным образом, в хозяйствах зажиточных крестьян, обрабатывавших землю трудом наемных людей или половников, указанная норма выдерживалась, а в некоторых хозяйствах была выше. Так, в 1651 г. у А. Д. Клушинца, владевшего дер. Федотовской в Около-

⁵³ В середине XVI в. было всей пашни около 600 тыс. дес. В среднем за 150 лет ежегодный прирост в 4 тыс. дес., в десятилетие около 40 тыс. десятин.

⁵⁴ «Справочник нормативов для сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР». Л., 1964.

⁵⁵ И. И. Вильсон. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. Изд. 4, СПб., 1869, стр. 69, 345.

городной волости Тотемского уезда, обрабатывавшего землю «наемными людьми без половников», было пашни 24 чети в одном поле, или всего 36 дес. В этом году осенью шел розыск о захвате беломестцами тяглых земель. В связи с этим в опрос попал и Клушинец. К 1652 г. им было «посеяно 12 десятин ржи»⁵⁶. По нормам для удобрения этого поля требовалось около 200—259 тонн навоза, для чего, в свою очередь, необходимо иметь 12 лошадей, 24 коровы и 20 голов молодняка. У него во время описи было 16 рабочих лошадей, 3 жеребенка, 6 коров, 3 годовалых нетели, 4 овцы, несколько голов свиней и куры. На десятину приходилось несколько меньше нормы, но, судя по тому, что его хозяйство было рентабельным, урожайность — высокой, удобрений ему хватало. Посадский человек Г. Оксенов владел четвертой долей дер. Останенской, заседал 2 десятины ржи, требовалось 50—60 тонн навоза. В его хозяйстве имелось 2 лошади, 3 коровы и 3 овцы, которые давали ему около 40 тонн удобрений.

В 29 перечисленных в документе хозяйствах учтено 86 лошадей, 13 жеребят, 89 коров, 4 быка, 25 нетелей и бычков, 90 овец, 41 свинья, 10 поросят, более 20 кур.⁵⁷ Всего заседалось рожью в этих хозяйствах около 60 дес., на которые требовалось не менее 1500 тонн навоза. Наличный скот давал возможность получить не менее 1500 тонн, то есть удовлетворить полностью потребность в органических удобрениях по довольно высоким нормам и даже частично продавать.

О наличии скота в XVI—XVII вв. в крестьянском хозяйстве можно также косвенно судить по состоянию животноводства в хозяйствах половников. Во всяком случае, на основании этих данных можно получить представление о потребном количестве скота для ведения земледелия на определенной площади пашни. Это тем более будет правильно, что в порядных оговаривалось наличие рабочих лошадей. В случае, когда их у поряжавшихся в полowie не было, владелец земли давал половнику на определенных условиях своих лошадей. По данным З. А. Огризко, у половников Троице-Гледенского монастыря в среднем было по 1—2 лошади на хозяйство. В Переписной книге 1651 г. по 40 половничьим хозяйствам есть данные о наличии коров: в одном хозяйстве было 8, в одном — 7, в одном — 5, в двух — по 4, в десяти — по 3, в одиннадцати — по 2, в одиннадцати — по 1, одно хозяйство — бескоровное, о двух — нет сведений. Всего учтена 91 голова, или в среднем по 2 коровы на хозяйство. Был еще молодняк и овцы⁵⁸. К сожалению, неизвестны посевные площади. В работе З. А. Огризко упоминается половник Еремей Загудаев, засевавший поле в 3,5 дес. На этот участок полагалось внести около

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 141, 1651, д. 59, лл. 2—7.

⁵⁷ Там же, лл. 8—50.

⁵⁸ З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 98—99.

90 тонн навоза. У Загудаева было 4 рабочие и 2 молодые лошади, 2 коровы, 1 бык, 1 нетель, 6 овец, которые давали около 70 тонн удобрений.

Оговариваемся, что речь идет только об обеспечении полей органическими удобрениями. Если же взять общую потребность в тяглой конской силе, то наличие 1—2 лошадей в крестьянском хозяйстве, имевшем 1—3 дес. в одном поле, явно недостаточно. По данным В. Н. Татищева, крестьянское тягло, на которое предназначалось для обработки от 1 до 3 дес. в поле, должно иметь 2 рабочие лошади, 2 быка рабочих, иначе говоря — 3—4 лошади⁵⁹. Меньшее число рабочего скота при сохранении указанной запашки уже приводило хозяйство к разорению. Это подтверждает судьба многих половников. Например, половники Зотик Лапин и его складник А. Черепанов имели пашни 3 десятины в одном поле, а было у них всего 2 лошади. При нехватке лошадей выполнения и других работ это хозяйство все больше забиралось в долги, затем окончательно выпало из полочья. И таких хозяйств было около 10%⁶⁰.

Все перечисленные примеры об обеспеченности скотом в XVII в. хозяйств монастырских вотчин и торгово-промышленных людей, обрабатываемых трудом половников и наемных людей, многочисленные свидетельства об этом в литературе позволяют высказать предположение, что в XVI—XVII вв. в среднем на крестьянский двор приходилось по 1—2 лошади и по 2 коровы, не считая молодняка, овец и свиней. По данным писцовых книг, в конце первой четверти XVII в. всей пашни паханой на изучаемой территории учтено 389 тыс. дес. пашни трехпольного хозяйства, под рожь высевалось не менее 100 тыс. дес. Для обработки этих площадей требовалось минимально 100 тыс. лошадей, и они имелись, иначе земель пустовало бы значительно больше, чем отмечали переписи того времени. Жилых крестьянских и половничьих дворов учтено 82 тыс. По средним нормам обеспеченности скотом на Европейском Севере в это время могло быть более 100 тыс. рабочих лошадей и 150 тыс. коров, не считая молодняка.

Безусловно, что уже в XVI—XVII вв. начала проявляться все большая неравномерность наделения крестьянских хозяйств скотом. Если зажиточные крестьяне имели от 4 до 10 лошадей, то средние — по 2—3 лошади, а маломощные — всего по одной. В дальнейшем тенденция на снижение средней обеспеченности скотом и на усиление неравномерности распределения его поголовья между различными имущественными группами крестьян прослеживается все отчетливее, в то же время для восстановления естественного плодородия старопахотных земель необходимо было повышать нормы вносимых удобрений.

⁵⁹ В. Н. Татищев. Краткие экономические до деревни следующие записки. «Временник ОИДР», 1852, кн. 12.

⁶⁰ З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 138—139.

Первые обобщающие сведения о крестьянском скотоводстве по отдельным районам Европейской России мы находим в ответах на анкету Вольного экономического общества 1765 г. Н. Л. Рубинштейн свел эти сведения в особую таблицу, дополнив по Архангельской губернии данными материалов подворной переписи 1785 г. Автор указывает, что в пределах всего старого центра России с его более густым населением и большей распаханностью земли «скотоводство нигде не получило самостоятельного значения и по своим размерам было ограничено непосредственными нуждами крестьянского двора». По топографическому описанию и с учетом переписи 1785 г. автор приводит сведения по Шенкурскому, Холмогорскому, Онежскому и Мезенскому уездам. Обеспеченность «посредственных» крестьянских хозяйств во всех уездах определялась так: по 2 лошади, 3—4 коровы, от 2 до 10 овец, по паре свиней. У зажиточных имелось по 4 лошади, 6—8 коров, по 20 овец⁶¹. Мы обратились еще раз к материалам подворной переписи 1785 г. и получили более низкие средние данные, поскольку нами приняты в расчет все дворы, в том числе и безлошадные, но имевшие посевы (см. табл. 33). В среднем на двор — по одной лошади, по 2 коровы, по одному быку почти на два двора и по 2,5 овцы. Однако неравномерность наделения различных групп хозяйств была велика. Даже в самом обеспеченном по средним показателям скотом Холмогорском уезде в конце XVIII в. 17,4% дворов совсем не имели коров и 26,2% — не имели лошадей. В 1785 г.

Таблица 33

Обеспеченность скотом крестьян Архангельской губернии
в 80-х годах XVIII в.

Уезды	Всего дворов	Всего голов скота				В среднем на двор			
		лошадей	коров	быков	овец	лошадей	коров	быков	овец
Архангельский	3872	3999	7947	1611	6009	1,03	2,05	0,41	1,5
Холмогорский	4925	4629	7549	5312	9957	0,91	1,53	1,08	2,02
Онежский	311	243	542	14	628	0,77	1,73	0,04	2,01
Шенкурский	5804	8000	15725	4874	19166	1,38	2,71	0,84	3,3
Мезенский	2378	3858	4799	1531	8049	1,62	1,6	0,61	3,4
Кольский	522	82	652	49	1310	0,15	1,2	0,09	2,2
Итого:	17812	20811	37214	13391	45119	1,16	2,0	0,75	2,5

⁶¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 284. Это подтверждается и материалами камеральных описаний по этим уездам. (ЛЮИИ, ф. 36, д. 479, лл. 109 об. — 151 и др.).

в Селецкой волости этого же уезда было 140 хозяйств. В среднем приходилось на двор по 2,5 коровы и 1,5 лошади. Но бескоровных учтено 13 дворов, безлошадных — 17, с одной коровой — 20 и с одной лошастью — 69 хозяйств; у 31 крестьянина было от 4 до 10 коров, у 14% крестьян находилось 34,6% всего поголовья лошадей. По данным подворной переписи 1785 г., 70,6% крестьян Архангельского уезда были безлошадными и однолошадными, а 50% хозяйств, засевавших не более 1 дес., имели в среднем по одной лошади и по одной корове на дворе. Они не могли удобрить даже по самой минимальной норме эти небольшие участки пашни⁶². В Олонецкой губернии, по данным камерального описания, безлошадные хозяйства с низкой обеспеченностью крупным рогатым скотом составляли от 45% до 65% (Лодейнопольский уезд) всех крестьянских дворов. А в целом по губернии на 23 350 учтенных хозяйств малоимущих было 10 639, или более 45%. Иначе говоря, чуть ли не половина крестьян не была обеспечена скотом для удовлетворения нужд земледелия. К тому же 1988 хозяйств вообще не имели земли⁶³.

В XIX в. общее поголовье скота в северных губерниях продолжает расти. Так, во всех крестьянских хозяйствах Вологодской губернии в 1846 г. числилось 180 тыс. лошадей и 426 тыс. коров, в 1877 г. соответственно 218 и 482 тыс., на 1917 г. — 252 и 487 тыс. голов. В Архангельской губернии в 1856 г. лошадей 41 тыс., крупного рогатого скота 103 тыс., а на 1917 г. соответственно 54 и 166 тыс. голов. В Олонецкой губ. в 1856 г. 58 тыс. лошадей и 113 тыс. крупного рогатого скота, на 1917 г. — 67 и 238 тыс.⁶⁴. Однако при этом росло и число безлошадных, безземельных и беспосевных крестьянских хозяйств (табл. 34).

Если в 80-х годах XVIII в. в Архангельской губернии бескоровных было 13%, а безлошадных 20%, то по данным переписи 1917 г. первых стало 14,4, а вторых — 32,1%. Общее поголовье крупного рогатого скота по этим трем губерниям в период крестьянских реформ (1861, 1866 гг.) составило 563 тыс. голов, к 1871 г. поголовье до 715 тыс., а в 1914 г. составило 886 тыс. голов. Но в среднем на «ревизскую душу» количество скота уменьшилось с 0,9 до 0,7⁶⁵.

В некоторых северных районах отмечалось снижение об-

---

⁶² ГААО, ф. 1, оп. 2, дд. 69—197; ф. 396, оп. 1, дд. 3—90. Также: «Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 г.». Архангельск, 1916; П. А. Колесников. Северная Русь... XVIII в. Вологда, 1973, стр. 194—217.

⁶³ ЛОИИ, ф. 36, оп 1, д. 506.

⁶⁴ «Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. II, ч. 3, Вологодская губ.». СПб., 1850, стр. 314—315; «Вологодский сборник» под редакцией Ф. А. Арсеньева, т. 2, Вологда, 1881, стр. 1—81; «Труды Центрального статистического управления, т. VII, вып. 1. Статистический сборник 1913—1917 гг.». М., 1921, табл. IV. «Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.». СПб., 1858.

⁶⁵ Сведения о количестве скота: Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951, стр. 122—123.

Количество крестьянских хозяйств без скота, земли и посевов по переписи 1917 г. *

Губернии	Всего крестьянских хозяйств	Из них							
		без рабочего скота		без коров		без земель		без посева	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Архангельская	68882	22113	32,1	9898	14,4	2038	3,0	6085	8,8
Вологодская	294725	72867	24,7	30792	10,4	8656	3,0	21788	7,4
Олонецкая	72608	15724	21,6	7973	10,9	3539	4,8	4670	6,9

* Труды Центрального Статистического управления, т. VIII, вып. I, Статистический сборник за 1913—1917 гг., М., 1921, табл. IV.

щего поголовья скота. Снижалась его доля на десятину пашни⁶⁶. В то же время изменение структуры зернового хозяйства требовало более высокой обеспеченности скотом каждого крестьянского хозяйства и засеваемых земель. Расширились посевные площади под рожью, пшеницей, бобовыми. Эти культуры, как и огородные, а затем и картофель требовали иного баланса удобрений. Такие изменения начались уже во второй половине XVIII в. И в 70-х гг. XIX в. сложилась такая структура сельскохозяйственных культур, когда площадь под посевами, требующими удобрений, стала составлять от 50 до 90% (табл. 35).

Как видим, самая высокая потребность в удобрениях была у крестьян Архангельской губернии, где преобладали издавна площади под культурой ячменя, нуждавшимися в обязательном унавоживании. Здесь меньше вводилось в оборот новых земель, а на старых пашнях снижалось естественное плодородие.

На определение взаимозависимости между земледелием и скотоводством оказывала влияние все более четко проявлявшаяся специализация скотоводства, возникновение районов товарного животноводства. Например, в Подвинье в XVII, тем более в XVIII столетиях, скотоводство приобретало самостоятельное промыслово-торговое значение, хотя и на более узкой базе, чем в южных и восточных районах страны. В пореформенное время

Население по X ревизии и за 1911 г.; «Статистический ежегодник России. 1911 г.», СПб., 1912.

⁶⁶ И. Д. Ковальченко. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. IV, М., 1960, стр. 180.

Структура зернового хозяйства в 70-х гг. XIX в.⁶⁷

Губернии	Вся посевная площадь в десятин.	В том числе площадь под посевами, требующими удобрений				
		рожь	пшеница	ячмень	картофель	итого
Архангельская	60016	18324	1463	32487	1876	54160 90,3%
Вологодская	525893	224341	23984	64074	5035	317434 60,3%
Олонецкая	132956	55028	369	16035	3322	74754 56,1%

мы отчетливо видим экономические районы, в которых капитализм находил исторически давно сложившуюся питательную среду в сфере скотоводства.

Рассматривая животноводство и районы торгового скотоводства, В. И. Ленин писал: «Статистически охарактеризовать в этом отношении различные области России очень трудно, ибо тут важно не абсолютное количество рогатого скота, а именно количество молочного скота и его качество»⁶⁸. После Прибалтики самые высокие показатели по количеству дойных коров на 100 душ населения и производству масла и сыра в 80-е годы XIX в. падали на Северный экономический район (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии). Здесь производили на 100 душ населения по 6,1 пуда масла и по 1 пуду сыра, или почти в 2 раза больше, чем в среднем по Европейской России⁶⁹. Позже получает широкое развитие кооперация (маслодельные артели), но в них преобладали зажиточные крестьяне. В. И. Ленин, объясняя деревенской бедноте классовую природу сельской кооперации, писал: «У нас тоже заводят разные сыроваренные артели да сборные молочные... А посмотрите-ка, кому эти артели, да товарищества, да мирские аренды на руку. У нас из каждой сотни дворов не меньше двух десятков вовсе не имеют коров; три десятка имеют по одной корове: эти продают молоко из горькой нужды, дети остаются без молока, голодают, и мрут, как мухи. Богатые же мужики имеют по 3, по 4 коровы и больше, и у этих богатых мужиков половина всех крестьянских коров. Кому же на пользу идут сыроваренные артели? Ясное дело, что прежде всего помещикам и крестьянской буржуазии»⁷⁰.

⁶⁷ «Временник ЦСК МВД. Посевные площади»... СПб., 1901.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 258.

⁶⁹ Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951, стр. 128.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 161.

Таким образом, состояние и развитие животноводства — сложный и противоречивый процесс. При общем росте поголовья скота оно все меньше удовлетворяло потребности зернового производства, особенно в бедняцко-средняцких хозяйствах. Дальнейшее его развитие также упиралось в необходимость об- щих и коренных аграрных преобразований.

6. Урожайность

Урожайность является наиболее ярким показателем про- дуктивности земледельческого производства и обеспеченности нужд народного хозяйства в зерне, обеспеченности крестьянской семьи хлебом. Для характеристики состояния урожайности XV—первой половины XVIII в. нами обобщены данные, добы- тые историками и экономистами, опубликованные в моногра- фиях и статьях. Привлечены сведения, собранные в центральных и местных областных архивах. К сожалению, источники донес- ли до нас только разрозненные сведения, главным образом, об урожайности в хозяйствах северных монастырей. Во второй половине XVIII в. данные об урожайности пополняются офици- альной статистикой, донесениями и отчетами губернаторов, а также сведениями, которые мы находим в Топографических описаниях и Экономических примечаниях к Генеральному ме- жеванию, в наказах черносошных крестьян в Уложенную ко- миссию 1767 г., в материалах переписи Архангельской губернии 1785 г., в Камеральных описаниях, в заметках путешественни- ков. Более обоснованные данные об урожайности представлены Центральным статистическим комитетом, издававшим во второй половине XIX в. специальные труды⁷¹.

Историки, изучающие урожайность, встречаются с массой трудностей. Во-первых, фрагментарность сведений, оперируя ко- торыми, мы не всегда знаем, были ли благоприятные или небла- гоприятные погодные условия в том году, за который сохра- нились материалы, не всегда ясно, с каких полей собирался урожай — со старопахотных или с новин, с новоросчистой на переложных землях или в лесу. Известно, что даже при внесе- нии удобрений урожайность на старопахотных полях обычно в 2—3 раза ниже, чем на новинах. К достаточно известным под- тверждениям такого различия урожайности «в поле» и «в нови- не» по Центральной России и по северным уездам приведем

⁷¹ Губернаторские отчеты в местных областных архивах, в ЦГИА СССР в приложениях к журналам заседаний Комитета министров (ф. 1263), ко- пии в этом же архиве в фонде Совета министров внутренних дел (ф. 1281) и в некоторых других фондах. Сведения ЦСК печатались в серии изданий «Временник центрального статистического комитета МВД». В 1901 г. издан «Временник ЦСК МВД. Посевные площади, принимавшиеся ЦСК при раз- работке урожаев 1881, 1887, 1843—1899 гг. по 50 губерниям Европейской России».

примеры по хозяйству помещиков Пановых Тотемского уезда. Так, в 1826 г. урожайность ржи сорта Ваза в поле составляла сам-5,6, а на подсеке сам-22,5. Пшеница Ледянка в 1827 г. в поле —3,7, а «с дерюги»—8,6. Ячменя сорта Голый в 1830 г. с поля получили сам-3,0, а «с дерюги»—сам-11,6 и т. д.⁷². Необходимо учитывать и влияние на урожайность различных почвенно-климатических зон, по которым определялись средняя урожайность и цикл урожайных и неурожайных лет. Однако природные условия за 4—5 столетий фактически не изменились, а сельскохозяйственная техника совершенствовалась столь медленно, что мы можем определить среднюю урожайность и ее эволюцию по имеющимся у нас показателям за более ранний или более поздний периоды.

Во-вторых, в источниках почти до конца XIX в. посевы и сборы хлебов учитывались мерами сыпучих тел (коробьями, четвертями), а урожаи исчислялись не в абсолютных числах, а в «самах». Урожайность в «самах» это не только кратное от высеянного числа четвертей, но и дифференцированный показатель урожайности в абсолютных цифрах. Например, на десятину высевалось 9 пудов ржи и пшеницы, или с 1679 г. одна четверть. При урожайности сам-3 валовой сбор составлял всего 3 четверти, или 27 пудов (чистый сбор за вычетом на семена — 18 пудов). Овса высевалось по 12 пудов на десятину, или по 2—2,5 четверти. При той же урожайности валовой сбор составлял 6—7,5 четвертей, или 36 пудов (чистый сбор — 24 пуда). Ячмень, по весу зерна занимаемая среднее положение между рожью и овсом, и при урожае сам-3 давал валовой сбор примерно 32 пуда (а чистый — 21 пуд). Из этого видно, сколь низки сборы хлебов при урожайности в сам-3, а ведь она преобладала несколько столетий.

В-третьих, на урожайность оказывали влияние степень развития товарно-денежных отношений, процесс формирования аграрного рынка, его эволюции от простой аренды обмена товаров до рынка как категории товарного производства. В. И. Ленин указывал, что «внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хозяйство», но «степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»⁷³. Поскольку генезисные явления капитализма проявляются уже в XVII в., то естественно, что в этом столетии и особенно в последующих, все заметнее было воздействие рыночных отношений на эволюцию цен на землю и основную землевладельческую продукцию — рожь, овес, ячмень. Естественно, что это стимулировало повышение агротехники, а, значит, и урожайности зерновых культур, в первую очередь в районах интенсивного развития аграрного капитализма.

Е. И. Индова на основании собранного ею большого числа

⁷² ГАВО, ф. 1160, дд. 38, 40, 60 и др.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 60.

показателей вывела по всем сельскохозяйственным культурам средние урожаи и тенденцию их развития в Центральной России за вторую половину XVII—XVIII в. Сюда вошло около 200 показателей и по Северному району⁷⁴. Примечательно, что в XVII в. самая высокая урожайность ячменя и пшеницы в России была в этом районе, а урожаи ржи и овса на Севере на протяжении всего XVIII в. непрерывно возрастали: рожь от сам-3,2 до сам-3,8, овес от сам-3 до сам-3,7, что превышало средние показатели по Центрально-промышленному и Северо-Западному районам.

Эти наблюдения согласуются и с нашими. Для проверки имеющихся в литературе материалов и выводов и для выяснения эволюции урожайности за период позднего феодализма и в пореформенное время мы применили иную группировку показателей, чем это сделано в указанной работе Е. И. Индовой — свели сведения об урожайности на каждый год в хозяйствах разных категорий землепользователей. Почти за 150 лет, с 1600 по 1750 гг., получены данные по Кирилло-Белозерскому, Вологодскому Прилуцкому и Троице-Гледенскому (по Устюгом) монастырям. За 1784—1860 гг. урожайность нами определена по сведениям о посевах и сборах хлебов на барской запашке в хозяйстве одного из крупнейших вологодских помещиков — Межаковых. За 1845—1860-е гг. дается динамика урожайности на полях Северной учебной фермы. Почти за все годы имеются показатели об урожайности озимых и яровых хлебов по губерниям, а с 70—80-х годов и по каждому уезду (см. приложение № 4). Кроме этого, имеются разрозненные сведения об урожайности в хозяйствах государственных, помещичьих, двorcово-удельных крестьян.

Если брать средние показатели, то урожайность ржи во всех северных губерниях и уездах была наиболее устойчивой, при некоторых колебаниях прослеживается тенденция на ее повышение.

На пашнях Прилуцкого монастыря ее средняя урожайность за XVII столетие составляла сам-6,4 (50—55 пудов с десятины), в хозяйствах Межаковых средняя за 76 лет (с 1784 по 1860 гг.)—5,4 (около 46 пудов), на полях Северной фермы в 1845—1860 гг.—7,5 (около 65 пудов). Общая урожайность на крестьянских землях ниже, но и здесь с 3,5 в XVII — начале XVIII в. она поднялась до 3,8—в конце XVIII в., затем понизилась и только в конце XIX в. вновь поднялась. Так, общая урожайность ржи по Вологодскому уезду с 1883 по 1892 гг.—6,1. В целом по Вологодской губернии в XIX в. средняя урожайность ржи колебалась в «самах» от 2,5 до 4,8. В конце XIX «нормальными» урожаями ржи официальная статистика опре-

⁷⁴ Е. И. Индова. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII вв.) — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965 г.». Изд. МГУ, 1970, стр. 141—154. См. приложение 4.

делила сам-5. Однако, если вокруг Вологды в середине XIX в. с десятины собирали 40—50 пудов ржи, то в Тотемском и Устюжском не более 30—40 пудов, а в Яренском — еще меньше. Среднегубернские урожаи в Архангельской, Олонецкой и даже Вятской губерниях были ниже средних по Вологодской губернии. Так, в Вятской в 1851—1860 гг. урожай ржи составил только 3,3 (около 30 пудов), в 1862—1866 гг.—2,8. И все же сборы ржи были более устойчивыми, и по всему Европейскому Северу они колебались в пределах 3—4 «самов».

Относительно высокими были урожаи ячменя. По подсчетам Ф. И. Резникова средняя урожайность этой культуры, преобладавшей в зерновой структуре Подвинья в 80-х гг. XVIII в. по Холмогорской округе составляла 11,3 четверти, по Архангельской — 10,7 четвертей, по Мезенской — 9,3 и по Шенкурской—4,9 (в самах: 6; 5,5; 4,8; около 3). Считая все четверти ячменя в 7 пудов, это сбор соответственно по округам около 80, 71, 69, 35 пудов с десятины. На пашнях Прилуцкого монастыря под Вологдой средняя урожайность ячменя—сам-5,9, в хозяйствах Межаковых — 4,3, на Северной ферме — 6,5, в Тотемском уезде после реформы—3,4 (от 45 пудов в Тотемском уезде до 87 пудов на ферме). Урожаи овса были низкими, чаще всего сам-2—2,5 (24—26 пудов с десятины). Только на Северной ферме урожайность была выше.

Среди разных категорий крестьянства самая высокая урожайность по зерновым культурам в первой половине XIX столетия была на землях удельных крестьян. Например, по Вологодскому уезду по ржи она у них составляла в «самах» от 4,5 до 7,6. Общая же урожайность по уезду была 3—4. Затем по урожайности идут земли государственных крестьян, которые представляли на сельскохозяйственные выставки самое кондиционное зерно. Конечно, высокие урожаи были в хозяйствах зажиточных крестьян, о чем свидетельствуют записи П. Челищева, совершавшего поездку по Северу в 1791 г.

Определяя среднюю урожайность за отдельные хронологические периоды, мы имеем возможность выяснить и тенденцию ее развития. Если брать весь период от XV до середины XIX в., то общая средняя урожайность ржи и яровых в основном оставалась на одном и том же уровне, имея колебания в отдельные крупные отрезки времени и в зависимости от погодных условий. Имелись и зональные отклонения в зависимости от почвенно-климатических условий и культивируемых культур.

Так, в XV—XVII вв. на всем Севере общая урожайность была выше урожайности в Центральной России за счет вводимых в хозяйственный оборот новых, еще сохранивших естественное плодородие пахотных угодий, а также за счет ячменя, дававших здесь довольно высокие сборы. В конце XVII—первой половине XVIII в. в связи с расстройством сельского хозяйства в северных уездах во время реформы Петра I отмеча-

ется снижение урожайности на полях государственных (особенно приписных) крестьян, а с 40-х годов заметно снижение урожайности и на монастырской пашне. Затем наблюдается небольшое повышение урожайности, а в первой половине XIX в. — снижение. Государственная деревня переживала такой кризис, что даже правительство вынуждено было пойти на проведение реформы. Особенно снизилась урожайность в Вятских уездах, бывших в XVII в. основным поставщиком хлеба в Поморье и Сибирь. Только в 80—90-х гг. XIX в. определяется некоторый рост общей средней урожайности.

7. Динамика земледельческого производства в XVI—XIX веках

Динамика уровня земледельческого производства как бы аккумулирует все рассмотренные выше явления и процессы производственной стороны аграрных отношений. Это наиболее наглядный показатель состояния и развития производительных сил в земледелии.

Мы не имеем возможности статистически точно охарактеризовать состояние уровня земледельческого производства в XVI—XVII вв. Но тенденцию определить можно.

Попытаемся выяснить уровень земледельческого производства в XVI в. по сохранившимся сотницам и писцовым книгам. В таблице 39 выведены такие показатели по Ракульской волости Емецкого стана Двинского уезда, где в то время начало складываться поголовье высокопродуктивного скота. Затем мы взяли Кодимскую и Селецкую волости Подвинской чети Важского уезда, две волости Каргопольского уезда и собственно Яренский уезд, заселенный к этому времени русскими и коми. Соотношение между озимыми и яровыми, как и урожайность, взяты по показателям этого столетия и более позднего времени с учетом преобладания в структуре яровых ячменя и высоких его урожаев в данных районах Поморья.

Как показывают данные таблицы 36, чистый сбор на душу обоего пола в Подвинье выражался в размерах от 3,2 до 4,9 четвертей всех зерновых культур (посев составлял в Кодимской волости 1,4 четверти, в Каргопольском уезде—1,04, в малоземельной Ракульской—0,85 и в Яренском уезде—0,34 четверти на душу населения). В последней графе показана товарность зернового хозяйства, то есть остатки хлеба за вычетом зерна, необходимого на нужды самого крестьянского хозяйства. В исторической литературе нормы потребления зерна в феодальном крестьянском хозяйстве определяются неодинаково. Вероятно, ближе к истине авторы аграрной истории Северо-Запада России, взявшие годовую норму потребления (до внедрения картофеля в начале XIX в.) по 20 пудов на человека и по 20 пудов на ло-

Таблица 86

Уровень земледельческого производства во второй половине XVI в. (посевы и сборы в четвертях; посев по 1 четверти ржи, по 2 четверти яровых на десятину; население по 6 чел. обоого пола на семью) *

Волости уезда	Годы	Площадь посева в дес.		Высеяно			Урожай в самах		Собрано			Чистый сбор (за вычетом на посев)	Всего насе- ления	Чистый сбор в четверт. на душу населения	Товарность: + — за вы- четом от чи- стого сбора по 3 четвер- ти на про- довольствие и фураж
		рожь	яровые	рожь	яровые	всего	рожь	яровые	рожь	яровые	всего				
1. Кодимская и Селецкая во- лости Важ- ского у.	60-е	213	381	213	762	975	3,5	5,0	746	3810	4556	3581	720	4,9	+1421
2. Ракульская волость	50-е	120	160	120	560	680	3,5	5,0	420	2800	3220	2540	800	3,2	+140
3. Замошье и Олга Карго- польского у.	60-е	150	210	150	420	570	3,5	4,5	525	1890	2415	1845	550	3,3	+195
4. Яренский уезд	80-е	490	638	490	1276	1766	3,5	4,5	1715	5742	7457	5691	5200	1,1	-9909

* Вес четверти ржи в условиях унификации последующих подсчетов взят 8 пуд. (или 2 севчие по 4 пуда XVI в.).

шадь⁷⁵. В среднем это и составит 3 четверти зерна. Даже при сравнительно высокой урожайности в Яренском уезде хлебный дефицит выразился почти в 10 тыс. четвертей; на каждого человека своего хлеба собиралось только около 10 пудов, а ржи всего около двух пудов на едока. Несколько лучше обстояло дело в Подвинье, где крестьянское хозяйство имело положительный хлебный баланс, выделяя от 5 до 39% чистого сбора на рынок или на развитие животноводства.

И все же, как это видно из динамики урожайности, уровень земледельческого производства на душу населения в XV—первой половине XVII в. в поморских уездах был относительно высоким. Уже в 70—80-х гг. можно подметить новые черты. Хотя урожайность даже повышалась, особенно в монастырских хозяйствах и у зажиточных крестьян, но снижение земельной обеспеченности в результате как роста народонаселения, так и под воздействием социально-экономических факторов обуславливало понижение производства хлеба на душу населения. Это, в первую очередь, заметно в районах раннего освоения. Например, по нашим подсчетам в Тотемском уезде, в 20-е годы XVII в. чистый сбор на душу населения составлял от 3,5 до 4 четвертей, что давало возможность получить товарного хлеба за вычетом двух четвертей на продовольствие около 30 тыс., а за вычетом и на фураж скоту—до 12 тыс. четвертей. В 70-е годы этого же столетия в уезде все еще был положительный хлебный баланс, хотя товарная продукция после отчисления на продовольствие и фураж уменьшилась до 1200 четвертей. В XVIII в. чистый сбор на душу обоего пола начинает понижаться, а в XIX в. даже при некотором повышении урожайности хлебный баланс все время был отрицательным.

Например, в 1883—1885 гг. производилось на душу населения всего по 1,34 четверти. Безусловно, часть хлеба все время продавалась на рынке зажиточными крестьянами тотемской деревни, продавался также хлеб и в голодные годы. Но мы говорим о тех средних показателях, которые характеризуют обеспеченность всего населения. И вот такие общие усредненные показатели говорят о том, что собираемого с полей хлеба не хватало. А это один из тех уездов, где издавна было хорошо развито сельское хозяйство. Губернаторская и земская статистика XIX в. отмечает здесь более высокую урожайность в сравнении с другими северо-восточными уездами Вологодской губернии⁷⁶.

Также и в Подвинье отмечается в XIX в. снижение чистых сборов хлебов на душу населения, снижение уровня

⁷⁵ Историография этого вопроса в сб. «Аграрная история Северо-Запада России». Вторая половина XV — начало XVI в.». Л., 1971, стр. 48—50.

⁷⁶ П. А. Колесников. Динамика посевов и урожайности на землях Вологодской губернии в XVII—XIX вв. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 240—248.

земледельческого производства. Возьмем Холмогорский уезд. Как выше отмечено, в Ракульской волости, вошедшей в XVIII в. в состав этого уезда, был положительный хлебный баланс. По переписи 1785 г. в уезде засевалось рожью 2882, ячменем—5370,5 и овсом 6 десятин. В связи с высокой производственно-животноводческой специализацией, поддерживающейся спросом на архангельском рынке, более высокой культурой земледелия, урожайностью ржи в 80-е годы XVIII в. колебалась от сам-5 до сам-15 (по 5—15 четвертей с десятины), а урожайность ячменя от 8 до 30 четвертей, или от сам-4 до сам-15⁷⁷. Во второй половине XVIII в. здесь ежегодно оставалось товарного зерна от 30 до 60 тыс. четвертей. В Шенкурском уезде, где животноводство было слабее развито и где отмечалась и более низкая культура земледелия, такого количества товарного хлеба не было, однако и здесь, по свидетельству П. И. Челищева «хлеба они не покупают, а каждый год довольствуются своим и еще несколько продают».

Таким образом, в Холмогорской округе, как и в Подвинье в целом, несмотря на то, что это район раннего заселения и освоения, в силу указанных специфических особенностей в XVI—XVIII вв. идет непрерывный подъем производительных сил в сельском хозяйстве. Но уже в конце XVIII столетия и особенно в последующем начинается заметное снижение уровня земледельческого производства, во всех северных областях хлебный баланс отрицательный. Малоземелье, все возрастающее социальное расслоение свело на нет положительное действие ранее сложившейся здесь агрокультуры. В том же Холмогорском уезде в пореформенное время чистый сбор на душу населения составлял 1 четверть, а затем снизился до 0,5 четверти, иначе говоря, недоставало по годовым нормам только на продовольствие людям одной-полутора четвертей на человека.

На основании показателей, приведенных в статье И. Д. Ковальченко⁷⁸, в таблице 37 нами показано, что в целом в Архангельской губернии в первой половине XIX в. всегда был отрицательный хлебный баланс. Чистый сбор в начале столетия и в 1821—1830 гг. выразился в одну четверть на человека, а в остальные годы и того меньше.

В Вятской губернии, бывшей в XVII—XVIII вв. житницей Севера, в 1802—1811 гг. чистые сборы хлебов составили всего 2,31 четверти на человека, то есть и здесь почти ничего не оставалось на корм скоту. Правда, в 40—50-е гг. урожаи и сборы хлебов повысились, но в первые пореформенные годы вновь снизились до уровня начала XIX в. Только с 80-х годов повышаются сборы ржи при снижении сборов яровых.

Рассмотрим уровень земледельческого производства на со-

⁷⁷ Ф. И. Резников. Земледелие в бассейне Северной Двины... стр. 98.

⁷⁸ И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — «История СССР», 1959, № 1, стр. 53—85.

поставимой территории, образовавшей в XVIII в. Вологодскую губернию. Зерновое производство показано в таблице 38, а с учетом посевов картофеля—в таблице 39.

Итак, Вологодская губерния только в XVII в. имела небольшие товарные фонды, да и то при исчислении потребного зерна только на продовольствие, без выделения фуражного. С введением картофеля хлебный рацион северного крестьянина несколько улучшается, но чрезвычайно медленно. Чистый сбор картофеля на душу населения во второй половине XIX в. в этой губернии увеличился в 4 раза, составив в 1893—1902 гг. 0,25 четверти, или примерно 2 пуда на человека.

Таблица 37

Уровень зернового производства на территории Архангельской губернии в первой половине XIX в.

Годы	Высевалось озимых и яровых	Валовой сбор в четвертях	Средняя урожайность в самах	Чистый сбор в четвертях	Всего населения (тыс. чел.)	Посев на душу населения в четвертях	Чистый сбор на душу населения в четвертях	Товарность (+ —) за вычетом от чистого сбора на продовольств. по 2 четверти на человека
1802—1811	62000	270000	4,3	208000	176000	0,35	1,18	—144000
1812—1820	58000	227000	3,9	169000	200000	0,29	0,85	—231000
1821—1830	62000	284000	4,6	222000	215000	0,29	1,03	—208000
1841—1850	69000	277000	4,0	208000	234000	0,29	0,89	—260000
1851—1860	77000	257000	3,4	180000	275000	0,29	0,65	—370000

В Архангельской губернии чистые сборы картофеля накануне реформы также составляли 0,08 четверти, в Вятской и Пермской по 0,09 и в Олонецкой—0,11 (в среднем по 20—30 фунтов на человека).

Все эти средние статистические данные показывают эволюцию производительных сил в сельском хозяйстве, уровень земледельческого производства. Вместе с тем они отражают все усиливающийся кризис феодально-крепостнической системы, воздействие процесса генезиса капитализма на сельскохозяйственное производство. В связи с этим еще несколько замечаний и наблюдений.

Во-первых, сам по себе рост урожайности, хотя и является показателем улучшения агрокультуры, но не всегда отражает повышение уровня земледельческого производства, производства сельскохозяйственных продуктов на душу населения. Так, средняя урожайность в Вологодской губернии с конца XVIII в.

Таблица 38

Уровень зернового производства на территории Вологодской губернии
в XVII—XIX вв. (посевы, сборы хлебов в четвертях)⁷⁹

Годы	Высе- валось в сред- нем озимых и яровых	Валовой сбор	Средняя урожай- ность в „самах“	Чистый сбор за вычетом семян	Всего населения (тыс. чел.)	Посев на душу населения	Чистый сбор на душу населения	Товарность (+ — за вы- четом от чи- стого сбора на продо- вольствие (по 2 чет- верти на человека)
80-е гг. XVII в.	300	1050	3,5	750	310	0,97	2,40	+130
90-е гг. XVIII в.	450	1400	3,1	950	580	0,80	1,64	-210,0
1841—1850	575	1955	3,4	1380	864	0,67	1,60	-348,0
1851—1860	646	2197	3,4	1551	952	0,68	1,63	-353,0
1883—1892	726	2686	3,7	1960	1200	0,60	1,63	-440,0
1893—1902	812	3085	3,8	2273	1340	0,60	1,69	-407,0

Таблица 39

Посев и чистый сбор зерновых и картофеля

Годы	Посев на душу населения			Чистый сбор		
	зерновые	карто- фель	всего	зерновые	картофель	всего
1841—1850	0,67	0,03	0,70	1,60	0,06	1,66
1851—1860	0,68	0,03	0,71	1,63	0,08	1,71
1883—1892	0,60	0,04	0,64	1,63	0,16	1,79
1893—1902	0,60	0,06	0,66	1,69	0,25	1,94

до начала XX в. поднялась с сам-3,1 до сам-3,8 (примерно с 32 до 48 пудов с десятины), но чистые сборы на душу населения фактически остались на одном и том же уровне, а дефицит хлебного баланса увеличился в два раза, с 210 до 407 тыс. четвертей. К концу XIX в. недоставало на продовольствие почти четырех миллионов пудов зерна.

Во-вторых, за этими средними показателями скрыта ужасаю-

⁷⁹ Зерновые в тысячах четвертей. За XVII—XVIII вв. посев, валовой сбор и средняя урожайность определены по материалам писцовых книг и Генерального межевания. За 1841—1860 гг. сведения даны по подсчетам И. Д. Ковальченко, за остальные годы — по данным Центрального статистического комитета. Губернская статистика за 70—80-е годы несколько приуменьшает размеры посевов и валовых сборов. Так, за 1883—1887 годы ЦСК в среднем за пятилетие определяет посев озимых и яровых зерновых культур в 749 000 четвертей, валовой сбор — в 2 921 000 четвертей и урожай в «самах» — 3,9; губернская отчетность указывает посев в 638 000 четвертей и среднюю урожайность — 3,5. С конца XIX в. учет местной и центральной статистики стал согласовываться.

щая бедность значительной части северного крестьянства, частые голодные годы. Мы оперируем средними показателями посевов, урожаев, сборов зерна с десятины. Но реально во многих хозяйствах под посевами были значительно меньшие площади, а, значит, собиралось и хлеба меньше. В XVII в. от 20 до 50% крестьянских дворов в северных уездах Поморья имели всей пахотной земли от 0,2 до двух десятин, из которых под посевами было только 2/3. В таких хозяйствах засеивались небольшие полоски, к тому же еще разбросанные в разных местах.

В Кеврольском уезде уже в конце первой четверти XVII в. средняя обеспеченность пашней на двор составила 2,1 четь в одном поле (3,15 дес. в трех полях). Выше говорилось о неравномерном ее распределении: от 0,15 до 15 дес. на двор.

В Городищенском стане Соликамского уезда в 1707 г. проживало 162 семьи, из них 10 совсем не имели «севчей пашни» (6,2%), до 1 дес. в трех полях имели 101 семья, или 62,4%, от 1,2 до 3 дес. — 22 семьи, или 13,6, и свыше 3 дес. имели 29 хозяйств, или 17,9%⁸⁰. Но за последней группой числилось около 70% всей пашни, в то время как все остальные, составлявшие 82,1% всех семей, владели только 30% пашни.

В Холмогорском уезде в 1785 г., в котором была самая высокая на Европейском Севере урожайность и значительные остатки товарного зерна, 17% хозяйств засеивали в среднем по 0,43 дес., а 68% хозяйств — только по одной десятине. Такие семьи, собрав с десятины в среднем по 80 пудов и оставив 15 пудов на посев, оставляли на питание 65 пудов, или в среднем на человека по 10—12 пудов на год, включая это и на корм скоту (а те, кто засеивал всего 0,5 дес., годовой запас имели всего по 5—6 пудов на человека). Таким образом, 85% крестьянских хозяйств не только не давали товарного хлеба, но и сами себя не могли прокормить. Положение крестьянина этой округи осложнялось еще и тем, что 17,3% не имели коров, с одной коровой было 33,7% семей, а безлошадных 26,1%. Зато в руках 742 хозяйств, составляющих всего 15% дворов, находилось в собственности 4212, или около 56% всего поголовья⁸¹.

* * *

Все рассмотренные вопросы, характеризующие развитие производительных сил в земледелии, дают основания считать, что уже с начала XVIII в. все ошутимее давало себя знать малоземелье. Исчерпывались возможности экстенсивного развития земледелия прежним путем (право свободной заимки и наличие естественно-удобных для земледелия площадей). Экстенсивный путь развития земледелия в большинстве старинных уез-

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), книга 1611, лл. 416—471 об. Сюда вошли данные по 34 селениям стана.

⁸¹ ГААО. ф. 396, оп. 1, дд. 3—90.

дов теперь все больше упирался в необходимость вести чрезвычайно трудоемкую расчистку лесных участков под пашню. Между тем, со стороны феодального государства усилились препоны к свободному использованию лесных площадей. Изменилась социальная структура северной деревни. Малоимущие крестьяне Поморья теряли возможность применять в своих хозяйствах усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и новые приемы агротехники, которые хотя и медленно, но начинали вводиться в зажиточных хозяйствах.

В таких районах Поморья, как Подвинье, Присухонская долина, в ряде Вятских уездов создались благоприятные условия для развития животноводства, что содействовало росту пашенного земледелия, но в целом на территории Поморья уровень земледельческого производства на душу населения стал заметно снижаться. Реформа 1837—1841 гг. в государственной деревне не достигла и не могла достичь своих целей, так как кризис сельского хозяйства был следствием кризиса самой феодально-крепостнической системы.

Реформа 1861 г. хотя и дала относительно более широкие возможности для развития крестьянского сельского хозяйства, но сохранившиеся пережитки крепостничества продолжали тормозить развитие производительных сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Край, получивший некогда название Поморья, в конце XV в. полностью вошел в состав Русского государства и был одним из первых районов народной колонизации.

В силу географических и исторических причин вся территория Поморья от Вологды до берегов океана и от границ с Финляндией до Урала представляла известное единство. Однако в ходе социально-экономического развития здесь определилось пять природно-экономических зон с разной степенью заселенности, различными условиями для развития сельскохозяйственного производства и крестьянских промыслов. Формирование как единства, так и зональных особенностей края определялось и такими обстоятельствами, как наличие на его северных границах Ледовитого океана и Белого моря, позволявших в течение нескольких столетий иметь торговые связи со странами Европы. Разветвленная сеть больших и малых рек, пересекавших территорию Поморья, создавала благоприятные возможности для заселения и хозяйственного освоения края; по рекам пролегли пути за Урал, на просторы Сибири.

Выявленные тенденции развития аграрных отношений на изучаемой территории отражают не только региональную специфику; многие из них дают возможность говорить об определенной общности явлений во всей лесной части Русского государства. Здесь примерно с одинаковой интенсивностью протекал процесс земледельческого освоения территории, особенно в начальные периоды заселения. Общность прослеживается и в путях эволюции паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом, развитии сельскохозяйственных орудий, агротехники, в состоянии земледельческого производства в целом на протяжении периода феодализма. Что касается различий с центром страны, то они главным образом заключались в хронологическом несовпадении интенсивности изучаемых процессов.

Так, освоение территории для нужд сельского хозяйства в Поморье, как и во всех лесных зонах Русского государства, начиналось с освоения, в первую очередь, естественно-удобных и наиболее пригодных для земледелия площадей, открытых участ-

ков, как правило, располагавшихся по берегам рек и озер. Только по мере их использования крестьяне начинали переходить к освоению лесной целины. В Поморье первый этап хозяйственной колонизации таких открытых естественно-удобных земель в уездах раннего заселения завершается преимущественно в XV—начале XVI в., а в остальных уездах—в XVII столетии. В первых трех зонах (Центральное, Северо-Западное и Северо-Восточное Поморье) уже к середине XVI в. было построено селений и введено в хозяйственный оборот пахотных и сенокосных угодий в пределах 80—90% от числа всех учтенных по переписи в первой четверти XVII в. В Замосковном крае и в Новгородских пятинах (кроме Обонежской и некоторых местностей других пятин), как районах более раннего заселения, этот процесс завершился несколько раньше, а в Сибири—значительно позже, чем в Поморье.

Однако эта асинхронность не есть только свидетельство региональных особенностей. В определенной мере она выражает закономерность этапов хозяйственной колонизации земель в России. Переход ко второму этапу, то есть к отрыву от приречья и к освоению лесной целины, везде совпадал с общими изменениями, и, в первую очередь, социально-экономическими, политическими и демографическими.

Эволюция систем земледелия в Поморье в сравнении с Ростово-Суздальской и Новгородской землями сложилась иначе. Хотя этот процесс имел общую закономерную цикличность, но освоение края на путях народной колонизации и в сравнительно более поздний период нарушало общую закономерность. Приходившие сюда крестьяне из районов с утвердившейся системой земледелия в форме трехполья стремились и на новых местах внедрять привычную им практику. Это облегчалось наличием площадей, не нуждавшихся в вырубке лесов и в применении подсеки, а также относительно незначительной заселенностью. Лишь позже, вероятно, с XIV—XV вв., по мере использования таких земель, возникала необходимость все чаще и чаще прибегать к подсеке как средству расширения пашни. Подсечная, тем более переложная системы земледелия никогда на Севере не были преобладающими, они лишь дополняли трехпольное хозяйство, особенно в наиболее северных зонах, где чрезвычайно мало было пригодных под пашню земель. В XIX в. специалисты Министерства земледелия в подсеке видели чуть ли не единственную панацею от всех бед перед лицом нищавшего и обезземеливавшегося северного крестьянства. Но жизнь показала, что подсека в условиях феодально-крепостнической и капиталистической систем не могла стать каким-то универсальным средством повышения уровня земледельческого производства в лесной зоне России.

Сельскохозяйственные орудия изучаемого региона имели такую же цикличность развития, какая была характерна для

всего Русского государства в период феодализма. Схемы и модели орудий труда определились в основном к XVIII столетию. Приемы агротехники, состав зерновых культур в Поморье, как и во всем Русском государстве, сложились уже в XVII в.

Однако, несмотря на тормозящее действие феодально-крепостнической системы и трудности, связанные с географической средой, северное крестьянство продолжало совершенствовать орудия труда и агротехнику, зерновое хозяйство и животноводство.

В Поморье, в сравнении с уездами Центра России, долгое время отмечается более высокая урожайность на землях черносошных, дворцовых и экономических крестьян. Порайонная специализация земледелия и животноводства, определявшаяся в этом крае уже в XVII в., способствовала развитию производительных сил в сельском хозяйстве на Европейском Севере и распространению земледельческого опыта в другие районы страны.

В экономическом отношении Поморье ранее других окраин Российского государства включилось в «гигантский колониционный фонд», а наличие такого фонда «доказывается всей хозяйственной историей России»¹, следовательно, и временем феодализма. Здесь вольная народная колонизация предшествовала заселению Поволжья, Сибири и Юга. В этом отношении хозяйственное освоение Европейского Севера служило интересам феодального строя. В то же время это освоение и здесь протекало в обстановке острой борьбы с крепостническим законодательством и правительственной администрацией. В известной степени миграция поморского крестьянства в восточном направлении (прежде всего Сибирь) играла роль отдушины социальных противоречий в самом Поморье, но только в известной мере. Усиление феодально-крепостнического гнета со стороны самого государства («государственный феодализм»), дальнейший рост имущественного неравенства, перераставшего в социальное, все это обостряло социальный антагонизм в северной деревне.

Заселяя и осваивая Урал и Сибирь, черносочное крестьянство способствовало тому, что там феодальные порядки получили смягченную форму, сложились своеобразные, отвечающие местным условиям черты хозяйственной и бытовой жизни.

Применение принципов группировки сельских поселений и земельных угодий по вводу в хозяйственный оборот лесной целины, по отношению к системам земледелия и по формам землепользования, в том числе на условиях льготно-оброчного пользования, расширяют наши представления о процессе перераспределения земель и социальном антагонизме внутри северной крестьянской общины. Уже в 20-х годах XVII в. фонд льготно-оброчных пашен составлял по неполным данным от 10 до 45% всех площадей пашенных угодий, в 70-х годах этого же столетия использование зажиточными крестьянами и купечеством угодий

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 230.

на условиях оброчного владения, особенно сенокосам, еще больше возрастает. Оброчные земли, после Генерального межевания переданные казенным палатам, составляли от 2 до 13% пашни и от 16 до 37% сенокосов. Этими угодьями пользовались, в первую очередь, зажиточные крестьяне, сосредоточившие в своих руках значительные площади пашен, сенокосов, лесов, в то время как в среднем на душу м. п. нормы земельного надела пашни все время снижались.

Генеральное межевание было мерой против крестьянского землевладения. Во время межевания у государственных крестьян были отрезаны ранее разработанные многочисленные участки пашен и сенокосов, оказавшиеся за пределами обмежеванных в дачи земель. Надельная «пропорция» на ревизскую душу определялась от 8 до 15 десятин, а кое-где даже больше, но в это число входили все виды земель, в том числе и неудобные, в то время как пашни тяглой трехпольного хозяйства становилось меньше, чем было до межевания. Цифровой материал Экономических примечаний по черносошным уездам дает основание пересмотреть в сторону уменьшения выведенные В. И. Семевским нормы обеспеченности северного крестьянства пашней и сенокосами.

Источники также не дают оснований согласиться с высказанной в нашей литературе точкой зрения, что переложные земли периода межевания на Европейском Севере России были средством поддержания режима трехполья, своего рода агротехническим мероприятием. Образование переложных и лесом поросших пашен источники отмечают только в тех случаях, когда образовалась пустота, то есть когда разоренный крестьянин вынужден был бросать свою пашню, которая постепенно зарастала кустарником. Перелог — это выпадение пашни паханой, ее запустение вследствие прежде всего социальных причин.

Перенесение «окна в Европу» из Архангельска к берегам Финского залива и перемещение в связи с этим торговых путей, формирование в стране новых промышленных центров, в том числе в Приуралье и Карелии, правительственная мобилизация ремесленно-промыслового населения поморских уездов, колонизация Юга, секуляризация монастырских вотчин, ограбление крестьянства при межевании — все это определяло в XVIII в. иное место и иную роль Европейского Севера в социально-экономической жизни Русского государства. Но вряд ли будет правильным говорить лишь об упадке края, как это трактовалось в исторической литературе. Наоборот, этот край продолжал играть крупную роль, его развитие и в XVIII в. шло в общем русле социально-экономической жизни страны. В первой четверти этого столетия Поморье было значительным резервом людских ресурсов, используемых для осуществления производившихся преобразований. Европейский Север продолжал быть резервом заселения и освоения восточных окраин, особенно Сибири.

В первой половине XIX в. малоземелье, чересполосица, пестрополье продолжали усиливаться. Реформа государственной деревни в конце 30 — начале 40-х гг. не смягчила все усиливавшиеся кризисные явления. Уровень земледельческого производства на душу населения не только не повышался, но все заметнее обнаруживалась тенденция к его снижению. Все явственнее обнаруживались те характерные особенности аграрных отношений, которые еще до реформы 60-х годов определяли «истинно русскую» сущность аграрного вопроса в России. Как известно, реформа 1861 г. не решила его, как не был решен он и при капитализме.

Таким образом, весь ход исторического развития аграрных отношений на Европейском Севере, как и в России в целом, привел к объективной необходимости социалистической революции и социалистических преобразований русской деревни.

I. ПОУЕЗДНЫЕ ИТОГИ РЕВИЗСКОГО УЧЕТА

1. Основные категории северного крестьянства по IV (1782 г.), V (1795 г.) и VI (1811 г.) ревизиям. Душ мужского пола ¹

№ пп.	Государственных (быв. черносошных)			Дворцовых (с 1797 г.— удельных) ²			Экономических (быв. монастырских)			Помещичьих и дво- ровых		
	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI
<i>I. Вологодская губерния</i>												
	114917	120784	129787	22047	25278	27230	40171	43001	49426	83473	84818	93403
В том числе:												
1. Вологодский	—	78	99	400	758	451	5595	6165	7090	23853	25273	27728
2. Грязовецкий	—	—	5	324	395	450	11803	12976	15336	18471	18675	21315
3. Кадниковский	—	—	101	483	587	556	4103	4532	5180	29928	30441	32990
4. Вельский	3339	9835	11150	16365	10593	12096	1136	787	915	7746	8565	9284
5. Тотемский	13109	14394	16639	—	7278	8064	3984	4805	5446	468	760	917
6. Устюжский	13143	21495	22598	—	476	509	6063	6879	8080	211	113	83
7. Лальский ³	13649	упразднен	—	упразднен	—	—	812	упразднен	—	—	2	6
8. Никольский	19475	29843	33049	—	—	—	904	1700	1922	1006	912	1041
9. Красноборский ³	17498	1	—	4475	упразднен	—	1075	упразднен	—	43	1	—
10. Сольвычегодский	11530	19233	19094	—	5291	5104	2948	3507	3752	1745	68	27
11. Яренский	10481	10249	9484	—	—	—	1747	1650	1705	2	7	6
12. Устьысольский	12693	15656	7568	—	—	—	1	—	—	—	1	6
<i>II. Архангельская губерния</i>												
	40870	44652	43463	18454	19556	20185	19338	18849	19269	36	60	138
В том числе:												
1. Архангельский	7942	8523	8105	—	4	7	3227	2677	2780	27	49	123

№ пп.	Государственных (быв. черносошных)			Дворцовых (с 1797 г.— удельных) ²			Экономических (быв. монастырских)			Помещичьих и дво- ровых		
	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI
2. Холмогорский	10937	11183	10613	66	69	49	3655	3861	3774	—	5	—
3. Шенкурский	735	825	881	18388	19483	20129	1087	1214	1321	4	4	2
4. Пинежский	8367	8786	7668	—	—	—	178	171	202	—	1	—
5. Мезенский ⁴	8789	9569	9952	—	—	—	193	218	219	5	1	—
6. Онежский	3161	2826	3010	—	—	—	9614	6319	6809	—	—	12
7. Кемский	—	1984	2303	—	—	—	—	2953	2691	—	—	1
8. Кольский	939	956	931	—	—	—	1384	1436	1473	—	—	—
<i>III. Олонецкая губерния ⁵</i>	77748	57379	61779	882	895	1003	10362	8375	9314	3522	6123	6317
В том числе:												
1. Петрозаводский	18352	8	—	—	—	—	приписаны к заводам			7	297	304
2. Олонецкий	12903	10154	10204	39	—	—	6541	1602	1836	419	6	2
3. Каргопольский	24776	19191	20177	—	—	—	1040	960	1087	762	52	75
4. Вытегорский	15154	8313	9214	843	857	953	2781	524	570	2328	2896	2761
5. Повенецкий	6563	5270	6134	—	38	50	—	2322	2463	6	45	54
6. Пудожский	—	7853	8636	—	—	—	—	1233	1389	—	—	—
7. Лодейнопольский	—	6590	7414	—	—	—	—	1734	1969	—	2827	3121
<i>IV. Пермская губерния ⁶</i>	47455 ⁷	10904	10462	1090	—	—	10355	13740	15744	65224	93642	96058
В том числе:												
1. Пермский	480	910	1202	483	—	—	369	647	553	22972	35618	37350
2. Соликамский	3380	—	6	—	—	—	1468	3123	2749	22477	32209	29485
3. Чердынский	17116	7877	8180	—	—	—	135	328	336	—	413	458
4. Кунгурский	21670	2117	1048	—	—	—	3977	4166	4480	2941	1700	1659
5. Оханский	4809	—	26	607	—	—	4406	5476	7626	16834	23702	27104
<i>V. Вятская губерния ⁶</i>	187932 ³	204196	251541	180	1194	—	48898	56045	62316	520	338	442
В том числе:												
1. Вятский	31732	36849	41204	5	—	—	8517	9647	10172	130	215	257
2. Слободской	26908	27070	33054	—	—	—	8634	9996	11005	379	—	13
3. Орловский	36485	40575	48275	—	5	—	3174	6468	7663	7	12	42
4. Котельничский	26851	31840	42335	—	136	—	376	2576	3161	4	11	4
5. Нолинский	15433	25436	32839	175	1053	—	24412	25727	27076	—	96	113
6. Глазовский	41851	42426	53834	—	—	—	746	2031	3239	—	4	13
7. Кайгородский	8672	упразднен		—	—	—	3039	упразднен		—	—	—
<i>VI. Новгородская губерния ⁶</i>	—	21	128	13322	11859	13799	25932	27558	31378	54907	55793	59728
В том числе:												
1. Устюженский	—	—	—	1124	34	852	2169	2186	2231	18147	19319	20301

№ пп.	Государственных (быв. черносошных)			Дворцовых (с 1797 г.— удельных) ²			Экономических (быв. монастырских)			Помещичьих и дво- ровых		
	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI	IV	V	VI
2. Белоозерский	—	—	3	497	571	378	4333	4437	4635	14911	14279	14570
3. Кирилловский	—	21	125	11657	11193	12496	9017	9643	10814	5103	5417	5670
4. Череповецкий	—	—	—	44	61	73	10413	11292	13698	16746	16778	19187

Примечания: 1. Выборка из государственных Окладных книг о численности, составе и поуездном размещении России, составлявшихся ежегодно по данным ревизий и сведений казенных палат о движении населения между ревизиями. В таблице показаны окладных книг: IV ревизия за 1793 г., V ревизия за 1805 г., VI ревизия за 1814 г. (Хранятся в ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, дела 8, 9, 14, 1859, 1860, 1886 и др.).

2. Включены кречеты и соколы помытчики (обязанные поставлять во дворец кречетов и соколов для царской охоты). По IV рев. 66 ч. в Холмогорском уезде, 301 — в Грязовецком, 153 — в Кадниковском, 179 — в Кирилловском. По V рев. соответственно 69, 372, 155, 211 (по Окладной книге за 1808 г. 211 душ не по Кирилловскому, а по Белоозерскому уезду). По VI ревизии 49, 428, 165 душ м. п. По новгородским уездам не числятся.

3. Лальский и Красноборский уезды были упразднены в 1797 г., вошли в состав Устюжского, Сольвычегодского, Вельского, Никольского уездов, что и привело к перераспределению населения в пределах губернии.

4. В состав государственных крестьян включены ненцы. По IV рев. — 1349 душ м. п., по V — 1628, по VI — 1816 чел.

5. Кроме указанного числа государственных и экономических крестьян учтено приписных к Олонецким заводам в Петрозаводском уезде по IV рев. 46 чел., по V — 18766, по VI — 21135 душ м. п.

6. По Пермской и Вятской губ. включены только те уезды, которые образовались на территории, входившей в пределы Поморья. По Новгородской губ. включены уезды, территория которых ныне входит в пределы Вологодской обл. В Поморье входил только Кирилловский уезд — бывшая Чарондская округа.

7. Кроме этого, из числа государственных крестьян было приписных к заводам по V рев. по перечисленным уездам 33053 чел. (см. Окладную книгу за 1808 г., ЦГВИА, ф. 23, оп. 1, д. 1255), по VI рев. — 40125 душ м. п.

8. По этим уездам Вятской губ. еще приписных государственных к заводам по IV рев. 1786 чел., по V — 2699, по VI — 1980 чел.

2. VIII ревизия. 1838 г. АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Звание людей	В городах и уездах												Итого
	Архангельском	Холмогорском	Шенкурском	Пинежском	Мезенском	Онежском	Кемском	Колах	В посадах				
									Ненокоцке	Унске	Лидске	Сумске	
<i>Положенных в оклад</i>													
I. Купцов разных гильдий	227	16	7	8	3	7	16	8	7	—	—	—	299
II. Мещан и цеховых	1465	248	51	182	609	471	534	189	399	199	164	352	4863
III. Поселян, водворенных на землях удельных	—	—	22106	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22106
IV. Государственных разных наименований	11011	13838	2429	8618	10330	11019	7055	3205	—	—	—	—	67505
V. Лоцманов	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
VI. Дворовых людей	55	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	57
Итого	12882	14103	24593	8808	10942	11498	7605	3402	406	199	164	352	94954
Состоящих на льготе	45	3	1	7	43	6	14	9	—	—	—	—	128
<i>Не положенных в оклад</i>													
Дворян наследственных и личных	122	16	14	2	2	15	3	1	—	—	—	1	176
Церковнослужителей и их детей	415	154	378	102	119	150	52	29	3	6	—	3	1411

Звание людей	В городах и уездах												Итого
	Архангельском	Холмогорском	Шенкурском	Пинежском	Мезенском	Онежском	Кемском	Колах	В посадах				
									Ненокце	Унске	Лидске	Сумске	
Монашествующих	29	—	5	12	—	11	—	—	—	—	—	—	57
Почетных граждан	28	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	30
Разночинцев	29	27	9	—	—	18	3	9	—	—	—	3	98
Иностранцев	118	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	120
Отставных солдат, нигде не записанных	1427	40	104	18	110	41	58	15	2	—	—	5	1820
Таковых же причисленных к счету мещан и крестьян	170	153	167	129	11	65	4	—	—	—	—	—	699
Нижних воинских чинов, находящихся в бессрочном отпуске	154	37	129	34	42	27	2	1	—	—	—	3	429
Лекарских учеников	2	2	2	—	—	1	—	1	—	—	—	—	8
Служителей при монастырях	43	50	6	1	1	22	27	—	—	—	—	—	150
Поселенцев и их детей	—	3	6	—	1	5	—	19	—	—	—	—	34
Свободного состояния людей, состоящих в ведении Приказа общественного призрения	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Лощманов, исключенных за старостию лет	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Ясачных и самоедов	—	—	—	—	2407	—	—	—	—	—	—	—	2407
Мореходцев	—	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36
Итого	2568	518	820	298	2693	355	151	77	5	6	—	15	7506
Всего	15495	14624	25414	9113	13678	11859	7770	3488	411	205	164	367	102588
Примечание: В числе государственных крестьян разных наименований 67505 душ заключается:													
Государственных собственно так называемых	7133	8534	1025	8408	10109	3727	3336	496	—	—	—	—	42788
Экономических	3878	5284	1404	210	221	7292	3719	1552	—	—	—	—	23560
Лопарей	—	—	—	—	—	—	—	1157	—	—	—	—	1157

VIII ревизия. ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Звание людей	В городах и уездах													Итого
	Вологодском	Грязовецком	Кадниковском	Вельском	Тотемском	Устюг-Великом	Никольском	Сольвычегодском	Яренском	Устьсысольском	Верховском посаде	В заштатных городах		
												Лальске	Красноборске	
<i>Положенных в оклад</i>														
1. Купцов	187	165	54	8	40	225	18	26	1	35	37	32	28	856
2. Мещан и цеховых	2732	716	375	81	1003	2554	206	239	252	1038	134	282	185	9797
3. Поселян, принадлежащих удельному ведомству	508	445	642	13954	9451	585	—	5833	—	—	—	—	—	31418
4. Государственных крестьян разных наименований	10097	16121	6254	14061	25493	31019	38683	24997	11534	22184	—	—	—	200443
Таковых же, живущих на собственных землях	1891	587	1486	—	5	142	80	49	—	—	—	—	—	4240
Половников	—	—	—	—	—	2352	523	238	42	—	—	—	—	3155
Купленных в казну у разных помещиков	—	63	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Ведомства Департамента горных и соляных дел. Мастеровых, приписанных к казенному Леденгскому заводу	—	—	—	—	239	—	—	—	—	—	—	—	—	239
5. Поселян, принадлежащих к богоугодным заведениям	263	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	358
6. Помещичьих крестьян	31355	13114	42821	—	869	—	1060	—	—	—	—	—	—	89219
Дворовых людей, приписных к имениям владельцев, приписных к домам владельцев, за коих представлено в обеспечение по 72 р., за коих представлено в обеспечение подписки	2218	1262	1022	5	61	59	60	6	1	4	—	—	—	4698
Мастеровых, приписанных к частным заводам	335	—	—	12	—	—	—	—	310	127	—	—	—	784
Итого	49586	32568	52738	28121	37161	36936	40630	31388	12140	23388	171	314	213	345354
<i>Состоящих на льготе</i>														
На 6-летней. Вольноотпущенных дворовых людей, записавшихся в мещане	45	8	8	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	65
На 5-летней. Отчужденных из помещичьего владения, записавшихся в мещане	9	3	1	—	—	13	2	—	—	—	—	—	—	28
Записавшихся в государственные крестьяне	—	—	6	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7

Звание людей	В городах и уездах													Итого
	Вологодском	Грязовецком	Кадниковском	Вельском	Тотемском	Устюге Великом	Никольском	Сольвычегодском	Яренском	Устьесольском	Верховажском посаде	В заштатных городах		
												Лальске	Красноборске	
На 3-летней. Разного звания людей, записавшихся в мещане	16	1	1	1	—	4	1	—	1	1	—	—	—	26
Записавшихся в крестьяне	—	—	—	—	—	86	77	62	1	—	—	—	—	226
На 2-летней. Вольноотпущенных и других свободных званий людей, записавшихся в мещане	277	56	42	1	8	11	5	—	—	5	—	—	1	406
Записавшихся в государственные крестьяне	2	16	29	1	2	3	1	—	—	—	—	—	—	54
Воспитанников Приказа общественно-го призрения до совершеннолетия	7	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	11
Итого	356	84	87	6	3	121	86	62	2	6	—	—	1	823
<i>Не положенных в оклад</i>														
Дворян наследственных и личных	1274	255	128	72	96	84	38	52	36	48	—	—	—	2083
Священноцерковнослужителей и их детей	1644	713	711	704	721	669	559	455	223	321	—	27	—	6747
Итого	4838	1394	1576	1160	1183	1379	637	827	461	650	16	27	—	14148
Всего	54780	34046	54401	29286	38357	38436	41353	32277	12603	24044	187	341	214	360325
Кантонистов и нижних чинов гарнизонного батальона	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2226

Примечание. В числе государственных крестьян разных наименований 200443 душ заключается:

Черносошных	—	—	—	12802	20041	21829	35993	20664	9682	22184	—	—	—	144195
Экономических	9161	15045	5301	1078	5452	8566	1690	4306	1852	—	—	—	—	52951
Дворцовых	—	440	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	599
Госпитальных	272	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	272
Ямщиков	582	631	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1213
Отписных	82	5	294	181	—	624	—	27	—	—	—	—	—	1213

VIII ревизия. ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ

Звание людей	Уезды							
	Петрозаводский	Олонецкий	Лодейнопольский	Вытегорский	Каргопольский	Пудожский	Повенецкий	Итого
<i>Положенных в оклад</i>								
1. Купцов всех гильдий	58	74	52	111	30	6	2	333
2. Мещан и цеховых	602	674	211	620	545	362	168	3182
3. Крестьян удельного ведомства	—	—	—	1091	—	—	—	1091
4. Однодворцев	—	4	—	4	—	—	—	8
5. Государственных разных наименований	—	12783	10155	10591	22250	10630	9296	75705
6. Государственных, живущих на собственных землях и обельных	—	2	19	173	—	—	—	194
7. Департамента горных и соляных дел мастеровых, приписанных к казенным завсдам	22721	—	—	—	—	—	—	22721
8. Помещичьих крестьян, платящих подушную подать	174	—	2682	2545	30	—	47	5478
9. Дворовых людей	92	14	320	93	31	—	2	552
Итого	23647	13551	13439	15228	22886	10998	9515	109264
Состоящих на льготе	37	5	102	30	43	16	54	287
<i>Не положенных в оклад</i>								
Дворян наследственных и личных	500	28	51	65	52	55	36	787
Церковнослужителей	329	184	272	300	430	187	133	1835
Почетных граждан	—	—	1	3	—	—	—	4
Приказнослужителей	167	12	4	7	6	9	13	218
Разночинцев	12	2	9	—	18	10	2	53
Обельных вотчинников	294	—	—	—	—	—	123	417
Служителей при архиерейских домах	81	40	—	—	26	—	—	147
Мастеровых при Александровском, Кончезерском заводах и при Тивдийских мраморных ломках	1719	—	—	—	—	—	—	1719
Отставных солдат	632	308	138	511	397	92	106	2184
Служителей при казенных местах	58	19	6	14	6	5	9	117
Почтальонов и дистанционных смотрителей	19	3	3	3	3	2	1	34
Разного звания не состоящих в окладе	443	131	2	211	2	2	205	996
Итого	4254	727	486	1114	940	362	628	8511
Всего	27938	14283	14027	16372	23869	11376	10197	118062
Сверх того кантонистов и нижних чинов в инвалидных и этапных командах	—	—	—	—	—	—	—	3208

VIII ревизия. НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ (Извлечение по четырем уездам)

Звание людей	Устюженский	Череповецкий	Белозерский	Кирилловский	Итого по четырем уездам
<i>Положенных в оклад</i>					
1. Купцов всех гильдий	232	76	214	46	568
2. Мещан и цеховых	1439	648	1133	762	3982
3. Поселян удельного ведомства	981	—	258	14073	15312
4. Государственных крестьян	2687	17542	5205	12191	37625
5. Государственных крестьян на собственных землях	125	203	270	80	678
6. Помещичьих крестьян	19859	19180	14000	4860	57899
7. Дворовых разных людей	2089	1025	1211	580	4905
Итого	27412	38674	22291	32592	120969
Состоит на льготе	245	49	140	15	449
<i>Не положенных в оклад</i>					
Наследственных дворян и личных	178	126	81	77	452
Обер-офицерских детей	22	15	22	15	74
Приказнослужащих	24	26	18	30	98
Разночинцев	20	52	354	50	476
Иностранцев	5	1	—	—	6
Священнослужителей и монастырских служащих	570	638	691	732	2631
Отставных солдат	174	278	201	336	989
Ямщиков	—	—	—	79	79
Калмыков	1	—	—	—	1
Итого	994	1136	1367	1319	4816
Всего по четырем уездам	28651	39859	23798	33926	126234

VIII ревизия. ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ (Извлечение по шести уездам)

Звание людей	В городах и уездах						Итого
	Вятском	Слободском	Глазовском	Нолинском	Орловском	Котельничском	
<i>Положенных в оклад</i>							
1. Купцов разных гильдий	263	299	60	59	197	119	997
2. Мещан и цеховых	2181	1568	271	660	787	552	6019
3. Государственных разных наименований	58554	51142	70851	64702	67813	61497	374559
4. Ведомства Департамента горных и соляных дел. Поселян приписанных к частным горным заводам	247	1642	1421	—	—	—	3310
5. Помещичьих	48	37	—	110	—	—	195
Дворовых людей	126	38	16	40	22	4	246
Итого	61419	54726	72619	65571	68819	62172	385326
Состоящих на льготе	19	8	1	11	—	1	40
<i>Не положенных в оклад</i>							
Дворян наследственных и личных	142	128	65	41	68	67	512
Церковнослужителей	751	606	627	499	550	553	3586
Почетных граждан	35	11	4	—	24	—	74
Приказнослужителей	580	40	25	210	36	28	919
Служителей при архиерейском доме и монастырях	79	17	—	9	—	—	105
Отставных солдат нигде не записанных и их детей	238	903	166	235	1184	260	2986
Лекарских учеников	3	—	1	—	1	—	5
Итого	1828	1705	888	994	1863	908	8186
Всего	63266	56439	73508	66576	70682	68081	393552

VIII ревизия. ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ
(Извлечение по пяти уездам)

Звание людей	В городах и уездах					Итого
	Пермском	Кунгурском	Соликамском	Чердынском	Оханском	
<i>Положенных в оклад</i>						
1. Купцов разных гильдий	137	151	45	72	37	442
Мещан и цеховых	1628	2818	813	1103	108	6470
2. Поселян, водворенных на землях удельных	—	—	—	—	3000	3000
3. Ведомства Министерства Государственных имуществ. Государственных разных наименований	1778	29202	9818	25347	22116	88261
Платящих одну подушную подать. Ясачных Вогул	—	57	—	60	—	117
4. Помещичьих	48651	2704	46797	766	36920	135838
Дворовых людей	258	22	31	2	4	317
Итого	52452	34954	57504	27350	62185	234445
Состоящих на льготе	71	20	5	1	13	110
<i>Не положенных в оклад</i>						
Дворян наследственных и личных	183	77	46	34	29	369
Церковнослужителей	398	265	386	268	266	1583
Почетных граждан	6	4	—	—	1	11
Иноверцев, принявших православную веру, записавшихся в мещане	3	6	—	—	—	9
Записавшихся в крестьяне	1	1	—	—	—	2
Отставных солдат	39	127	18	44	91	319
Мастеровых и неременных работников, находящихся при казенных горных заведениях и соляных промыслах	6331	2308	—	—	—	8639
Служителей при монастырях	58	—	13	—	—	71
Башкирцев	836	—	—	—	—	836
Караколпак и калмык за помещиками состоящих	12	—	1	1	—	14
Итого	7867	2788	464	347	387	11853
Всего	60390	37762	57793	27698	62585	246228
Примечание: В число государственных крестьян разных наименований 369917 душ заключается:						
Крестьян казенных	267	23760	5648	24932	11324	65931
Крестьян экономических	842	4554	4170	415	10792	20773
Татар	669	836	—	—	—	1505
Черемис	—	52	—	—	—	52

3. X ревизия 1857—1858 гг.
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Означеніе званий	В уездах и городах Архангельской губернии									
	Архангельском		Холмогорском		Шенкурском		Пинежском		Мезенском*	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
<i>I. Состоянія, входящие в перепись для платежа податей и повинностей</i>										
1. Купцов										
1-й гильдии	10	6	—	—	—	—	—	—	—	—
2-й гильдии	32	36	—	—	—	—	—	—	—	—
3-й гильдии	201	225	23	30	7	10	18	15	4	2
2. Мещан и цеховых	2409	2911	164	228	66	81	231	217	692	727
3. Поселян										
а) Удельных	—	—	—	—	24715	27098	—	—	—	—
б) Государственных	13269	14866	13977	15989	2918	3274	9767	10415	14512	15669
в) Лоцманов при Архангельском порту	192	206	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Дворовых людей	6	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	16119	18263	14164	16247	27706	30463	10016	10647	15208	16398
<i>II. Состоящих на льготе</i>										
а) Записавшихся в мещанство:										
6-ти летней	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2-х летней	58	—	—	—	2	—	—	—	—	—
б) Записавшихся в крестьянство:										
3-х летней	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
Итого	72	—	5	—	2	—	—	—	—	—
<i>III. Состоящих в ревизии для одного только счета:</i>										
1) Церковнослужителей православного исповедывания	253	288	237	258	370	396	131	131	170	169
2) Штатных служителей при Архиерейском доме и монастырях	55	69	20	20	—	—	—	—	—	—
и их детей	25	24	26	14	—	—	—	—	—	—
3) Отставных солдат	125	206	138	212	222	274	115	135	24	25
Их детей	1590	1276	94	76	116	211	64	59	51	30
Итого	2048	1863	515	580	708	881	310	325	245	224
Всего	18239	20126	14684	16827	28416	31344	10326	10972	15453	16622

Означеніе званий	В уездах и городах Архангельской губернии							
	Онежском		Камском		Кольском		Итого	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
I. Состоянія, входящие в перепись для платежей и повинностей								
1) Купцов								
1-й гильдии	—	—	—	—	—	—	10	6
2-й гильдии	—	—	—	—	—	—	32	36
3-й гильдии	18	21	10	13	9	8	290	324
2) Мещан и цеховых	565	594	903	1117	183	200	5213	6075
3) Поселян								
а) Удельных	—	—	—	—	—	—	24715	27098
б) Государственных	12767	14990	9897	10957	3957	4131	81064	90291
в) Лоцманов при Архангельском порте	—	—	—	—	—	—	192	206
4) Дворовых людей	—	1	—	—	—	—	6	14
Итого	13350	15606	10810	12087	4149	4339	111522	124050
II. Состоящих на льготе								
а) Записавшихся в мещанство:								
6-ти летней	—	—	—	—	—	—	14	—
2-х летней	1	—	—	—	1	—	62	—
б) Записавшихся в крестьянство:								
3-х летней	2	—	—	—	—	—	7	—
Итого	3	—	—	—	1	—	83	—
III. Состоящих в ревизии для одного только счета:								
1) Церковнослужителей православного исповедания	198	220	90	109	39	40	1488	1611
2) Штатных служителей при Архирейском доме и монастырях	13	7	20	12	—	—	108	108
их детей	3	1	14	8	—	—	68	47
3) Отставных солдат	108	162	14	22	1	1	747	1037
их детей	89	75	25	34	1	—	2030	1761
Итого	411	465	163	185	41	41	4441	4564
Всего	13764	16071	10973	12272	4191	4380	116046	128614

* «Самоедов в Мезенском уезде по 10 народной переписи числятся, как ныне уведомила сию Палату Архангельская Палата Государственных имуществ 2500 душ мужского и 2347 женского пола». Ф. 571, оп. 6, ед. хр. № 1024, лл. 249 об. — 295, 26 мая 1862 года, № 3411.

«...самоедов в Мезенском уезде по 10 народной переписи должно действительно числиться, как ныне уведомила сию палату Архангельская Палата Государственных Имуществ, более против показанного ранее числа мужского на 23, женского пола на 28 душ, всего: первых — 2523, а последних — 2375 душ.

X ревизия. ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Означен ие званий	В уездах и городах Вологодской губернии													Итого	
	Воло- годском	Грязовец- ком	Кадников- ском	Вельском	Верховаж- ском посаде	Тотемском	Устюжском	Зашатном городе Лальске	Николь- ском	Сольвыче- годском	Зашатном городе Кра- сноборске	Яренском	Устьисо- льском		
I. Состояния, входящие в перепись для платежа податей и повинностей															
1) Купцов															
1-й гильдии	м. п.	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	4	
	ж. п.	—	—	—	—	—	3	—	5	—	—	—	—	8	
2-й гильдии	м. п.	2	—	—	4	7	—	13	—	—	4	—	9	39	
	ж. п.	4	—	—	4	4	2	18	—	—	5	—	7	44	
3-й гильдии	м. п.	219	232	111	22	28	100	274	25	54	25	39	7	60	1196
	ж. п.	188	209	116	16	28	96	257	35	43	21	36	10	64	1119
2) Мещан и цеховых	м. п.	2935	851	496	66	41	1023	2568	288	270	191	179	211	1169	10288
	ж. п.	4890	1223	885	87	174	1233	3010	339	299	241	226	235	1317	14159
Рабочих	м. п.	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
	ж. п.	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
3) Поселян:															
а) Удельного ведомства	м. п.	613	496	783	17190	—	11418	696	—	—	6432	—	—	—	37628
	ж. п.	670	612	895	19600	—	12861	781	—	—	7160	—	—	—	42579
б) Государственных раз- ных наиме- нований	м. п.	11907	19522	8880	15591	—	32958	37505	—	50308	29546	—	13763	28046	248026
	ж. п.	13687	22967	9813	17545	—	36094	41503	—	55312	32988	—	15717	30610	276236
в) Государственных, при- строенных покупкою в казну у раз- ных владель- цев	м. п.	—	88	141	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	229
	ж. п.	—	100	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	256
г) Государственных, во- дворенных на собствен- ных землях:															
Бывших чер- носошных	м. п.	—	—	—	—	—	—	157	—	75	68	—	—	—	300
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	175	—	84	72	—	—	—	331
Бывших сво- бодных хле- бопашцев	м. п.	2618	841	2484	—	—	18	—	—	34	—	—	—	—	5995
	ж. п.	3106	969	2788	—	—	24	—	—	21	—	—	—	—	6908
д) Московского попечитель- ного комите- та Импера- торского Че- ловеколюбивого обще- ства	м. п.	258	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	372
	ж. п.	289	116	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	405
е) Приписных к казенному Леденгскому заводу	м. п.	—	—	—	—	—	423	—	—	—	—	—	—	—	423
	ж. п.	—	—	—	—	—	428	—	—	—	—	—	—	—	428

Означен ие званий		В уездах и городах Вологодской губернии													Итого
		Воло- годском	Грязовец- ком	Кадников- ском	Вельском	Верховаж- ском посаде	Тогемском	Устюжском	Защатном городе Дальске	Николь- ском	Сольвече- годском	Защатном городе Кра- сноборске	Яренском	Устьсыс- льском	
ж) Помещи- чьих:															
Крестьян	м. п.	33928	14081	48817	—	—	1077	10	—	1359	—	—	—	6	99278
	ж. п.	36926	15277	53657	—	—	1179	14	—	1499	—	—	—	6	108558
Дворовых лю- дей:															
а) Приписных к недвижи- мым насе- ленным име- ниям															
	м. п.	1661	1043	832	—	—	53	8	—	41	—	—	—	—	3638
	ж. п.	1739	1169	820	—	—	88	11	—	52	—	—	—	—	3879
б) К собст- венным домам															
	м. п.	1	—	—	—	—	—	19	—	—	—	—	—	—	20
	ж. п.	9	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	—	—	44
в) К домам посторон- них вла- дельцев															
	м. п.	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	4
	ж. п.	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	4
г) К денежно- му обеспе- чению															
	м. п.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	8
	ж. п.	7	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	16
д) Крестьян, приписан- ных к част- ным заво- дам															
	м. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	497	194	691
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	575	233	808
е) На поме- щичьих землях жи- вущих по- ловников															
	м. п.	—	—	—	—	—	—	2333	—	548	125	—	48	—	3054
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	2546	—	557	140	—	75	—	3318
Итого															
	м. п.	54186	37268	62544	32873	76	47070	43586	313	52693	36391	222	14526	29484	411232
	ж. п.	61552	42644	69130	37252	206	52008	48351	374	57872	40631	267	16613	32237	459137
II. Состоящих на льготе															
Мещан и це- ховых															
	м. п.	264	8	45	2	—	11	14	2	2	—	—	4	4	356
Государствен- ных раз- ных наиме- нований															
	м. п.	—	12	2	—	—	2	67	—	40	75	—	1	8	207
Детей солдат- ских, состо- ящих на льготе															
	м. п.	123	246	588	208	—	323	368	—	418	257	—	170	349	3050
Итого															
	м. п.	387	266	635	210	—	336	449	2	460	332	—	175	361	3613
III. Состоя- щих в ре- визии толь- ко для од- ного счета:															
Церковно- служите- лей и их детей пра- вославного исповеда- ния															
	м. п.	1386	707	1044	529	27	775	803	54	709	560	9	276	405	7289
	ж. п.	1702	896	1184	601	28	910	908	60	728	564	10	316	467	8374

Означен ие званий		В уездах и городах Вологодской губернии												Итого	
		Воло- годском	Грязовец- ком	Кадников- ском	Вельском	Верховаж- ском посаде	Тотемском	Устюжском	Зашатном городе Лальске	Николь- ском	Сольвыче- годском	Зашатном городе Кра- сноборске	Яренском		Устьсыс- льском
Почетых гра- ждан по- томствен- ных	м. п.	20	—	—	6	17	3	4	1	4	—	—	—	56	
	ж. п.	22	—	—	5	17	5	3	1	4	—	—	—	57	
* личных	м. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	
Отставных солдат	м. п.	293	408	410	339	1	482	638	—	516	537	—	145	219	3988
	ж. п.	398	535	1432	447	—	708	1029	—	1200	1390	—	211	490	7840
Фельдшеров	м. п.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	6
	ж. п.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Штатных служащих при мо- настырях и архиерей- ском доме	м. п.	115	60	18	—	—	3	33	—	—	31	—	—	—	260
	ж. п.	94	52	23	—	—	4	29	—	—	35	—	—	—	237
Воспитанни- ков прика- за общест- венного призрения	м. п.	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
	ж. п.	23	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Вольноотпу- щенных, за- численных	м. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
до 18-ти летнего возраста в число вос- питанников Вологод- ского при- каза обще- ственного призрения	м. п.	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29
	ж. п.	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118
Находящихся в призре- нии Воло- годского приказа обществен- ного при- зрения и отданных на пропита- ние родст- венникам	м. п.	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Разных сво- бодных зв- аний, неза- коннорож- денных, подкиды- шей, воль- ноотпущен- ных и вос- питанников воспита- тельного дома	м. п.	65	8	—	—	—	—	6	—	—	1	—	—	—	80
	ж. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Означение званий		В уездах и городах Вологодской губернии													Итого
		Воло- годском	Грязовец- ком	Кадников- ском	Вельском	Верховаж- ском посаде	Тогемском	Устюжском	Зашатном городе Лальске	Николь- ском	Сольвече- годском	Зашатном городе Кра- сноборске	Яренском	Устьсыс- льском	
Отставных мастеровых Леденгско- го солева- ренного за- вода	м. п.	—	—	—	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	48
	ж. п.	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	40
Того же за- вода детей нижних чи- нов, состо- ящих в слу- жбе по оп- ределению от прави- тельства	м. п.	—	—	—	—	—	18	—	—	—	—	—	—	—	18
	ж. п.	—	—	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	20
Итого	м. п.	1918	1183	1473	874	46	1329	1489	55	1229	1131	9	422	624	11782
	ж. п.	2460	1483	2644	1053	45	1687	1969	61	1932	1989	10	527	957	16817
Всего	м. п.	56491	38717	64652	33957	122	48735	45524	370	54382	37854	231	15123	30469	426627
	ж. п.	64012	44127	71774	38305	251	53695	50320	435	59804	42620	270	17140	33194	475954

Х ревизия. ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ

Означенне званій	В уездах и городах Олонецкой губернии							
	Петрозаводском		Олонецком		Лодейнопольском		Вытегорском	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.

1. Состояния, входящие в перепись для платежа податей и повинностей

1. Купцов

1-й гильдии, почетных граждан

1   —   —   —   —   —   1   —

2-й гильдии

1   1   —   —   7   6   1   2

3-й гильдии

71   77   65   66   26   38   96   82

2. Мещан христиан

445   656   453   575   252   335   507   753

3. Поселян:

а) Удельного ведомства

—   —   —   —   —   —   1245   1500

б) Управления Государственных имуществ:

1) Одноворцов

—   —   5   7   —   —   4   7

2) Государственных разных наименований

—   —   14035   15847   11367   12729   11848   13296

3) Государственных, водворенных на собственных землях

4   5   3   7   21   19   89   108

4) Обязанных поселян

—   —   —   —   24   36   489   571

5) Вольноотпущенников

—   —   —   —   8   3   —   —

6) Обельных крестьян, платящих одну подушную подать

—   —   —   —   —   —   121   138

Означеніе званий	В уездах и городах Олонецкой губернии							
	Петрозаводском		Олонецком		Лодейнопольском		Вытегорском	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
в) Приписных к Олонецким горным заводам	24965	28020	—	—	—	—	—	—
1) Помещичьих:								
1. Крестьян	161	183	12	9	2796	2954	2003	2230
2. Дворовых людей:								
а) Приписных к недвижимым населенным имениям	32	33	—	—	233	211	63	98
б) К собственным домам	8	1	—	—	—	—	—	—
в) К домам посторонних владельцев	2	2	—	—	—	—	—	—
г) К денежному обеспечению	2	1	—	—	—	—	1	2
д) Без всякого обеспечения	4	5	—	—	—	—	—	—
Объяснение: о сих последних людях производится дело в судебных местах.								
Итого	25696	28984	14573	16511	14734	16331	16468	18787
II. Состоящих на льготе								
Мещан	18	—	1	—	19	—	8	—
Крестьян:								
а) Государственных	—	—	23	—	28	—	9	—
б) Горнозаводских	1	—	—	—	—	—	—	—
Итого	19	—	24	—	47	—	17	—
III. Состоящих в ревизии для одного только счета								
Церковнослужителей православного исповедования	423	433	205	225	273	328	265	356
Штатных служителей при монастырях и архиерейском доме	65	46	42	52	—	—	—	—
Мастеровых при Александровском и Кончезерском заводах	1913	2130	—	—	—	—	—	—
Обельных и вотчинников из крестьян и обельных крестьян	352	368	—	—	—	—	—	—
Мастеровых при Тивдийских мраморных ломках Гоф-интендантской конторы	201	215	—	—	—	—	—	—
Отставных солдат	168	413	51	264	43	88	91	257
Почетных граждан	3	3	—	—	—	—	8	16
Воспитанников приказа Общественного призрения	8	—	—	—	—	—	—	—
Приписных к богоугодным заведениям	11	8	—	—	—	—	—	—
Солдатских детей, состоящих на льготе до 18-ти летнего возраста	273	—	111	—	122	—	204	—
Итого	3417	3616	409	541	438	416	568	629
Всего	29132	32600	15006	17052	15219	16747	17053	19416

Означеніе званий	В уездах и городах Олонецкой губернии							
	Каргопольском		Пудожском		Повенецком		Итого	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
<i>I. Состояния, входящие в перепись для платежа податей и повинностей</i>								
1. Купцов								
1-й гильдии, почетных граждан	—	—	—	—	—	—	2	—
2-й гильдии	1	1	—	—	—	—	10	10
3-й гильдии	42	53	5	4	1	1	306	321
2. Мещан христиан	447	627	317	366	132	134	2553	3448
3. Поселян:								
а) Удельного ведомства	—	—	—	—	—	—	1245	1500
б) Управления Государственных имуществ:								
1) Однодворцев	—	—	—	—	—	—	9	14
2) Государственных разных наименований	25528	29430	12147	13660	10092	11655	85017	96617
3) Государственных, водворенных на собственных землях	—	—	—	—	—	—	117	139
4) Обязанных поселян	—	—	—	—	—	—	513	607
5) Вольноотпущенников	—	—	—	—	—	—	8	3
6) Обельных крестьян, платящих одну подушную подать.	—	—	—	—	—	—	121	138
в) Приписных к Олонецким горным заводам	—	—	—	—	—	—	24965	28020
г) Помещичьих:								
1. Крестьян	34	37	—	—	36	56	5042	5469
2. Дворовых людей:								
а) Приписных к недвижимым населенным имениям	9	14	—	—	—	—	337	356
б) К собственным домам	2	3	—	—	—	—	10	4
в) К домам посторонних владельцев	6	4	—	—	—	—	8	6
г) К денежному обеспечению	—	—	—	—	—	—	3	3
д) Без всякого обеспечения	1	2	—	—	—	—	5	7
Итого	26070	30171	12469	14030	10261	11846	120271	136660
<i>II. Состоящих на льготе</i>								
Мещан	2	—	2	—	—	—	50	—
Крестьян:								
а) Государственных	18	—	3	—	1	—	82	—
б) Горнозаводских	—	—	—	—	—	—	1	—
Итого	20	—	5	—	1	—	133	—
<i>III. Состоящих в ревизии для одного только счета</i>								
Церковнослужителей православного исповедания	440	493	160	189	138	142	1904	2166

Означеніе званий	В уездах и городах Олонецкой губернии							
	Каргопольском		Пудожском		Повенецком		Итого	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Штатных служителей при монастырях и архиерейском доме	15	18	—	—	—	—	122	116
Мастеровых при Александровском и Кончезерском заводах	—	—	—	—	—	—	1913	2130
Обельных и вотчинников из крестьян и обельных крестьян	—	—	—	—	110	156	462	524
Мастеровых при Тивдийских мраморных ломках Гоф-интендантской конторы	—	—	—	—	—	—	201	215
Отставных солдат	257	595	84	217	10	83	704	1917
Почетных граждан	—	—	—	—	—	—	11	19
Воспитанников приказа Общественного призрения	—	—	—	—	—	—	8	—
Приписных к богоугодным заведениям	—	—	—	—	—	—	11	8
Солдатских детей, состоящих на льготе до 18-ти летнего возраста	314	—	140	—	67	—	1231	—
Итого	1026	1106	384	406	325	381	6567	7095
Всего	27116	31277	12858	14436	10587	12227	126971	143755

Х ревизия. ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ
(Извлечение по шести уездам)

Означеніе званий	В уездах и городах Вятской губернии							Итого
	Вятском	Слободском	Глазовском	Котельничском	Нолинском	Орловском		
<i>1. Состоянія, входящія в перепись для платежа податей и повинностей</i>								
1. Купцов								
1-й гильдии	м. п.	5	4	—	6	—	5	20
	ж. п.	5	2	—	6	—	2	15
2-й гильдии	м. п.	33	20	11	2	14	—	80
	ж. п.	28	30	9	3	20	—	90
3-й гильдии	м. п.	283	576	80	147	99	163	1348
	ж. п.	256	532	83	142	86	141	1240
2. Мещан и цеховых								
	м. п.	2539	1955	286	663	758	857	7058
	ж. п.	2785	2182	340	761	861	972	7901
Рабочих								
	м. п.	20	—	—	—	—	—	20
	ж. п.	19	—	—	—	—	—	19
3. Поселян Управления Государственных имуществ:								
1) Государственных разных наименований	м. п.	69224	65005	101286	87751	77758	83700	484724
	ж. п.	79337	72127	111648	97678	89182	94528	544500
2) Помещичьих:								
а) Крестьян	м. п.	65	39	—	—	136	—	240
	ж. п.	98	48	—	—	143	—	289

Означеніе званий		В уездах и городах Вятской губернии						Итого
		Вятском	Слободском	Глазовском	Котельничском	Нолинском	Орловском	
б) Дворовых людей	м. п.	3	—	5	—	1	2	11
	ж. п.	9	1	8	—	2	6	26
в) Крестьян приписных к частным заводам и фабрикам	м. п.	435	2948	2796	—	—	—	6179
	ж. п.	468	3089	2955	—	—	—	6512
В том числе из государственных крестьян	м. п.	—	85	—	—	—	—	85
	ж. п.	—	67	—	—	—	—	67
Итого	м. п.	72607	70547	104464	88569	78766	84727	499680
	ж. п.	83005	78011	115043	98590	90294	95649	560592
<i>II. Состоит на льготе</i>								
1. Мещан	м. п.	12	23	4	3	—	—	42
	ж. п.							
2. Поселян Управления Государственных имуществ	м. п.	—	1	23	7	—	—	31
	ж. п.							
Итого	м. п.	12	24	27	10	—	—	73
<i>III. Состоящих в ревизии для одного только счета</i>								
Церковнослужителей	м. п.	847	633	708	619	579	630	4016
	ж. п.	926	605	853	734	667	650	4435
Воспитанников Приказа общественного призрения	м. п.	11	—	—	—	—	—	11
	ж. п.	11	—	—	—	—	—	11
Штатных служителей при монастырях и Архиерейском доме	м. п.	97	23	1	2	12	4	139
	ж. п.	—	—	1	1	7	—	9
Отставных солдат	м. п.	733	589	777	703	800	861	4463
	ж. п.	2846	1611	5222	5029	5550	2118	22376
Состоящих на льготе солдатских детей	м. п.	1176	996	2085	1209	1386	1379	8231
	ж. п.							
Итого	м. п.	2864	2241	3574	2533	2777	2874	16863
	ж. п.	3783	2216	6077	5764	6224	2768	26832
Всего	м. п.	75483	72812	108065	91112	81543	87601	516616
	ж. п.	86788	80227	121120	104354	96518	98417	587424

X ревизия. ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ
(Извлечение по пяти уездам)

Означеніе званій	В уездах и городах Пермской губернии					
	Перм- ском	Кунгур- ском	Соли- камском	Чер- дын- ском	Охан- ском	Итого
<i>I. Состоянія, входящія в перепись для платежа податей и повинностей:</i>						
1. Купцов						
1-й гильдии душ	м. п.	1	2	—	—	3
	ж. п.	3	1	—	—	4
Капиталистов	м. п.	1	2	—	—	3
2-й гильдии душ	м. п.	36	12	9	—	61
	ж. п.	38	13	14	—	67
Капиталистов	м. п.	9	1	2	—	14
3-й гильдии душ	м. п.	103	182	109	56	529
	ж. п.	102	177	107	53	496
Капиталистов	м. п.	38	58	35	11	169
2. Мещан и цеховых	м. п.	1661	2974	1005	1196	6990
	ж. п.	1967	3530	1168	1360	8153
3. Поселян:						
а) Удельного ведомства	м. п.	—	—	—	—	4605
	ж. п.	—	—	—	—	5078
б) Управления Государственных имуществ:						
4. Государственных разных наименований	м. п.	2433	34499	12138	31332	28456
	ж. п.	2601	38472	13632	33496	33103
5. Помещичьих						
Крестьян	м. п.	53519	3339	55649	576	47989
	ж. п.	63036	3843	64172	603	51912
Дворовых людей приписанных:						
а) К недвижимым населенным имениям	м. п.	2326	136	2325	2	907
	ж. п.	2822	177	3008	2	1092
б) К собственным домам	м. п.	12	2	—	—	—
	ж. п.	21	1	—	—	—
в) К домам посторонних владельцев	м. п.	4	—	—	—	—
	ж. п.	3	—	—	—	—

Означеніе званий		В уездах и городах Пермской губернии					
		Перм- ском	Кунгур- ском	Соли- камском	Чер- дын- ском	Охан- ском	Итого
г) К денежному обеспечению	м. п.	3	—	—	—	—	3
	ж. п.	4	—	—	—	—	4
д) Сверх того ничем не обеспеченных, которые подлежат взятию в Казенное ведомство	м. п.	21	—	—	—	—	21
	ж. п.	28	—	—	—	—	28
е) Крестьян, приписанных к частным заводам и фабрикам	м. п.	1452	157	—	—	—	1609
	ж. п.	1586	162	—	—	—	1748
6. Ясашных вогул	м. п.	—	72	—	71	—	143
	ж. п.	—	90	—	84	—	174
Итого	м. п.	61581	41378	71237	33233	82196	289625
	ж. п.	72211	46466	82101	35598	91372	327748
II. Состоящих на льготе:							
I. Записавшихся:							
а) В мещане по городам	м. п.	131	27	39	22	11	230
	ж. п.	—	—	23	8	5	36
б) В государственные крестьяне	м. п.	4	6	28	63	2	108
	ж. п.	—	—	6	52	6	64
в) В удельные крестьяне	м. п.	—	—	—	—	1	1
2. Солдатских и матросских детей до 18-ти летнего возраста							
	м. п.	1565	811	1125	339	799	4639
Итого	м. п.	1700	844	1192	429	813	4978
	ж. п.	—	—	29	60	11	100
III. Состоящих в ре-визици для одного только счета:							
1. Церковнослужителей							
Православного исповедования	м. п.	548	287	523	284	427	2069
	ж. п.	610	352	592	312	456	2322

Означеніе званій	В уездах и городах Пермской губернии						Итого
	Перм-ском	Кунгур-ском	Соли-камском	Чер-дын-ском	Охан-ском		
Почетных граждан:							
а) Потомственных	м. п.	27	9	—	—	1	37
	ж. п.	13	8	—	—	4	25
б) Личных	м. п.	1	2	—	—	—	3
3. Отставных нижних воинских чинов, ни к какому состоянию не приписанных	м. п.	835	27	386	1	334	1583
	ж. п.	4948	160	1613	79	1838	8638
4. Их же, приписавшихся:							
а) В мещане	м. п.	25	33	3	3	1	65
		44	121	6	7	1	179
б) в казенное крестьянство	м. п.	34	340	83	211	163	831
	ж. п.	91	1368	193	614	497	2763
в) Удельные крестьяне	м. п.	—	—	—	—	29	29
	ж. п.	—	—	—	—	43	43
5. Служителей, находящихся при Архиерейских домах и монастырях	м. п.	96	—	17	—	—	113
	ж. п.	36	—	17	—	—	103
6. Людей, находящихся при казенных горных заводах	м. п.	9125	—	1836	—	2401	13362
	ж. п.	10012	—	2257	—	3261	15530
7. Воспитанников Приказа Общественного призрения	м. п.	—	2	1	—	1	4
8. Фельдшеров, принадлежащих Ведомству Государственных Имуществ	м. п.	—	1	—	2	1	4
	ж. п.	—	2	—	—	1	3
Итого	м. п.	10691	701	2849	501	3358	18100
	ж. п.	15804	2011	4678	1012	6101	29606
Всего	м. п.	73972	42923	75278	34163	86367	312703
	ж. п.	88015	48477	86808	36670	97484	357454

Х ревизия. НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ
(Извлечения по четырем уездам)

Означеніе званий		Устю- жен- ский	Черепо- вецкий	Кирия- лов- ский	Бело- зер- ский	Итого
<i>1. Платящих подати и повинности</i>						
Купцов						
1-й гильдии	м. п.	9	—	—	—	9
	ж. п.	8	—	—	—	8
2-й гильдии	м. п.	17	3	1	—	21
	ж. п.	10	3	1	—	14
3-й гильдии	м. п.	387	168	91	227	873
	ж. п.	329	167	72	185	753
2. Мещан и цеховых	м. п.	1740	741	783	1234	4498
	ж. п.	2266	981	1042	1593	5882
3. Поселян						
а) Удельных	м. п.	1010	—	15500	312	16822
	ж. п.	1279	—	18000	391	19670
б) Управления государственных имуществ:						
1) Государственных разных наименований	м. п.	2983	20588	13524	5633	42728
	ж. п.	3523	23414	15553	6614	49104
2) Государственных водворенных на собственных землях	м. п.	161	366	104	481	1112
	ж. п.	188	412	106	483	1189
в) Помещичьих:						
1) Крестьян	м. п.	20889	20216	5066	14451	60622
	ж. п.	23335	23293	5787	15694	68109
2) Дворовых	ж. п.	1507	1039	439	1137	4122
	ж. п.	1704	1123	566	1274	4667
Итого	м. п.	28703	43121	35508	23475	130807
	ж. п.	32642	49393	41127	26234	149396
<i>II. Состоящих на льготе</i>						
Мещан	м. п.	41	19	27	19	106
	ж. п.	55	25	32	26	138
Поселян государственных	м. п.	6	4	—	—	10
	ж. п.	7	5	—	—	12
Итого	м. п.	47	23	27	19	116
	ж. п.	62	30	32	26	150

Означеніе званий	В уездах и городах Пермской губернии						Итого
	Перм-ском	Кунгур-ском	Соли-камском	Чер-дын-ском	Охан-ском		
Почетных граждан:							
а) Потомственных	м. п.	27	9	—	—	1	37
	ж. п.	13	8	—	—	4	25
б) Личных	м. п.	1	2	—	—	—	3
3. Отставных нижних воинских чинов, ни к какому состоянию не приписанных	м. п.	835	27	386	1	334	1583
	ж. п.	4948	160	1613	79	1838	8638
4. Их же, приписавшихся:							
а) В мещане	м. п.	25	33	3	3	1	65
		44	121	6	7	1	179
б) в казенное крестьянство	м. п.	34	340	83	211	163	831
	ж. п.	91	1368	193	614	497	2763
в) Удельные крестьяне	м. п.	—	—	—	—	29	29
	ж. п.	—	—	—	—	43	43
5. Служителей, находящихся при Архирейских домах и монастырях	м. п.	96	—	17	—	—	113
	ж. п.	86	—	17	—	—	103
6. Людей, находящихся при казенных горных заводах	м. п.	9125	—	1836	—	2401	13362
	ж. п.	10012	—	2257	—	3261	15530
7. Воспитанников Приказа Общественного призрения	м. п.	—	2	1	—	1	4
8. Фельдшероу, принадлежащих Ведомству Государственных Имуществ	м. п.	—	1	—	2	1	4
	ж. п.	—	2	—	—	1	3
Итого	м. п.	10691	701	2849	501	3358	18100
	ж. п.	15804	2011	4678	1012	6101	29606
Всего	м. п.	73972	42923	75278	34163	86367	312703
	ж. п.	88015	48477	86808	36670	97484	357454

Х ревизия. НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ
(Извлечения по четырем уездам)

Означеніе званий		Устю- жен- ский	Черепо- вецкий	Кирия- лов- ский	Бело- зер- ский	Итого	
<i>I. Платящих подати и повинности</i>							
1. Купцов							
1-й гильдии	м. п.	9	—	—	—	9	
	ж. п.	8	—	—	—	8	
2-й гильдии	м. п.	17	3	1	—	21	
	ж. п.	10	3	1	—	14	
3-й гильдии	м. п.	387	168	91	227	873	
	ж. п.	329	167	72	185	753	
2. Мещан и цеховых							
	м. п.	1740	741	783	1234	4498	
	ж. п.	2266	981	1042	1593	5882	
3. Поселян							
а) Удельных							
	м. п.	1010	—	15500	312	16822	
	ж. п.	1279	—	18000	391	19670	
б) Управления государственных имуществ:							
1) Государственных разных наименований							
	м. п.	2983	20588	13524	5633	42728	
	ж. п.	3523	23414	15553	6614	49104	
2) Государственных водворенных на собственных землях							
	м. п.	161	366	104	481	1112	
	ж. п.	188	412	106	483	1189	
в) Помещичьих:							
1) Крестьян							
	м. п.	20889	20216	5066	14451	60622	
	ж. п.	23335	23293	5787	15694	68109	
2) Дворовых							
	ж. п.	1507	1039	439	1137	4122	
	ж. п.	1704	1123	566	1274	4667	
Итого		м. п.	28703	43121	35508	23475	130807
	ж. п.	32642	49393	41127	26234	149396	
<i>II. Состоящих на льготе</i>							
Мещан							
	м. п.	41	19	27	19	106	
	ж. п.	55	25	32	26	138	
Поселян государственных							
	м. п.	6	4	—	—	10	
	ж. п.	7	5	—	—	12	
Итого		м. п.	47	23	27	19	116
	ж. п.	62	30	32	26	150	

Означеніе званій		Устю- жен- ский	Черепо- вецкий	Кирил- лов- ский	Бело- зер- ский	Итого
<i>III. Состоящих в ревизии для одного только счета</i>						
Священнослужителей	м. п.	581	616	706	651	2554
	ж. п.	720	758	793	851	3122
Почетных граждан потомственных	м. п.	23	—	—	3	26
	ж. п.	17	—	—	1	18
личных	м. п.	—	1	—	—	1
	ж. п.	—	—	—	—	—
Отставных военных ниж- них чинов, причислен- ных в разные звания	м. п.	41	187	156	60	444
	ж. п.	32	274	243	74	623
Их же, никуда не припи- санных	м. п.	38	57	177	18	290
	ж. п.	26	192	392	23	633
Воспитанников сиротских домов	м. п.	2	—	—	—	2
	ж. п.	1	—	—	—	1
Воспитанников Приказа общественного призрения	м. п.	12	8	4	5	29
	ж. п.	35	31	18	21	100
Солдатских детей, состоя- щих на льготе	м. п.	359	458	415	272	1504
	ж. п.	242	561	892	346	2041
Монастырских служителей	м. п.	18	—	54	23	95
	ж. п.	7	—	33	15	55
Итого	м. п.	1074	1327	1512	1032	4945
	ж. п.	1080	1816	2366	1331	6593
Всего	м. п.	29824	44471	37047	24526	135868
	ж. п.	33784	51239	43525	27591	156139

(VIII ревизия: ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 49; X ревизия: Там же, оп. 6. дд. 1023, 1024).

РАЗМЕРЫ ВСЕХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ В ОКОЛОГОРОДНОМ СТАНЕ УСТЮЖЕНСКОГО УЕЗДА
В 1776—1883 гг.

№ пп.	Деревни*	Всего дворов	Площадь под дворами (длина и ширина в сажнях)	Десятин под огородами и гуннами	Пашни худой пахан. в четях	Пере- лог	Поско- тина в деся- тинах	Всего сена в коп- нах	В том числе завытного	Дано земли за недостачу се- на (в четях)**	Леса пашен- ного	Леса непа- шен- ного
1.	Ведруковская, Ведерниково	8	9 $\frac{1}{8}$ на 8,12 $\frac{1}{8}$ на 5,10 на 6,8 на 5 12 $\frac{1}{8}$ на 7,12 $\frac{1}{8}$ на 3,10 $\frac{1}{8}$ на 2 $\frac{2}{3}$, 10 на 3	$\frac{1}{2}$	20	12	3	45	—	35	6	12
2.	Буйного на Шиленге	5	11 на 8,7 на 5, 12 на 6 $\frac{1}{3}$; 11 на 5, 7 на 4 $\frac{1}{2}$.	$\frac{1}{2}$	16	8	4	77	37	—	7	14
3.	Пасынкова, Самотино	3	8 на 6, 9 на 5, 6 на 4.	$\frac{1}{2}$	12	8	4	30	—	<u>15</u> 1,5	4	8
4.	Малинино на р. Сухоне	3	11 на 6, 10 на 5, 11 на 6.	$\frac{1}{2}$	12	4	3	60	20	—	6	12
5.	Чернятина на р. Сухоне	3	8 на 4, 10 на 5, 11 на 5.	$\frac{1}{2}$	8	$\frac{1}{2}$	3	35	14	—	4	8
6.	Мясникова, Поповкино на р. Сухоне	2	12 на 9, 14 на 5	$\frac{1}{4}$	15	—	5	110	75	—	5	10
7.	Гомзино на р. Сухоне	3	10 на 7, 9 на 7, 11 на 4 $\frac{1}{2}$.	$\frac{1}{2}$	6	2	3	30	10	—	4	8
8.	Сычугово на р. Сухоне	4	11 $\frac{1}{2}$ на 6, 11 на 6, 12 на 6, 12 на 6.	1	12	6	2	15	—	<u>30</u> 3	5	10
9.	Ондреевская, Полпинская	3	10 на 6, 11 на 5, 11 на 5.	$\frac{1}{2}$	9	—	3	51	28	—	5	10

№ пп.	Деревни*	Всего дворов	Площадь под дворами (длина и ширина в сажнях)	Десятины под огородами и гумнами	Пашни худой пахан. в четях	Пере- лог	Поско- тина в деся- тинах	Всего сена в коп- нах	В том числе завытного	Дано земли за недостачу се- на (в четях)**	Леса пашен- ного	Леса непа- шен- ного
10.	Шадрино, Кушеварово на Кушеварке	6	9 на 5, 7 1/2 на 6, 12 на 10; 7 на 7, 11 на 5 1/2, 7 на 7.	1	8 1/2	—	3	35	13	—	6	12
11.	Кропухино на р. Сухоне	7	11 на 6, 11 на 6 1/2, 11 1/2 на 5 1/2, 6 на 4, 6 на 2 1/2, 11 на 5, 7 1/2 на 6 1/2.	1	8	—	5	17	—	<u>3</u> 0,25	8	16
12.	Мухино на р. Сухоне	8	10 на 5, 9 на 7 1/2, 9 на 4 1/2, 10 на 5, 12 на 4 1/2, 12 на 5, 12 на 4 1/2, 13 на 3 1/2.	1	16	8	4	50	—	<u>10</u> 1,0	7	14
13.	Рязаново на Марденьге	6	10 на 10, 9 1/2 на 3, 7 1/2 на 5 1/2, 7 на 3, 8 на 6, 7 1/2 на 5 1/2.	1	12	8	4	35	—	<u>15</u> 1,5	6	12
14.	Фалево на Марденьге	10	11 1/2 на 5, 11 1/2 на 5, 10 на 4, 9 на 7, 7 на 5, 9 на 4, 7 1/2 на 5 1/2, 7 на 6, 7 на 7, 11 на 7.	1	32	2	5	40	—	<u>45</u> 4,5	10	20
15.	Тальтеева на Темтасе	8	11 на 6, 11 на 3, 11 на 5, 11 на 4 1/2, 11 на 9, 10 на 6, 2 на 4 1/2, 9 1/2 на 4.	1	10	—	5	60	35	—	8	16
16.	Ямкино на Темтасе	9	11 на 7 1/2, 10 на 9, 10 на 6, 10 на 4, 10 на 6 1/2, 10 на 6, 8 на 6, 9 на 7, 10 на 5.	1 1/2	18	8	7	50	—	<u>15</u> 1,5	7	14
17.	Ларионов поч., Полутово на Темтасе	3	8 на 6, 12 на 8 1/2, 12 на 8 1/2.	1/4	8	5	2	15	—	<u>18</u> 2	6	12
18.	Пентерево на Воронихе	4	9 на 7, 9 на 7, 9 на 8, 11 на 4.	1	12	12	4	60	—	—	6	12
19.	Березник на Воронихе	3	9 на 6, 9 на 6, 9 на 6.	1/2	6	—	3	20	19	—	6	12
20.	Торжево на Торжевском болоте	4	12 на 5, 12 на 5 1/2, 12 на 5, 5 1/2 на 3.	1/2	16	1/2	3	60	—	—	8	16
21.	Бутова Гора, Новоселово у болота	4	11 на 6, 11 на 6 1/3, 11 на 6 1/3, 11 на 5.	1/2	6	—	3	40	25	—	8	16
22.	Тимофеевская, Огорельцево на Воронихе	4	13 на 7, 6 1/2 на 6, 12 на 6, 9 на 6.	1/3	16	—	5	80	40	—	7	14
23.	Богословская на Богословке	4	9 на 6, 11 на 6, 10 на 5, 9 1/2 на 6.	1/3	10	8	4	45	—	—	6	12
24.	Нагорье, Петровка на «Враге»	4	7 на 7, 10 на 5, 10 на 5, 10 на 5.	1/2	12	8	3	56	16	—	6	12
25.	Другое Ям- кино на Темтасе	4	11 на 6, 8 на 5, 10 на 5, 8 на 6.	1/2	14	—	4	50	15	—	7	14
26.	Васильева Гора на Темтасе	2	6 на 6 2/3, 9 на 6.	1/6	4	4	3	20	—	—	3	6
27.	Большой Двор на Темтасе	7	8 на 7, 14 на 6, 9 на 6, 11 на 6, 13 на 6, 9 на 5, 8 1/2 на 6.	1 1/2	18	12	4	175	95	—	6	12
28.	Деревенни- ково на р. Сыроватке	6	8 на 7, 10 на 7, 10 на 4 1/2, 10 на 6, 7 на 5 1/2, 10 на 6.	1	16	10	4	63	—	<u>2</u> 0,25	7	14

№ пп.	Деревни*	Всего дворов	Площадь под дворами (длина и ширина в саженьях)	Десятин под огородами и гуннами	Пашни худой пахан. в четях	Пере- лог	Поско- тина в деся- тинах	Всего сена в коп- нах	В том числе завытного	Дано земли за недостачу се- на (в четях)**	Леса пашен- ного	Леса непа- шен- ного
29.	1/4 дер. Киприяновское на р. Сыроватке	1	12 на 7 1/2.	1	8	—	4	19	4	—	7	14
30.	Онанинское, Ескино на р. Сыроватке	1	14 на 8.	1/4	5	—	3	45	32	—	6	12
31.	Похмельников- ская, Чучулино на Дороватице	6	12 на 5, 11 на 4, 11 на 4, 8 на 7, 12 на 5, 11 на 6.	1	18	9	2	45	—	22 2	5	10
32.	Псареве, Кошелево на р. Вайковаце	3	12 на 8, 9 на 4 1/2, 8 1/2 на 4.	1	6	6	3	60	36	—	3	6
33.	Кулево на р. Стрегине	3	8 на 7, 10 на 5, 12 на 7.	1/2	12	2	4	164	129	—	8	16
34.	Ковригино на р. Стре- гине	2	7 на 6, 12 на 6.	1/3	4	3	3	30	12	—	4	8
35.	Березник на р. Стрегине	2	10 на 7, 9 на 8.	1/4	5	4	2	43	20	—	3	6
36.	Нефедово, Радчино на р. Стрегине	5	11 на 6, 11 на 5, 11 на 4 1/2, 10 на 4 1/2, 12 на 5.	1	12	9	3	60	8	—	5	10
37.	Красная Горка	2	12 на 6 1/2, 8 на 5.	1/2	5	3 1/2	5	100	79	—	4	8
38.	Смольниково на р. Стрегине и Смолке	5	9 на 6, 9 на 6, 9 на 6, 8 на 6, 8 на 6.	1	12	3	3	67	22	—	7	14
39.	1/2 дер. Коз- лово на р. Стрегине	2	13 на 6, 11 на 6.	1/8	6	—	2	30	15	—	7	14
40.	Петряево на р. Янбже	3	9 на 8, 11 на 7, 11 на 7.	1	10	8	5	150	105	—	6	12
41.	Микулинская, Шемякино на Янбже	3	11 на 6, 10 на 6, 13 на 9 1/2.	1/3	15	—	5	120	82	—	7	14
42.	Бабородин- ская, Колоч- кино за болотом	2	12 на 9, 12 на 10.	1/4	12	5	5	60	17	—	5	10
43.	Языкьево на р. Стрегине	4	11 на 6, 13 на 5 1/2, 13 на 4, 10 1/2 на 6.	1/2	14	7	3	150	98	—	6	12
44.	Олбово	6	8 на 6 1/2, 13 на 8, 8 на 5, 10 на 5, 10 на 5, 10 на 5.	1	12	4	5	45	5	—	6	12
45.	Шильников- ская на р. Стре- гине	5	8 1/2 на 5 1/2, 9 на 5 1/2, 9 на 6 1/2, 7 на 5, 7 на 5 1/2.	1	12	2	4	45	10	—	5	10
46.	Сазоново на р. Стре- гине	4	9 на 6, 9 на 5 1/2, 8 на 5 1/2, 9 на 6.	1/2	10	6	4	45	5	—	5	10
47.	Воробьево, Харитоново на р. Стре- гине	4	14 на 6, 9 на 6, 9 на 6, 9 на 7.	1/2	12	8	3	110	60	—	6	12
48.	Тараканово на р. Стрегине	4	6 на 5 1/2, 9 на 6, 12 на 6, 12 на 6.	1/2	12	8	5	100	50	—	6	12

№ пп.	Деревни*	Всего дворов	Площадь под дворами (длина и ширина в сажнях)	Десятины под огородами и гумнами	Пашни худой пахан. в четях	Пере- лог	Поско- тина в деся- тинах	Всего сена в коп- нах	В том числе завытного	Дано земли за недостающ со- на (в четях)**	Леса пашен- ного	Леса непа- шен- ного
49.	Филимонов- ская, Корчага на р. Хаймовице	4	12 на 6, 12 на 6, 9 на 5, 5 на 4.	1	20	10	5	140	65	—	7	14
50.	Осиковская, Омельяничево на р. Стрегине	3	8 на 6, 7 на 6, 9 на 5.	1/2	10	2	3	76	46	—	7	14
51.	Чернятино, Савино на р. Стрегине	2	12 на 5, 12 на 8.	—	10	4 1/2	—	70	34	—	5	10
52.	Климовская, Серебряниково	2	9 1/2 на 6 1/2, 9 1/2 на 6 1/2.	1/2	10	4	1	100	65	—	4	8
53.	Сосновец на р. Хаймовице	2	11 на 9, 11 на 8 1/3.	1/4	13	—	3	80	47	—	7	14
54.	Бурмакино, Каликино	1	15 на 9.	1/3	4	2	—	10	—	5 0,5	4	8
			210	35 11/24	619 1/2	236	190	3453	1488	215 21,5	319	638

* Все перечисленные 54 деревни были живущими и в 1623—1626 гг.

** Числитель — количество недостающих копен сена на выть; знаменатель — пашни или перелогн в четях, что дана в компенсацию за сено.

КАМЕРАЛЬНЫЕ ОПИСАНИЯ

Камер-коллегия, созданная Петром I и ведавшая государственными доходами, подрядами и откупами, казенными винокуренными и другими заводами и таможенными сборами, в 80-х гг. XVIII в. провела описание государственной деревни (бывших черносошных и монастырских крестьян). В архиве ЛОИИ в ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. 482 хранится «Реестр камерального описания 30 губерний», в том числе по Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. По Олонецкой губ. материалов в делах нет, «так как Новгородская казенная палата не представила планов и межевых книг» (д. 482, л. 2). Формуляр документов неодинаков. Если по Архангельской и Вятской губ. количество пашенной земли, сенокосов и леса показано в целом по уездам, то по Вологодской и Пермской — по каждой волости, что позволяет определить поволостную земельную обеспеченность государственных крестьян. В связи с тем, что в Архангельской губ. (кроме Шенкурского уезда) Генеральное межевание не проводилось, а в Вятской и Пермской было завершено уже в XIX в., материалы камеральных описаний представляют особую ценность. К сожалению, не полные данные по Грязовецкому уезду, нет сведений по уезду В. Устюга, отсутствуют итоги в целом по Вологодской губернии. Но в начале дела 482, л. 2 указано, что в ней всего 10 уездов, 76 волостей, 7175 селений, 158228 душ м. п. да купленных в казну 971 чел., пашни за казенными селениями отмежеванной 356086 дес., сенокосов 173492 дес., лесов — 3421710 дес. Да, кроме этого, в общем владении с помещиками и разными людьми пашни 60905 дес., сенокосов 27548, лесов 323874 дес., мельниц 932. Вероятно, эти данные можно считать итогами описания Вологодской губ.

По Вятской и Пермской губ. публикуются материалы только по тем уездам, которые были расположены на территории Поморских городов.

В ф. 36, оп. I, д. 479 «Историческое, топографическое и камеральное описание» Архангельской губ. Сведения о числе душ м. п. по IV ревизии 1782 г. В этом документе более обширно описаны условия сельскохозяйственного производства. Так, по Архангельскому уезду составители приводят сроки посева зерновых (рожь начинают высевать 20. VII, созревание через 12 мес., ячмень — «около половины мая» высевают, а созревает через 3 мес. и т. д.). Характерно указание, что под пашню «новины расчищают очень мало», нет удобной земли, «под сенокосы же расчищают много». В кучи или копны собирают по 4 и более пудов сена, а затем складывают в стога или в промежки (лл. 25—26).

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания
		селений	душ	
Вятской	Филейская	122	1502	Пашенная земля черная, серая, местами смешанная с песком, красною и белою глиною, инде иловатая, удабривается наземом; пахут оную сохами на лошадях в осень под рожь по три, а весною под яровой по одному разу; боронят по стольку же; высевают рожь, овес, ячмень, малую часть пшеницы и небольшое количество конопли и льну; урожай бывает посредственной, лучше родится рожь, овес и ячмень, и то против посева в двое.
	Бахтинская	97	2001	
	Вязовская	113	2000	
	Красносельская	138	1775	
	Кстининская	171	2502	
	Раменская	82	1997	
	Ребиновская	91	3001	
	Кумейская	86	2625	
	Кырымжская	116	3001	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания																		
		селе- ний	душ																			
	Вожгальская	109	2999	Садов поселяне не разводят; а в огородах садят капусту, редьку, лук, местами свеклу, морковь, чеснок, изредка и хрен. Пчел не держат. Скотоводство состоит из обыкновенных пород лошадей, коров, овец и свиней; из них лучше удаются последние два рода. Лес произрастает еловой, пихтовой, сосновой, березовой, осиновой, более дровяной; на строение же годнаго весьма мало, и поселяне заимствуются оным из соседственных мест. Сверх земледелия и скотоводства некоторые поселяне упражняются в делании саней, телег, снастей из веревок, хомутных клещей, шляп и горшков; в точении чашек и ложек; в плотничной и кузнечной работе; равно нанимаются на Павловском винокуренном заводе в работу. Женщины же занимаются пряжею льна и овечьей шерсти, тканьем холста, сермяжного сукна и вязанием чулок. Избытки свои продают в городах Вятке, Слободске и Павловске, так же на заводах и ярмонках.																		
	Каринская	68	2001																			
	Рябевская	70	2642																			
	Селезневская	100	2534																			
	Пыжинская	137	2975																			
	Филиповская	80	2502																			
	Поломская	99	2502																			
	Проснитская	122	2001																			
	Чепецкая	96	1503																			
	Макарьевская	102	1538																			
	Бобинская	74	1125																			
	Загарская	45	952																			
	Медянская	113	1591																			
	Итого 22 волости	2230	47569		<table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пашенной земли</th> <th colspan="2">Сенокосу</th> <th colspan="2">Лесу</th> </tr> <tr> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>82996</td> <td>1892</td> <td>30551</td> <td>1666</td> <td>62763</td> <td>640</td> </tr> </tbody> </table>	Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	82996	1892	30551	1666	62763
Пашенной земли		Сенокосу		Лесу																		
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.																	
82996	1892	30551	1666	62763	640																	
	= поправка карандашом:	2231	49569																			
Орловской	Истобенская	40	1500	Почва под пашнями глинопесчаная, требующая удобрения навозом; способ обработки оной и посев такой же как в Вятском уезде, лучший урожай бывает ржи. Садов не имеется; в огородах садят обыкновенные овощи. Скотоводство посредственное; лучший приплод бывает рогатому скоту. Пчел держат весьма не многие. Лес состоит из березы, пихты, ивы, ели, сосны, местами и осины, строеваго довольно, а более дровяной.																		
	Пищальская	178	2501																			
	Касинская	111	3001																			
	Зашижемская	113	2654																			
	Верхошижемская	195	2999																			
	Ижгинская	116	2871																			
	Илганская	109	3000																			
	Коршинская	115	2500																			
	Камешнитская	82	2039																			

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания
		селе- ний	душ	
	Спаская	137	2998	Сверх земледелия и скотоводства поселяне упражняются в плетении лаптей, битье шерсти, тканье сермяжного сукна, частью делании телег, саней, ткацких берд и горшков; в рыбной и звериной ловле, сидже дегтя; так же занимаются кузнечною и шляпною работами, равно отходят для работ по паспортам в разные города; а некоторые из поселян ни каких промыслов не имеют. Избытки свои продают в городах Вятке, Орлове и Котельниче, так же при Черноречинском заводе.
	Лукинская	98	1481	
	Колковская	80	2002	
	Захощевитская	31	1000	
	Подрельская	66	1908	
	Чудиновская	93	3005	
	Великорецкая	125	2499	
	Комаровская	97	1001	
	Слудская	9	1002	
	Верходворская	79	1004	
	Верховская	189	2003	
	Боровицкая	49	1002	
	Тахтинская	100	2500	
	Русановская	111	2007	
	Итого 23 волости	2323	48477	
Котельнической	Подгородная-Сусловская	289	2935	Грунт под пашнями глинистой, песчаной, местами черной, беловатой и подзолистой; обработывание и произведения земли одинаковы с предыдущим уездом, особливо высевают здесь еще лен; урожай хлеба бывает в трое и в четверо; лучше родится рожь и овес. Садов нет; а в огородах разводят обыкновенные овощи, частью конопли, картофель и свеклу. Пчел держат не многие, и в небольшом количестве. Скотоводство состоит из обыкновенных пород; лучше удаются приплодом лошади и коровы. Лес состоит из ели, березы, осины, из коего первый употребляется на строение, а прочие на дрова. Сверх земледелия, скотоводства и домашнего обихода, некоторые поселяне занимаются деланием саней, колес, кадок, ведер, лодок, лубяных коробок, оконниц и горшков; другие упражняются в плетении шлей,
	Гостевская	84	1000	
	Шеломовская	145	2522	
	Куринская	108	1502	
	Спаская	147	2000	
	Окатьевская	105	1498	
	Одинковская	91	1504	
	Касьяновская	57	500	
	Вонданская	45	500	
	Доровская	156	1500	
	Сретенская	178	1995	
	Макарьевская	149	2500	
	Молотниковская	141	2002	
Екатерининская	220	3000		
Круглыжская	234	2500		

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания																		
		селе- ний	душ																			
	Некрасовская	64	1000	тканье рогож, битье шерсти, выделывании кож, вязании неводов, шитье платья, плотничной и кузнечной работах; так же и звериною ловлею. Многие отходят для работ на реку Волгу. Избытки свои продают на ярмонках и на ближайших торжках, так же в городах Котельниче и Орлове, в селах Куринском, Макарьевском, Спаском и Сретенском.																		
	Червяковская	83	1001																			
	Крупинская	56	500																			
	Глушковская	45	501																			
	Сорвижская	63	2005																			
	Васильковская	65	1072																			
	Арбажская	103	1945																			
Итого 22 волости		2628	35482	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пашенной земли</th> <th colspan="2">Сенокосу</th> <th colspan="2">Лесу</th> </tr> <tr> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>77957</td> <td>1113</td> <td>22537</td> <td>2385</td> <td>153951</td> <td>1022</td> </tr> </tbody> </table>	Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	77957	1113	22537	2385	153951	1022
Пашенной земли		Сенокосу		Лесу																		
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.																	
77957	1113	22537	2385	153951	1022																	
Нолинской	Нолинская	47	2631	Земля под пашнями черная, серая, красноглинистая, местами лудоватая с песком; удабривают ее навозом через три, пять и семь лет; пахут сохами на лошадях под рожь два раза, под овес одинажды, боронят по одному, по два, местами и по три раза. Сеют рожь, овес, горох, ячмень, гречу, лен частью и коноплю; лучше урожай бывает ржи и овсу, местами льну, ячменю иногда и гороху. Садов нет; а в огородах сажают капусту, редьку, лук, местами картофель и огурцы. Скотоводство состоит из обыкновенных пород рогатого и другого скота, из коего овцы и свиньи лучше дают приплод; а из птиц держат уток, гусей и кур. Пчел водят весьма не многие. Лес состоит из мелкого березнику, ели, пихты, липы, частью сосны, клену, вязу, дубу, орешника и ветлы, годных более на дрова; на строение же лесом поселяне заимствуются из других мест. Сверх земледелия и скотоводства поселяне в зимнее время занимают-ся выделкою бараньих овчин и																		
	Сретенская	30	2502																			
	Васильевская	23	1000																			
	Юргинская	31	1000																			
	Никольская	55	1895																			
	Архангельская	32	2000																			
	Пильинская	44	1501																			
	Дымовская	38	780																			
	Ситминская	42	1526																			
	Ошетская Архиерейская	106	1981																			
	Сунская	41	1982																			
	Кырчанская	62	3000																			
	Вознесенская	68	3004																			
	Немская	43	1000																			
	Лобанская-Ясашная	49	1462																			
	Екатерининская	49	2005																			
Курчумская	69	2499																				
Желонская	12	500																				
Ошетская-Монастырская	39	1576																				

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания																		
		селе- ний	душ																			
Нолинский	Ильинская	29	1358	сафьянных кож; шитьем обуви и рукавиц, плетением лаптей, от части деланием саней и ведр, кузнечным и плотничным мастерством, рыбною ловлею, работами на рудокопных заводах и на судах; женщины же упражняются в прядении шерсти и льна, тканье холста, черного и белого сукна. Избытки свои продают в городах Нолинске и Вятке, в селах Курчане, Ошете, Кукарке и на ближайших торжках и ярмонках.																		
	Верхосунская	56	1999																			
	Савиновская	86	2102																			
	Пермская	76	1501																			
	Лудянская- Экономиче- ская	76	2000																			
	Лудянская- Ясашная	41	1500																			
	Полонская	39	987																			
	Ботылинская	22	1501																			
	Лобанская- Богородская	29	1431																			
	Ошланская	72	2673																			
Итого 29 волостей		1406	50896	<table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пашенной земли</th> <th colspan="2">Сенокосу</th> <th colspan="2">Лесу</th> </tr> <tr> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>204113</td> <td>202</td> <td>13809</td> <td>1434</td> <td>22517</td> <td>2299</td> </tr> </tbody> </table>	Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	204113	202	13809	1434	22517	2299
Пашенной земли		Сенокосу		Лесу																		
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.																	
204113	202	13809	1434	22517	2299																	
= поправка карандашом:		59896 =																				
Слободской	Слободская- Подгородная	163	1906	Под пашнями почва глинистая, песчаная, частью черная, не весьма плодородна; удобряется навозом; пашут ее сохами, оруд и боронят по два раза. Сеется рожь, овес, ячмень, пшеница, горох, лен, конопля и репа; урожай хлебу бывает в двое, иногда и более; лучше родится рожь и овес. Садов нет; а в огородах произрастают обыкновенные овощи. Скотоводство небольшое. Некоторые из поселян держат пчел в малом количестве. Лес пихтовой, сосновой, осиновой и березовой, годной только на дрова. Сверх земледелия и скотоводства поселяне занимаются рубкою дров, деланием бочек, кадок, деревянной и глиняной посуды; местами выделкою кож и овчин, шитьем обуви и рукавиц, зжением угля, выделыва-																		
	Волковская	181	2046																			
	Загарская	61	946																			
	Борняковская	53	903																			
	Кругловская	8	948																			
	Каринская	10	1058																			
	Роговская	48	615																			
	Закаринская	62	857																			
	Сезеневская	102	1609																			
	Косинская	94	2009																			
	Вознесенская	80	1951																			
	Мухинская	56	1535																			
Сумская	109	2511																				
Березинская	4	535																				

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания										
		селе- ний	душ											
Слободской	Николаевская	147	2433	нием ржаного и яшного солоду, поставкою на заводы известнаго, горногого и жернового камня; возкою у частных лиц до Ношулской пристани хлеба; так же нанимаются в работы как на заводах, так и у частных людей. Избытки свои продают в городах Слободске и Вятке, равно и на заводах.										
	Лекомская	209	2440											
	Ильинская	153	1778											
	Кинчинская	81	1212											
	Дубровская	34	525											
	Вагинская	61	520											
	Сырьянская	134	1159											
	Ракаловская	85	1006											
	Есесвятская	57	607											
	Рождественская	39	1669											
	Мулинская	45	1393											
	Спаская	90	1551											
	Волокитинская	42	871							Пашенной земли	Сенокосу		Лесу	
	Лоинская	76	1720							дес.	саж.	дес.	саж.	дес.
	Итого 28 волостей	2278	38313	41693	2129	18384	1396	19630	382					
Глазовской	Юберевская	71	2290	Пашенная земля глинистая, черная, смешанная с песком, местами лудоватая, удабривается навозом через три, иногда и четыре года; пашут ее сохами под озимой по два и по три, а под яровой по одному разу, боронят по столько же. Сеют рожь, ячмень, овес, частью пшеницу, лен и конопли; урожаи бывают в двое и трое; лучше родится рожь. Иногда ячмень и овес. Садов нет; а в огородах произрастают обыкновенные овощи. Скотоводство такое же, какое в Елабугском уезде; лучше удаются озы и свиньи. Ичел держат в малом количестве. Лес еловой, пихтовой, березовой и липовой, из коих первые два рода частью употребляются на строение, прочие же на дрова.										
	Чуринская	42	1771											
	Тимофеевская	32	1010											
	Селтынская	83	2844											
	Зуринаская	35	1516											
	Поломская	37	1503											
	Балезинская	84	2978											
	Омутнинская	38	2456											
	Кляповская	51	2352											
	Еловская	39	1820											
	Красноглинская	76	927											
	Уканская	56	2994											
	Святитская	125	2999											
	Бельская	109	2701											
Верхосунская	34	605												
Зачурмыжская	40	1415												

Звание уездов	Звание волостей	Число		Экономические примечания					
		селе- ний	душ						
Глазовской	Сырванская	22	514	Сверх земледелия поселяне занимаются отчасти валянием шляп, выделкою овчин, так же кузнечным мастерством и работою на частных заводах. Избытки свои продают в городах: Глазове, Слободске, Вятке и Нолинске, равно на казенных и частных заводах.					
	Лумпунская	20	608						
	Ухтымская	88	3000						
	Пореская	44	864						
	Лобанская	55	1453						
	Воламажская	108	1627						
	Зюэдинская	44	1216						
	Гординская	32	565						
	Починошная	32	783						
	Елаганская	31	1177						
				Пашенной земли		Сенокосу		Лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Итого 26 волостей	1428	43988	105907	2001	19474	1505	284063	2330

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги	Экономические примечания
	селений	душ		

Архангельский уезд.

Кехоцкая	113	2951	В Кехоцком селении, при реке Кехте, от тракту Санктпетербургскаго и Московскаго в 1 1/2, от реки Двины в 1-й, от города Архангельска в 35 верстах.	Пашенная земля черная, серая, песчаная, глинистая и местами весною заливается водою; удабривается навозом, под коим лежит два года в пару без посева; летом орут ее и боронят по три и четыре раза. Сеют ячмень, часть рожь, репу и редьку; в урожае лучше бывает озимой. Садов и по всей губернии нет; а в огородах садят и сеют капусту, репу, морковь, картофель и редьку, которые поселяне частью возят в Архангельск на продажу. Пчел по притчине холодного климата во всей губернии не водят. Скотоводство собственное, состоит и по всей губернии из лошадей, коров и овец. Лесу на строение годного мало, а более на дрова.
Нижноладинская	61	2690	В деревне Нижноладинской при реке Лисестровской, от Архангельска в 5, от реки Двины в 4, от дороги в 7 верстах.	Сверх земледелия и скотоводства поселяне частью занимаются рыбным, звериным и сальным промыслами: для чего и отъезжают на берега Российской Лапландии, так называемый Мурманской берег; рубкою еловых, сосновых и березовых дров для продажи на соляные варницы и в городе; ямской гоньбою из найма; препровождением из гавани казенных кораблей без платы, а купеческих с платежем; разными работами на лесопиленных, якорных и прядильных заводах, на гальиотах, в городе Архангельске у разных
Андреевская	70	2847	В погосте Андреевском, от Архангельска в 29, от реки Двины в 3 верстах.	
Ижемская	34	1784	В деревне Ижемской, от Архангельска в 22, от реки Двины в 3 верстах.	
Особо состоящих, неприписанных к волостям	13	829	Оныя селения, лежащая к северу на самых берегах океана, одно от другого в дальном расстоянии и в толь малом числе душ, что соединять их для волостного правления неудобно, и для каждого селения было бы отяготительно и ненужно; и так по-прежнему оставлены оне под надзиранием земскаго суда и для каждого селения избирают ежегодно старосту и десятских, смотря по обширности селения и числу душ.	

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги	Экономические примечания		
	селе-ний	душ				
Емецкая	128	2908	В селе Емецком, при Московской дороге, при реке Емце, от Двины в 5, от Холмогор во 180 верстах.			<p>вают ржи и ячменю в пятеро и семеро, а прочим семенам менее; но из сего удается лучше рожь и ячмень.</p> <p>Под сенокосом же земля песчаная и болотистая; скотоводство избыточное и состоит более из коров, а часть из овец и лошадей; из птиц держат одних только кур в довольном количестве. Лес мелкой сосновой, еловой, лиственничной, березовой, осиновой, ивовой, ольховой; годнаго на строение мало, а более дровянаго.</p> <p>Поселяне занимаются на Мурманском берегу рыбным и сальным промыслами, от чего и почитаются зажиточными; частью упражняются в выковке медных и железных вещей; делании разных костяных и токарных вещей, мелких карбасов и колес, рубке дров для себя и на продажу; в сидке смолы по подряду, зжении угля и извести, ломке плитнаго камня, ямской гоньбе из найма; выделке кож на продажу, ловле рыбы семги и гальюсов, а по лесам зверей лисиц и зайцов, так же в рощении солоду по подряду; часть отходят по пашпортам в Санктпетербург и другие города для работ. Избытки свои продают приезжающим в их селении разным людям, в городах Архангельске, Холмогорах и других местах.</p>
Меландовская	112	2235	В Меландовском селении, от реки в 17, от Холмогор во 110, от дорог: Московской в 12, Санктпетербургской в 8 верстах.			
Маржегорская	60	1541	В Маржегорском селении, от Московской дороги в 1/2, от реки Двины в 1-й, от Холмогор во 165, от Евдокиевской ярмонки в 221 версте.			
			Пахотн. земли	Сенокосу	Мельниц	
			десятину			
Итого 6 волостей	633	15093	9228	11044	336	

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги	Экономические примечания																				
	селе- ний	душ																						
<i>Шенкурский уезд.</i>																								
Богословская	22	546	В Богословской вотчине, от реки Двины во 107, от города Шенкурска в 32, от Московской дороги в 15 верстах.	Пашенная земля глинистая, песчаная, частью серая лудная и каменистая, удабривается чрез два года навозом и черным грунтом из болот; пахут и боронят ее по три и четыре раза. Урожай бывает ржи в пятеро и шестеро, ячменю в четверо и пятеро, овсу в трое и четверо; но лучше всех удается рожь; по некоторым селениям в огородах произрастает																				
Ивачевская	9	250	В деревне Ивачевской, от реки Двины в 1 1/2, от Шенкурска в 90, от Московской и Устюжской дороги в 5, от Евдокиевской ярмонки во 180 верстах.	капуста, лук, горох, редька и репа. Скот у поселян мелкой и в малом количестве, лесу строевого мало, дровяного же более.																				
Среднепогоская	68	894	В деревне Среднепогоской, от реки Двины в 110, от Шенкурска во 184, от Евдокиевской ярмонки в 246 верстах, на Санктпетербургской дороге.	Поселяне частью занимаются ловлею зверей, стрельбою птиц, курением смолы, жжением осиновой золы и угля. Избытки свои продают в Архангельске, Шенкурске и на Евдокиевской ярмонке.																				
Верхноподенская Богословская	19	417	В Верхноподенской Богословской вотчине, от реки Двины во 180, от Шенкурска в 65, от Московской дороги в 40, от Евдокиевской ярмонки в 60 верстах.																					
			<table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пашенной земли</th> <th colspan="2">Сенокосу</th> <th colspan="2">Лесу</th> <th rowspan="2">Мельниц</th> </tr> <tr> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> <th>дес.</th> <th>саж.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		Мельниц	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.								
Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		Мельниц																		
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.																			
Итого 4 волости	118	2037	2497 2334 1795 1273	34390	1877	15																		

Пинежский уезд.

Никитинская	27	1169	В деревне Никитинской, при реке Пинеге, от города Пинеги, где и ярмонка, в 239 верстах.	Пашенная почва песчаная, черная, местами глиноватая, иловатая и серая, удабривается ежегодно навозом. Сеется ржи, за недостатком земли,
-------------	----	------	---	---

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги	Экономические примечания									
	селений	душ											
Шардонемская	180	2874	В Шардонемском погосте, по обе стороны реки Пинеги, от города Пинеги во 135 верстах.				мало; ячменю более, которой; против ржи ежегодно родится прибыльнее; несколько конопли, льну изредка и пшеницы, а из овощей по немногу репы, редьки и капусты. Урожай бывает ржи и ячменю в пятеро, местами в семеро и десятеро, и прочим семенам изобилен. Скотоводство по сему уезду состоит достаточное и приплод весьма крупной; некоторые поселяне содержат небольшие конские заводы, в коих разводят лошадей не малого роста, продают оныя на ярмонках. Лес годной на строение и дрова.						
Чакольская	55	1870	В деревне Чакольской, по обе стороны реки Пинеги, от Мезенской дороги в 19, от города Пинеги в 79 верстах.				Сверх земледелия поселяне частью занимаются ловлею рыбы и зверей, стрельбою разных птиц, рубкою дров на подряд, деланием деревянной посуды, зжением золы, крашением холста на продажу; равномерно отлучаются для работы в другие города. Избытки свои продают на ярмонках и в других местах.						
Юрольская	79	2097	В деревне Юрольской близь большой дороги, от Пинеги в 15 верстах.										
Леуновская	13	595	В деревне Леуновской при реке Пинеге и Архангельской дороге, от Пинеги в 70 1/2 верстах.										
Малонемножская	7	347	В погосте Малонемножском на высоком и песчаном месте, при реке Кулое, от города Пинеги в 75 верстах.										
			Пашенной земли	Сенокосу	Лесу	Мельниц							
			дес.	саж.	дес.	саж.					дес.	саж.	Мельниц
Итого 6 волостей	361	8942	6801	1488	4848	1336	112525	2151	114				

Мезенский уезд.

Жердская	46	2526	В Жердском селении, от реки Мезени в 1, от города Мезени в 40, ярмонок в 40-х и во 148 верстах.				Пашенная земля твердая, песчаная и глинистая, удобряется навозом, а частью оставляется на год под пар; орут и боронят ее по три и			
----------	----	------	---	--	--	--	---	--	--	--

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги				Экономические примечания
	селе-ний	душ					
Койнаская	37	2859	В Койнасском селении при реке Мезени, от города Мезени и ярмонки в 202, от дороги в 91 версте.				четыре раза. Сеется рожь и ячмень, последний лучше удается; а в огородах произрастает капуста, репа и часть редька; по некоторым селениям хлебопашества и огородов совсем не имеется по причине холодного климата, а поселяне держат в множестве оленей. Скотоводство из русской породы у некоторых поселян посредственное, а у других малое. Лесу строевого мало, а более дровяной. Поселяне сего уезда большей частью упражняются в горном и морском зверином, так же рыбном промыслах и стрельбе птиц. Избытки свои продают в городе Мезени, на ярмонках и приезжающим в их селения купцам, у которых и хлеб на пропитание покупают.
Ижемская	31	2060	В слободе Ижемской, при реке Печоре, от города Мезени в 622, от ярмонки в 300 и 433, от дороги в 496 верстах.				
Особо состоящих, не включенных к сим волостям	18	690	Сии селения состоят под названием Пустозерской слободки, в самом дальнем расстоянии от смежных волостей.				
			Пашен. земли		Сенокосу		Мельниц
			дес.	саж.	дес.	саж.	
Итого 3 волости	132	8135	4999	340	9107	120	129

Онежский уезд.

Пурнемская	10	1265	В Пурнемском селении, при Белом море, от города Онеги во 100, от почтовой дороги в 30 верстах.				Пашенная земля песчаная, глинистая и частично каменистая, удобряется ежегодно навозом, орут и боронят ее так же, как и в Мезенском уезде. Сеют рожь, ячмень, лен, конопля, частью овес и горох; урожаю бывает в обыкновенные годы ржи в пятеро, местами в осьмеро, ячменю и овсу в трое; а из сего лучше удается рожь и ячмень; некоторые поселяне кроме ржи и ячменю других семян не высевают по неурожаю от холодного климата. Огородов не имеют, а сеют репу и редьку по по-
Порогская	62	2874	В Порогском селении подле реки Онеги, от города в 16, от почтовой дороги в 18 верстах.				
Прилуцкая	109	2977	В деревне Прилуках при реке Онеге, от города Онеги во 107, от Санктпетербургской дороги во 130 верстах.				
Биричевская	99	2005	В деревне Биричах при реке Онеге, от го-				

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги	Экономические примечания						
	селе-ний	душ								
			рода Онеги во 160, от Санктпетербургской до-роги в 49 верстах.	<p>лям. Скотоводство состоит из русской породы малое; из се-го удается лучше приплодом рогатой. Лес годной на строение и на дрова.</p> <p>Поселяне занимаются на Белом море и Мурманском берегу рыбным, звериным и сальным промыслами; руб-кою дров по договорам Онег-ской лесной конторы и по-ставкою оных на соляные варницы, ровно и вываркою на оных соли; частью отхо-дят в разные города для чер-ной работы. Избытки свои продают приезжающим куп-цам.</p>						
				Пашен-ной земли		Сено-косу		Лесу		Мельниц
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	
Итого 4 волости	280	9121	6680	—	12153	1262	4483	1335	163	

Кольский уезд.

Без сос-тавления волостей по не-удобности	37	2452	<p>В сем уезде по боль-шой части обитают ло-пари, коих жилища обыкновенно состоят в беднейших шалашах, для укрытия токмо от жестокости зимы; коль скоро растают снега, то лопари отправляются на морские берега для рыбных и звериных промыслов, от коих единственно пропита-ние свое имеют и опла-чивают государствен-ные подати; зимою от-правляются для того ж в леса и на озера; жи-лища их состоят одно от другаго в большом разстоянии, так что сообщения между со-бою имеют летом по морю, а зимою на оле-</p>	<p>Поселяне производят хле-бопашества весьма мало и то на новинах, которые у них выбираются на высоком мес-там, где в первой год рубят лес, в другой выжигают оной, а в третий собирают в кучи и пережигают; тогда в теплую землю сеют не орав-ши рожь, потом боронят; по времени удабривается она навозом, орут единожды, вы-севают токмо ячмень; уро-жай бывает годом хорош, а другим ничего не родится, по причине холода; за не-урожаем хлеб каждогодно закупают в Архангельске. Некоторые поселяне держат в малом количестве лошадей, коров и овец, коим приплод бывает неудачлив; большою частью держат одних только ручных оленей, кои по та-</p>
---	----	------	---	--

Звание волостей	Число		В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, ярмонки и большой дороги				Экономические примечания			
	селе-ний	душ								
			<p>нях, что все сопряжено с великими трудностями и медленностью.</p>				<p>мошному местоположению удаются лучше, и спускаются летом на волю без всякого присмотра в тундру, годом собираются все, а другим некоторые теряются; их бьют также на мясо для пропитания.</p> <p>Сверх сего крестьяне сего уезда упражняются на море в рыбном, зверином и сальном промыслах, ловлею по лесам диких оленей, лисиц и песцов. Избытки свои продают приезжающим разного звания людям и частью отвозят в Архангельск на продажу.</p>			
			Пашенной земли		Сенокосу		Лесу		Мельниц	
			дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.		
Итого	37	2452	39	1800	1584	1200	—	—	2	
Всего по Архангельской губернии 27 волостей	1852	56881	35661	1162	48069	1017	141500	563	1104	

ВОЛОГОДСКАЯ

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе-ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Вологодской	Коровничья	87	2365	6145	345	1774	644	5077	2169

ГУБЕРНИЯ

В общем владении						Число мельниц	В каких селениях находятся волостные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
268	2323	221	369	1116	893	82	В селе Коровничье, на берегу реки Вологды и при большой дороге, от города в 3-х верстах.	Пашенная земля сероиловатая, песчаная и глинистая, удобряется ежегодно навозом; орут и боронят ее по два, а местами и по три раза; сеют рожь, пшеницу, ячмень и овес; урожай бывает в обыкновенные годы ржи в шестеро, пшенице, ячменю и овсу в четверо.
40	1100	41	1999	41	1990	14	В селе Рыбанском при реке Сухоне и при Архангельской дороге, от города в 31 версте.	Скотоводство у поселян посредственное, состоящее из лошадей, коров, мелких овец и свиней, приплодом лучше удаются коровы. Садов и пчеловодства не имеют; а в огородах каждого селения произрастают капуста, редька, лук, местами картофеля, морковь, бобы и горох, но малую часть разводят в них яблони и хмель.
275	316	317	549	4314	1192	40	В селе Борисове, от реки в 1 1/2, от города в 37, от столбовой дороги в 31-й версте.	По всей губернии лесу строевого дровяного более.
—	—	—	—	—	—	10	В деревне Горка, на Московской дороге, от реки в 1-й, от города в 2 1/2 верстах.	Сверх земледелия некоторые крестьяне занимаются извозом, поставку строевого и дровяного лесу; часть каменную, топорную, столярную, кузнечную, иконописную, золотарную и сапожную работами; деланием оловянной и де-

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Итого 4 волости	255	6878	17815	441	4751	204	29763	424
Тотем- ской	Чучкова	160	2823	9965	440	3484	1069	83428	1936
	Брюхова	98	2312	126	180	10	512	1267	1972
	Вахрушева	58	1227	10136	1170	3357	1243	30621	1750
	Погорелова	67	1819	6234	1839	4285	2	124145	2262
	Купякова	88	2860	7420	1263	1474	1899	30727	2287
	Чешкинской	116	3020	8239	87	3491	110	105059	2198

В общем владении						Число мель- ниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего горо- да, суходоной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
584	1339	580	517	5472	1675	146		<p>ревянной посуды, а женщины тканьем холста; так же частью отходят по пашпортам для работы в разные города.</p> <p>Избытки свои продают в городе Вологде.</p> <p>Ярмонок по сему уезду не находится, кроме торжков, бывающих при некоторых селениях.</p>
—	—	—	—	—	—	27	<p>В деревне Чучковой на большой дороге, от реки в 19, от города в 98 верстах.</p>	<p>Пашенная земля сероиловатая, местами песчаная, глинистая и каменистая, в прочем сей уезд подобен Вологодскому.</p>
67	1224	15	1600	2	1512	62	<p>В деревне Брюховой, от реки в 6, от дороги в 30, от города во 113 верстах</p>	<p>Некоторые поселене занимаются поставкою на Старототемской и Леденской соляные заводы дров; шилою досок, кои сплавливают для продажи по реке Сухоне в Вологду, строением барок и других судов, сидкою смолы и дегтя, зжением извести по берегам рек Сухоны и Старой Тотмы; равномерно нанимаются в Кунцов прикащиками, и отходят по пашпортам для работы в разные города.</p>
—	—	—	—	—	—	7	<p>В деревне Вахрушеве, от реки в 7, от дороги в 33-х, от города во 116 верстах.</p>	
337	1062	46	1380	1368	2207	1	<p>В деревне Погореловой, на большой дороге, от реки в 6, от города в 47 верстах.</p>	
100	328	7	500	239	2054	11	<p>В деревне Купяковой, от реки в 36, от дороги в 50, от города в 80 верстах.</p>	
695	1004	1178	209	27304	945	25	<p>В деревне Чешкинской, от реки в 26, от дороги в 12, от города в 33-х верстах.</p>	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Леваша	115	2983	8781	1048	3556	683	144314	2292
	Минкова	63	2006	10294	639	2248	761	168853	1656
	Итого 8 волостей	765	19050	61197	1866	21907	1479	688420	1853

Кадни- ковской	Великодвор- ская	79	1943	5215	499	1233	2254	29489	75
	Тинкова	56	1472	2671	1152	1403	1375	23589	1074
	Жарская	45	1185	2793	964	1035	1522	63031	298
	Никольская	3	155	220	—	209	—	9631	1273
	Итого 4 волости	183	4755	10900	215	3882	351	125741	321

В общем владении						Число мель- ниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего горо- да, судоходной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
504	743	51	1450	99	961	—	В деревне Ле- ваше, от города в 65, от реки и дороги в 45 вер- стах.	
—	—	—	—	—	—	—	В деревне Мин- кове, от реки и дороги в 38, от города в 50 вер- стах.	
1704	1961	1299	339	29015	479	133		

92	274	241	2120	1471	1846	21	В селе Вели- ком дворе, от города в 20, от реки в 18, от до- роги в 20 вер- стах.	Качество пашенной земли, хлебопашест- во и скотоводство та- ковы же, как и в Во- логодском уезде. Некоторые из посе- лян сверх земледе- ля упражняются в сидке дегтя и дела- нии разной деревян- ной посуды; а жен- щины занимаются тканьем холста. Из- бытки свои продают в Вологде.
434	71	753	1201	1610	889	11	В деревне Тин- кове, от города и дороги в 3-х, от реки в 14 вер- стах.	
5	1650	14	1403	715	92	13	В деревне Жа- ре от города в 61-й версте.	
14	—	28	—	4076	40	—	В селе Ни- кольском, от го- рода в 55 вер- стах.	
545	1995	1037	2324	7873	467	45		

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении						
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу		
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	
Николь- ской	Ширяевская	132	2960	5969	1317	1082	1483	19685	1493	
	Спаская	135	2793	12972	2172	2397	442	71200	2184	
	Зеленцов- ская	60	2005	5151	1340	2858	1010	84835	1970	
	Кокшарская	43	1650	3874	1744	1481	1438	100322	825	
	Кудринская	90	2740	8890	9	1859	1420	50219	929	
	Абатуровская	51	1522	4132	793	1067	50	62885	1872	
	Молоковская	181	2426	457	457	94	700	3686	718	
	Поспеловская	196	2952	36242	631	4978	203	161987	268	
	Башкирская	162	2113	Обмежеваны в одну окружную межу						

В общем владении						Число мель- ниц	В каких селениях находятся водост- ные правления, расстояние их от ближайшего горо- да, судоходной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
82	1870	22	300	725	385	6	В деревне Ши- ряевской, от го- рода в 60, от ре- ки в 6, от доро- ги в 27 верстах.	Сей уезд во всех почти статьях сходен с Тотемским, в огоро- дах произрастает здесь хрен, и некоторые по- селыне водят в малом количестве пчел.
655	1900	139	6	2527	1610	7	В деревне Бак- линовой, от горо- да в 67, от реки в 35, от дороги в 33 верстах.	Сверх земледелия некоторые крестьяне занимаются у купцов деланием судов и ба- рок, кои сплавливают с пристани города Ни- кольска до Архан- гельска; тканьем про- стых рогож и цыно- вок; частью упраж- няются в стрельбе и ловле разными инст- рументами зверей: медведей, волков, ли- сиц, куниц и белок.
—	—	—	—	—	—	11	В деревне Зе- ленцове, от го- рода в 44, от ре- ки в 37, от доро- ги в 31 версте.	Избытки свои прода- ют в городах Николь- ске и Устюге.
—	—	—	—	—	—	3	В деревне Кок- шарке, от горо- да в 66, от реки в 48, от дороги в 35 верстах.	По сему уезду торж- ков никаких не со- стоит.
279	1160	57	1600	511	1909	8	В деревне Куд- рине на самой реке и на доро- ге, от города в 19 верстах.	
—	—	—	—	—	—	12	В деревне Аб- атурове на самой дороге, от реки в 1, от города в 2 ¹ / ₂ верстах.	
—	—	—	—	—	—	14	В деревне Мо- локове от горо- да в 70, от реки в 40 верстах.	
125	171	30	200	120	2100	11	В деревне По- спелове, близъ дороги, от горо- да в 84-х, от ре- ки в 58 верстах.	
							В деревне Баш- кире на самой дороге, от горо- да в 104, от ре- ки в 74-х вер- стах.	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Линякова	133	2589	5477	2216	873	1606	27355	263
	Верхнеяков- левская	143	2656	5174	93	1625	1505	42937	1533
	Никитина гора	142	3036	2548	733	1105	—	30059	2321
	Шабурских починок	68	1210	5552	192	2546	871	186316	1929
	Итого 13 во- лостей	1536	30653	96433	2097	21968	1128	841510	1805
Ярен- ской	Иртовская	146	3153	4254	590	10054	562	25098	1171
	Шежам- ская	88	2730	3252	767	5389	811	40068	2260
	Кераская	65	2120	3215	397	4661	799	16967	1131
	Шенкен- ская	30	1243	669	1500	1533	936	9485	309

Продолжение

В общем владении						Число мель- ниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего горо- да, судоходной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические замечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
1112	153	479	1600	5237	2389	6	В деревне Ли- някове, от горо- да в 136, от ре- ки в 3-х, от до- роги в 82 вер- стах.	
835	312	375	1320	2044	650	9	В деревне Яков- левой от реки в 17, от города в 36, от дороги в 76 верстах.	
557	1800	212	—	1614	2061	10	В деревне Ни- китиной, от го- рода в 84, от ре- ки в 10, от до- роги в 46 вер- стах.	
—	—	28	2028	26	350	7	В деревне Ша- бурские почи- ки, от города во 150, от реки в 85, от дороги в 150 верстах.	
3648	166	1344	2254	12808	1854	104		
—	—	140	491	15	2100	17	В селе Ирте при реке Вычег- де, от города в 14 верстах.	Пашенная земля такого же качества, как и в Вологодском уезде; урожай бывает ржи в два, ячменю и пшеницы в один, а овса по холодному климату не сеют; так же не держат свиней. Некоторые поселя- не упражняются в стрельбе и ловле раз- ными инструментами зверей: медведей, вол- ков, оленей, лисиц, куниц, рассомах, гор- ностаев, зайцев, бе- лок и птиц, так же в ловле рыбы; час- тию занимаются де- ланием барок и мел-
—	—	—	—	—	—	18	В селе Ше- жаме на доро- ге и при реке Вычегде, от го- рода в 44 вер- стах.	
—	—	—	—	—	—	4	В деревне Ка- расе при реке Вычегде, от го- рода в 65, от дороги в 2-х вер- стах.	
—	—	—	—	—	—	4	В деревне Шен- ке при реке Выме, от города в 92-х, от доро- ги в 50 верстах.	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Успенская	40	2471	2424	1324	3660	1752	75986	798
	Итого 5 во- лостей	369	11717	13815	2178	25299	60	167606	870
Соливы- чегод- ской	Кузмин- ская	204	2957	5186	619	6480	2321	17485	2242
	Новоселов- ская	187	2622	5763	1082	4122	1833	22635	1647
	Путятин- ская	168	2575	6637	248	1962	990	28813	444
	Куликов- ская	110	1546	456	1510	452	1831	6096	597
	Алексе- евская	126	1836	9050	404	1881	1025	20247	50

В общем владении						Число мельниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего города, сухоходной реки, большой дороги и ярмонки	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
—	—	—	—	—	—	2	В селе Успен- ском при реке Вакше, от горо- да во 154, от дороги во 154 же верстах.	ких судов, больших чанов, кадок, уша- тов, ведер, колес; тканьем сермяжного сукна; вязанием шерс- тяных чулок; другие же находятся при со- ляном купца Рыбни- кова заводе в работе, равномерно для сего отходят в разные го- рода. Избытки свои про- дают в городе Ярен- ске и на торжках.
—	—	140	491	15	2100	45		
2716	1026	5760	972	6227	566	7	В деревне Куз- минской от го- рода в 3, от реки в 2, от до- роги в 3 вер- стах.	Пашенная земля се- го уезда такая же, как в Тотемском уез- де, кроме что в подсе- ках высеивается лен. Некоторые поселя- не занимаются куз- нечною и топорною работами, частью от- лучаются в разные го- рода для работы и сплавки барок до Ар- хангельска; другие упражняются в ловле зверей и птиц, а жен- щины в тканье хол- ста, тесьмы и шерстя- ных кушаков. Избыт- ки свои продают в го- роде Устюге и на яр- монках, бывающих в упраздненном городе Красноборске генваря 7-го, марта 17, в де- вятую пятницу по Пасхе, июля 20, сеп- тября 23 и ноября 30-го числа.
1006	1430	813	666	2421	1211	7	В деревне Но- воселове, при ре- ке и на дороге, от города в 43 верстах.	
1201	1265	972	285	3202	1497	9	В деревне Пу- тятинской, от города в 50, от реки в 38, от до- роги в 39 вер- стах.	
71	2160	19	—	123	229	15	В деревне Ку- ликове, от горо- да в 40, от ре- ки в 33, от до- роги в 34 вер- стах.	
1006	137	2104	1136	2729	1061	2	В деревне Алексеевской, от города в 14, от реки в 4, от дороги в 21 вер- сте.	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
	Изверская	56	2009	2700	356	1095	1125	5506	1742
	Алтунов- ская	210	2349	360	1156	30	1180	274	2215
	Скурла- товская	216	2685	8410	1473	7473	1375	11957	942
	Тимохов- ская	170	2132	3425	820	3488	2225	81797	709
	Итого 9 во- лостей	1447	20711	49190	468	26988	1805	194814	988
Вель- ский	Велико- дворская	115	3025	6540	600	1053	1257	196350	2193
	Путично- Веретьян- ская	49	1444	3762	100	1311	218	103758	2313
	Бестужев- ская	72	2630	5022	1791	1972	550	35170	429
	Камкинская	44	1748	4883	184	15294	400	47593	2082
	Леонтьев- ская	72	1785	3665	564	2269	916	122613	269
	Итого 5 во- лостей	352	10632	23873	839	21900	941	505487	86

В общем владении						Число мельниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего города, суходоходной реки, большой дороги и ярмонки.	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
41	83	17	400	—	—	7	В деревне Из- верской, от го- рода в 125, от реки в 82, от до- роги в 84 вер- стах.	
52	2145	72	1337	—	—	6	В деревне Ал- туновской на до- роге, от города в 20, от реки в 1-й версте.	
100	975	140	338	12	—	—		
9	1087	57	2089	—	2250	6	В деревне Ти- моховской, от города в 54, от реки в 2-х, от дороги в 6 вер- стах.	
6206	701	9957	23	14716	2014	59		
—	—	—	—	—	—	42	В деревне Ве- ликодворской, от города в 60, от реки в 2, от дороги в 1-й вер- сте.	Качеством почвы, состоянием земле- делия, скотоводства и крестьянского обихо- да уезд сей сходен с Тотемским.
624	916	343	2074	11925	1841	26	В деревне Пу- тичной Веретье, от города в 20, от реки в 1 ³ / ₄ , от дороги в 21 версте.	Сверх земледелия некоторые поселяне упражняются в сид- ке смолы, и на- бирании серы для сплавливания на про- дажу в городе Архан- гельске, стрельбе и ловле медведей, вол- ков, лисиц, куниц, ры- сей, белок и разных птиц; рыбной ловле; частью занимаются на бумажном купца Ко- лесова заводе; а не- которые отходят в разные города для работ. Избытки свои продают в городе Вельске и на яр- монке.
—	—	—	—	—	—	27	В деревне Бес- тужевой.	
—	—	6	1002	—	—	20	В деревне Камкиной	
—	—	—	—	—	—	20	В деревне Ле- онтьевской, от города в 55, от реки в 27, от дороги в 29 вер- стах.	
624	916	350	676	11925	1841	135		

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья в единственном владении					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Устьсы- сольской	Чукайбская	37	1360	1616	1300	2650	630	34762	1319
	Гривенская	36	1886	3577	2066	2225	370	90837	180
	Пажгинская	50	3008	3322	480	4400	1572	60611	65
	Корткеров- ская	21	1687	1577	1895	2324	43	53986	1887
	Сторожев- ская	26	1597	1289	900	2430	2060	34666	1482
	Устькулом- ская	27	2840	2217	800	4510	1179	94364	1374
	Печерская	11	587	338	1627	666	1530	3749	1794
	Мишаковская	95	2641	2936	77	2360	300	111028	597
Грязо- вечкой	Итого 8 волостей	303	15606	16875	1945	21568	484	484006	1498
	Долшина	42	1252	4543	916	355	2200	11976	598
	Слободская	39	1357	1337	1289	1347	98	17616	1279
	Чернецкая	66	1918	7044	2314	2715	436	14124	83
	Фроловская	89	2733	4288	1922	1037	1448	20558	2116
	Воскресенская	50	1404	5934	2300	1264	1948	28680	748
	Левинская	65	2021	117	115	6	2100	16	600

В общем владении						Число мельниц	В каких селениях находятся волост- ные правления, расстояние их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги и ярмонки.	Экономические примечания
пашенной земли		сенокосу		лесу				
дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.			
—	—	—	—	—	—	5	В слободе Ни- кольской под Монастырной на реке Тверце при самой Санкт-Пе- тербургской до- роге, от города Торжка в 1-й версте; окруж- ность волости простирается на 94 версты.	Пашенная земля се- рая с песком; пашу- ра и боронят трижды сеют на ней рожь овес, ячмень, горох конопли, лен и гре- чу; но из урожая удаётся лучше рожь Садов нет; а в огоро- дах сажают капусту лук, морковь, изред- ка и хрен. Из скоти- ны держат лошадей, ко- ров, овец и свиней, но удаются только лучше лошади. Лес мало, строевого со- сем нет, а дровяной только. Пчел держа- мало.
—	—	—	—	—	—	7		
—	—	—	—	—	—	18		
—	—	322	1494	78	637	13	В селе Петро- павловском на реке Тверце, от города Торжка в 15, от Санкт- Петербургской дороги в 7 вер- стах; окруж- ность волости простирается на 143 версты.	
—	—	—	—	—	—	6		
—	—	—	—	—	—	29	В погосте Се- меновском, на реке Тверце, от города Торжка в 3, от Санкт- Петербургской дороги в 2 вер- стах; окруж- ность волости простирается на 96 верст.	
—	—	—	—	—	—	2		
—	—	—	—	—	—	9		
—	—	322	1494	78	637	89		
648	571	112	265	914	1836	40		
581	602	139	828	810	1848	6		
258	498	96	800	431	655	5		
5210	1205	664	998	11846	786	17		
497	1681	292	2072	1823	1860	4		
396	1686	9	—	26	266	8		

ПЕРМСКАЯ

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья							
		селе-ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу			
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.		
Пермской	Чусовская	7	422	755	1720	1115	242	76	1204	Сверх состоя-щей в общем с помещичьими крестьянами владении.	
	Янычевская татарская	1	178	550	120	85	375	—	—		За неоконча-нием генераль-ного размежева-ния не показанно.
	Шаквинская	5	239	529	615	573	1050	—	—		
Итого 3 во-лости		13	839	1835	55	2731	1667	76	1204		

ГУБЕРНИЯ

земли неудобной		Число мельниц	В каких селениях нахо-дятся волостные прав-ления, расстояния их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги.	Экономические примечания
лес.	саж.			
860	1820	2	В деревне Подвинцо-вой, при реке Чусовой, на горе по правую сто-рону, от города Перми по летней дороге во 110, а по зимней в 50 вер-стах.	Пашенная земля частью черная, частью же белая с красною глиною смешенная и песчаная, которую для ози-моваго посева удабривают на-земом; орут сохами и боро-нят бородами в одну лошадь по три раза, а в четвертый раз по снятии ржи, или после выжиганья мелкаго леса. Сеют рожь, овес, ячмень, пше-ницы самое малое количест-во, и репу; урожай сему бы-вает в пятеро и шестеро; из высева удается иногда лучше одна рожь, по причине холо-ду и засух. Садов по всей гу-бернии нет в заведении, а ого-роды имеются при каждом се-лении, в них сеют и садят капусту, редьку и лук. Ското-водство малое и состоит по всей губернии из русских мел-кой породы лошадей, коров, овец и свиней, коих приплод в сем уезде бывает равен. Пчел водят малое количест-во в одной токмо Шаквинской волости. Лес еловой, пихтовой и частью березовой, в том числе имеется так же строе-вой и дровяной, коим доволь-ствуются вместе с помещичь-ими крестьянами чрезполосно и нераздельно; отводных же и опранных лесов казенныя поселения не имеют.
—	—	1	В деревне Янычах при дороге, ведущей от го-рода Перми через город Кунгур в разные сибир-ские города, от города Перми в 42 верстах.	
—	—	4	В деревне Канамско-вой, от города Перми в 80, от столбовой дороги в 55 верстах.	
860	1820	7		

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья					
		селе-ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Кунгур-ской	Сылвенская воздвиженская	20	1264	3973	868	2177	1032	1354	860
	Сылвенская Рождественская	18	1980	7331	2348	2003	165	1161	1119
	Сылвенская Зуевская	8	1169	4210	836	1180	205	621	81
	Шаквинская Татарская	15	870	6415	683	3428	1624	319	1138
	Чусовская	3	76	не имеют земли					
Итого 5 волостей		64	5359	21930	2335	8789	686	3456	798

земли неудобной		Число мельниц	В каких селениях находятся волостные правления, расстояния их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги.	Экономические примечания
дес.	саж.			
235	1452	1	В подгородной слободке при реке Сылве по левую ее сторону, от города Кунгура в 4, от губернского города Перми в 5 ¹ / ₂ , от московской дороги, идущей в разные сибирские города, в 3-х верстах.	селениям платя; и последней Шаквинской, ямскою гоньбою и ловлею оленей, медведей, волков, лисиц, куниц, белок, горностаев, зайцев и норок. Избытки свои продают они в городах Перми, Кунгуре и Оханске. Ярмочных мест в сем уезде нет.
176	217	2	В подгородной слободке при реке Сылве по правую сторону ее, от города Кунгура в 15, от Перми в 83, от трактов: Пермского в 5, и Московского в 12 верстах.	Пашенная земля местами черная, белая с серою и красною глиною смешенная, а местами песчаная и каменистая; ее удабривают, пашут и боронят так как и в Пермском уезде. Сеют то же самое и урожай одинаков, с тем только различием, что на черной земле от первой вспашки урожая озимовому хлебу продолжается пять лет, потом без всякого удабривания на оной высевают и яровой; а на глинистой и песчаной, хотя она и удабривается ежегодно, произрастает хлеб не в таком изобилии, и не более семи лет сряду может быть годна под посев, а после того должна оставаться в пуге на десять лет и служить под выгон скота ради перебивки; по прошествии сего времени удабривают ее опять навозом.
101	1396	—	В деревне Снигиревой при реке Сылве по левую ее сторону, от города Кунгура в 19, от Перми в 79, от Московской дороги в 5 верстах.	По части скотоводства удаются лучше овцы и коровы, а потому большею частью их разводят. Пчеловодство маловажное. Лес состоит из одной мелкой березы, строевым же и дровяным довольствуются из лесов по реке Борде лежащим.
115	1344	9	В деревне Антонковой, от реки Сылвы в 20, от города Кунгура в 35, от Перми в 90, от Московского тракта в 27 верстах.	Крестьяне сих волостей сверх земледелия занимаются от части перевозом в разные города купеческих клаж, хлеба на казенные и партикулярные заводы, так же чугуна и железа с Гороблагодат-
628	2009	12	В деревне Копчиковой, при реке Чусовой по правую ее сторону, от городов: Кунгура во 137, Перми в 224, от дороги в 5 верстах.	

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угоды					
		селе-ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.

Охан-ской	Оханская	25	948	2922	787	758	1827	2181	1153	В сей волости суть три селения, кои имеют лес и сенокос в общем владении с помещичьими крестьянами.
	Щерьгинская	76	2995	13054	1627	5362	63	66571	2155	
	Бабкинская	21	1530	6594	2144	1043	531	3254	1541	
	Итого 3 волости	122	5473	22570	2158	7164	21	72008	49	
Соликамской	Пыскорская	37	834	2124	682	697	280	3821	477	Лесом довольно ограниченных к казенному за-летам. Сей волости ления довольно сами из огра-мянутому за
	Сиринская	46	654	2888	578	385	935	5983	996	
	Верх-Язвенская	36	1459	4131	1867	25	205	6181	1723	
	Итого 3 волости	119	2947	9144	727	1107	1420	15986	796	

земли неудобной		Число мельниц	В каких селениях на-ходятся волостные прав-ления, расстояния их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги.	Экономические примечания
дес.	саж.			

1882	63	—	В деревне Притыке при тракте, от города Оханска и реки Камы в 5 1/2 верстах.	Пашенная земля в сем уезде глинистая, песчаная и частью лудоватая к плодородию посредственная. В прочем сей уезд почти во всем сходствует с Осинским уездом. Сверх земледелия крестьяне нанимаются в разные заводския работы, и на судах, в низ по рекам Каме и Волге ходящих; рукоделий никаких не производят, кроме обыкновенных домашних. Избытки, состоящие в хлебе и других съестных припасах, продают на казенных и партикулярных заводах; ярмонок же по близости нет. Пашенная земля красноглинистая с песком и удабривается несколько навозом; в прочем сей уезд почти подобен Красноуфимскому, кроме только, что в скотоводстве удается лучше рогатой ског; пчел вовсе не водят. Сверх земледелия и скотоводства упражняются крестьяне из платы в разных заводских работах, в рубке и поставке на соловаренные заводы дров; а в Верх-Язвенской волости занимаются деланием колес и коробов, битьем овечьей шерсти, выдел-
4374	1292	8	В Заоградной слободке от реки Камы в 20, от города Оханска и дороги в 44 верстах.	
2065	1198	36	В деревне Бабке при реке Каме на правом ея берегу.	
8322	153	44	От города Осы в 75, Оханска во 125, от большой дороги в 75 верстах.	
—	—	4	В селе Пыскорском на реке Каме, от города Соликамска в 20 верстах.	
—	—	6	В деревне Лызыбе, от реки Камы в 20, от города Соликамска в 30 верстах.	
—	—	3	В селе Верх-Язвенском, от реки Камы в 72-х от городов: Соликамска в 225, Оханска 110, от Перми во 125 верстах.	
—	—	13		

Звание уездов	Звание волостей	Число		Угодья					
		селе- ний	душ	пашенной земли		сенокосу		лесу	
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Чердын- ской	Вильгор- ская	15	1077	3873	232	1058	2244	11222	2324
	Ныробская	16	445	374	2235	668	2317	4716	248
				В сей волости у одних только вогул ни пашенной земли, ни сенокосу во владении не находится, а лесу сколько у них состоит по неописанию и в разсуждении великаго пространства не известно.					
	Цыдвенская	13	697	1666	1800	593	1760	8194	1260
	Бондюжская	11	694	1388	—	1041	—	7981	—
	Анисимов- ская	18	644	3765	1322	397	229	5497	849
	Селищен- ская	11	922	1474	922	1725	1743	10630	2235
	Кочинская	23	1275	3287	631	1450	2260	14386	1909
	Келлическая	25	940	3179	2274	1589	2351	9330	175
	Юрлинская	16	1271	2292	160	1146	80	15626	2160
	Итого 9 во- лостей	148	7965	21301	2376	9672	984	87586	1560

земли неудобной		Число мельниц	В каких селениях нахо- дятся волостныя прав- ления, разстояние их от ближайшего города, судоходной реки, большой дороги	Экономические примечания
дес.	саж.			
945	2200	5	В селе Вильгорском, при реке Колве, от города Чердыня и дороги в 17 верстах.	кою овчин и кож, так же деланием глиняных горшков.
750	1000	2	В селе Ныробе, от реки Колвы в 3 ¹ / ₂ , от города Чердыня и дороги в 45 верстах.	По худому урожаю хлеба и по малому приплоду в скотоводстве избытков на продажу не имеют.
1045	1200	—	В селе Цыдвенском, от реки Колвы в 5, от города Чердыня и дороги в 25 верстах.	Пашенная земля песчаная и каменистая; удабривают навозом одне только приближенные к селениям поля чрез каждые два года, а прочия за отдаленностию и понедостатку в наземе, так же и по неспособной почве к хлебородию, оставляют по снятии одного и двух высевов непаханными на 10, 15, 20-ть и более лет, но потом опять употребляют под хлебопашество; орут простыми сохами на ласты два раза, боронят одинажды.
1041	—	2	В селе Бондюге при реке Каме, от города Чердыня и дороги в 33-х верстах.	Сеют рожь, ярицу, ячмень, овес, частью пшеницу, горох, конопля и лен; урожай сих продуктов бывает ровен. Скотоводство малое по скудности в сенокосе и хлебопашестве, а особливо в Ныровской волости у новокрепленных ясашных вогул, кои земледелием и скотоводством во все не занимаются, а промышляют единственно рыбною и звериною ловлею. Пчел по сему уезду во все не держат. Лесу на строение годнаго не избыльно.
966	—	3	В деревне Вотской, от реки Колвы, города Чердыня и дороги в 10 верстах.	Крестьяне сверх земледелия занимаются частью поставкою дров к соляным промыслам и частью упражняются в судоходных и заводских работах. Избытки в малом количестве продают в городе Чердыне. Ярмонок в сем уезде совсем нет.
1383	—	—	В селе Косе, от реки Косы в 4, от города Чердыня во 170 верстах, при дороге.	
1912	1200	—	В деревне Пелыме, от реки Косы в 58, от города Чердыня в 228, от дороги в 18 верстах.	
1410	—	—	В деревне Юму, от Косы в 14, от города Чердыня в 276, от дороги в 64-х верстах.	
1906	1200	—	В селе Юрле при реке Лопве, от города Чердыня в 294, от дороги в 78 верстах.	
11360	2000	12		

УРОЖАЙНОСТЬ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В XVII—XIX вв.

I. Урожай в Северном районе России (территория Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) во второй половине XVII—XVIII вв.¹

а) Вторая половина XVII в.

Культуры	За 1650-е гг.		За 1660-е гг.		За 1670-е гг.		За 1680-е гг.		За 1690-е гг.		Средний за 50 лет в „самах“	Средний урожай в Центральной России за 50 лет в „самах“
	число сведений в „самах“	средняя										
Рожь	2	2,3	2	3,0	2	2,7	2	2,7	4	5,5	3,2	3,5
Овес	3	1,6	2	4,5	1	3,0	2	2,3	2	3,9	3,0	3,4
Ячмень	—	—	—	—	2	4,2	—	—	3	7,0	5,6	4,0
Пшеница	—	—	—	—	2	4,7	—	—	4	7,3	6,0	3,8

¹ Е. И. Индова. Урожай в Центральной России за 150 лет.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г.», изд. МГУ, 1970, стр. 141—155. Автор выделяет сведения по Центрально-промышленному, Центрально-черноземному, Северо-Западному, Северному и Поволжскому районам страны. Мы извлекли показания только по Северному району.

б) Первая половина XVIII в.

Культуры	1710-е гг.		1720-е гг.		1730-е гг.		1740-е гг.		1750-е гг.		Средняя за 50 лет	
	число сведен.	средняя	Северн. район	Центральная Россия								
Рожь	3	2,6	3	4,7	4	3,4	3	3,2	3	2,7	3,3	3,5
Овес	2	3,1	2	4,7	5	2,8	4	3,3	4	2,6	3,3	3,5
Ячмень	2	3,4	3	3,4	4	3,2	4	2,9	4	3,0	3,2	4,2
Пшеница	—	—	2	3,0	—	—	2	3,0	3	4,3	3,5	3,7
Ярица	2	3,1	2	3,4	4	3,8	4	3,0	3	4,3	3,5	3,1
Горох	3	4,2	3	3,3	2	5,1	3	4,3	4	4,5	4,2	4,3

в) Вторая половина XVIII в.

Культуры	1760-е гг.		1770-е гг.		1780-е гг.		1790-е гг.		Средняя за 50 лет		За XVIII век	
	число сведен.	средняя	число сведений	средняя	число сведен.	средняя	число сведен.	средняя	число сведен.	средняя	Северн. район	Центральная Россия
Рожь	4	5,9	8	4,4	3	3,3	3	4,0	4,4	3,8	3,8	3,7
Овес	3	4,8	4	4,7	3	3,6	3	3,5	4,1	4,0	3,7	3,7
Ячмень	3	5,7	6	5,1	5	3,6	3	3,6	4,5	3,9	3,8	4,0
Пшеница	2	4,0	4	3,2	4	3,0	3	3,0	3,3	3,6	3,1	3,7
Ярица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	3,5	2,7
Гречиха	—	—	—	—	—	—	1	3,4	3,4	3,8	3,4	3,9
Горох	3	4,6	3	4,8	4	4,0	4	4,2	4,4	3,7	4,3	4,0
Конопля	2	1,8	—	—	2	2,7	2	2,2	2,2	2,6	2,2	2,6
Лен	2	2,2	—	—	—	—	2	2,2	2,2	2,2	2,2	2,2

2. Урожайность на барской запашке в хозяйстве Межаковых
(Кадниковский уезд Вологодской губ.)²

Годы	Урожайность в „самах“				
	рожь	овес	ячмень	пшеница	семя льняное
1784	-5,8	2,3	6,2	4,7	2,0
1785	4,9	2,6	10,2	9,3	3,0
1786	4,3	2,0	5,7	-5,0	2,0
1787	-5,6	2,4	-4,6	2,3	1,6
1788	3,7	1,5	3,0	2,7	1,3
1789	-6,2	2,1	2,8	-6,1	1,0
1790	4,9	-5,1	5,0	3,6	3,6
1791	1,3	2,4	2,3	3,4	1,8
1792	4,8	2,1	2,5	3,0	1,6
1793	-5,6	2,2	-3,3	3,9	2,1
1794	-6,4	2,8	5,3	3,8	2,1
1795	-6,4	2,4	-4,2	-5,3	3,0
1796	7,9	2,6	-4,1	4,0	3,8
1797	-5,5	2,3	-3,8	3,7	3,4
1798	7,5	1,9	-4,5	2,8	2,2
1799	-6,0	1,2	-3,0	3,5	1,8
1800	-6,1	2,7	-4,1	3,0	2,0
1801	-5,1	2,7	6,0	2,4	2,0
1802	4,2	1,5	-4,0	7,5	2,0
1803	-6,4	3,0	-4,7	2,7	—
1804	-5,8	3,4	-4,4	4,0	—
1805	-6,0	2,7	-4,4	-6,0	—
1806	4,1	3,4	6,7	3,0	—
1807	4,4	2,7	-4,6	3,7	—
1808	4,5	2,9	-3,5	4,3	—
1809	3,5	2,5	2,4	3,9	—
1810	-5,8	2,1	5,3	2,5	—
1811	-6,3	2,9	2,7	-5,0	—
1812	4,6	2,4	-4,3	-6,0	—
1813	-5,5	3,3	5,3	2,5	—
1814	-6,0	3,2	7,0	-5,9	—
1815	-6,3	-4,1	6,5	3,6	—

² Подсчеты по опубликованным данным о посевах и сборах хлебов в книге А. Андреевского «Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере» (Вологда, 1922), а также по хозяйственным книгам (ГАВО, ф. 673).

Годы	Урожайность в „самах“				
	рожь	овес	ячмень	пшеница	семя льняное
1816	-6,1	3,1	6,0	4,7	—
1817	-6,7	2,9	5,3	—	—
1818	7,8	2,4	-3,6	3,2	—
1819	7,6	2,3	-4,7	4,0	—
1820	-5,3	-4,3	7,3	-5,4	—
1821	-5,4	3,8	5,8	3,0	—
1822	3,1	7,8	-4,3	2,6	—
1826	2,4	3,2	-5,8	3,3	—
1827	-5,5	3,0	5,7	4,3	—
1828	8,5	2,6	-3,9	4,6	—
1829	-6,0	2,5	2,7	2,0	—
1831	7,7	3,0	5,2	-5,0	—
1832	-6,1	1,8	-3,5	4,7	—
1833	5,0	3,5	5,3	-6,7	—
1835	2,3	3,0	2,0	1,9	—
1836	7,4	2,5	2,3	4,9	—
1837	-5,6	3,4	-4,6	4,0	—
1838	-5,3	2,8	5,0	3,7	—
1839	3,8	2,9	5,3	6,0	—
1840	-6,0	3,6	-3,8	4,6	—
1841	3,8	3,1	5,0	3,0	—
1842	3,4	3,7	-4,8	-5,0	—
1844	3,4	3,3	-4,3	-5,0	—
1845	2,3	-4,6	-4,4	4,0	—
1847	-5,0	3,6	5,2	—	—
1850	3,9	3,7	-4,0	—	—
1855	-5,7	-4,5	—	—	—
1856	8,8	3,5	—	2,0	—
1857	-6,0	3,3	-3,2	3,7	—
1858	-5,1	3,5	-4,2	—	—
1859	4,9	3,7	-4,7	2,0	—
1860	8,3	2,7	3,0	—	—

3. Урожайность на полях «Северной фермы» в 1845—1860 гг.³

Год	Урожайность, самы						Сбор с десятины, пуды	
	Озимая рожь	Яровая рожь	Овес	Ячмень	Яровая пшеница	Картофель	клевер	естественные травы
1845	7,0	—	3,5	1,75	—	3,5	—	65
1846	6,5	—	3,0	4,0	5,0	—	—	—
1847	4,5	—	2,0	4,0	5,0	5,5	170	60
1848	7,8	8,0	7,0	10,5	2,0	10,75	170	50
1849	11,0	5,5	4,5	7,0	5,5	3,0	226	55
1850	9,5	6,0	4,5	13,0	9,3	6,5	107	40
1851	6,4	5,0	2,9	—	3,0	5,5	—	—
1852	7,75	4,5	4,0	1,8	2,0	4,75	133	40
1853	4,2	4,3	2,6	4,0	3,5	4,3	131	55
1854	5,5	3,5	3,3	3,7	4,2	1,25	183	60
1855	10,8	—	4,0	7,0	6,0	9,15	—	—
1856	8,75	—	3,75	8,0	11,0	5,75	—	—
1857	7,25	—	3,2	9,5	4,0	1,5	—	—
1858	8,2	—	4,0	9,0	—	—	113	45
1859	7,0	—	4,0	7,5	—	—	140	—
1860	8,6	—	3,3	—	—	—	154	70
В среднем за 16 лет	7,5	5,2	3,7	6,5	5,4	5,1	около 155	около 50

На ферме в 1855—1860 гг. с засеянной десятины собиралось озимой ржи от 7 до 10 четвертей, или от 10 до 16 центнеров (средний вес четверти ржи равнялся 9 пудам). В 1858 г. с засеянной десятины собирали по 10 четвертей (по 13 центнеров) ячменя и по 12 четвертей (по 10 центнеров) овса⁴.

4. Средняя урожайность зерновых в северных губерниях (озимые и яровые)⁵

Годы	Губернии				
	Архангельская	Вологодская	Вятская	Олонецкая	Пермская
1802—1811	4,4	—	3,2	3,6	3,0
1818	—	2,7	—	—	3,2
1819	—	2,5	—	—	—
1821—1830	4,6	3,7	—	—	—
1841—1850	4,0	3,4	3,6	3,8	3,8
1851—1860	3,3	3,4	3,2	3,4	3,5
1855	—	3,9	—	—	—
1862—1866	—	—	3,2	—	—
1882—1886	—	—	3,0	—	—
1883—1892	—	3,9	3,4	—	—

³ Ф. С. Кен. Обзор действий Северной учебной фермы с основания до 1954 г. СПб., 1856, стр. 27. За 1856—1860 гг. ЦГИА СССР, ф. 398, д. 8146.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, 1859 г., д. 8471, лл. 1—24.

⁵ ГАВО, ф. 18, дд. 410, 524; ф. 31, оп. I, д. 834; Губернаторские отчеты северных губерний; И. Д. Ковальченко. Динамика урvoja земледельческого производства в России в первой половине XIX в.—«История СССР», 1959, № 1..

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Алтын — 3 копейки — 6 денег*).

«А в дву по тому же» — при описании пахотных угодий записывались площади одного поля и далее добавлялось, что в остальных двух по столько же. Для определения всей площади в четвертях необходимо указанную площадь одного поля увеличить в три раза.

Беломестцы — феодалы, владения которых были освобождены от несения государственного тягла и повинностей («Обелить» — освободить от государственных податей и повинностей).

Бобыли — обычно безземельные феодально-зависимые люди, с 1679 г. с переходом к подворному обложению стали нести тягло наравне с крестьянами.

Выть — единица обложения на черных землях, обычно равная в «добрый» земле 12 четям или 6 десятинам, в «средней» земле — 14 четям или 7 десятинам, в «худой» — 16 четям или 8 десятинам.

Генеральное межевание — точное определение границ земельных владений отдельных лиц, общин черносошных крестьян, учреждений. Проводилось с 1765 г. до начала XIX в. Важнейшим документом были Экономические примечания, составлявшиеся землемерами в ходе межевания.

Десятина — со второй половины XVIII в. основная счетная единица меры площадей, равная 2400 кв. саженей.

Дача — земельные угодья, обмежеванные во время Генерального межевания в одно общее им индивидуальное владение. Земельные и закладные записи, Порядные и Поручные — акты XVI—XVIII вв., связанные с положением крестьян и ремесленников.

Данные и купчие грамоты — документы, оформлявшие дарение земель монастырям и церквям, куплю и продажу (Правая грамота — решение судов по тяжелым земельным делам).

Жеребей — часть владения.

Животинный выпуск — покотница, место для пастбы скота.

Кадастр земельный — опись земель, подлежащих налоговому обложению.

Купа — ссуда, долг.

Ландратская перепись 1715—1719 гг. — подворная перепись, проведенная ландратами (должностные лица в губерниях в 1713—1719 гг.).

Писцовые книги — сводные документы хозяйственных описаний, проводившихся писцами и подьячими в России в XV—XVII вв., служившие основанием для податного земельного обложения (сотницы — выписи из писцовых книг).

Переписные книги — документы, содержащие сводные сведения о количестве дворов податного обложения. На основании переписи 1678 г.

*) После реформы в 1534 г. и до начала XVIII в. денежный счет: рубль = 10 гривеникам = 100 копейкам = 200 деньгам, или 33 алтынам и двум деньгам; гривна = 10 копейкам = 20 деньгам, или 3 алтынам 2 деньгам. Это счетные единицы. Монетные до начала XVIII в. чеканилось только три: копейка, деньга, полущка.

был осуществлен переход от поземельного обложения к подворному. Результаты подворной переписи в 1715—1719 гг. см. в Ландратских переписных книгах.

Погост — территориальная административная единица (как волость, стан). Погост — место, населенный пункт с церковью.

Половники — черносошные крестьяне, лишившиеся земли и обрабатывающие чужую землю за половину или треть собранного урожая.

Правеж — взыскание податей или долгов насильственными методами. **Ревизии** — переписи главным образом податного обложения населения, обязанного платить подушную подать и отбывать рекрутскую (военную) повинность. Первая ревизия 1719 г. положила начало переходу от подворного обложения к подушной подати. 2 ревизия — 1744—1745 гг., 3-я — 1762—1763, 4-я — 1782, 5-я — 1795, 6-я — 1811, 7-я — 1815, 8-я — 1833, 9-я — 1850, 10-я — 1857 г. См.: В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.

Соха — в XVI в. и до 1679 г. — основная единица налогового обложения. Ее размеры зависели от качества земли и в чем владении последняя находилась. Так, соха поместных вотчин включала 600 дес., монастырских и дворцовых — 400, черносошных крестьян — 350 дес. (более мелкая единица обложения — выть).

Таможенные книги — документы, в которых в XVI—XVII вв. регистрировались пошлины с торгов, проезжие, проплавные и др.

Четверть, четь — а) мера сыпучих тел, вмещавшая до начала XVII в. 4 пуда ржи, в XVII в. до 1679 г. — 6 пудов, с 1679 г. — 8 п. — 9 пуд. (до 145 кг ржи); б) мера площадей — равная 05 дес., делилась на две осьмины, 8 четвериков; в) дробь — $1/4$.

Хронология — в документах до 1700 г. дается летоисчисление по эре от так называемого «сотворения мира». Для перевода на эру от «рождения Христова» необходимо от указанной даты отнять 5508 (если события падают на январь—август) и 5509 для событий в сентябре—декабре. Так дата 15 марта 7185 г. — 1677 г. Встречаются даты без обозначения тысяч лет. Например, 20 сентября 205 г, переводится так: 7205—5509 = 1696 г.

Усолье — место выварки соли со всеми постройками и используемыми угодьями.

Ясачные (ясашные) люди — нерусские народности, платившие феодальную ренту в форме особого рода натуральной дани.

**СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИЗДАНИЙ,
АРХИВНЫХ ФОНДОВ И ХРАНИЛИЩ**

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I—III, М., 1952—1964.

Труды ВЭО — Труды Вольного Экономического общества.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ГАО — Государственный архив Архангельской области.

ГВАО — Государственный архив Вологодской области.

ГАПО — Государственный архив Пермской области.

ГКЭ — Сборник грамот Коллегии Экономии, т. I, Пг., 1922, т. II, Л., 1929.

«Древности» — Древности. Труды Археографической комиссии при Московском Археологическом обществе.

МГУ — Московский государственный университет.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

«Русские...» — Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М., 1967.

РОБАН — Рукописный отдел Библиотеки АН СССР.

«Судебники...» — Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952.

ТК — Таможенные книги Московского государства XVII в, т. I—III, М., 1950—1951.

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.

ЦГА Коми АССР — Центральный Государственный архив Коми АССР.

ЦГИА СССР — Центральный Государственный исторический архив СССР.

ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрамович Г. В. 147
 Агалин В., писец 30
 Александров В. А. 49, 105, 237
 Алексеев Ю. Г. 22, 23
 Алексей Михайлович, царь 8
 Андреев А. И. 90
 Андреевский Л. А. 18, 283, 404
 Антонов Федор, кр-н Важского у. 131
 Арсеньев К., статистик 37
 Арсеньев Ф. А., секретарь Вологодского статистического комитета 292
 Афонасьев Петр, писец 91
- Бадин Максим Олексеев, кр-н Орловского у. 142
 Бакланова Е. Н. 28, 29, 45, 123
 Балагуров Я. А. 58
 Барсов Н. П. 8
 Басановы, купцы Лальска 170
 Бахрушин С. В. 57, 135, 287
 Бахметев, полковник, землевладелец Тотемского у. 168
 Белоус И., кр-н Толшемской вол. 130
 Белоусов Г. Ф., тотемский купец 108
 Беляев И. Д. 15
 Белявский М. Т. 11
 Берви-Флеровский В. В. 14
 Берроу Стефан, английский путешественник 7
 Берх В. Н., русский историк флота, путешественник 31
 Бесстужев-Рюмин П. М., помещик Пошехонской и др. вотчин 28
 Бобинов Артемий, сольвычегодский пос. чел. 237
 Бобров Иван, писец 91
 Бобровские, купцы и землевладельцы из Лальска 168
- Богословский М. М. 15, 29, 40, 41 48, 55, 73, 77, 105, 111, 126, 138, 143, 188, 198, 226, 267, 272
 Богословский П. С. 19
 Большаков М. А. 186
 Босой Кирилл Алексеевич, устюжский торгово-промышленный чел., гость, землевладелец 271, 272
 Брандт Адам, член русского посольства в Китае 8
 Брагин П., тотемский солевар, землевладелец 236
 Брежнев Л. И. 6
 Брун Корнилий де, голландский путешественник 7, 8
 Брусиллов Н. 286
 Будовниц И. У. 85
 Букин Иван Михайлов, кр-н Тотемского у. 175
 Булгаков Бахтияр, солепромышленник, торговый чел., гость 236
 Булыгин И. А. 27, 107
 Бутырлины, дворяне, землевладельцы Никольского у. 168
 Бушуева В. Л. 102, 272
- Васильев Иван, кр-н Соликамского у. 161
 Васильев Ю. С. 10, 13, 28, 29, 30, 81, 90, 111
 Введенский А. А. 29, 83
 Верещагин А. С., вятский историк-краевед 12
 Вельяминов-Воронцов Федор, кн., писец 11
 Веселовский С. Б. 14, 15, 83, 88, 91, 103, 126, 127, 131, 135, 138, 148, 178, 179, 234, 235

* Указатель имен составлен М. Н. Колесниковой. Принятые сокращения: волость — вол.; крестьянин — кр-н.; князь — кн.; монастырь — м-рь.; посадский человек — пос. чел.; уезд — у.

- Вештомов А. И., вятский историк-краевед 11
 Вильсон И. И. 288
 Вильяминов М., писец 212
 Витов М. В. 29, 73, 81, 82, 89, 92, 93, 104, 105, 111
 Власова И. В. 73, 226
 Водарский Я. Е. 5, 63, 94, 99, 114, 117, 118, 119
 Волков Андрей, кр-н Каргопольского у., умер на работе в Санкт-Петербурге 231
 Волков Иван, кр-н Каргопольского у., взят на работу в Санкт-Петербург 231
 Волкова Марфа, жена кр-на Волкова Ивана 231
 Волков М. Я. 287
 Волков Семен, кр-н Каргопольского у., 231
 Волоцкие, дворяне, землевладельцы Тотемского у. 168
 Вондокур Иван Юрьев, деловой человек гостя Б. Булгакова 236
 Воронов Р., подьячий, писец 156
 Воскобойникова Н. П. 81, 93, 99, 101, 104, 105, 106, 135, 163, 166, 174
 Гаврилов Иван, писец 91
 Гагин В., писец 30
 Гейман В. Г., 60
 Гневушев А. М. 30, 145, 157
 Голицын П. А., князь, губернатор, 249
 Голубев П. А. 13
 Гомилевский В. Н. 195
 Гордеев Иван, подьячий 159
 Горский А. Д. 22, 187, 202
 Горская Н. А. 185
 Горяиновы, лальские купцы, землевладельцы 170
 Горфункель А. Х. 27
 Готье Ю. В. 8, 37, 55, 135, 140, 155, 281
 Греков Б. Д. 185, 188, 272
 Григорьев Григорий, кр-н Важского у. 139
 Григорьев Ивашко с сыном Василием, кр-не Яренского у. 104
 Громыко М. М. 105, 166, 174
 Грудцын Василий Иванов, солепромышленник, гость 140, 168
 Данилова Л. В. 199
 Данилов Ларион, кр-н Кокшеньгской чети 231
 Данилов Михаил, кр-н, скитается по миру 231
 Даль В. И. 207
 Ден В. Э. 63
 Демидова Н. Ф. 27, 259, 272
 Дженкинсон Антоний, английский путешественник 7, 52
 Дилакторский П. А., составитель Указателя литературы по истории Севера 11
 Дмитриев А. А. 12, 13, 31, 81, 111
 Дмитриев Агей, кр-н Толшемской вол. 103
 Дмитриев И., сын бобыля в наймах у кр-на Ф. Агафонова 236
 Дмитриев Н. М. 17
 Дмитриев Павел, кр-н Толшемской вол. 103
 Довнар-Запольский М. В. 93, 198
 Долгих Б. О. 112
 Долгорукий Н. М., писец 29
 Дорошенко В. В. 174
 Дружинин Н. М. 25, 26, 49, 213, 224, 226, 263, 277, 278
 Дружковы, землевладельцы Никольского у. 168
 Дулепов Д., зажиточный кр-н 255
 Дьяконов М. А. 15, 27, 272
 Евсеев Афонасей, кр-н Важского у. на подворье у кр-на Л. Кононова 131
 Евсеев Козьма, кр-н Важского у. на подворье у кр-на Ф. Антонова 131
 Евсеевы Федор и Ефим с Мезени в деловых людях у Б. Булгакова 236
 Егупов Ф., кр-н Сольвычегодского у. 180
 Едемский А., бурмистр Шенкурской чети 230
 Едемские, важные землевладельцы, бывшие своеземцы 41
 Екатерина II 10
 Емашевич, служащий Северной фермы, полевод 216
 Емельянов Петр, кр-н Тотемского у. 273
 Енгальшев, кн., землевладелец Никольского и др. уездов 168
 Ермак Тимофеевич 8, 36, 237
 Ермолин Василий с сыном Василием, кр-не Сольвычегодского у. 137
 Ермолин Митрофан, кр-н Сольвычегодского у. 137
 Ефименко А. Я. 11, 12, 13, 27, 45, 46, 105
 Жегалова С. П. 204
 Жеребцов Л. Н. 73
 Жучков Б. И. 27, 281

- Загудаев Еремей, половник Троице-Гледенского монастыря 289, 290
 Заболоцкий И. П. писец 30, 90
 Задесин В., кр-н Молской вол. 134, 135
 Завесин Савин, дьяк, писец 11
 Заозерский А. И. 28
 Засекин Б. П., писец 30
 Засекин Алексей, вологодский помещик 10, 207
 Звенигородский В. А., писец 30
 Зимин А. А. 30, 91, 111
 Зеленин Д. К. 203

 Иван IV, царь 8, 233, 235
 Иванов Василий, кр-н Важского у. 131
 Иванов Ивашка, кр-н Тотемского у. 227
 Иванов Леонтий, кр-н Кокшенигской чети 231
 Иванов О., обедневший кр-н Стрелецкой вол. в наймах у зажиточных кр-н 236
 Иванов П. 226
 Иванов Сидор с сыном, работный наемный в деревне П. Брагина 236
 Иванов Х., кр-н Сольвычегодского у. 180
 Идес Избрант, член русского посольства в Китае 8
 Индова Е. И. 5, 23, 28, 50, 120, 191, 193, 296, 297, 402
 Исаков Роман с сыном Мишкой, кр-не Сольвычегодского у. 137
 Исаков Симон (Козьмин Симон Исаков), кр-н Сольвычегодского у. 137

 Кабузан В. М. 49, 63, 249
 Кайсаров М. Ф., писец 31
 Камкин А. В. 210
 Каменцева Е. И. 280
 Каплин А., пос. чел. Тотьмы 149
 Каплины, купцы, солепромышленники Тотьмы 168
 Карамзин Н. М. 13, 14
 Карнаухова Е. С. 50, 293, 294
 Кафенгауз Б. Б. 57
 Кен Ф. С. 214, 216, 281, 406
 Кизеветтер А. А. 15, 16
 Кильбургер И. Ф., член шведского посольства в Москве 6
 Кирильев С., кр-н Сольвычегодского у. 180
 Киселев П. Д., граф, министр 25, 26, 62, 213, 223, 277
 Киселев Федор, кр-н Устьянской Чадромской вол. 198
 Клочков М. В. 32, 228, 229, 239
 Кленк Конрад фон, глава шведского посольства в России 8
 Клушинец А. Д., кр-н, солепромышленник 255, 288, 289
 Клыков Тарх, каргопольский кр-н, умерший на Олонецкой верфи 231
 Клыковы Карп и Федор, каргопольские кр-не, съехавшие в Сибирь 231
 Ключевский В. О. 13, 14, 37, 147
 Ковальченко И. Д. 25, 28, 262, 263, 264, 293, 302, 304, 406
 Ковригины, купцы, землевладельцы Сольвычегодского у. 168
 Козлов, служащий Северной фермы, льновод 216
 Козлов Иван, кр-н Сольвычегодского у. 137
 Козлов Федор, половник у кр-на Козлова И. 137
 Козловский И. А., кн., писец 91
 Койет Балтазар, член шведского посольства в России 8
 Кокшар Геннадий, наемный человек в деревне И. Кубасова 236
 Колесников А. Д. 72, 105
 Колесников П. А. 21, 31, 32, 35, 188, 214, 252, 260, 263, 267, 287, 291, 301
 Комиссаренко А. И. 5, 25, 226, 258, 271, 286
 Кондратьев Д., зажиточный кр-н 255
 Кондрашенков А. А. 105, 174
 Кононов Леонтий, кр-н Важского у. 131
 Константинов Сидор, торговый человек 53
 Коланев А. И. 5, 22, 24, 27, 29, 30, 46, 56, 73, 90, 91, 93, 111, 118, 139, 198, 265
 Копылов А. Н. 239
 Копылов С., писец 29
 Корнелий Комельский, основатель монастыря, игумен 84
 Короткий Лев, кр-н Устьянской Чадромской вол. 198
 Костроминны, купцы, землевладельцы Сольвычегодского у. 168
 Кочин Г. Е. 22, 23, 76, 87, 88, 137, 145, 187, 201, 203
 Крестинин В. В. 9, 10
 Кренделев П., выпускник Северной фермы 214, 215
 Крохалев Ф. С. 185
 Кубасов Иев, купец, солепромышленник Тотьмы 236

Кузнецов К. Ф., кр-н Устьянских волостей 138
 Куклин, кр-н, участник сельскохозяйственной выставки 224
 Куликовский Г. И. 186
 Курц Б. Г. 8
 Лялош А. 186
 Лапин Зотик, половник Троице-Гледенского монастыря 290
 Левашова В. П. 203
 Лебзинов И. Г., тотемский купец 108
 Лявонтьева Матрена, вдова, кр-ка Яренского у. 104
 Ленин В. И. 3—6, 16, 49, 50, 184, 202, 204, 260, 261, 264, 294, 296, 309
 Лепехин И. И. 8
 Лехнович В. С. 210
 Литвинов Максим, кр-н Тотемского у. 273
 Лихаревы, землевладельцы Никольского у. 168
 Лаппо-Данилевский А. С. 135
 Лобашев М. Е. 210
 Ломоносов М. В. 8, 9
 Лохтева Г. Н. 27, 272
 Лупов П. Н. 250
 Ляпунов И. И., ландрат 231
 Мавродин В. В. 189
 Майков Л. Н. 13
 Макаров И. С. 59
 Максимович Г. А. 145
 Максимов М. А., зажиточный вятский кр-н 215
 Маньков А. Г. 5, 28
 Маркс К. 16, 35, 37, 51, 184
 Мартемьянов М., подъячий, писец 91
 Маслов, надзиратель Северной фермы 216
 Матвеев В., кр-н Тотемского у. 136
 Матвеев Ф., кр-н Царевской вол. 255
 Межаковы, вологодские помещики 18, 283, 297, 298, 404
 Мезенцевы, купцы, землевладельцы Сольвычегодского у. 168
 Мезецкий Б. И., писец 156
 Мерзон А. Ц. 29, 50, 59, 100, 152, 226, 287
 Мердалов А. Е., вологодский историк-краевед 11
 Милов Л. В. 28, 32, 162, 163, 173, 185, 189, 202
 Милюков П. Н. 15, 27, 32, 99, 228, 239, 249

Мирзоев В. Г. 7
 Михайлов И., подворник в наймах у крестьян 236
 Мордвинов Н. С., граф 213
 Мухин В. В. 200
 Мясников М. Н., историк-краевед Ваги 9, 10, 13
 Мясниковы, купцы, солепромышленники, землевладельцы Тотемского у. 168
 Мюллер Р. Б. 29, 81, 99, 112, 265
 Насонов А. Н. 59
 Незнахин Пашко Васильев, наемный рабочий человек у кр-на Титова 236
 Непейцин Андрей, тотемский воевода 256
 Неронов Иван, кр-н Сольвычегодского у. 137
 Никитин, фельдшер Северной фермы 215
 Никитин А. В. 36
 Никитин Иван, с Пинегги, наемный в деревне И. Кубасова 236
 Никитский А. И. 147
 Никольский М. Н. 21, 263
 Новосельцев А. П. 23
 Носов Н. Е. 20, 21, 22, 24, 29, 37, 49, 57, 100, 265
 Норицыны, лальские купцы, землевладельцы 170
 Нуромский Сергей, основатель монастыря, игумен 84
 Оборин В. А. 13, 25
 Образцов Григорий, писец 91
 Образцов Г. Н. 209
 Обкорский Павел, основатель монастыря, игумен 84
 Огарев И. Г., писец 91
 Огафонов Ф., кр-н, имевший наймитов 236
 Огризко З. А. 27, 272, 273, 281, 289, 291
 Озеров Никифор, воевода, писец 159
 Окинфиев Коняшко, кр-н Молской вол. 134
 Оксенов Г., пос. чел., землевладелец 289
 Окулов Никифор, каргопольский кр-н, мобилизованный на работы 236
 Окулова Ирина, жена Окулова Никифора 231
 Олешев Алексей Васильевич, вологодский помещик 10, 207
 Олешевы, вологодские помещики 168

- Онтипьев Сидор, кр-н Молской вол.
 134
 Онтипьев Я. М., кр-н Тотемского у.
 133
 Осипов Калинин, кр-н Тотемского
 у. 175
 Орешков В. В. 213
 Островская М. А. 11, 12, 105
 Осьминский Т. И. 27, 28, 263
 Офонасьев Василий, кр-н Тотемско-
 го у. 175

 Панин Л. И. 108
 Панин П., писец 29, 89
 Панкратьев Иван Данилов, соле-
 промышленник, гость 60
 Поповы, тотемские купцы, с
 XVIII в. дворяне 168
 Пашуто В. Т. 23
 Перекрестов И. И., писец 229
 Перфильев Я., сын бобыля, в най-
 мах у кр-н 236
 Першин П. Н. 4, 49, 50
 Петр I, 8, 9, 15, 26, 32, 43, 63,
 99, 228, 231, 243, 298, 363
 Петрикеев Д. И. 28
 Петров В. П. 87, 185, 186, 188,
 190, 191, 195
 Петров Яким, половник Ф. Строга-
 нова 137
 Петров Яким, кр-н Сольвычегодско-
 го у. 137
 Петти Уильям, английский эконо-
 мист и статистик 51
 Платонов С. Ф. 14, 20
 Победимова Г. А. 85
 Покровский Н. Н. 23
 Полетаев Досадко Григорьев, кр-н
 Тотемского у., 175
 Полуянов Петр, выпускник Север-
 ной фермы 224
 Попов А. Н. 17
 Попов К. 27
 Попов Н., кр-н Молской вол. 134,
 135
 Поповы, кр-не дер. Сидоровской,
 Тотемского у. 108
 Поповы, купцы, землевладельцы
 Тотемского у. 168
 Полякова У. М. 9
 Потемины, купцы, солепромышлен-
 ники, землевладельцы 168
 Потемкин В. П. 27, 281
 Преображенский А. А. 6, 20, 23,
 24, 29, 49, 50, 61, 99, 102, 105,
 226, 251, 257
 Приклонский С. А. 186
 Прокофьев Софрон, кр-н Важского
 у. 139
 Прокофьева Л. С. 27, 263
 Пугачев Е. Н. 11

 Путятин Н., писец 30
 Пушкарев И. 286
 Пушкин Михаил, писец 91
 Пятунин Микита, писец 91

 Разин С. Т. 256
 Раков П., писец 29
 Резанов Н. Я., кр-н Ростовской
 вол. 138
 Резников Ф. И. 5, 25, 33, 148, 149,
 185, 199, 201, 210, 211, 212, 218,
 279, 281, 283, 284, 298, 302
 Родес Иоган де, шведский комиссар
 (фактор) в России 8
 Родивонов Онос, кр-н Яренского
 у. 104
 Родичевы, вологодские помещики
 168
 Рожков Н. А. 15, 85, 118, 135,
 145, 147, 280
 Романов А., поэт 3
 Романов Михаил, царь 234
 Романов Я., писец 30
 Романов Яким, писец 91
 Рохлецовы, купцы, землевладель-
 цы Тотемского у. 168
 Рочев П. А., 211
 Рубинштейн Н. Л. 24, 25, 28, 162,
 163, 172, 262, 264, 275, 284,
 286, 291
 Рыбин Григорий, кр-н Кокшеньг-
 ской чети 230
 Рычков А. П. 8

 Саблины, землевладельцы Николь-
 ского у. 168
 Сабуров Юрий, писец, 89
 Савельев Л., в наймах у кр-н
 Стрелецкой вол. 236
 Савич А. А. 18, 27
 Сакович С. И. 251
 Самойлов Е., зажиточный кр-н 255
 Селиверстов Я. Г., писец 229
 Семевский В. И. 14, 28, 33, 163,
 167, 274, 275, 277, 310
 Семенов Михаил, солдат 253
 Семенов Семен, кр-н Тотемского
 у. 175
 Семеновы Павел и Иван, братья
 взятого в солдаты Семенова
 Михаила, «сшедшие» в Сибирь
 253
 Семенов-Тянь-Шанский В. П. 73, 74
 Сергиевич В. И. 135
 Сербина К. Н. 5
 Сергей Родонежский, церковный
 и политический деятель XIV в.
 84
 Сивков К. В. 262
 Скороходов, кр-н, участник сель-
 скохозяйственной выставки 224

- Слободин В. М. 185, 203
Смирнов И. И. 22, 23
Смирнов И. Н. 186
Соловьев С. М. 10, 13, 14, 37, 86
Спасский Б., кр-н Тотемского у. 133
Спасский Н. А., вятский историк-краевед 12
Спицын А. А., вятский историк-краевед 12
Сташевский Е. Д. 147
Степанов Алексей, кр-н Сольвычегодского у. 137
Степанов Я., кр-н Тотемского у. 136
Стефан, епископ Пермской епархии (Стефан Пермский) 84
Сторожев В. Н. 30, 81
Строганова Анна 168
Строганов А. Н. 168
Строганов Г. Д. 168
Строганов Федор 137
Строгановы 29, 31, 41, 49, 81, 83, 108, 238
Стродс Х. П. 185
Струмилин С. Г. 117, 197
Суворин А. С., издатель 14
Суворов Н. И., вологодский историк-краевед 11
Суринов В. М. 185
Сухомесов Иван, тотемский соле-промышленник 255
Сухомесовы, тотемские купцы, солевары, землевладельцы 168
Сычев М. Ф. 5
- Татищев В. Н. 290
Терентьев Максим, кр-н Тотемского у. 175
Тетеревлев А., бурмистр 230
Тимофеев А., в наймах у кр-н своей волости 236
Титов А. А. 7
Титов И. И., зажиточный кр-н 236
Титлянов Никита, кр-н Орловского у. 142
Тихонов Ю. А. 23, 27, 29, 50, 56, 100, 139, 167, 168, 226, 254, 272, 287
Товаров Кузьма, половник 104
Толстой П. Е., кр-н Тотемского у. 133
Трапезников С. П. 4
Троицкий С. М. 5, 23, 28, 53
Третьяков П. Н. 185, 188, 195
- Устюгов Н. В. 23, 29, 50, 56, 110, 147, 226, 238, 243, 267, 270, 271, 280,
Ушаков И. Ф. 20
Ушаковы, землевладельцы Тотемского у. 168
- Федор Алексеевич, царь 8
Федоров Оверка, кр-н Яренского у. 104
Федоров С., подьячий, писец, 30
Федоровы Артемий, Иван, Ларион, кр-не Кокшеньгской чети, умерли в 1697 г., дворы запустели 231
Феньшина Т. П. 218
Фомин А., историк-краевед Важской земли 10, 192, 207
Флетчер Д., английский посланник в России 8
Фролов Дмитрий, кр-н Сольвычегодского у. 137
Фролов Иван Неронов, кр-н Сольвычегодского у. 137
Фрост, ветеринар Северной фермы 215
- Хавесон Я. Н. 210
Харламов Семен, тотемский торговый человек гостиной сотни, солевар 278
Харузин Н. 29
- Цинман А. З. 28
- Чаев Н. С. 137
Чанслер Ричард, английский путешественник 7
Челлищев П. И. 13, 298, 302
Червяков В. П. 226, 234, 235, 243
Черевань А. С. 25, 62, 163, 226, 263, 285, 286
Черепанов А., половник 290
Черепнин Л. В. 22, 23, 76, 147, 187, 280
Чертов А. Г. 39
Чирков С. О., кр-н Сольвычегодского у. 180
Чубинский П. П. 87, 186
Чупряков А., половник 253
Чулошниковы, тотемские купцы-солевары, землевладельцы 168
- Шалгин Х., кр-н Царевской вол. 255
Шапиро А. Л. 4, 20, 22, 118, 185, 187
Шатилова Т. 27
Шеховская, княгиня 168
Шилов Ф., бурмистр Шенкурской чети 230
Шихов В., зажиточный кр-н 255
Шишнев Яков, кр-н Тотемского у. 140
Шишонко В. Н. 31
Шляпин В. П. 209
Шуйский Василий, царь 30, 157
Шумаков С. А. 30
Шумилов А., кр-н, пашет наездом 136

Шумилов М. И. 17
Шунков В. И. 72, 74, 237, 238, 256
Штаден Г., опричник, немец 8, 58
Шапов А. П. 37
Щекотов И. П. 87, 186, 207
Щепетов К. Н. 147
Щепотьев С. 226
Щербина Ф. 226
Щуклин М., кр-н Устюжского у. 253

Энгельс Ф. 16, 35, 37, 51
Эммаусский А. В., 25, 28

Юкшеев Козьма, кр-н Двинского у.
136

Юргинис Ю. М. 185
Юрьев Ф., подьячий, писец 91
Юрьевы, лальские купцы, земле-
владельцы 170

Якубов, учитель Северной фермы
215
Яновский, служащий Северной
фермы, пчеловод 216
Янсон Ю. Э. 48
Яхонтов И. И., писец 31, 83, 91
Яхонтов Никита Григорьев, писец
103
Яцунский В. К. 49, 50, 263, 264

СОДЕРЖАНИЕ

О черк первый. Историография. Источники	6
1. К вопросу о северной региональной историографии.	6
2. Современное состояние разработки аграрной истории Европейского Севера конца XV—первой половины XIX века	21
3. Обзор источников	29
О черк второй. Географическая среда. Социальная общность. Районирование	35
1. Северная Русь	35
2. Географическая среда	37
3. Основные категории северного крестьянства	40
4. Районирование	48
5. Административное деление. Методика сопоставления	62
О черк третий. Заселение Европейского Севера	72
1. Северные сельские поселения	73
2. Заселение и населенные пункты в первой четверти XVII века	77
3. Северные деревни—устойчивые очаги земледелия	86
4. Процесс заселения и сельские поселения во второй половине XVII века	94
5. Процесс заселения и сельские поселения в XVIII—первой половине XIX века	104
6. Малодворность северной деревни	110
7. Численность населения на Европейском Севере	113
О черк четвертый. Освоение земель под сельское хозяйство	125
1. Методика и принцип группировки сельскохозяйственных угодий в XVI—начале XVIII в.	126
2. Классификация земельных угодий по производственному принципу.	130
3. Уровень хозяйственного освоения земель в начале XVII в.	149
4. Интенсивность освоения земель до XVII в.	155
5. Освоение земель во второй половине XVII—начале XVIII в.	157
6. Классификация угодий и хозяйственное освоение земель в XVIII—первой половине XIX в.	162
7. Классификация земельных угодий с точки зрения систем земледелия.	172
8. Социальные факторы и хозяйственное освоение земель	176
О черк пятый. Развитие агрикультуры. Исторический опыт сельского хозяйства	184
1. К истории систем земледелия на Европейском Севере	185
2. Земледельческая техника в XVI—первой половине XIX в.	202
3. Агротехнические приемы в полеводстве	206
4. Вклад северного крестьянства в развитие животноводства	210
5. Северная учебная ферма	212
	415.

О черк шестой. Миграционные процессы. Роль населения европейского Севера в развитии производительных сил России в XVI—XIX вв.	24
1. Источники	24
2. Пустота и миграция в XVI—XVII вв.	25
3. Движение населения в конце XVII — первой четверти XVIII в. и правительственная мобилизация	25
4. Социальные аспекты миграционных процессов	25
5. Переселение и отходничество в XVIII — середине XIX в.	27
О черк седьмой. Уровень земледельческого производства на Европейском Севере России	26
1. Постановка вопроса. Литература.	26
2. Социальная структура северного крестьянства и удельный вес населения, непосредственно занятого в земледелии	26
3. Земельная обеспеченность северного крестьянства	27
4. Пашня паханая, посевы и структура зернового хозяйства	27
5. Животноводство	28
6. Урожайность	29
7. Динамика земледельческого производства в XVI—XIX вв.	29
Заключение	30
Приложения	31
Терминологический словарь	40
Список сокращенных наименований изданий, архивных фондов и хранилищ	40
Указатель имен	40

Петр Андреевич Колесников
СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ
в XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редактор А. А. Романов
Технический редактор С. И. Соколова
Корректоры Н. К. Галкина, В. И. Пригодина

Сдано в набор 11.8.1975 г. Подписано к печати 17.3.1976 г. Формат 60×90/16
Бум. тип. № 1. Физ. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 31,31. ГЭС1115. Тир. 2000. Зак. 5251.
Цена в переплете № 5 — 2 руб. 10 коп., в переплете № 7 — 2 руб. 17 коп.

Северо-Западное книжное издательство.
Вологодское отделение.

Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография, г. Вологда, Челюскинцев, 3.

2 руб. 10 коп.